

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

2 (197)

Апрель — Май — Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

Редакционный совет

Акад. *В. П. Алексеев* (председатель),
д. филол. н. *В. И. Абаев*, член-корр. АН Азерб. ССР *И. Г. Алиев*,
д. и. н. *О. Д. Берлев*, акад. *Т. В. Гамкрелидзе*, д. и. н. *И. М. Дьяконов*,
акад. АН Арм. ССР *С. Т. Еремян*, д. филол. н. *Вяч. Вс. Иванов*,
д. и. н. *Ю. К. Колосовская*, д. филол. н. *В. А. Лившиц*,
акад. АН Тадж. ССР *Б. А. Литвинский*, д. и. н. *И. Л. Маяк*,
акад. АН Груз. ССР *Г. А. Меликишвили*,
акад. АН Узб. ССР *Г. А. Пугаченкова*, акад. АН Арм. ССР *Г. Х. Саркисян*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Редакционная коллегия

Г. М. Бонгард-Левин (главный редактор),
С. С. Аверинцев, *Ю. В. Андреев*, *Е. В. Антонова*, *Л. С. Баюн*,
Ю. В. Виноградов (зам. главного редактора), *М. Л. Гаспаров*,
Г. Г. Гиоргадзе, *В. А. Головина*, *Е. С. Голубцова*,
М. А. Дандамаев (зам. главного редактора),
С. Г. Карпюк (ответственный секретарь),
И. С. Клочков, *Г. А. Кошеленко*, *В. И. Кузищин* (зам. главного редактора),
Л. П. Маринович, *А. И. Павловская*,
А. В. Подосинов, *В. М. Смирин*, *М. К. Трофимова*,
В. И. Уколова, *Э. Д. Фролов*, *С. В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),
Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *S. Averintsev*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*,
E. Frolov, *M. Gasparov*, *G. Giorgadze*, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*,
S. Karpyuk, *I. Klochkov*, *G. Koshelenko*, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *V. Smirin*, *S. Shkunayev*,
M. Trofimova, *V. Ukolova*, *Yu. Vinogradov*

Consultative Council

V. Alexeev (Chairman), *V. Abaev*, *I. Aliev*, *O. Berlev*, *I. Diakonoff*, *T. Gamkrelidze*,
Vyach. Vs. Ivanov, *Yu. Kolosovskaya*, *B. Litvinsky*, *V. Livshits*,
I. Mayak, *G. Melikishvili*, *G. Pugachenkova*, *Ye. Shtaerman*, *S. Yeremyan*,
G. Sarkisyan

Head, Editorial Office *I. Malkova*

АНТРОПОМОРФНЫЙ ПЕРСОНАЖ НА ПЕЧАТЯХ ИРАНА И МЕСОПОТАМИИ

Изучение семантики, сферы распространения и трансформаций изображений антропоморфных существ в древнем изобразительном искусстве представляет интерес с разных точек зрения. Один из важнейших аспектов исследований — анализ этих изображений в контексте общественного и культурного развития эпохи, переходной от поздней первобытности к раннегосударственному периоду, когда формируется идеология отношений власти. Именно под этим углом зрения рассматриваются в настоящей статье изображения антропоморфных персонажей на печатях IV — начала III тыс. до н. э. из Месопотамии и Ирана.

Изображения рогатого или сходного с ним безрогатого человекоподобного или человеческого существа на печатях — первые антропоморфные изображения на этих столь широко распространенных в древней Передней Азии вещах. В долгой истории глиптики им предшествуют геометрические фигуры и изображения животных, которые открывают линию развития многофигурных композиций, передающих разнообразные действия религиозно-обрядового характера. Принадлежность таких изображений именно глиптике, занимавшей важное место в культуре, делает особенно перспективным изучение генезиса образов в контексте тех явлений общественной жизни, которые обусловили их появление и характер изменений.

Изучение изображений на древних вещах не должно замыкаться лишь на них самих, но требует принимать во внимание формы и назначение вещей, на которые они наносились, и их взаимосвязи с элементами контекстов, которым принадлежали и сами изображения, и вещи. Изображение обладает определенной структурой и сочетается с другими изображениями; оно нанесено на вещь определенного назначения, обладающую в то же время функцией культурного знака. Изображение и вещь принадлежат конкретной человеческой общности в тот или иной период ее существования, определенной историко-культурной ситуации. Все эти обстоятельства должны составлять фон конкретного исследования, определяя его результат. Анализ проблем, которые могут представляться частными, при таком подходе приобретает интерес значительно более широкий.

Персонаж, наделенный зооморфными признаками — рогами и/или хвостом, в литературе обычно именуется «хозяином животных», поскольку он часто изображался как покровитель или господин хищников, травоядных, пресмыкающихся. П. Амье, посвятивший этому образу немало страниц, назвал его «наиболее древней мифологической фигурой восточного репертуара», предшественником как легендарных героев, так и антропоморфных божеств¹. Самые ранние из известных сейчас образцов

¹ *Amiet P. Elam. P., 1966. P. 32.*

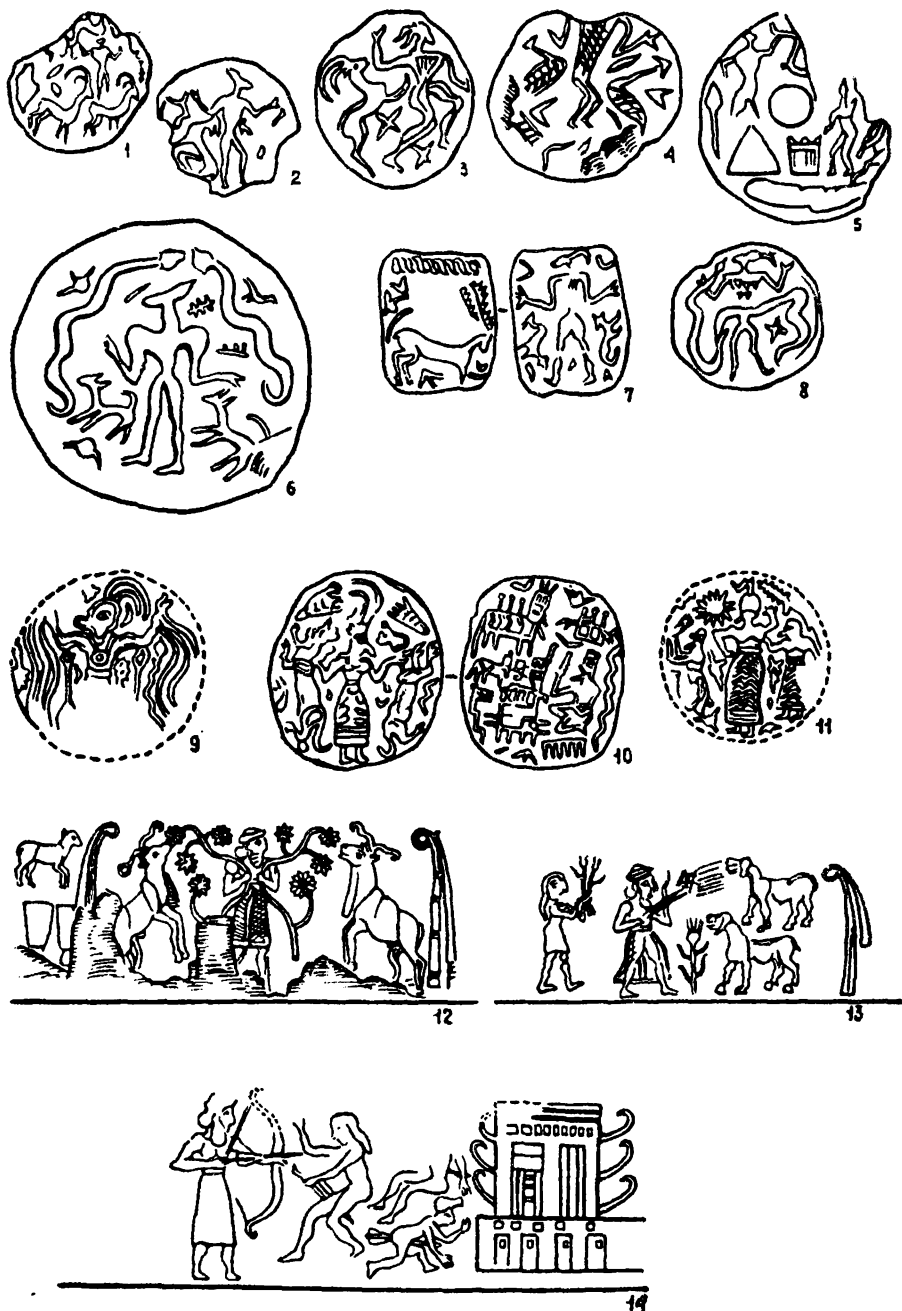

Рис. 1. Изображения на печатях Месопотамии и Ирана: 1—3, 5 — Тепе Гавра (1—3 — слой XIII, 5 — слой XII); 4, 7—8 — Тепе Гиян (4 — слой VC); 6 — Тель Асмар; 9—11, 14 — Сузы (9—11 — период B, 14 — период C); 12—13 Урук (по П. Амье)

печатей с такими изображениями происходят из Тепе Гавры (Северная Месопотамия), поселений Луристана и из Суз. В Тепе Гавре они зафиксированы с XIII слоя, где печати-штампы впервые представлены в боль-

пом количестве ². На более поздние слои (XII—XI) приходится не менее двух третей всех обнаруженных в этом поселении печатей. Гавра XIII—XII относится к позднему убейду, выше лежат наслоения урукского периода. Печати имеют полусферическую и чечевицеобразную формы; большинство их изготовлено из минералов, доставлявшихся в Тепе Гавру, — стеатита и серпентина (60% всех образцов), лазурита, агата, сердолика и т. д.; изображения на них наносили гравировкой. Хотя время появления печатей с антропоморфными изображениями может быть определено как поздний убейд, основной их массив принадлежит уже урукскому периоду.

Антропоморфные изображения включают как одну, так и несколько фигур (рис. 1, 1—3). В слое XIII найдены печати с изображением человека с козлиной головой или козлиными рогами, в позе бега или танца, в сопровождении козлов ³. На одной из печатей изображены три персонажа, лишенные выраженных зооморфных черт и движущиеся вправо, держась за руки ⁴. Необходимо отметить, что вообще для печатей этого слоя характерны геометрические изображения, а также изображения животных — козлов, реже оленей.

В следующем, XII слое (рис. 1, 5) найдены печати и их оттиски с изображением коленопреклоненного персонажа, окруженного змеями, «бегущего» человека и двух человек, стоящих по сторонам большого сосуда, опустив в него нечто вроде палок ⁵. Особый интерес представляют образцы XI слоя, на которых антропоморфные персонажи изображаются исключительно как действующие лица различных сцен: на двух печатях они в брачном соединении, при этом в одном случае изображена змея, а в другом они сочетаются стоя, «по-животному» ⁶. На одной печати изображены идущие, согбенные, как бы с грузом за спиной, люди, на двух других — стоящий и два идущих персонажа ⁷. Среди изображений на печатях этого слоя преобладают не геометрические, а фигуративные мотивы, изображения животных — хищников с козлами или только козлов. Примечательно, что в более поздних слоях (X—VII) антропоморфные персонажи перестают встречаться, известны лишь изображения животных — козлов, иногда со змеей.

Ряд изображений позволяет с безусловностью заключить, что персонажи показаны в обрядовых ситуациях. Помимо тех, в которых представлены уже упоминавшиеся брачные сцены, следует упомянуть две печати из слоев XII—XIA ⁸. На одной из них изображен человек, склонившийся над чем-то вроде «рогатого» алтаря, а также помещены условные фигуры, возможно приношения ⁹; на другой печати — также у алтаря (?) человек с ногой животного в руке. Исследователи интерпретируют его позу с полусогнутыми ногами и разведенными в стороны руками как танцевальную ¹⁰, в которой, как правило, изображаются персонажи. С нашей точки зрения, правомерно также предположить, что и такие изображения, даже

² Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra. V. II. Philadelphia, 1950. P. 175.

³ Ibid. Pl. CLXIV, 95, 101, 102.

⁴ Ibid. Pl. CLXIII, 92.

⁵ Ibid. Pl. CLXV, 107; CLXII, 76; CLXIII, 71.

⁶ Ibid. Pl. CLXIII, 86—87.

⁷ Ibid. Pl. CLXIII, 85, 89.

⁸ Ibid. Pl. CLXIII, 82—83.

⁹ Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque. P., 1961. P. 69.

¹⁰ Ibid. P. 15, 69; Coldwell D. H. The Early Glyptic of Gawra, Giyan and Susa and the Development of Long Distance Trade II // *Orientalia*. 1976. V. 45. P. 3.

если они передают одиночный персонаж или их группу, имели целью отразить ситуацию обряда, что характерно и для глиптики более позднего времени в Иране и Месопотамии.

В луристанском поселении Тепе Гиян (рис. 1, 4, 7—8) обнаружены печати, стратиграфическое положение которых в большинстве случаев остается неясным, однако их общий облик и репертуар изображений очень напоминают печати Тепе Гавры. Антропоморфные персонажи с козлиными головами или рогами или лишенные явных признаков животных представлены с козлами или змеями¹¹; обнаружены печати с уже знакомой нам сценой брачного соединения¹². Как и в Тепе Гавре козы (признаки пола отсутствуют) изображаются парами, при этом их иногда окружает змея. Связь этих изображений с обрядами умножения скота весьма вероятна, на что указывает и змея, встречающаяся и в брачных сценах.

Сходство печатей Тепе Гавры и Тепе Гияна, по всей вероятности, правомерно объяснять существованием между этими поселениями тесных связей¹³. Эти связи могли носить характер обмена, одним из объектов которого, как полагают, был лазурит, впервые зафиксированный в Гавре XIII, Ниневии, Телль Арпачче и одновременно или несколько позже — в Тепе Гияне¹⁴. В Северной Месопотамии он исчезает в период Гавра VIII, но появляется в это же время на юге Месопотамии, из чего заключают, что инициатива торговли этим весьма ценившимся минералом была перехвачена городами юга, а также Сузами¹⁵.

К сожалению, убейдская эпоха, от которой дошли первые печати с антропоморфными изображениями, остается плохо изученной, поэтому об уровне социального развития населения Месопотамии в это время судить трудно. Высказывались предположения, что в Тепе Гавре уже со времени существования XIX слоя торговля осуществлялась храмами, каковыми считают выделяющиеся из обычной застройки большие здания¹⁶. Сейчас такое их назначение подвергают сомнению, постройки считают жилыми домами социально выдвинувшихся семей¹⁷; в таком случае можно думать, что они имели особое отношение к распределению и обмену, поскольку печати в значительном количестве происходят именно из этих домов. Ж.-Д. Форест полагает, что убейдское общество было слишком слабо структурировано для того, чтобы храмы могли существовать¹⁸. И все же представляется неправомерным отрицать относительную структурную сложность общества периода убейда хотя бы на том основании, что ее предполагают пусть пока примитивные святилища в Эреду, а также первые антропоморфные персонажи печатей, совершенно не известные в предшествующий период, в халафской культуре. Структурную сложность убейдского общества позволяет предполагать и уровень развития общества следующей за ним эпохи, урукской: в это время социальная дифференциация безусловно существовала. Именно к урукскому времени относятся по преимуществу и печати Гавры с антропоморфными изображениями и, вероятно, печати Тепе Гияна.

¹¹ *Contenau G., Ghirshman R. Fouilles de Tépé Giyan près de Nehavend. P., 1935.*

¹² *Ibid. Pl. 35, 5; 38, 24.*

¹³ *Coldwell. Op. cit. P. 240.*

¹⁴ *Herrmann G. Lapis Lazuli: the Early Phase of Trade // Iraq. 1968. V. 30. P. 21.*

¹⁵ *Coldwell. Op. cit. P. 239.*

¹⁶ *Ibid. P. 240.*

¹⁷ *Amiet P. L'âge des échanges interiraniens. 3500—1700 avant J. C. P., 1986. P. 72.*

¹⁸ *Forest J.-D. La grande architecture obeïdienne: sa forme et sa fonction // Préhistoire de la Mésopotamie. La Mésopotamie préhistorique et l'exploration récente du djebel Hamrin. P., 1987.*

В связи со сказанным представляют интерес материалы Суз. Здесь более двухсот печатей пуговицевидной формы обнаружено в неясной стратиграфической ситуации, но аналогии с образцами, найденными в слое 27 на Акрополе, позволили отнести их к убейдскому времени¹⁹. Среди изображений на них абсолютно преобладают геометрические, представлены и животные. П. Амье вообще высказал сомнение в использовании этих предметов в качестве печатей, поскольку их оттиски не были найдены, в то же время он отмечает, что оттиски подобных печатей обнаружены в Телль Арпачие²⁰. К несколько более позднему времени относятся полусферические печати с изображениями диких козлов, змей и антропоморфных существ, сделанные из стеатита и хлорита²¹. П. Амье отмечает их сходство с найденными в архаических некрополях Луристана и Тепе Гияне VС и полагает, что, поскольку луристанские более многочисленны и обнаруживают глубокую связь с изобразительной традицией этого района, эти печати из Суз являются импортом из Луристана²². На одной из них очень условно представлен уже знакомый нам «хозяин животных» с фигурами козлов и птиц²³.

В Сузах к более позднему периоду, синхронному урукскому в Месопотамии и названному П. Амье протоурбанистическим I, или древним (соответствует Уруку XIV—VI и Сузам В), относятся печати с изображением персонажа, признаки которого близки как известному по луристанским печатям, так и более позднему, который именуется П. Амье «царем-жрецом»²⁴. Этот «потомок» «хозяина животных» представлен теперь в колоколовидной юбке, с головой (или в маске) козла и с узкой бородой (рис. 1, 9—11). В руках он держит змей или львов, рядом иногда рыба-пила. На двусторонней печати такой персонаж изображен дважды, несколько различаясь: на одной он рогатый, с львами в руках; на другой сидит на пятках на помосте перед сооружением, похожим на алтарь, а голову его венчает цилиндрический головной убор. На нескольких печатях рогатый персонаж представлен в сопровождении нагого или полубоженного человека в луковидеобразном головном уборе, персонажа явно второстепенного, хотя в таком же уборе изображается иногда и главный персонаж²⁵.

Ряд особенностей рогатого персонажа печатей — его отношение к змеям, наличие нагрудного медальона — сближает его с условными изображениями антропоморфных персонажей на расписных сосудах и некоторых вещах из некрополя Суз I, относящегося еще к убейдскому времени. На этих материалах представляется целесообразным остановиться, поскольку они, будучи исследованы Ф. Хоулом, проливают свет на социальную структуру поселения. В статье Ф. Хоула рассматриваются два варианта изображений на сосудах, где антропоморфный персонаж лишен рогов или других признаков животных²⁶. Он представлен стоящим между двух столбов или стержней на прямоугольных основаниях,

¹⁹ *Amiet P. Glyptique Susienne des origines à l'époque des Perses Achéménides // MDAI. 1972. T. XLIII. № 1—200; idem. L'âge des échanges... P. 6.*

²⁰ *Idem. Glyptique Susienne ... P. 6.*

²¹ *Ibid. № 127—144.*

²² *Amiet. L'âge des échanges... P. 35.*

²³ *Idem. Glyptique Susienne... № 144.*

²⁴ *Ibid. P. 34—38.*

²⁵ *Amiet. La glyptique... № 121, 123.*

²⁶ *Hole F. Religion and Social Organization at Susa // The Hilly Flanks. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia. Chicago, 1983.*

увенчанных треугольниками, обращенными вершинами вверх. Другая разновидность — персонаж, голова которого увенчана двумя кольцеобразными предметами; он стоит между вертикально расположенными отрезками тройных ломаных линий. Стержни и кольца изображались и отдельно от персонажей: первые парами или по одному, вторые — по две пары одна над другой или по три на прямоугольном основании²⁷. Ф. Хоул предположил, что копьеобразный предмет около персонажа — это условно переданный плоский топор-тесло. Около 60 таких топоров найдено в некрополе Суз I. Эти вещи, не бывшие в употреблении (как считает П. Амье, это слитки металла, а не орудия или предметы вооружения²⁸), по его мнению, могли быть церемониальными вариантами земледельческой мотыги, символами земледельческого труда, которые позднее в Месопотамии стали «лопатами Мардука».

Помимо топоров-тесел в необычайно богатом медными изделиями некрополе Суз I были найдены дисковидные предметы, которые в литературе обычно называют зеркалами. Основываясь на упоминавшихся выше изображениях антропоморфных персонажей с дисками на груди, встречающихся на печатях, Ф. Хоул высказал предположение, что и эти вещи наряду с топорами были знаками группы лиц достаточно высокого социального статуса. По его расчетам, таких погребенных было около 50. Всего раскопано около 2000 погребений этого времени (к сожалению, без должной тщательности, что снижает информативность этого исключительно важного материала); таким образом, группа лиц высокого социального ранга составляла приблизительно 3% всего населения Суз.

Предположение о существовании в Сузах убейдского времени социальной дифференциации подтверждается и данными о структуре поселений. В Сузиане зафиксировано существование поселений разного размера (что предполагает их иерархию) и сооружение монументальных построек. Развитие обмена также указывает на процессы общественной дифференциации, на появление группы лиц, главной функцией которых было управление, контроль над распределением и обменом²⁹. Знаками их функций были, вероятно, и печати, которые тем не менее в некрополе Суз I не найдены. Ф. Хоул объясняет это тем, что в то время они могли составлять принадлежность не отдельных лиц, а общественных институтов, поэтому и не попадали в погребения³⁰.

Изображения рогатого или близкого ему безрогого персонажа на сузских печатях протоурбанистического I периода П. Амье рассматривал как свидетельства развития религии и культа, в котором этот персонаж — правитель — играет роль архаичного гения, «хозяина животных»³¹. В работе 1986 г. он более четко, чем прежде, формулирует мысль о том, что изображен именно реальный правитель, лишь играющий роль сверхъестественного существа³². Появление людей, исполняющих в обрядах роль представителя общины привело, как он считает, к формированию визуально антропоморфных образов богов. Предшественником же его на печатях был «хозяин животных», властелин змей, козлов и баранов, облик которых благодаря этим отношениям и отразился в его внешности. Это — ге-

²⁷ Ibid. P. 318.

²⁸ *Amiet. L'âge des échanges...* P. 36.

²⁹ Сводку материалов и гипотез см.: *ibid.* P. 29 suiv.

³⁰ *Hole. Op. cit.* P. 321.

³¹ *Amiet. La glyptique...* P. 72.

³² *Idem. L'âge des échanges...* P. 38.

ний-баран и змея, персонификация духа, оживляющего животных³³. Его жест простертых к животным рук — одновременно жест власти и покровительства. Персонажи печатей Луристана, Тепе Гавры и Суз воскрешают образы архаического целостного общества, подобного обществу доисторических охотников. Изображая диких коз и баранов, люди выражали свои основные заботы, при этом стиль их жизни не менялся тысячелетиями, о чем свидетельствуют аналогичные картины на луристанских бронзах VIII в. до н. э.³⁴

Изображением «хозяина» (возможно, защитника животных, демона) считала рогатый персонаж на печатах Э. Порада³⁵. Она полагала, что мы, видимо, никогда не узнаем, были ли это изображения богов, шаманов или царей³⁶. Р. Барнетт в статье под названием «Человек в маске или бог-козел?» акцентирует внимание на особенностях трактовки персонажа, указывающих на его принадлежность к специфической горской культуре³⁷. Он считает, что как на печатах, так и в скульптурных изображениях фигурировал охотник, замаскированный для того, чтобы к козлам, которых он преследовал, было легче подкрасться. Одновременно он мог изображать и гения — защитника козлов. Р. Барнетт, как и другие исследователи, обращает внимание на то, что персонаж связан именно с дикой природой, что его обычно большие рога — особенность диких животных. Лишь на некоторых печатах из Тепе Гавры рога напоминают короткие рога газели, что он объясняет относительной удаленностью этого поселения от гор — мест обитания диких коз³⁸.

Нам кажется, что все интерпретаторы изображений интересующего нас персонажа преувеличивают значение одной из сторон знака, каковым являются изображения рогатого персонажа, его внешней формы, плана выражения. К этому склоняется даже такой проницательный исследователь, как П. Амье. Получается, что в обществах горцев, давно практикующих производящие формы хозяйства, происходит возврат к охотничьей символике. Между тем в обществах настоящих охотников не было ни печатей, ни изображений рогатых персонажей, ни изделий, объединяемых под общим наименованием «луристанские бронзы», на которых, как указывал П. Амье, продолжает встречаться образ «хозяина» или «хозяйки» зверей. Представляется, что не архаичные явления в культуре и общественной жизни обитателей Месопотамии и Ирана, а то, что было в ней прогрессивным, может объяснить и формальные особенности изображений антропоморфных существ, и причины их появления вообще и на вещах столь специфического назначения, какими были печати.

Печати — вещи, назначение которых — воспроизводить на пластичных материалах, в том числе на глине, нанесенные на них изображения. Если в первобытных обществах с относительно неразвитым производством и обменом они могли играть роль магических знаков и не быть знаками контроля над собственностью³⁹, то в более развитых обществах они стали использоваться для обеспечения контроля над содержимым всякого рода

³³ *Idem.* Glyptique Susienne... P. 35.

³⁴ *Idem.* Le problème de l'iconographie divine en Mésopotamie dans la glyptique antérieure à l'époque d'Agade // *Contributi e Materiali di Archeologia Orientale.* V. 1. Roma, 1986. P. 10.

³⁵ *Porada E.* Ancient Iran. The Art of Prehistoric Times. L., 1965. P. 30.

³⁶ *Ibid.* P. 33.

³⁷ *Barnett R. D.* Homme masqué ou dieu-ibex? // *Syria.* 1966. T. XLIII. Fig. 3—4.

³⁸ *Ibid.* P. 263.

³⁹ *Антонова Е. В.* К проблеме функций печатей первобытных земледельцев Востока // *СА.* 1984. № 4.

хранилищ и вместилищ⁴⁰. Появление оттисков печатей на глине относится ко времени целой системы изменений в хозяйственной и общественной жизни — времени усиления разделения труда, сложения ремесленной специализации (хотя и в архаичных формах), интенсификации обмена, в том числе между отдаленными пунктами. Упомянувшиеся в этой статье печати со сходными изображениями из Тепе Гавры, Тепе Гяна и Суз как раз и свидетельствуют об обмене или «торговле на далекие расстояния», как она именуется в зарубежной литературе. Цель такого обмена — получение по преимуществу экзотических материалов или изделий, которые служили знаками общественного положения элиты.

В то же время торговля на далекие расстояния, как справедливо отметил более 20 лет назад Г. Райт, играла в первобытных и даже более развитых обществах Передней Азии не столь важную для существования роль, как локальный обмен продуктами питания и некоторыми видами сырья, но его следы с трудом улавливаются в археологических остатках⁴¹. Особенно интенсивное развитие обмена у ранних земледельцев объясняется рядом причин, среди которых — их оседлый образ жизни, ограничивавший доступ к ресурсам, рост потребностей в сырье, а также наличие годного для обмена избыточного продукта⁴². Обмен был условием и одновременно следствием хозяйственной специализации, в частности, формирования специализированного в большей или меньшей степени скотоводческого хозяйства, где для этого были необходимые условия. Развитие пастушеского скотоводства предполагает существование стоянок пастухов в пещерах Луристана, где найдена керамика убейдского типа⁴³. Высказывалось предположение о существовании кочевого скотоводства у носителей убейдской культуры или их соседей в V тыс. до н. э., из чего следует естественный вывод о существовании обмена продуктами земледельческого и скотоводческого хозяйства⁴⁴. Время убейдской культуры отмечено появлением поселений, обитатели которых занимались, например, металлургией и металлообработкой (Тали Иблис и другие поселения, обитатели которых использовали рудные месторождения Центрального Ирана⁴⁵), добычей минералов, изготовлением сосудов⁴⁶. На территории поселений в убейдское время выделяются участки, где осуществлялись различные виды деятельности. Так, изучение материалов раскопок 30-х годов нашего века на Тали Бакуне А (слой III) позволило А. Ализаде выявить в центральной и южной его части участок, где занимались выплавкой и обработкой меди, изготовлением каменных печатей-штампов. Найденные здесь материалы свидетельствуют о наличии связей с побережьем Персидского залива, Керманом, Северо-Восточным Ираном и центральной частью плато (суть не меняется от того, что эти связи могли быть непрямыми). Северная часть поселения имела другую функцию — здесь хранили сырье и другие изделия, отсюда осуществляли надзор за распределением материальных благ, о чем говорят, в частности, находки

⁴⁰ *Fiandra E., Ferioli P.* The Administrative Functions of Clay Sealings in Prehistorical Iran // *Iranica* / Ed. G. Gnoli, A. V. Rossi. Napoli, 1979.

⁴¹ *Wright G. A.* Obsidian Analyses and Protohistoric Near Eastern Trade: 7500 to 3500. Ann Arbor, 1969. P. 68—69.

⁴² История первобытного общества. Эпоха классового общества. М., 1986. С. 341.

⁴³ *Wright.* Op. cit. P. 69.

⁴⁴ *Ibid.*

⁴⁵ *Amiet.* L'âge des échanges... P. 42—43.

⁴⁶ *Wright.* Op. cit. P. 69—75; *Tosi M.* The Notion of Craft Specialization in the Archaeological Record of Early State in the Turanian Basin // *Marxist Perspectives in Archaeology* / Ed. M. Spriggs. Camb., 1984.

печатей и их оттиски. А. Ализаде полагает, что избыточный продукт в Тали Бакуне создавался не в земледелии, а в скотоводстве, которому благоприятствовали природные условия. Существованием наряду с оседлым кочевым населением он объясняет широту влияния культуры Тали Бакуна А за пределами Фарса, в Хузестане, Бахтиарских горах, районе Бехбехана и Зухре⁴⁷. Замечено усиление с убейдского времени концентрации экзотических материалов на поселениях, что указывает на неравномерность доступа к ним, т. е. на социальную дифференциацию⁴⁸.

Итак, разведение скота играло в хозяйстве обитателей и Ирана, и, насколько можно судить, Месопотамия, важную роль. Именно с ним, как представляется, можно связывать изображения животных на сосудах энеолитических культур, а отнюдь не с пережитками тотемистических представлений, которые едва ли могли быть актуальны в общинах носителей производящего хозяйства, насчитывающего уже не одно тысячелетие. Разведение скота имело важные последствия в социальной жизни: именно скот мог легко превращаться в богатство. «Если запасы продуктов земледелия в условиях первобытного общества вряд ли целесообразно создавать более чем на два-три года, скот может существовать гораздо дольше, накопление его не для непосредственного потребления, а именно как резерв становится даже у земледельческих народов основной формой богатства»⁴⁹.

Между ролью той или иной сферы хозяйства в жизнеобеспечении общества и ее осмыслением нет жесткой и непосредственной связи. Важные для жизнеобеспечения сферы могут не быть источниками знаков высокого социального статуса; так, знаки ремесленной деятельности в древней Передней Азии почти не фигурируют среди символов власти. Но образы, связанные с разведением скота, с животными, явно были в центре внимания общества. И особенно распространенными они становятся в период сложения дифференцированных обществ и в древнейших государствах. Скотоводческое хозяйство открывало перед его владельцами определенные возможности повышения статуса, и пиришества — один из необходимых элементов действий, осуществлявшихся с этой целью⁵⁰.

Большое место, отводимое образам животных на печатях и в мифологических текстах шумеров, было отмечено В. К. Афанасьевой⁵¹. Она обращает внимание на существование у них представлений об охотниках и скотоводах как предках горожан, напоминает о том, что один из наиболее популярных богов — Думузи, супруг Инанны и мифологический прообраз царей периода Ларсы и Исина, был пастухом. Автор также отмечает, что мир домашних и диких животных воспринимался шумерами как близкий: покровительство бога диких зверей Сумукана простиралось и на домашних животных. Но замечание о том, что популярность изображений на печатях находит соответствие в мифах, не объясняет того, поче-

⁴⁷ *Alizadeh A. Socio-economic Complexity in Southwestern Iran during the Fifth and Fourth Mill. B. C.: the Evidence from Tall-i Bakun A // Iran. 1988. V. XXVI.*

⁴⁸ *Wright. Op. cit. P. 72.*

⁴⁹ *Берзин Э. О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С. 59. Примечательно, что документы времени Урук IV—III наряду с жертвоприношениями и натуральными выдачами содержат сведения об учете именно скота, а материалы об учете полей появляются лишь в конце периода (Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 92).*

⁵⁰ *Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976. С. 232; Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 40, 160, 354—355, 398.*

⁵¹ *Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979. С. 72 сл.*

му у создателей цивилизации, горожан и представителей администраций образы диких и домашних животных играли столь значительную роль. Почему в Месопотамии и Иране, а вслед за ними и в соседних регионах одним из главных атрибутов божеств стала рогатая тигр? Не может считаться исчерпывающим предположение П. Амье, что большое место животных в глиптике периодов урука и джемдет насра связано с магическими призываниями плодородия⁵². Это возможное объяснение, но оно не затрагивает главной причины высокой знаковости образов животных, в том числе крупного и мелкого домашнего скота и его диких предков. Заметим, что растения явно не играют столь значительной роли.

Нам уже приходилось писать о той роли, которую играли в мировосприятии ранних земледельцев и скотоводов образы диких животных: они служили для моделирования разделенного на «нашу» и «не нашу» сферы мира. Оседлые земледельцы уже не воспринимали себя как единое целое с природой: производящее хозяйство нарушило непосредственность связей⁵³. Воспринимая мир в образах реальности, люди видели в диких животных обитателей тех областей, которые не были освоены ими в той мере, как поселения и окружающие их поля, мира, который воспринимался мифическим сознанием как обладающий особыми характеристиками, опасными, но и представляющими ценность для людей. Домашние животные были пришельцами из этого мира, они были в некоторой степени близки ему, поэтому могли играть роль посредников. Отсюда принесение их в жертву, нанесение их изображений на сосуды и другие вещи, использование элементов их внешнего облика в обрядовых костюмах, оформлении алтарей в храмах. Симпатично, что в первобытных коллективах, где доминировали отношения равенства, изображения антропоморфных персонажей с признаками животных крайне редки, а на печатах они не встречаются вообще. Только в тех обществах, где процессы дифференциации зашли достаточно далеко, они появляются, свидетельствуя об этих явлениях. При этом образы животных начинают использоваться и для моделирования отношений внутри общества, а мир диких зверей становится миром богов⁵⁴.

Рассматривая изображения на иранских печатах IV—III тыс. до н. э., Э. Порада говорила о возможности связи образов животных с женским персонажем — их покровителем. За подтверждением она обращалась к наблюдениям К. Йеттмара, описывавшего обряды богини Муркум в Гиндукуше. Эта богиня была покровительницей диких коз и женщин⁵⁵. Действительно, среди антропоморфных персонажей — «хозяев» животных — на иранских памятниках встречаются женские, однако их число относительно невелико, преобладают образы существ мужского пола, как это явствует и из изображений уже рассмотренных нами печатей. Исследования К. Йеттмара и других ученых в Гиндукуше представляют для нас интерес более широкого свойства, чем это виделось Э. Пораде: они позволяют представить тот социально-экономический и культурный контекст, в котором фигурировали как образы животных, так и связанных с ними человекоподобных существ. Обращение к этим практически синхронным материалам представляется оправданным потому, что насельники гор, обитая в специфических природных условиях, обладали до-

⁵² *Amiet. La glyptique...* P. 188.

⁵³ *Антонова Е. В.* Дикие животные в искусстве древних земледельцев // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.

⁵⁴ *Она же.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 110—118.

⁵⁵ *Porada. Op. cit.* P. 44.

статочны архаичной общественной структурой, практиковали традиционные формы хозяйства, в котором значительную роль играло скотоводство, но при этом сохраняла некоторое значение охота. Реалии общественной жизни, обряды и представления в этих условиях имеют особенности, присущие обществам с относительно простой, хотя и не первобытно-эгалитарной социальной структурой. Это и позволяет нам видеть в них типологический аналог обществам интересующего нас региона в переходную от первобытности к ранней государственности эпоху.

Скотоводство, как уже говорилось, играло значительную роль в хозяйстве обитателей Гиндукуша, создавая, в частности, почву для неравенства. Для повышения социального ранга требовалось устройство празднеств с пиршествами, для чего резали разводимый здесь мелкий рогатый скот. Скотоводство почти повсеместно было мужским занятием, как и охота, которая в обрядах и представлениях связывалась с ним⁵⁶. Козы и овцы были как объектами различных обрядов, так и их «участниками». Большинство обрядов было так или иначе связано с плодородием, всякого рода изобилием и благополучием. Духи и божества как мужского, так и женского пола могли являться в облике этих животных или использовать их в качестве ездовых⁵⁷. Известны статуи рогатого бога⁵⁸. Диких и домашних животных считали чистыми, их рогами украшали обрядовые или сакральные постройки⁵⁹. У калашей козы хлеба даже считались священными. Примечательно, что постоянным элементом обрядов были танцы, часто носившие экстатический характер. В связи с изображениями на печатях особый интерес представляет зафиксированный в Гилгите танец на празднике начала весны. Его участники были в шкурах каменного козла, а на их головах были укреплены козлиные рога⁶⁰.

Все мифологические персонажи были так или иначе связаны с животными. Одной из важнейших функций этих персонажей была регуляция форм общественной жизни, установление определенных общественных институтов и т. п. Таким образом, в богатейших материалах, обобщенных К. Йеттмаром, особенно заметны тесная зависимость и взаимообусловленность образов мифологических представлений и обрядов особенностями хозяйства и социальной структуры. Последнее хотелось бы подчеркнуть. За всеми образами животных стояли антропоморфные сверхъестественные существа, посылающие те или иные блага и имеющие аналогов в социальной структуре.

Обратимся вновь к главному объекту настоящей работы — печатям, но уже более поздним, чем рассмотренные выше, относящимся к периоду урука и джемдет насра (рис. 1, 12—14). На смену рогатому персонажу на них появляется «хозяин зверей» в виде человека, по определению Э. Порады⁶¹, или «царь-жрец», как именует его П. Амье, считая, что в изображениях на печатях отражены главные функции этого общественного лидера — жреческая и военная. Культурное единство двух периодов — урукского и следующего за ним, позволяет нам вслед за П. Амье⁶² рассматривать относящиеся к ним печати как принадлежащие одной традиции.

⁵⁶ Йеттмар. Ук. соч. С. 154, 173, 231.

⁵⁷ Там же. С. 60, 70, 102 и др.

⁵⁸ Там же. С. 172.

⁵⁹ Там же. С. 68—69, 228, 262—263.

⁶⁰ Там же. С. 217.

⁶¹ Porada. Op. cit. P. 32.

⁶² Amiet. La glyptique... P. 83.

Персонаж в юбке, обнаженный до пояса, в головном уборе с рельефным околышем и без рогов является участником разнообразных действий, и чтобы выявить его функции, необходимо, как справедливо отмечал П. Амье⁶³, изучить весь комплекс его деятельности. Перечисляя ситуации, в которых участвует интересующий нас персонаж, мы в данном случае не претендуем на учет всех, останавливаясь лишь на наиболее характерных. Среди них — поднесение (жертвование) различных вещей или животных, людей, совершаемое перед постройкой, которая передается в виде фасада здания или условно — столбов. Перед такой постройкой могло происходить и убийство врагов; постройку, вероятно, можно рассматривать как храм⁶⁴. Важное место в деятельности персонажа занимает «кормление» животных; в этих сценах он предстает как их покровитель, напоминающий более древнего «хозяина»⁶⁵. Особенно характерны такие изображения для печатей Урука, «города загонов»⁶⁶. И эта процедура осуществляется около постройки, символизируемой столбами с лентами, при этом главный персонаж может иметь сопровождающего, отличающегося от него меньшим ростом и более короткой юбкой.

Некоторые изображения на печатях, представляющие сцены поднесения даров, явно соотносятся с весьма «многословным» для этой эпохи изобразительным текстом — вазой из Урука. На ней, по мнению многих исследователей, передан один из моментов обряда «священного брака» — поднесение «парем-жрецом», представителем общины, даров в храм — жилище своей божественной невесты⁶⁷. Можно думать, что обряд «священного брака» был одним из самых важных, в нем реализовался союз общины и покровительствующего ей божества, что воспринималось как условие и залог существования.

Вообще деятельность этого персонажа, безусловно общественного лидера, предстает на изображениях как осуществляемая для божества, для храма, который почти всегда изображался, хотя и в более или менее условном виде⁶⁸. Сфера действий этого лидера представляется всеохватывающей, что свойственно и царям более поздних государств Месопотамии⁶⁹.

«Царь-жрец» лишен того признака, который был у его предшественников и который в дальнейшем стал главным отличием божеств — рогатой тиары или рогов⁷⁰. Нечто вроде рожек есть на голове у предполагае-

⁶³ Ibid. P. 83.

⁶⁴ Ibid. № 642—643, 645, 647—649, 651, 660—661.

⁶⁵ Ibid. № 636—641.

⁶⁶ *Amiet. Le problème...* P. 26—27.

⁶⁷ Антонова Е. В. Вещь в контексте обряда: ваза из Урука (в печати — М.: Наука).

⁶⁸ Ср. действия шумерских правителей, осмысляемые как совершившиеся для богов: Занатум и Энанатум I — покорители стран для Нингирсу. Саргон приводит побежденного Лугальзаггеси «в ворота Энлиля» в знак посвящения этому богу (*Дьяконов. Ук. соч. С. 186. Прим. 147, 210*).

⁶⁹ *Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия. М., 1980. С. 102—109.* Характерно, что ряд эпитетов шумерских и аккадских царей укладывается в то же семантическое поле, что изображения на печатях конца IV—III тыс. до н. э. Они — «пастыри народа» (*sipa*) — так именовали Гудеа, Ур-Намму, Шульги, Липит-Иштара и др. Царь — это мощное животное, «бык» (*am*) — так называли Шульги, Липит-Иштара, Ишме-Дагана, или «лев» (*pirig*) — Шульги, Хаммурапи. Их занятия соответствуют эпитетам, особое место принадлежит охоте — войне мирного времени (*Seux M. J. Epithètes royales akkadiennes et sumériennes. P., 1967. P. 436—437, 441—446; Оппенгейм. Ук. соч. С. 46*).

⁷⁰ Рогатая тиара — не только один из главных признаков богов Месопотамии, но и символ некоторых из них (Ану, Энлиля). По мнению Э. Дорма, бычьи рога были символом мощи (*Dhorme E. Les religions de Babylonie et d'Assyrie. P., 1949. P. 13—14*). Согласно П. Амье, рогатая тиара как признак божества появляется в раннединасти-

мой жрицы, встречающей процессию (ваза из Урука ⁷¹). Хотя «царь-жрец» и лишен этого признака связи с миром животных, его отношения с ним были весьма тесными: он выступает кормильцем копытных и победителем хищников. Вообще изображения животных, в том числе диких, охота на них, образы различных существ смешанной зооантропоморфной природы занимают в глиптике конца IV — первой половины III тыс. до н. э. (и позднее тоже) очень важное место.

Примечательна одна особенность изображений на печатях конца IV — начала III тыс. до н. э. как Месопотамии, так и Ирана — редкость в них тем и персонажей, непосредственно по внешним признакам связанных с культом и миром богов или фантастических существ, хотя последние, конечно, изображались. Часто встречаются так называемые сцены повседневной жизни, передающие формально несакральные действия — строительство, изготовление различных вещей, уход за скотом. Уже приходилось писать, что и такие на первый взгляд лишённые сакральности сюжеты обладали религиозно-мифологической соотнесенностью ⁷². Все действия, изображавшиеся на печатях, рассматривались сквозь призму отношений, обеспечивавших благополучие и самое существование мира ⁷³.

Изображения богов появляются на печатях относительно поздно, систематически — лишь на позднем этапе раннединастического периода, но в основном уже в аккадское время. Они выступают как участники обрядов, продолжая старую традицию передачи на печатях в принципе обрядовых действий, хотя это не всегда ясно нашим современникам, поскольку не выражается в эксплицитной форме, сюжет не развернут, а сводится лишь к нескольким персонажам, указывающим на него. Одна из причин отсутствия изображений богов — то, что они не имели визуально антропоморфного облика, будучи сращены с явлениями, которые они позднее стали олицетворять. Вероятно, они передавались посредством различных знаков символического и иного характера. И в эту эпоху, когда уже существовали антропоморфные изображения богов, их символы были очень распространены. В них демонстрируется неотделенность явления природы и божества (Шамаш — солнечный диск, растительные божества — растения и т. д.). Очевидно, что и в более ранние периоды, к которым относятся печати Ирана и Месопотамии IV тыс. до н. э., не могли появляться изображения богов антропоморфного облика.

Выше мы уже говорили о том, что изображения на печатях Тепе Гавры, Тепе Гяна и Суз в условной или относительно явной форме передавали обрядовое действие. Изображения пар людей и животных, танцующего персонажа среди животных и даже одних лишь животных могут

ческое время, при этом рога показаны как укрепленные прямо на голове или на ленте, общепринятым же этот убор становится в аккадское время, когда появляются тигры, увенчанные, в частности, несколькими парами рогов (*La glyptique...* P. 162).

⁷¹ *Spyket A. La coiffure féminine en Mésopotamie des origines à la I Dynastie de Babylone // RAAO. 1955. V. XLIX. № 3. P. 118; Amiet. La glyptique...* P. 94.

⁷² Антонова Е. В. Представления обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика конца IV — первой половины III тыс. до н. э. // ВДИ. 1983. № 4.

⁷³ Резчики печатей избирали для изображения персонажей и сцены благожелательного характера, те, которые соответствовали магической функции печатей, служивших наряду с прочим амулетами и талисманами. Начиная с эпохи I Вавилонской династии на них стали делать надписи с обращениями к богам, на касситских и ассирийских печатях были тексты заклинаний — словесные эквиваленты профилактических ритуалов. См. *Van Buren E. D. Amulets in Ancient Mesopotamia // Orientalia. 1945. V. 14; Coff B. L. The Role of Amulets in Mesopotamian Ritual Tests // Journal of the Warburg and Courtland Institute. 1956. V. XIX. № 1—2. Заклинаниями в образах называл изображения на печатях П. Амье (La glyptique... P. 187—188).*

рассматриваться как соотношенные с обрядами плодородия, изобилия и вселенского благополучия, что составляло квинтэссенцию древней обрядности вообще. Роль обряда, опосредующего мифологические и религиозные представления и изображения, не позволяет видеть в антропоморфных персонажах печатей непосредственно духа или демона. Изобразительное искусство черпало образы из обряда, изображались его реальные участники. Другое дело, что нельзя приписывать древним нашего восприятия, неправомерно считать, что они изображали или сверхъестественное существо, или смертного. Для них человек в ритуальном облачении, в частности с козлиными рогами, переставал на время совершения обряда быть человеком, он был духом, демоном, сверхъестественным существом. Но дело в том, что потребность изображать этот персонаж появилась не тогда, когда появилось представление о духе или демоне, но когда в обществе выделилась соответствующая роль, когда возникла потребность в носителях функции управления, наделенных сакральными функциями, без чего в то время никакой социальной отмеченности быть не могло. Внешнее сходство персонажа печатей с «хозяином» животных не должно скрывать той социальной реальности, которая стояла за ним. Повторим еще: современники видели в таких персонажах (в определенном смысле своих лидерах) мифологические прототипы, но само их появление на престижных вещах, на знаках контроля, какими были печати, обусловлено существенными изменениями общественной жизни, формированием института власти, идеологии в собственном смысле слова, а не успехами в познании мира и не прогрессом в области изобразительного искусства, хотя и эти обстоятельства играли некоторую роль.

Фигура предводителя становится объектом общественной рефлексии лишь тогда, когда функция управления обособливается от других, а не растворяется в различных формах деятельности и разных ролях, присущих членам первобытных коллективов. Только тогда власть начинает восприниматься как некая субстанция с определенным, каким-то образом оформленным (в том числе визуально) носителем. «В условиях, когда в обществе царит „регулируемая анархия“, по определению Э. Эванс-Причарда, не возникает сколько-нибудь заметной потребности в осмыслении самого феномена власти»⁷⁴. Изображения людей с определенными атрибутами и в определенных ситуациях, при этом людей, показанных поодиночке, — свидетельства осмысления фигуры носителя власти, общественного лидера. Их существование позволяет заключить, «что власть... уже отделилась от коллектива, обрела благодаря развитию общественного производства и разделению труда известную автономию, и такую независимость общественное сознание с большей или меньшей остротой зафиксировало»⁷⁵.

О том, что появление этой фигуры связано с развитием общественного производства, печати свидетельствуют самым непосредственным образом. Установлено, что они предназначались для контроля над содержимым кладовых, сосудов, других вместил⁷⁶. Изображение на них персонажей мужского пола показывает, в чьих руках находился контроль. Примечательно, что в обществах, относительно отдаленных от территории, где сложились первые цивилизации, более архаичные печати с геометрическими изображениями бытовали в условиях менее развитого хозяйства, чем это можно предполагать для синхронных им культур Юго-Западного Ирана и тем более Месопотамии. Так, в Шахри Сохте (Систан) в конце

⁷⁴ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 87.

⁷⁵ Там же. С. 100.

⁷⁶ Fiandra, Ferioli. Op. cit.

IV — начале III тыс. до н. э. печати с геометрическими изображениями найдены в основном в погребениях женщин⁷⁷. Почти исключительно геометрическими были изображения на печатях, найденных в поселении II тыс. до н. э. Сапаллитепа также только в женских погребениях⁷⁸. То, что изображения, соотносящиеся с образом общественного лидера, появляются именно на печатях, показывает важность роли обмена в формировании института власти в Месопотамии и Иране.

Итак, изучение изобразительных материалов на фоне данных о характере общественного и хозяйственного развития периода разложения первобытнообщинного строя и формирования раннеклассового общества может пролить свет на идеологию этого чрезвычайно интересного этапа истории. Для обоснования особого общественного статуса лиц, осуществлявших управление производством и распределение произведенных продуктов, начинают изображаться мифологические по форме персонажи. На Амье пишет, что на сузских печатях представлен присущий горской традиции «хозяин животных», в то время как жители равнин богов вообще пока не изображали. Он полагает, что это существо абсолютно мифическое, прообраз вождя или царя⁷⁹. Это предположение кажется нам нуждающимся в некотором уточнении. Речь должна идти не о том, что сначала изображали «хозяина животных», мифического духа, а потом стали изображать вождя-жреца, как это было в урукское время. Звероподобный облик персонажа ранних печатей — следствие того, что в обществах, еще не порвавших с первобытной эгалитарностью, носитель власти мог выступать как мифологически сильно окрашенный в своей визуальной форме, как носящий явные признаки своих отношений с нечеловеческим, иным миром. Только в условиях достаточно далеко зашедшей общественной дифференциации и оформления этого в сознании носитель власти приобрел чисто человеческий облик. Такой по крайней мере рисуется картина в Месопотамии и Иране, при этом в горных районах последнего с их специфически замедленным развитием и сохранением архаичных общественных структур в облике вождей и других социальных лидеров долго могли воспроизводиться зооморфные черты их отдаленных предшественников.

TOWARDS AN INTERPRETATION OF THE ANTHROPOMORPHIC IMAGES THAT APPEAR ON IRANIAN AND MESOPOTAMIAN SEALS

E. V. Antonova

The article analyses the reasons for the appearance of anthropomorphic images with certain zoomorphic features (mainly those of the goat), on Mesopotamian (Tepe Gawra) and Iranian (Tepe Gyan and Luristan) seals from the IV millenium B. C. The author believes that the archaic look of the imagery is deceptive: it is the result of social differentiation and the formation of institutionalised power. The images of the tokens of administrative power (and the seals had such a function amongst others) testify to the existence of individuals who controlled distribution, exchange and, in all probability, production. These individuals were also charged with certain sacramental duties and this explains the animal features incorporated in their image. The heirs to these individuals were the «priests cum leaders» who are depicted on the seals from the end of the IV to the beginning of the III millenia BC, found in Mesopotamia and Susiana.

⁷⁷ Piperno M. Socio-economic Implications from the Graveyard of Shahr-i Sokhta // South Asian Archaeology 1977 / Ed. M. Tosi. V. 1. Napoli, 1979.

⁷⁸ Tosi M. The Origins of Early Bactrian Civilization /// Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan / Ed. G. Ligabue, S. Salvatori. Venezia. S. d. P. 67—68.

⁷⁹ Amiet. Le problème... P. 40.

А. ван Хоф*

ЖЕНСКИЕ САМОУБИЙСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ: МЕЖДУ ВЫМЫСЛОМ И ФАКТАМИ

Еще недавно многие страны хранили стыдливое молчание по поводу количества самоубийств, совершающихся на их территории. Иногда число «согрешивших» против дара Божьего держали в секрете по религиозным соображениям. В других странах господствующая идеология не могла примириться с явлениями, которые, казалось, вступали в противоречие с убежденностью в том, что в этом обществе решены все основные проблемы человеческого бытия. Если я не ошибаюсь, именно это заставляло Советский Союз так долго колебаться, прежде чем предать гласности соответствующие данные. Теперь, когда факты стали доступными, специалисты, занимающиеся проблемой самоубийств, могут провести сопоставление в масштабе всего мира; только оно способно помочь лучшему пониманию завораживающей и вызывающей ужас способности человека покончить с собой.

С тех пор как в XIX в. к самоубийству стали относиться как к важной общественной проблеме, велось немало дискуссий, в которых принимали участие психологи, социологи, люди искусства и общественность. К античности в этих спорах обращались в чисто риторических целях, подбирая из ее арсеналов аргументы для подкрепления современных точек зрения. Особенно часто обращались к античности те, кто зывал к пониманию и терпимости в отношении самоубийства, указывая на античное общество как на образец честного отношения, приятия и даже восхваления добровольной смерти.

В подготовленной мною книге, которую я назвал «От самоумерщвления к самоубийству» («From Autothanasia to Suicide») ¹, показано, что в отношении древних к самоубийству было нечто большее, чем простое оправдание. Я постарался собрать как можно больше примеров, чтобы мои взгляды основывались на фактах. Разумеется, античные источники отображают факты очень избирательно: случаи самоубийств, дошедшие до нас благодаря этим источникам, прошли через фильтры древних предубеждений. Тем не менее современный исследователь должен постараться рассмотреть все примеры, сохранившиеся в этих источниках, отдавая себе отчет в ограниченности и избирательности материала, которым он располагает. Список, появившийся в результате невеселой работы исследователя, включает 960 случаев самоубийств, в которых участвовало не менее 9639 человек. На первый взгляд эта цифра, которая должна быть увеличена за счет погибших в групповых самоубийствах, о числе участников которых не со-

* Антон ван Хоф, профессор университета Неймегена, Нидерланды.
Перевод И. С. Ключкова.

¹ Книга выходит на английском языке в лондонском издательстве Рутледж и на голландском — в Социалистическом издательстве, Неймеген.

общается, выглядит достаточно впечатляющей. Но если посмотреть на нее с учетом протяженности времени (примерно две тысячи лет) и общей численности населения (скажем, 50 миллионов одновременно), то незначительность цифры даже в 10 или 20 тысяч самоубийц бросится в глаза при сравнении с данными современной статистики, согласно которой ежегодно кончает с собой x человек на каждые 100.000 населения. Таким образом, мы должны принимать собранный материал за то, чем он и является, а именно, за большое число *отобранных* случаев. Изучая по нашим материалам способы совершения самоубийств, мотивы и состав участников, мы обнаруживаем главным образом то, как античный мир хотел видеть самоубийства, а не то, как они совершались на самом деле.

Утверждение о том, что греко-римский мир демонстрировал прямое честное отношение к самоубийствам, справедливо до известной степени, когда речь идет о мужских самоубийствах; отношение к самоубийствам женщин далеко не столь однозначно. Проблемы, возникшие в результате анализа собранных фактов, заслуживают более глубокого рассмотрения, чем я мог себе позволить в моей книге, в которой говорилось о самоубийствах в целом. Поэтому предложение главного редактора ВДИ написать о моих нынешних изысканиях в этой области было воспринято мной как благоприятная возможность подробно рассмотреть важный вопрос о женской модели суицидного поведения в античности.

Как это часто бывает в исторических исследованиях, исходные вопросы очень просты: чаще или реже, чем мужчины, кончали женщины с собой, согласно нашим источникам? Использовали ли они те же способы? Отличались ли мотивы женских самоубийств от мотивов мужских самоубийств?

Даже на первый простой вопрос, касающийся соотношения числа женских и мужских самоубийств, невозможно дать прямой ответ. Если собрать все случаи, когда пол самоубийц указан (а у нас таких 912 из общего числа 960), то обнаруживается 229 случаев женских самоубийств против 683 мужских. Это дает соотношение 1 : 3, которое находится в пределах показателей, установленных для обществ прошлого и так называемых примитивных культур; только в современном обществе женщины настолько эмансипировались, что почти сравнялись с мужчинами по числу самоубийств.

Однако при ближайшем рассмотрении проявляется разительное отличие — более половины случаев женских самоубийств (121 из 229) оказываются «не подлинными», т. е. либо в источнике прямо выражается сомнение в реальности упомянутого самоубийства, либо о самоубийстве сообщается в таком источнике, который по своей природе не претендует на безупречное отражение исторической правды — эпос, драма, роман и т. п.² Количество исторически засвидетельствованных женских самоубийств (108) заметно уступает количеству подлинных мужских самоубийств (491). Итак, общее представление о женских самоубийствах строится в значительной мере на основании слухов и литературных источников, тогда как о мужских самоубийствах речь идет главным образом в исторических сочинениях. Подлинные самоубийства, совершаемые женщинами, привлекали особого внимания античных наблюдателей жизни, бытописателей, но в разного рода мифах и повествованиях интерес к женскому суицидному поведению был весьма велик. Что же скрывается за этим удивительным обстоятельством?

---

² «Не подлинные» случаи представлены в основном примерами из источников последней группы, найденными в «литературном» материале. Для краткости слово «вымысел» в дальнейшем будет употребляться для всех «не подлинных» случаев.

Очевидно, положение женщин вызывало много вопросов, ответы на которые находились в области «мифологии». Роли, которые античное общество отводило женщинам, не были лишены некоторой двусмысленности. Мифы помогали смягчать сомнения подобного рода. Приведу пример такого назначения мифов. Человек античного мира, конечно, сознавал, что что-то неладно с обществом, которое исключает женщин из общественной жизни. И вот «заказной» миф об Афине, решившей спор в пользу Ореста и тем самым положившей конец праву женщин голосовать в собрании, в какой-то мере объяснял затруднительную ситуацию. Сходным образом и женские самоубийства в мифах и иных художественных текстах должны были «заказывать» особые добродетели, ожидавшиеся от женщин.

Разительное отличие между вымыслом и фактами в том, что касается мужских и женских самоубийств, заставляет нас проводить в нашей статье строгое разграничивание между исторически засвидетельствованными случаями и примерами, имевшими менее достоверный характер.

ЖЕНЩИНЫ КАК ГРУППА И ГРУППЫ ЖЕНЩИН

Из 960 самоубийств, сведения о которых мы собрали, в 76 случаях речь идет о совершении или попытках совершить коллективные самоубийства. В большинстве случаев в совместный акт самоуничтожения оказывались вовлеченными группы лиц обоего пола. Часто сообщается, что при взятии городов их жители искали смерти, бросаясь со стен или же кидаясь в огонь пожара. Иногда женщины делали это первыми, подавая пример колебавшимся мужчинам. Лишь в шести случаях группы самоубийц состояли исключительно из женщин; это число слишком мало, чтобы придавать какое-либо значение различию между двумя вымышленными примерами и четырьмя исторически засвидетельствованными. Один реальный случай дает пример того, как женщины своим героическим поведением пристыдили мужчин. Женщины Ардубы воспротивились желанию своих мужей заключить мир с императором Тиберием. «Они были готовы на все, лишь бы избежать рабства; одни бросались в огонь, другие — в реку»³. Здесь мы видим варварских женщин в той роли, которую представители греко-римского мира любили придавать варварам: они являют сияющий пример добродетели, безвозвратно утраченной греками и римлянами. В случае с женщинами Ардубы речь идет о любви к свободе. Опять-таки именно варварские женщины прославились, до конца оберегая свое целомудрие. Рассказывается, что во время войны Марция с вторгшимися варварами сначала женщины из племени тевтонов, а потом и из племени тигуринов просили победителя гарантировать сохранение их чести, отдав их под защиту дев-весталок (вероятно, в рассказе использован прием удвоения). Когда Марий отказал им в защите, они покончили с собой всеми доступными им способами — наносили удары друг другу, вили веревки из своих волос и вешались на деревьях или на ярмах повозок (я думаю, что эти ярма были подняты вверх)⁴.

Только раз участницы группового женского самоубийства изображены в римских исторических сочинениях в злой роли, как отравительницы. Случилось это в эпоху Ранней республики. Когда внезапно умерли несколько видных римлян, какая-то рабыня открыла, что некие знатные дамы занимаются черным делом. Она привела представителей власти на мес-

³ *Cass. Dio.* LVI. 14. 5.

⁴ *Flor.* I. 38. 17; *Oros. Historiae adversus paganos.* V. 16. 13.

то, где десятка два женщины готовили свои снадобья. Матроны отрицали алой умысел, но когда рабыня выступила с обвинениями, они поняли, что спасенья нет, и выпили приготовленный ими яд ⁵.

Оба случая группового женского самоубийства, о которых говорится в художественных текстах, связаны с проблемами секса и брака. Если у Эсхила «Просительницы» грозят скорее повеситься, чем попасть в объятия ненавистных мужчин, то у Менаандра «Женщины, готовые умереть» думают о самоубийстве, потому что никто к ним не сватается, но оставляют свой план, когда, наконец, появляется возможность хорошего замужества ⁶.

Два этих последних вымышленных примера относятся к «лишь» попыткам самоубийств. В современных исследованиях большое внимание уделяется «парасамубийствам», так как считается, что те, кто лишь пытался покончить в собой, способны дать ответы на вопросы, чего «удачные» самоубийцы сделать уже не могут. Полагают, что на каждое самоубийство приходится около десятка попыток покончить с жизнью. По нашему материалу подобного соотношения установить нельзя, что, однако, не означает, будто и в действительности положение в древности отличалось от современного. Мы отметили 183 случая, когда происходило покушение на самоубийство или же оно замышлялось или представлялось желанным, против 777 совершенных самоубийств; иными словами, здесь обратное соотношение — 1 : 4. Женщины, судя по источникам, обдумывали самоубийство чаще, чем мужчины; это прослеживается и по историческим, и по художественным текстам ⁷.

Современных сунцидологов особенно занимает кривая числа самоубийств в соответствии с возрастом: прослеживается общая тенденция роста самоубийств соразмерно возрастным категориям. Лишь в так называемой японской модели наблюдается заметный пик у молодых совершеннолетних людей. Насколько я могу судить, среди греков и римлян «Вертеры» встречались не часто, тогда как отмечается много самоубийств людей пожилых. В этой последней категории мы встречаем, однако, почти исключительно старых мужчин: политики и философы венчали свою жизнь хорошо обдуманым самоубийством, если грозила потеря чести или мучительная болезнь. Соотношение случаев самоубийств старух и стариков составляет 13 к 74, если не принимать во внимание различий между данными исторических и художественных текстов. Такую диспропорцию можно объяснять по-разному. Есть основания полагать, что продолжительность жизни женщин была гораздо меньше, чем мужчин, и, таким образом, было просто-напросто мало пожилых женщин, которые могли бы покончить с жизнью. Другим — дополнительным — фактором могло быть то обстоятельство, что старость не добавляла в глазах общества каких-либо особых положительных качеств женщинам, тогда как старики сохраняли свое достоинство и даже все увеличивали его с годами. Если мы обратимся к 13 примерам самоубийств старых женщин, то увидим, что лишь 5 из них могут считаться исторически засвидетельствованными. Яркий пример в этой небольшой категории самоубийств являет Юлия Домна. Когда

⁵ Liv. VIII. 18.8.

⁶ Aischyl. Niketidid. 787/8 (сходное высказывание в строке 803/4); Men. Koneiazomenai.

⁷ Для достоверных случаев соотношение у мужчин 1 : 7 (62 попытки против 429 совершенных самоубийств), у женщин — 1 : 6 (17 против 91). В художественных текстах число попыток самоубийств, предпринятых мужчинами, составляет менее половины числа совершенных (60 против 132), тогда как у женщин отмечены 43 попытки на 78 совершенных самоубийств.

ее сын Каракалла был свергнут с престола и убит, она не могла вынести жизни в качестве частного лица, хотя Макрин, новый император, и заварял ее в своем уважении. Августа самым способом самоубийства — отказом от пищи — дала ясно понять, что решила покончить с нетерпимым для нее положением⁸. Эта практика *karteria* (греч.) или *inedia* (лат.) типична для пожилых людей с высоким общественным положением, которые сознательно искали смерти, когда чувствовали, что их жизнь исчерпана.

В художественных текстах добровольная смерть старых женщин должна была вызывать чувство сострадания, например, к отчаявшимся старым матерям Аброкома и Антии, влюбленной пары, которую в романе Ксенофонта Эфесского в какой-то момент считают погибшей. Это был пример того, как должна поступать в подобных ситуациях старая мать⁹. Но если женщина находилась на низшей ступени социальной лестницы, как старая рабыня, захотевшая повеситься в безвыходной ситуации, это должно было вызывать хохот публики. В комедии Плавта «Горшок» Стафила объявляет, что собирается изобразить из себя «длинную букву» — прозрачный намек для публики, достаточно грамотной для того, чтобы заметить сходство «I» с телом повешенного¹⁰. Эти немногочисленные действительные и вымышленные случаи подводят нас к заключению, что добровольная смерть старых женщин не привлекала особого внимания древних.

На другом конце возрастной шкалы ситуация совершенно иного рода: здесь *девушки* и молодые женщины почти не уступают молодым людям. Такое равенство — 82 : 84 — еще более поразительно, если учесть общее недостаточное внимание к женщинам; как мы видели, женские самоубийства составляют четверть всех засвидетельствованных случаев. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с удивительным вниманием к самоубийствам молодых женщин. Что же заставило античный мир отметить такое количество самоубийств, которые молодые женщины совершили, пытались или желали совершить? Ключ к решению этой проблемы дает один из поэтов «Палатинской антологии». Он рассказывает грустную историю о невесте, растерзанной сторожевыми псами, когда она бежала из дома в брачную ночь, «убоявшись первого любовного соития»¹¹. Вероятно, переход к супружеской жизни пугал многих девушек. В весьма юном возрасте девушка внезапно сталкивалась с раскрывающимися тайнами сексуальной жизни. В то же время «избежать судьбы» замужества означало сделать нежизненный выбор: только как замужняя женщина (*gyne*) девушка могла выполнить свое предназначение в жизни. И если из-за малого приданого или из-за дурной славы ее родичей девушка не находила мужа, ее ожидало печальное будущее. Все обстоятельства такого рода должны были порождать много кризисов в жизни молодых девушек. Античная медицина показывает определенное понимание того, что юные девицы составляли некую группу риска. В любопытном сочинении «О девственности», дошедшем до нас среди трудов школы Гиппократа, некий врач отмечает как факт, что женщины чувствительней мужчин переносят разочарования и потому чаще вешаются. Особую склонность использовать веревочную петлю или бросаться с высоты проявляют девственницы. В отличие от нынешних врачей античный врач-практик не искал объяснений

⁸ Уязвленное достоинство императорской особы было не единственной причиной Юлия Домна также страдала от рака груди (*Cass. Dio. LXXVIII (LXXIX). 23. 1*).

⁹ *Xen. Ephesiakos. 5. 6. 3.*

¹⁰ *Plaut. Aulularia. 77.*

¹¹ *Anthologia Palatina. 9. 245.*

в социальном устройстве, которое оказывало столь мощное давление на рассудок девиц. Для него все это — чистая физиология. Так как они девственницы, менструальная кровь не находит свободного выхода; она скапливается около сердца и у диафрагмы и заставляет девушек предаваться мрачным мыслям. Сам диагноз подсказывает терапевтический совет: «Всякий раз, когда девушки занемогут от этих причин, я рекомендую (keleuo) им как можно скорее начать жить с мужчинами»¹².

Некоторые записи в нашем реестре древних самоубийств, совершенных молодыми девушками, представлены рассказами о примерном целомудрии, наиважнейшей из добродетелей, требовавшихся от женщин. Среди них одна из немногих эпитафий, прямо говорящих о самоубийстве как причине смерти. Родители Домициллы с гордостью сообщают, что их дочь в возрасте 14 лет (!) была замужем семь месяцев и, когда ворвавшиеся готы хотели ее изнасиловать,

«Она не побоялась смерти
И предпочла ее позорному насилию»¹³.

В вымышленных примерах прославляются женские добродетели — верность и преданность. Алкестида жертвует собой ради продолжения фамилии ее мужа. Эригона вешается, когда узнает, что афиняне убили ее отца, решив, будто он отравил их новым зельем Диониса, вином (согласно этому рассказу, ее собака Майра бросилась в колодец, скорбя о смерти хозяйки)¹⁴. Селена дала пример для подражания; скорбя о смерти брата, она бросилась с высоты. Таким образом, именно идеальные женские черты особо выделяются в подобных рассказах. В нескольких случаях, когда молодые женщины проявляли общественные добродетели, их поступки явно противопоставлялись позорному поведению некоторых (молодых) мужчин, которым следовало бы лучше знать, чего ждет от них общество. Оракул объяснил, что благороднейший гражданин Фив должен пожертвовать собой, чтобы спасти город. Антипойн, которому выпала эта честь, отказался от нее, но был посрамлен своими дочерьми, покончившими с собой¹⁵. Эта перемена ролей лишь подчеркивает идеальную норму, по которой мужчины должны были служить обществу, тогда как женщинам следовало заботиться о делах семьи.

СПОСОБЫ САМОУБИЙСТВ, ИЗБИРАЕМЫЕ ЖЕНЩИНАМИ

В современном обществе существуют явно женские способы самоубийств: женщины чаще принимают смертельную дозу лекарств, чем стреляются или вешаются. Можно ли проследить нечто подобное для античной эпохи? И есть ли заметное различие в способах исторически засвидетельствованных самоубийств и тех, что являются плодом вымысла?

В целом в примерах, рассматриваемых в моем исследовании, мечи, кинжалы, бритвы, хирургические ножи и другие виды оружия применялись гораздо чаще, чем прочие средства — в 248 случаях из 626, когда способы самоубийств были указаны в древних источниках¹⁶. Оружью, конечно,

¹² «Hippokrates», Peri Parthenion.

¹³ Строки 13/14 в надписи, опубликованной Лебеком (*Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1985. 59. S. 7—8).

¹⁴ *Appoll.* Bibl. III. 14.7.3; *Ampelius*. 2. 6.

¹⁵ *Paus.* IX. 17.1.

¹⁶ В 52 случаях люди прибегали к различным, нередко очень необычным способам самоубийств. Не менее чем в 282 случаях способ самоубийства не указан точно, хотя

отдавали предпочтение мужчинам: 204 случая против 39 случаев использования оружия женщинами. Почти половина из последнего числа — 18 — упомянута в художественных текстах. Как в этих вымышленных случаях, так и в исторически засвидетельствованных, часто подчеркивалось, что женщина вела себя по-мужски. Лукреция (здесь мы считаем рассказ о ней историческим примером), согласно Валерию Максиму, была по капризу природы наделена мужской душой¹⁷. Лукреция — одна из очень немногих римлянок, о которых сказано, что они закололи себя; я собрал всего 17 подобных случаев, тогда как мужчины дают 135 примеров такого «сверхмужественного» римского самоубийства. Лишь в редких случаях, которые должны были служить примером, отмечались самоубийства римлянок, совершенные с помощью оружия.

В отношении этого способа самоубийства греческий материал, на первый взгляд, более соответствует общей картине: 18 случаев самоубийства греческих женщин с помощью оружия против 48 аналогичных мужских самоубийств остаются в пределах общего соотношения самоубийц по полам, которое составляет, как мы видели, 1 : 3. Но из этих 18 случаев только три можно считать исторически засвидетельствованными. В 464 г. до н. э. трагедия произошла в Спарте. По политическим мотивам из города был изгнан Алкипп; его жене Дамокрите и дочерям не разрешили последовать за ним. Имущество семьи было конфисковано, так что девушки лишились приданого, которое позволяло бы им найти достойных мужей. В такой ситуации никто из спартанцев не захотел уронить свою репутацию узам с семьей Алкиппа, женив на одной из его дочерей своего сына. Мать девушек ответила на это ужасным образом. Во время какого-то праздника она подожгла здание, в котором собрались жены и дети спартанцев. Когда мужчины прибежали на помощь, Дамокрита на глазах у всех убила своих дочерей и после этого ужасного поступка закололась над их телами (ep'ekeinais). Три мертвых тела были удалены с территории Спарты. Случившееся вскоре после этого землетрясение было расценено как знак божественного гнева¹⁸.

Несмотря на свидетельства античных источников, едва ли стоит принимать идею, что в античном мире самоубийства, даже одни только мужские самоубийства, и в самом деле совершались чаще всего с помощью оружия. Во всех доиндустриальных обществах *самоповешение* — более распространенный способ: в некоторых африканских культурах он дает до 90% самоубийств. Тщательно отобранные данные, имеющиеся в нашем распоряжении, дают все же возможность увидеть греческую реальность: у греков повешение было самым распространенным способом самоубийства¹⁹. И, согласно источникам, женщины вешались чаще, чем мужчины (44 случая против 33); это единственный подвид самоубийств, в котором женщины численно превосходят мужчин. Что касается всех остальных способов самоубийства, женщины численно уступают мужчинам, примерно в соответствии с общим показателем. При сравнительно немногочисленных случаях повешения в римском мире (всего 27 примеров) в общей

в большинстве случаев, в которых фигурируют войны, военачальники и политические деятели, по-видимому, использовалось оружие. Однако, чтобы не исказить результаты исследования, представив свои умозаключения как свидетельства древних, я в таких случаях ставил в графе «способ самоубийства» знак вопроса. Основные данные см. в моей работе «From Autothanasia to Suiside» (Приложение А).

¹⁷ Liv. I. 58.11; Val. Max. VI. 1.1.

¹⁸ Plut. Mor. 775 E.

¹⁹ 81 случай повешения против 66 случаев с применением оружия.

картине женщины занимают почти равное с мужчинами положение (54 : : 57).

Более половины (36 из 54) случаев повешения женщин дают нам художественные тексты: это известные из мифов примеры самоубийств отчаявшихся или смертельно устыдившихся женщин: Эвридики, жены Креонта, после гибели сына Гемона или Иокасты, открывшей страшную правду о браке с собственным сыном Эдипом. У Софокла веревочная петля представлена как естественное средство выхода из некоторых положений. Нигде у него не проводится мысли о том, что смерть от веревки бесславна. Изменение отношения к этому предмету можно увидеть у Еврипида: Елена, замышляя покончить с собой, решительно отвергает повешение как достойный способ ухода от несчастий и позора — это путь, которым пользуются рабы²⁰.

Соответственно таким новым оценкам Иокаста у Еврипида пользуется оружием, как и приличествует женщине из царского рода. В «Финикиянках» причиной ее смерти выставляются не постыдные отношения с сыном Эдипом, а скорбь по погибшим сыновьям Полинику и Этеоклу: она вытаскивает меч из тела сына и пронзает им себя (строка 1455). Существовала скульптурная группа, изображавшая эту сцену; она служила своеобразным аргументом в спорах с эпикурейцами, которые считали удовольствие высшим благом. Могут ли они объяснить, спрашивали их оппоненты, каким образом эта безобразная скульптура приносит удовлетворение зрителям²¹? У Еврипида использование оружия было по крайней мере естественным, так как оно оказалось под руками, застряло в теле одного из сыновей. У римского драматурга благородной женщине просто не подобало вешаться: Сенека в своей переработке Софокла заставил Иокасту заколоться. Также и его Федра пользуется оружием для ухода из жизни, что соответствует ее статусу²². Быть может, не лишено значения то обстоятельство, что в античном мире, насколько мне известно, не было изображений повесившихся до появления на христианских саркофагах изображений Иуды; с него начинается средневековая иконография впавшего в отчаянье человека, который отказывается от Божьего дара.

Итак, повешение отвергается как способ самоубийства для благородного человека. Однако спорным остается вопрос о том, отражало ли почти полное молчание римских авторов на этот счет реальное положение дел. Косвенные и обобщающие источники дают основания предполагать, что и у римлян повешение было обычным способом самоубийства: существовали особые правила похорон повесившихся. В римском праве повешение часто обсуждалось; к нему относились как к позорному способу ухода из жизни, предполагавшему нечистую совесть. Гуманный законодатель периода империи боролся с предположением о том, что повешение само по себе является признанием вины повесившегося. Разумеется, сомнения такого рода касались лишь состоятельных обвиняемых, процесс по делу которых мог закончиться конфискацией имущества в пользу государства. Но эти юридические споры показывают, что даже среди благородных людей случаи самоубийства через повешение не были чем-то совсем уж необычным. Для рабов повешение считалось нормальным способом самоубийства²³. Да и рядовые граждане в литературных

²⁰ Eur. Helena. 298—303.

²¹ Plut. Mor. 674 A.

²² Seneca. Oedipus. 1033—1041; Phaedra. 1177.

²³ CIL. I. 1418; XI. 6528; Dig. 3. 2. 11.3; 48.21.3.2; о способах, чаще всего использовавшихся рабами: Dig. 21.1.23.3.

произведениях, желая положить конец непереносимым мукам, первым делом думают повеситься.

Основываясь на этих указаниях и привлекая материал других обществ, мы приходим к парадоксальному заключению, что античные художественные тексты могут отражать действительность более правдиво, чем источники, претендующие на полную достоверность.

В меньшей мере сказанное справедливо в отношении третьего важного способа самоубийств — когда люди бросались с высоты. Этот способ почти не требует подготовки и потому весьма подходил людям, попавшим в отчаянную беду. Подобные ситуации нередки в романах и мифах. Женщины представлялись особенно склонными к внезапному самоубийству: именно по этой причине около двух третей случаев, когда женщины бросались с высоты, дают художественные тексты (23 против 11 реальных случаев). Скилла, согласно легенде, пожертвовала своими пурпурными волосами, которые обеспечивали безопасность Мегар. Сделала она это для того, чтобы дать возможность Миносу, в которого она была влюблена, захватить ее родной город. Но, покорив Мегары, Минос не взял ее с собой на Крит. Тогда она бросилась в море. Один исторический пример более интересен, так как показывает изменение в христианском отношении к самоубийству. В 303 г. н. э., во время великих гонений, молодая Пелагия вдруг заметила, что дом, в котором она жила с маленькой сестрой, окружен врагами. Вокруг не было никого, кто мог бы оказать им помощь, и она, схватив сестру, бросилась в реку. Этот акт самоуничтожения христианок, отмеченный в ту пору с большим сочувствием, стал позднее, в IV в., вызывать некоторое смущение, после того как церковное неодобрение всякого самоубийства приобрело официальный характер. Амвросий в данном случае мог отделаться от своих сомнений, только представив поступок сестер как крещение в водах Оронта. Ибо, как он говорит, вера искупает проступок (*facinus fides alevat*)²⁴.

В современном обществе прием чрезмерных доз лекарств является типично женским способом самоубийства. Мужчины отдают предпочтение грубым способам — стреляются или вешаются; последнее, как мы видели, в античную эпоху считалось типично женским способом самоубийства. Принятие яда не было распространенным способом ухода из жизни: на его долю приходится 18% самоубийств, 53 случая. Соотношение женщин и мужчин в этой группе самоубийц остается в пределах общего показателя — 1 : 3: на 40 случаев мужских самоубийств с помощью яда приходится 13 женских. Таким образом, для античности не характерно какое-либо пристрастие женщин, задумавших самоубийство, к ядам.

В наших волшебных сказках изготовлением яда часто занимаются ведьмы. Хотя связь такого рода между ядом и женщинами присутствует и в античных сказках (например, у Апулея в «Метаморфозах» ведьма, превратившая Луция в осла, варила жуткие зелья), в художественных текстах самоубийства женщин редко совершались с помощью яда. Соотношение — 3 вымышленных случая к 10 историческим примерам — ниже общего коэффициента представленности женских самоубийств в художественных текстах, который, как мы видели, был выше 50%. Наиболее известны из реальных женщин-самоубийц, использовавших яд, Будикка и Клеопатра, судьбу которой разделили и ее рабыни Ирада и Хармион. По книгам известна также одна девятистолетняя дама, которая поступи-

²⁴ De virginibus. 3.33—36.

ла в соответствии с обычаями острова Кеос, предписывавшими старикам добровольную смерть²⁵. Три вымышленных случая являются примерами лишь замышлявшихся самоубийств²⁶. Яд казался слишком современным изобретением, чтобы вставлять его в такие рассказы; архетипические способы самоубийства — повешение или прыжок с высоты — были здесь более уместны.

Очень характерным для античного общества способом самоубийства был *отказ от пищи*, на латыни обычно называемый *inedia*, а по-гречески более уважительно именовавшийся «стойкостью» — *karteria*. В этой группе самоубийств соотношение женщин и мужчин не слишком заметно отличается от общего показателя: этот требующий большой твердости способ самоубийства избрали 39 мужчин и 11 женщин. Семь из 11 женских самоубийств произошли в действительности, причем один случай представляет известную трудность, так как он отмечен в эпитафии: Телесиния Криспинилла после смерти любимого сына отказывалась от еды 15 дней и умерла²⁷. В этом случае невозможно сказать, умерла она от тоски или это было сознательным самоубийством. Сходные сомнения вызывает романтический случай Аргантоны, мученицы любви в одной из трогательных историй Парфения. Она была замужем за Ресом, которого коварно убил Диомед на троянской равнине во время внезапного нападения. Услышав о судьбе своего мужа, она пришла на место, где когда-то впервые отдалась ему, и отказалась принимать пищу. Более сознательное, почти вызывающее самоубийство, если оно было таковым, совершила Випсания Агриппина, которая, согласно Тациту, «уморила себя голодом, если только добровольность ее кончины не была вымыслом и ее насильственно не лишили пищи». Тацит говорит, что ее жизнь поддерживала надежда на прекращение жестокостей после падения Сеяна, этого злого гения императора Тиберия²⁸.

Этими последними примерами по существу исчерпывается наш материал: число их столь незначительно, что мы не вправе делать далеко идущие выводы. То же самое можно сказать и о *самосожжениях*. Женские самоубийства составляют в этой группе необычно высокую долю: 7 случаев против 19 мужских самосожжений. Женские самосожжения делятся поровну на реальные (4) и вымышленные (3). Рассказ об одном историческом случае отмечает замешательство, охватившее греков, когда в 317 г. до н. э. умер Кетей, командир отряда индийцев. Обе его восточные жены домогались чести взойти на его погребальный костер. Наконец греческие военачальники решили спор в пользу младшей. И хотя армия трижды обошла строем вокруг костра в знак глубокого уважения, у многих происходившее вызвало чувство отвращения. Этот эпизод заставил историка Диодора пуститься в рассуждения о происхождении индийского обряда самосожжения вдовы вместе с умершим мужем. Диодор держался того мнения, что подобная практика была введена с тем, чтобы женщины тайно не травмировали своих мужей: существование женщины неразрывно связыва-

²⁵ Клеопатра: *Vell. Pat.* II.87.2; Ирада и Хармион: *Plut. Ant.* 85/6; старая дама с Кеоса: *Val. Max.* II.6.8.

²⁶ Антия: *Xen. Ephesiakos.* III.5.7; женщины, готовые умереть, из одноименной драмы Менандра; Елена после возвращения из «плена»: *Soph. fr. Radt.* 178.

²⁷ CIL. IX.2229.

²⁸ Аргантона: *Parthenios. Erotika pathemata.* 36.5; слухи о смерти Агриппины: *Tac. Ann.* VI.25.1; два других случая, реальность которых невозможно подтвердить, — Харита (*Apul. Met.* 8.7.4) и Федра, пожелавшая умереть голодом из-за невозможной любви к своему пасынку Ипполиту (*Eur. Hip.* 227).

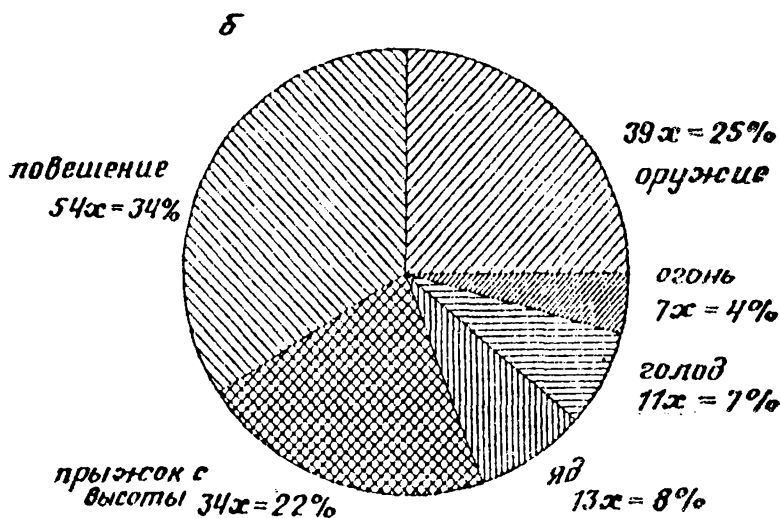
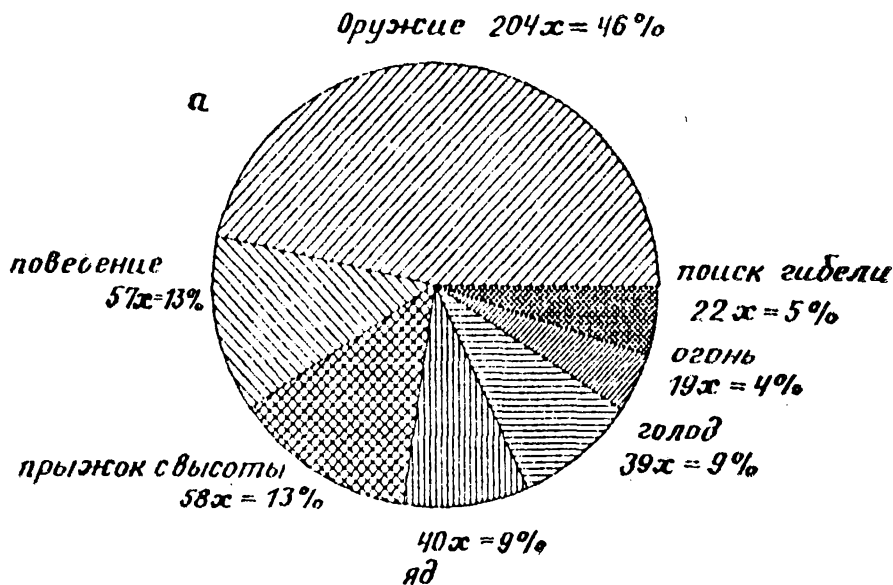

Рис. 1. Сравнение способов самоубийства, избравшихся мужчинами и женщинами: а — указанные в источниках способы самоубийств, избравшиеся мужчинами (439 случаев); б — указанные в источниках способы самоубийств, избравшиеся женщинами (158 случаев)

лось с жизнью ее мужа. Такое рационалистическое объяснение, предложенное греками, показывает все различие между их миром и миром Востока²⁹. Даже в иномире мифа самосожжению почти не было места. По

²⁹ *Diad. Bibl.* XIX.34.1—6.

одному из преданий Семирамида сжигает себя, потеряв свою лошадь. Гибель мужа явилась причиной того, что две мифологические героини бросились в огонь: Лаодамия и Эвадна, жена Капанея. Согласно более ранней версии мифа, поступок Эвадны был вызван крайним отчаянием — она бросается со скал в огонь, пожиривший тело ее любимого. Но на картине, которой Филострат восхищался в галерее в Неаполе, Эвадна шествует на погребальный костер со всеми регалиями первожрицы³⁰.

В свете того неприятия, которое античный мир проявлял к самосожжению, еще более примечательными становятся два случая, когда христианские мученицы искали смерти в огне. В Александрии старая Аполлония, которой угрожали пытками, вырвалась из рук солдат и кинулась в огонь. В случае с Агатоникой мы находимся в выгодном положении, располагая более старой греческой версией и позднейшей латинской. В раннем варианте рассказа Агатоника стояла в толпе у костра, на котором сжигали Карпа. Внезапно она воскликнула: «Это блюдо приготовлено для меня! Я должна разделить трапезу и ответить этого славного блюда!». Кто-то в толпе сказал: «Подумай о сыне», но она ответила, что у него есть Бог. После этого она сорвала свои одежды и, ликуя, бросилась в костер. Латинские «Деяния Карпа и его сподвижников» датируются временем, когда в христианстве прочно установился запрет на самоубийства. По этой версии Агатоника была арестована и приведена на костер³¹; таким образом, было исключено всякое указание на добровольную смерть.

Наконец, путь сознательного поиска гибели был закрыт для женщин. В 22 случаях мужчины жертвуют собой ради общего блага, по большей части — на поле брани. Женщинам такая честь не предоставлялась.

Можно ли выделить типично женские способы самоубийства из тех, что были доступны людям античной эпохи? Достаточно посмотреть на рис. 1, где сравниваются способы самоубийств, использовавшиеся женщинами и мужчинами, чтобы убедиться в том, что вешаться и бросаться с высоты — это преимущественно женские способы. Смерть в петле представлялась вполне обычной для женщины. Преобладание такого способа самоубийства в художественных текстах подтверждает это заключение. Тот факт, что художественные произведения изобилуют примерами, когда женщины бросались с высоты, доказывает, что этот внезапный, отчаянный способ кончать с собой считался типичным для женщин. Ясно, что эти модели суицидного поведения основаны на предположениях о причинах, побуждавших женщин к самоубийству.

ПРИЧИНЫ ЖЕНСКИХ САМОУБИЙСТВ

Уже неоднократно отмечалось, что античное общество представляло собой «культуру стыда»; боязнь потерять лицо являлась важнейшей силой, заставлявшей индивида поступать определенным образом или, напротив, избегать бесславного поведения. Эту же систему ценностей можно усмотреть в тех причинах, которыми античные наблюдатели объясняли самоубийства. Стыд (лат. *pudor*) — самая распространенная причина добровольного ухода из жизни, 296 случаев из 923, когда мотивом самоубийства могли быть установлены. Следующим по важности мотивом было *отчаяние*, *desperata salus* (204 случая), которое, по существу, присутствует во всех остальных случаях; в известном смысле вся-

³⁰ Семирамида: *Hyginus. Fabulae.* 242.4; Лаодамия; *Hyginus. Fabulae.* 94.3; Эвадна: *Eur. Hik.* 1016; *Philostr. Eikones.* 2.30.2.

³¹ *Acta SS. Mart.:* Karpos e. a.

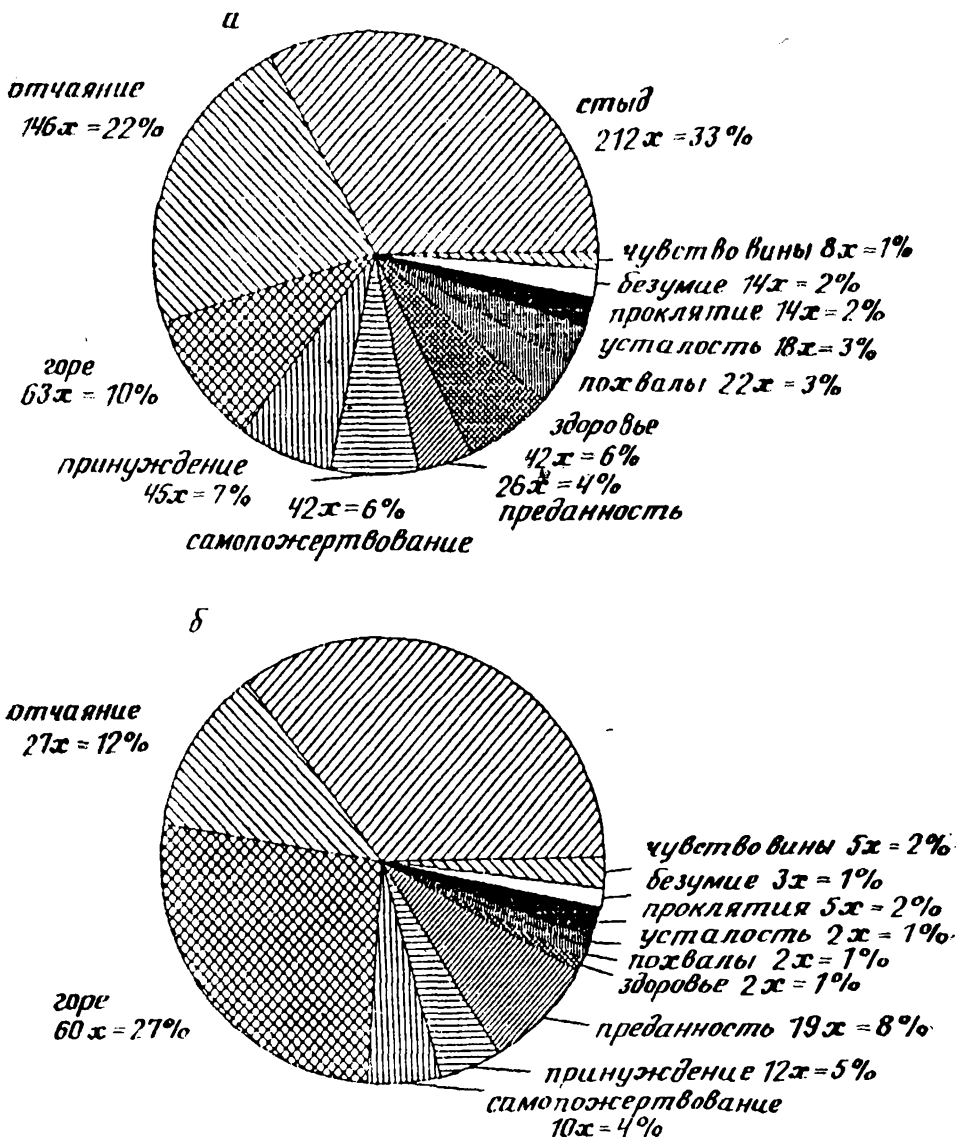

Рис. 2. Сравнение причин самоубийств мужчин и женщин: а — указанные в источниках причины самоубийств, совершенных мужчинами (652 случая); б — указанные в источниках причины самоубийств, совершенных женщинами (226 случаев)

кое самоубийство — следствие потери надежды. Важнее для сопоставлений третья категория, включающая самоубийства, совершенные из-за горя (dolor): как и в наше время, потеря близких родственников или возлюбленного могла толкнуть человека к смерти, но в отличие от современной ситуации эта категория самоубийств, судя по нашим источникам, значительно уступает по численности самоубийствам, продиктованным:

чувством стыда³². Распределение самоубийств по этим мотивам показано на рис. 2.

Хотя, разумеется, существовала огромная разница между обстоятельствами, вызывавшими смертельный стыд у мужчин и женщин, соотношение мужских и женских самоубийств, совершенных по мотивам стыда, оставалось в пределах общего показателя: на три мужских самоубийства приходилось одно женское (212 случаев против 79). Стыдливость была не только идеальным качеством, которого требовали от женщин миф и поучительные истории, но и в значительной мере исторической реальностью (44 действительных случая против 35 вымышленных или сомнительных). Половое насилие причиняло женскому самолюбию непоправимый ущерб. Известно, что несколько спартанских девушек покончили с собой со стыда (*huro aischynes*) после того, как были изнасилованы мессенцами. Иола бросилась с городской стены Эхалии, когда Геракл взял город, но не разбилась, потому что ее одежда погасила скорость падения³³. Когда Гесиод соблазнил дочь Фегея, ее, по одной версии, убили братья; согласно другому рассказу, она повесилась. Априату преследовал Трамбел, и, по некоторым рассказам, она бросилась в море. То же самое сделала Галия, изнасилованная своими сыновьями³⁴.

Мифы содержат ужасающие семейные трагедии: во многих из них разрабатывается проблема кровосмешения. В тех случаях, когда известны и древние версии мифа, мы иногда можем проследить некоторое развитие во взглядах на инцест. Гомер без малейших признаков отвращения говорит о сыновьях Эола, женившихся на своих сестрах. В более поздней версии сказано, что одна из сестер, Канака, забеременела от своего брата Макарея. Узнав о таком позоре, Эол послал им меч³⁵. Мифы осуждают не только сексуальные отношения между братом и сестрой. Связь между отцом и дочерью кончается смертью девушки, вне зависимости от ее личной ответственности. Так умерла Гарпалика, которую изнасиловал ее отец Климен, то же случилось и с дочерью египетского фараона Микерина. Спасаясь от приставаний своего отца Ассаона, Ниоба бросилась со скалы, успев перед этим сжечь своих детей³⁶. Не всегда в мифах женщины выступают безвольными жертвами похоти своих отцов; есть примеры и того, как девушка сама соблазняет отца. Пелопее с помощью хитрых уловок удалось вступить в связь с отцом. Мирра (ее называют также Смирной) обманным путем прокралась на ложе отца. Что касается общей смысловой направленности мифов, то они подтверждают запрет на сексуальные отношения между родственниками. Значима здесь лишь объективная по-

³² Здесь нет места объяснять причины моей классификации мотивов самоубийств. Достаточно будет сказать, что я принял античную парадигму мотиваций, главным образом из римских юридических источников, в которых достаточно подробно описаны все мыслимые причины (Dig. 3.2.11.3; 28.3.6.7; 29.5.1.23; 49.14.45.2; Ruffus. *Leges militares*. 24).

³³ Спартанские девушки: *Paus.* IV.4.2. О сходном с прыжком Иолы удачном падении Клизии, пытавшейся избежать брака с Валерием Торкватом, рассказывает Плутарх (Mor. 308 F).

³⁴ Дочь Фегея: *Certamen Homeri et Hesiodi*. 245; Априата: *Parthenios. Erotika pathemata*. 26.2.

³⁵ У Канаки, историю которой рассказал Еврипид в «Эоле», есть римский двойник — Канулия. Она была одной из шести дочерей Папирия Толуцера и Юлии Пульхры. Ее сарпий брат Папирий Роман вступил с ней в любовную связь. Узнав о таких ужасных отношениях, отец послал Канулию меч; о наказании сына не упоминается (*Plut. Mor.* 312D).

³⁶ Гарпалика: *Parthenios. Erotika pathemata*. 13; дочь Микерина: *Herod.* II. 131; Ниоба: *Parthenios. Erotika pathemata*. 33.13.

теря чести, а не личная вина, как это показывает драма Эдипа и Иокасты ³⁷. Имеются и исторические примеры. Некая женщина увидела во сне, что у нее «на груди растут колосающиеся стебли пшеницы и, изгибаясь книзу, уходят внутрь ее чресел». Позднее у нее по несчастной ошибке, как прямо говорит Артемидор, рассказавший об этом случае из его практики снотолкователя, произошло соитие с сыном. Когда бесчестие открылось, женщина покончила с собой ³⁸.

Эти повествования сообщают преимущественно о сексуальных преступлениях, но порой и иные случаи потери женского достоинства называются в качестве причин самоубийства. Когда в 146 г. до н. э. Муммий взял Коринф, Боиска сначала убила свою дочь, как об этом говорит Родопа в эпитафии, а затем покончила с собой, чтобы избежать позорного рабства. Конечно, боязнь унижительного сексуального насилия имела место и в этом случае, ставшем сюжетом для одной из поэм Греческой антологии ³⁹.

Иное дело матери, устыдившиеся поведения своих детей, как, например, Леда, мать Елены, или мать Фемистокла ⁴⁰.

Как было сказано выше, *desperata salus* (отчаяние) покрывает целый ряд мотивов, отличающихся, пожалуй, лишь тем, что среди них нет каких-либо иных ярко выраженных причин. Поэтому едва ли есть смысл подробно останавливаться на содержании побуждений этого типа. Внимание заслуживает лишь тот факт, что античные наблюдатели, говоря о женских самоубийствах, не так часто довольствуются расплывчатым объяснением «отчаяние», называя причину самоубийства: всего 27 случаев (против 146 случаев мужских самоубийств) объяснялись потерей надежды. Женские самоубийства требовали более точного объяснения.

Две павшие весталки потеряли всякую надежду, когда открылось, что они нарушили обет безбрачия. Каннуция Кресцентина и Флорония покончили с собой, чтобы избежать погребения заживо, причем первая бросилась с высоты: способ самоубийства подчеркивает отчаяние ⁴¹. Вымышленные женские самоубийства от отчаянья можно проиллюстрировать историей Фисбы, покончившей с собой в порыве отчаяния, когда она обнаружила тело Пирама: он заколол себя мечом по роковому недоразумению. Это одно из немногих самоубийств, нашедших отображение в античной живописи: в Помпеях в доме Лорея Тибуртина была найдена весьма посредственная картина, изображающая Фисбу в тот момент, когда она бросается на огромный меч. Этот необычный для девушки способ самоубийства был, разумеется, подсказан самой ситуацией — одно и то же оружие используется для совместного самоубийства ⁴².

Безмолвное отчаяние не позволяет проводить тонкие градации. Когда же самоубийство вызывалось горем, нам легче проследить различия между системами ценностей, в которых жили мужчины и женщины. Так, считалось, что женщина, потерявшая супруга, сына или возлюбленного, скорее покончит с собой, чем мужчина в аналогичной ситуации. Показательно, что при общем соотношении женских и мужских самоубийств 1 : 3, в разряде самоубийств «с горя» женщины почти не уступают мужчинам — 60 : 63. Вымышленные примеры ясно указывают на то, что горе было

³⁷ Пелопей: *Hyginus. Fabulae.* 87; 243.8; Мирра (Смирна): *Ovid. Met.* 10.378.

³⁸ *Oneirokritika.* 5. 63.

³⁹ *Anthologia Palatina.* 7. 493.

⁴⁰ Леда: *Eur. Hel.* 200; мать Фемистокла: *Plut. Them.* 1.138.4.

⁴¹ *Cass. Dio. LXXVII (LXXVIII).* 16.3; *Liv.* XXII. 57.2.

⁴² В Помпеях были найдены еще три росписи, изображающие эту сцену, как она описана у Овидия.

преимущественно женским мотивом самоубийства (из 60 отмеченных самоубийств этой категории 48 — вымышленных). В любовных историях юная главная героиня чаще выражает намерение покончить с собой, чем ее молодой партнер, хотя в романах и молодому человеку не возбраняется размышлять о самоубийстве, если он ошибочно поверил в смерть своей возлюбленной или в то, что она не отвечает на его чувства. Юная Акротелевтия восклицает:

«О, если не захочет взять женой меня — готова
К ногам его упасть, молить! Постыгнет неудача —
Убью себя, жить без него, я чувствую, не в силах»⁴³.
(перевод А. Артюшкова)

Когда в прелестной пасторали Лонга Хлоя подумала, что Дафнис ее разлюбил, первой мыслью героини было — «Мне больше не жить!». Договор влюбленных о самоубийстве описан у Филострата. В неапольской галерее он видел одну картину, передававшую несколько сцен. «Скалистый берег, хранящий следы вот какой истории. Жили некогда юноша и девушка, оба красивые, оба учились у одного учителя. Они полюбили друг друга, но не было у них возможности обняться. Тогда они решили броситься со скал; так в своем первом и последнем объятии они и упали в море. А Эрот стоит на скале, указывая рукой на море; таким образом художник хотел показать, какой рассказ он имеет в виду»⁴⁴.

Самое острое горе — скорбь по умершему. Здесь число женских самоубийств заметно превосходит число мужских. Редко случалось, чтобы муж накладывал на себя руки, потеряв жену. Валерий Максим приводит в своей сводке памятных историй всего два примера такой мужской любви к супруге (амог coniugalis)⁴⁵. Однако известно немало женщин, которые не могли пережить свое горе. Римская история знает примеры Агриппины Старшей, уморившей себя голодом, когда она потеряла Германика; жены Лигария, ушедшей вскоре вслед за мужем; Порции, которая нашла способ умертвить себя, как ни старались окружающие убрать от нее все смертоносные предметы. «Но если есть желание и воля, скорбящая жена всегда находит способ», — таким замечанием Марциал сопровождает рассказ о том, как Порция проглотила горящие угли. Это средство было под рукой в любом доме; им воспользовалась также Сервилия, жена Лепида, которую побуждали к самоубийству сходные причины — скорбь и верность⁴⁶.

Все эти достойные подражания примеры были отмечены римскими историками. В греческих книгах нет ни одного исторического случая, но художественные тексты неоднократно говорят о самоубийствах скорбящих женщин. Клита повесилась, так же поступила и Филлида, когда решила, что ее муж (по некоторым версиям — суженый) мертв⁴⁷.

Итак, в мифах и повестях скорбь представлена как чувство, которое в женщинах должно доходить до таких пределов, чтобы они кончали с собой. Эта тема присутствует и в «черном юморе». Умирает некий женоненавистник, который тем не менее был женат. Его жена причитает в отчаянии: «Если с тобой что-нибудь случится (эвфемизм для смерти), я повешусь».

⁴³ Plaut. Mil. 1239—1241.

⁴⁴ Philostr. Eikones. 1.12/13.

⁴⁵ Гай и Марк Плавций Нумида: Val. Max. IV.6.2.3.

⁴⁶ Агриппина Старшая: Suet. Tib. 53.2; не названная по имени жена Лигария: App. BC. IV.4.23; Порция: Val. Max. Mem. IV.6.5; Сервилия: Vell. Pat. II.88.3.

⁴⁷ Клита: Parthenios. Erotika pathemata. 28.2; Филлида: Hyginus. Fabulae. 243.6.

Умирающий открывает глаза и говорит: «Будь добра, сделай такое одолжение, пока я жив»⁴⁸.

И в художественных текстах, и в редких исторических случаях женские самоубийства, вызванные горем, показывают определенную «половую симметрию», господствовавшую в античном обществе. Эмоции — это сфера женщин. Самоубийство вследствие чрезмерного горя считалось естественным для женщин: это объясняет, почему в данном разряде самоубийств женские составили почти половину. Женщины — носительницы семейных добродетелей, и этот общепринятый взгляд подтверждается суицидным поведением женщин.

Вынужденное самоубийство по приказу императора приходит на память первым, когда думаешь о мотивах самоубийств в античном мире. Эта весьма своеобразная категория стала ведущей в картине античных самоубийств благодаря силе тацитовых суровых описаний положения дел при раннем принципате. Если судить по абсолютным цифрам, вынужденные самоубийства не играли такой уж большой роли — «всего-то» 45 случаев. Конечно, опасность, исходящая от власти, чаще грозила мужчинам, но все же известно 12 случаев (и все исторические), когда кончать с собой вынуждали женщин. Олимпиада велела совершить самоубийство Эвридике, жене Филиппа Арридея, полоумного единокровного брата Александра. Жестокая женщина послала невестке на выбор меч, удавку и яд. Эвридика нашла единственный способ проявить некоторую независимость — повесилась на собственном поясе. Конечно, большинство женщин, жертв вынужденного самоубийства, обладали политическим весом, который определялся положением их мужей. Но отмечен и один такой случай с частным лицом. Фабий Пиктор рассказывает в своих *Historiae* о женщине, открывшей ящичек, в котором лежал ключ от винного погреба. Ее поймали на месте преступления, и семья женщины заставила ее уморить себя голодом. Данный рассказ показывает, что римлянкам в раннюю эпоху не разрешалось пить вино⁴⁹.

Те общественные роли и общественные обязанности, исполнение которых возлагалось на мужчин, объясняют, почему *самопожертвование* ради другого человека или ради всего общества было прежде всего мужским делом. Однако и здесь участие женщин достаточно заметно: 10 случаев против 42. В некоторых из этих случаев подчеркивалось, что женщины сделали то, что должны были бы сделать мужчины. Наиболее показательны случаи, когда женщины вели себя подобно Алкестиде: отдавали свою жизнь ради спасения мужа. Мы не знаем точно, что же именно происходило. Из некоторых надписей ясно лишь одно — люди были твердо уверены, что своей добровольной смертью женщина спасла жизнь мужа. В эпитафии из Одесса (Фракия) неназванную женщину благодарят следующими словами: «...даровав мне жизнь и свободу. Ныне она умерла вместо меня; достойна славы и похвал, как Алкестиды». Еще одна «вторая Алкестиды» известна по имени — Калликратея. Надпись говорит от ее лица: «Я — новая Алкестиды. Умерла за моего благородного мужа Зенона». Целый ряд текстов, латинских и греческих, прославляет некую Ацилию Помпидию, отдавшую жизнь за своего мужа Филиппа. Стоят ли за этими надписями реальные акты самоуничтожения или, что более вероятно, это лишь примеры чрезмерного самовнушения? Среди редких

⁴⁸ Philogelos. 248.

⁴⁹ Эвридика, жена Арридея: *Diod.* XIX.11.7; жена римлянина, пытавшаяся провизнуть в винный погреб: *Plin.* NH.XIV.89.

эпитафий самоубийц представлены и женские. Некая Оппия восхваляется как образец супружеской преданности; к Лаодамии и Арии (греческим и римским олицетворением женской преданности) обращена просьба принять ее в их святое содружество. Так надписи говорят о достойных подражания актах самопожертвования женщин, проявивших исключительную преданность⁵⁰.

В целом преданность (англ. *loyalty*) была добродетелью, требовавшейся от лиц, которые занимали менее высокое положение на ступенях социальной лестницы. Отношение женщины к мужу во многом являлось примером такого неравного партнерства. С этим согласуется хорошо установленный факт, что самоубийства, совершенные из преданности (*Fides*), приписываются женщинам чаще, чем можно было бы ожидать, исходя из общего коэффициента 1 : 3; против 26 случаев, когда верные друзья покончили с собой вслед за своим патроном, я обнаружил не менее 19 примеров, из которых 14 реальные, когда женская преданность была столь велика, что приводила к самоубийству. (Эту категорию самоубийств следует отличать от самоубийств, совершенных под влиянием скорби, которые требовали некоторого времени для принятия решения умереть.) По-видимому, некоторые знатные римлянки без колебаний решались умереть после смерти мужей. Когда в 82 г. до н. э. Антистию перерезали горло, его жена Кальпурния взяла меч и заколола себя. Веллей Патеркул, восхваляя этот поразительный пример преданности, употребляет такие слова, как *gloria* и *fama*. В одном вымышленном случае женская преданность является темой риторического упражнения. Сенека Ритор рассказывает такую историю. Как-то муж с женой дали клятвы друг другу, что, если что-нибудь случится с одним из них, другой покончит с собой. Муж, едва покинув дом, послал вестника с сообщением о своей смерти. Преданная жена бросилась с высоты, но осталась жива. Когда она поправилась, ее отец приказал ей развестись. Однако она отказалась сделать это. Тогда она была лишена наследства. Это решение ее отца оспаривается в суде. В заявлении истицы упоминаются мифологические примеры женщин, бросавшихся в погребальный костер мужей, и случаи, когда жены спасали своих мужей ценой собственной жизни, — вероятно, имелись в виду Лаодамия и Алкестида⁵¹.

В распределении мотивов самоубийств можно увидеть подтверждение мысли о том, что старые женщины были «незаметны» в античном обществе. Для людей преклонного возраста характерны две причины самоубийств — ухудшающееся здоровье и усталость от жизни. Я собрал 44 случая, когда люди кончали с собой из-за ухудшающегося здоровья (*impatientia*). В 20 случаях указывалось, что человек устал от жизни (*taedium vitae*); здесь душевные и телесные недомогания сопутствуют друг другу. В обеих категориях самоубийств встречаются лишь несколько женщин. Среди лиц, которые не могли более выносить свою болезнь, отмечены только две женщины. Исторический пример весьма сомнителен: *говорят*, что Порция, дочь Катона Младшего и жена Брута, еще до своего славного конца в 42 г. до н. э., когда она разделила участь мужа, думала о самоубийстве из-за плохого здоровья. Другой, очевидно вымышленный, случай — нищенка в одном назидательном христианском повествовании. Ее поучал Св. Петр,

⁵⁰ Алкестида из Одесса: *Peek. Griechische Verinschriften*. I. 2088a; Калликратея: *ibid.* 1738; Помпидия: *CIL*.X.7563—7578; Оппия: *CIL*.X.5920.

⁵¹ Кальпурния: *Vell. Pat.* II.26.3; жена, которую обманно толкнули к самоубийству: *Seneca Rhetor. Controversiae*. II.2.

спросивший ее, почему она не трудится. Нищенка ответила, что зарабатывать на жизнь ей не позволяют больные руки, и добавила, что, «будь она мужчиной», — бросилась бы в пропасть или в море. Петр припугнул ее, сказав, что за самоубийства людей наказывают на том свете. В конце концов он чудесным образом исцелил ее и вернул ей одного из сыновей, которого она считала умершим⁵². *Taedium vitae*, возможно, была причиной смерти Випсании Агриппины (см. выше), если она действительно совершила самоубийство. Отказ от пищи, который, как полагают, она избрала, был излюбленным способом самоубийства стариков, решивших, что они прожили свое.

Мужчины, совершавшие самоубийство, будучи убежденными в том, что жизнь их исчерпана, часто устраивали из своей добровольной смерти своеобразное представление: голодать до смерти в кругу сочувствующих друзей было излюбленным и почетным способом ухода из жизни. Некоторые философские умы приходили к выводу, что не имеет смысла ждать конца, predetermined природой. Убивая себя не без вызова и некоторой похвальбы, они демонстрировали свою свободу. Нетрудно представить себе, что у женщин едва ли была возможность заслужить высокую репутацию подобным образом. Против 22 случаев самоубийств мужчин можно отметить лишь два женских самоубийства, совершенных ради того, чтобы заслужить одобрение (*iactatio*) окружающих. О женщинах, совершивших такие самоубийства, мы говорили в других разделах нашей статьи: это — Агатоника, христианка, бросившаяся в костер, и старая дама с острова Кеос, которая выпила яд на глазах озадаченных римлян.

Наконец, существует еще несколько численно небольших категорий самоубийств, совершенных по очень своеобразным причинам. В 19 случаях люди, совершая самоубийство, старались навлечь проклятие на какого-либо человека или общину. В этой категории женщины представлены в соответствии с общим показателем 1 : 3 — 5 случаев. Сохранилось случайное свидетельство, которое позволяет нам увидеть изнутри настроение одной такой несчастной женщины: Исидора в письме мужу грозит повеситься, если ребенок умрет, а он не вернется вовремя. Сходный элемент мщения есть и в вымышленном примере, созданном Сенекой Старшим: во время гражданской войны некая женщина оставалась преданной своему мужу, несмотря на недовольство ее отца, сторонника другой партии. Когда партия ее мужа была разбита, а сам он погиб, женщина вернулась в дом отца. Тот, однако, отказался впустить ее в дом. «Что же мне делать?», — спросила она в отчаянии. «Умереть», — безжалостно ответил он. И тогда она от отчаяния и желания отомстить повесилась в портике дома. Место, выбранное для самоубийства, ясно показывает, что женщина хотела наказать безжалостного отца, посеяв у него в душе чувство вины⁵³.

В античных представлениях о самоубийстве *чувство вины* не выступает в числе главных мотивов. Конечно, не всегда можно провести грань между стыдом и чувством вины, но ясно, что угрызения совести не играли здесь большой роли. Среди небольшой группы людей, совершивших или пытавшихся совершить самоубийство из-за угрызений совести или чувства вины, женщин «больше, чем положено», — 5 случаев на 8 мужских, но ни один из этих примеров не может считаться реальным. Алкиноя была замужем за Амфилохом, но влюбилась в Ксанфа и бежала с ним на его корабле.

⁵² Порция: *Plut. Brut.* 53.5; нищенка. *Pseudo-Clementina.* 12.13 (*Migne. Patrologia Graeca* II.312 B).

⁵³ Исидора: *PSI.* 177; дочь безжалостного отца: *Seneca Rhetor. Controversiae.* 10.3.

Потом она, однако, почувствовала такую вину, что прыгнула за борт ⁵⁴.

С прошлого столетия объяснения самоубийств ищут обычно в душевном расстройстве. Как-то спокойнее считать, что самоубийство не совершается нормальным человеком. И хотя в последние десятилетия специалисты предупреждают о том, что нельзя все самоубийства рассматривать как поступки лиц неуравновешенных, в важности психических факторов сомнений не высказывалось. В античных представлениях о самоубийстве подобного подхода не было; какой-либо врожденной предрасположенности к самоубийству не замечали. Иногда (17 случаев) люди убивали себя в приступе бешенства. Эта острая форма сумасшествия в определенном смысле не воспринималась как абсолютно не подобающая человеку, например, испытавшему жестокий удар судьбы. Среди тех, кто покончил с собой в состоянии безумия, отмечены всего три женщины. Мифологический пример находим в истории Аглавры и Герсы. Вопреки прямому запрету Афины они заглянули в ларец, врученный им богиней. Увидев Эрхтония, они сошли с ума и бросились с высоты. Следует заметить, что безумие здесь, как и в большинстве других случаев, считалось вызванным особой причиной — божественным наказанием или ужасным переживанием. Божество названо в качестве возможной причины эпидемии самоубийств, охватившей в 277 г. до н. э. Милет. Без всяких видимых причин милетские девушки стали вешаться одна за другой. Часть людей винили в этом богов, другие искали объяснений в перемене климата, воздуха. Разумеется, никто из древних не пытался объяснять самоубийства социальными причинами, например сложным и опасным положением молодых девушек. Эпидемия прекратилась после того, как милетяне последовали совету какого-то мудрого человека. Он предложил обнаженные тела повесившихся проносить по улицам города ⁵⁵. Это грубое средство положило конец загадочному явлению, единственному случаю «инфекционных» самоубийств, отмеченному в античности.

Можем ли мы, завершив наш мрачный обзор групп, способов и причин, выявить какие-либо особые черты, присущие женским самоубийствам? И был ли смысл проводить различие между реальными случаями и теми, о которых говорят мифы и неясные слухи? Женские самоубийства не привлекали внимания историков и авторов других достоверных книг. Однако вымысел — в том широком смысле, в каком мы употребляем здесь это слово — может много рассказать о ситуациях, толкавших женщин к самоубийству, и о способах ухода из жизни, считавшихся типично женскими. То, на что указывает фактический материал, вымысел подтверждает и дополняет: выбирая способ самоубийства, женщины предпочитали петлю или прыжок с высоты. Они стеснялись публичности, которой жаждали многие мужчины, когда кончали с собой. Мотивами женских самоубийств были личные переживания или на это их толкали семейные добродетели.

В современной литературе положение женщин в античном обществе часто называют бедственным. Что женщины на самом деле думали о своем положении — почти не известно, и уж совсем ничего нельзя сказать о том, насколько они благоденствовали: счастье — это неисторическая величина, для его измерения нет каких-либо параметров. Но на все — часто поверхностные — нынешние сетования на жалкое положение женщин в классической древности можно возразить, что античный мир удивительно рано проявил интерес к «внутреннему миру» женщин. Во многих мифах, драмах

⁵⁴ *Parthenios. Erotika. pathemata. 27.2.*

⁵⁵ Аглавра и Герса; *Paus.*, I.18.2 (см. также *Hyginus. Fabulae. 166; Eur. Ion. 21 sq., 270 sq.*); милетские девушки; *Plut. Mor. 249.*

вли повестях раскрывается женский взгляд на жизнь и смерть. И наше подробное исследование женских самоубийств, реальных и вымышленных, позволяет обнаружить то же внимание и понимание древними женской души.

БИБЛИОГРАФИЯ

Здесь указаны названия только тех работ, которые имеют исключительную важность для данной статьи. Более полную библиографию см. в моей книге «From Autothanasia to Suicide».

- Aigner H.* Der Selbstmord im Mythos. Habilitations-Schrift. Graz, 1982
Baechler J. Les suicides. P., 1975
Bayet Albert. Le suicide et la morale. P., 1922
Bels J. La mort volontaire dans l'oeuvre de saint Augustin // *Revue de l'histoire de religions.* 1975. 187. P. 147—180
Bohannan. African Homicide and Suicide. Princeton — New York, 1960
Donat de Chapeaurouge P. (ed.) Selbstmorddarstellungen des Mittelalters // *Zeitschrift für Kunstwissenschaft.* 1960. 14. S. 135—146
Delcourt M. Le suicide par vengeance dans la Grece ancienne // *Revue de l'histoire des religions.* 1939. 119. P. 154—171
Donaldson I. The Rapes of Lucretia. A Myth and its Transformations. Oxf., 1982
Dover K. J. Greek Popular Morality. Oxf., 1974
Durkheim Emile. Le suicide. 1897: 2-me ed. P., 1930
Fraenkel E. Selbstmordwege // *Philologus.* 1932. 87. S. 470—473
Garland R. The Greek Hay of Death. L., 1985
Geiger K. A. Der Selbstmord im klassischen Altertum. Augsburg, 1888
Gelfand M. Suicide and Attempted Suicide Among the Shona: Research Report // *Zambezia.* 1972. 2.2. P. 73—78
Godderis Jan. Galenos van Pergamon over psychische stoornissen, Leuven — Amersfoort, 1988
Gourevitch D. Le triangle hippocratique dans le monde Greco-Romain. Le malade, sa maladie et son medicin. Paris — Roma, 1984
Griffin M. F. Seneca. A Philosopher in Politics. Oxf., 1976
Grisé Y. Le suicide dans la Rome antique. Montréal — Paris, 1983
Haegg Tomas. The Novel in Antiquity. Oxf. 1983 (Swedish edition 1980)
Hirzel R. Der Selbstmord // *Archiv für Religionswissenschaft.* 1908. 11. S. 75—104, 243—284, 417—476; Nachdruck. Darmstadt, 1966
King Helen. Bound to Bleed: Artemis and Greek Women // *A. Cameron, A. Kurt.* Images of Women in Antiquity. L., 1983
Moron P. Le suicide. P., 1975
Schmidt B. Der Selbsmord der Greise von Keos // *Neue Jahrbücher für Klass. Alt.* 1903. 11. S. 617—628
Steiner G. Antigones. The Antigone myth in Western literature, art and thought. Oxf., 1984
Taylor Steve. Durkheim and the Study of Suicide. L., 1982
Thalheim. Selbstmord // RE
Versnel H. S. Destruction, Devotio and Despair in a Situation of Anomy: The Mourning for Germanicus in Triple Perspective // *Perennitas, Festschrift, Brelich, Roma, 1980*
Versnel H. S. Self-sacrifice, Compensation and the Anonymous Gods // *Le sacrifice dans l'antiquité. Entretiens sur l'antiquité classique.* 27. Geneve, 1981. P. 135—194
Voisin J.-L. Le suicide d'Amata // *REG.* 1979. 57. P. 254—266
Voisin J.-L. Apicata, Antinous et quelques autres // *Mélanges d'archeologie et d'histoire de l'ecole française de Rome.* 1987. 99. 1. P. 257—280
Wacke Andreas. Der Selbstmord in römischen Recht und in der Rechtsentwicklung // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte-Romanist. Abt. Series.* 1980. 97. S. 26—77
Walcot Peter. Suicide. A Question of Motivation // *Studies in Honour of T. B. L. Webster.* I. Bristol, 1986. P. 231—237

СПИСОК 229. СЛУЧАЕВ ЖЕНСКИХ САМОУБИЙСТВ

Имя ¹	К ²	Снос. ³	Мотив ⁴	С ⁵	Р ⁶	
Acroteleutium	P	?	горе	—	—	Plaut. Mil. 1239—1241
Aemilia Lepida	P	?	стыд	+	+	Tac. An. VI.40.4 (46.4)
Agathonike	G	ог.	похв.	+	+	Acta SS. Mart.: Karpos e.a.
Aglauros et Herse	G	прыж.	безум.	+	+	Paus. I.18.2
Agrippina maior	P	гол.	горе	+	+	Suet. Tib. 53.2.
Agrippina minor	P	?	стыд	+	—	Cass. Dio. LXI (LXII).14.3
Aithra	G	?	горе	+	+	Hyginus. Fab. 243.2
Albucilla	P	оруж.	стыд	—	+	Tac. An. VI.48.6 (54.6)
Alkestis	G	?	сам.	+	+	Hyginus. Fab. 243.4
Alkestis in Odessos	G	?	сам.	+	+	Peek. Gr. Versinschr. 12088a
Alkinoe	G	прыж.	вина	+	+	Parthenios. Er. path. 27.2
Althaia	G	оруж.	горе	+	?	Ov. Her. 9.157
Amata	H	пов.	горе	+	?	Verg. Aen. 12.603
Amophinome	G	оруж.	прокл.	—	?	Diod. IV.52.5
Amophinomene	G	оруж.	стыд	+	?	Diod. IV.50.2
ancilla Graeca	G	пов.	отч.	—	+	Val. Max. VII.3 ext. 5
Anthia 1	G	?	отч.	—	—	Xen. Eph. 2.1.4 sqq.
Anthia 2	G	?	сам.	—	—	Xen. Eph. 2.4.5 sqq.
Anthia 3	G	?	яд	—	—	Xen. Eph. 3.5.7 sqq.
Anthia 4	G	?	горе	—	—	Xen. Eph. 4.5.6
Anthia 5	G	?	отч.	—	—	Xen. Eph. 5.8.
Antigone	G	пов.	отч.	+	?	Soph. Ant. 1221
Antikleia	G	?	горе	+	?	Hyginus. Fab. 243.1
Antipoini filiae	G	?	сам.	+	?	Paus. IX.17.1
Antistia Pollita	P	оруж.	пред.	+	+	Tac. An. XVI.11.4
Antonia	P	?	прин.	+	+	Cass. Dio. LIX.3.6
anus Cea	G	яд	похв.	+	+	Val. Max. II.6.8
anus quaedam	P	пов.	уст	+	—	Apul. Met. 6.30
Apicata	P	?	отч.	+	+	CIL. XIV.4533c 11. r. 17—18
Apollonia	P	ог.	отч.	+	+	Eus. HE.6.41
Apriate	G	прыж.	стыд	+	?	Parthenios. Er. path. 26.2
Arachne	G	пов.	стыд	+	?	Ov. Met. 6.134
Arganthon	G	гол.	горе	+	?	Parthenios. Er. path. 36.5
Ariadne	G	пов.	горе	+	?	Plut. Thes. 20
Aristotimi uxor	G	пов.	отч.	+	+	Plut. Mor. 253B
Arria Prisca 1	P	проч.	пред.	—	+	Plin. Ep. III.16.12
Arria Prisca	P	оруж.	пред.	+	+	Mart. 1.13
Arruntii uxor	P	гол.	горе	+	+	App. Emph. 4.4.21
Axiothea et affines	G	?	стыд	+	+	Diod. XX.21.2
Basilida filia	G	пов.	отч.	+	+	Suidas s. v. Pythagoras Eph.
Basilo	G	?	горе	+	?	Antologia Palatina. 7.517
Berenike	G	яд	прин.	—	+	Plut. Luc. 18.6—7
Berenikes mater	G	яд	пред.	+	+	Plut. Luc. 18.6—7
bibax femina	P	гол.	прин.	+	+	Plin. NH. XIV.89
Bisaltia	H	оруж.	горе	+	+	Plut. Mor. 311D
Boiska	G	пов.	стыд	+	?	Antologia Palatina. 7.493
Boudicca	H	яд	стыд	+	+	Tac. An. XIV. 37.2
Britomartis-Diktyinna	G	прыж.	стыд	+	?	Kallim. Hymn. in Artem. 195
Byblis	G	пов.	горе	+	+	Ov. Ars. am. 1.283
Calpurnia, Antistii	P	оруж.	пред.	+	+	Vell. Pat. II.26.3
Cannutia Crescentina	P	прыж.	отч.	+	+	Cass. Dio. LXXVII (LXXVIII). 16.3
Canulia	P	оруж.	стыд	+	?	Plut. Mor. 312D
Caparronia Vestalis	P	пов.	стыд	+	+	Oros. IV.5.9.

¹ Греческие имена даны в транскрипции, максимально приближенной к древнему написанию. Когда имя не указано в источнике, дается латинское описание лица, совершившего самоубийство.

² К — культура: Г — греческая, P — римская, H — не греческая и не римская (варварская).
³ Снос. — способ самоубийства: гол. — голод, ог. — огонь, оруж. — оружие, пов. — повешение, прыж. — прыжок с высоты, проч. — прочие.

⁴ Мотив — причина самоубийства: безум. — безумие (furor); вина (conscientia), горе (dolor), злор. — ухудшение здоровья (inpatientia), отч. — отчаяние (desperata salus), пред. — преданность (fides), прин. — принуждение (necessitas), похв. — стяжение похвал (iactatio), прокл. — навлечение проклятий (execratio), сам. — самопожертвование (devotio), стыд (pudor), уст. — усталость (taedium vitae).

⁵ С — совершение самоубийства: + = совершено, — = нет, ? = сомнительно

⁶ Реальность: + = реальное (т. е. представлено источником как исторический случай); — = вымышленное, ? = сомнительный случай.

	К*	Спос. *	Мотив *	С*	Р*	
Charilla	Г	пов.	стыд	+	+	Plut. Mor. 293D
Charite	Г	оруж.	стыд	+	-	Apul. Met. 8.14
Charite	Г	гол.	горе	-	-	Apul. Met. 8.7.4
Charmion	Г	яд	пред.	+	+	Plut. Ant. 85
Chilonis	Г	пов.	отч.	-	+	Plut. Pur.27.9
Chloe 1	Г	?	горе	-	-	Longos. IV.18.2
Chloe 2	Г	?	горе	-	-	Longos. IV.27.2
Clusia	Р	прыж.	стыд	-	?	Plut. Mor. 308F
Comensis uxor	Р	прыж.	горе	+	+	Plin. Ep. VI.24.2--5
conspirata	Р	оруж.	стыд	+	+	Cass. Dio. LVIII.27.4
Cornelia, Calvisii uxor	Р	?	стыд	+	+	Cass. Dio. LXIX.18.4
Cornelia, Pompeii uxor	Р	проч.	горе	-	+	Luc. Phars. 654--661.
Cornificia	Р	оруж.	прин.	+	+	Cass. Dio. LXXVII (LXXVIII).16.6a
Damokrita	Г	оруж.	стыд	+	+	Plut. Mor. 775E
Danae	Г	пов.	стыд	-	?	Aesch. Diktuoulokoï, fr. 168
Deianeira	Г	оруж.	стыд	+	?	Soph. Trach. 881
Demo	Г	пов.	горе	+	+	Antologia Palatina. 7.473
Demonassa	Г	проч.	горе	+	+	Dio Chrys. Or. 64.4
Dido	Н	оруж.	горе	+	?	Verg. Aen. 4.642--692
Dionysii uxor	Г	?	стыд	+	?	Plut. Dio. 3.1
Domitilla	Р	?	стыд	+	+	Lebek. ZPE. 1985.59.7--8
Eiras	Г	яд	пред.	+	+	Plut. Ant. 86
Elektra	Г	оруж.	пред.	-	?	Eur. El. 688
Ennia, Macronis uxor	Р	?	прин.	+	+	Cass. Dio. LIX.10.6
Epicharis	Р	пов.	сам.	+	+	Tac. An. XV.57.2
Erechthei filiae	Г	оруж.	пред.	+	?	Apollod. III.15.4.5
Erigone	Г	пов.	горе	+	?	Apollod. III.14.7.3
Euadne Kapanei uxor	Г	ог.	горе	+	?	Eur. Hik. 1016
Euadne Peliae filia	Г	?	стыд	-	?	Diod. IV.52.5
Euopis	Г	пов.	стыд	+	+	Parthenios. Er. path. 3f
Europa	Г	пов.	отч.	-	?	Hor. Od. 3, 27.57
Eurydike Arrhidasi uxor	Г	пов.	прин.	+	+	Diod. XIX.11.7
Eurydike Kreontis uxor	Г	оруж.	горе	+	?	Soph. Ant. 1282; 1315
femina se iugulans	Г	пов.	?	?	+	Hipp. Ep. 5.33 (L.5.230)
femina somniens	Г	?	стыд	+	+	Artemidor. Oneir. 5.63
feminae pendentes	Г	пов.	?	+	+	Diog. Laert. 6.52
feminae quaedam	Р	?	стыд	+	+	Aug. Civ. 1.17
filia patris demetis	Р	пов.	прокл.	+	-	Sen. Rhet. Contr. 10.3
Floronia	Р	?	отч.	+	+	Liv. XXII.57.2
Fulvii uxor	Р	оруж.	стыд	+	+	Plut. Mor.508B
Gidica	Р	пов.	горе	+	?	Plut. Mor. 314C
Habrok. & Anthiae matres	Г	?	горе	+	-	Xen. Eph.5.6.3
Halia	Г	прыж.	стыд	+	?	Diod. V.55.7
Harpalyke	Г	?	стыд	+	?	Parthenios. Er. path.13
Hasdrubalis uxor	Н	прыж.	стыд	+	+	Flor. I.21.17
Hekabe	Г	прыж.	отч.	+	?	Hyginus. Fab.111
Helena dolens	Г	оруж.	вина	-	?	Eur. Hel.298 + 355
Helena in Troia	Г	?	стыд	-	?	Hom. Il. 3.173
Helena petita	Г	оруж.	пред.	-	?	Eur. Hel. 839
Helena repetita	Г	яд	отч.	-	?	Soph. fr. Radt 178
Hermione	Г	пов.	вина	-	?	Eur. Andr. 811
Hero	Г	прыж.	отч.	+	?	Musaïos 341
Hiketidis	Г	пов.	стыд	-	?	Aesch. Hik. 465+787+803
Hipparchia	Г	?	прокл.	-	+	Diog. Laert. VI.96
Hippo	Г	прыж.	стыд	+	+	Val. Max. VI. 1 ext. 1
Hippodameia	Г	?	отч.	+	?	Hyginus. Fab. 85
Ilione	Г	?	горе	+	?	Hyginus. Fab. 243.4
Ino	Г	прыж.	горе	+	?	Hyginus. Fab. 2.5
Ioessa	Г	проч.	горе	-	-	Louk. Hetair. Logoi, 12.2

	К ²	Спос. ³	Мотив ⁴	С ⁵	Р ⁶	
Iokaste (Hom : Epikaste)	Г	пов.	стыд	+	?	Hom. Od. 11.278—280
Iole	Г	прыж.	стыд	—	?	Plut. Mor. 308F
Ischomachi filia	Г	пов.	стыд	—	+	Andokides. 1.125
Isidora	Г	пов.	прокл.	—	+	PSI. 177
Iulia Domna	Р	гол.	стыд	+	+	Cass. Dio. LXXVIII (LX XIX). 23.1
Kallikrateia	Г	?	сам.	+	+	Peek. Gr. Versinschr. 11738
Kallirhoe	Г	?	стыд	—	—	Charito. II.5.12
Kallirhoe Calydonia	Г	оруж.	стыд	+	+	Paus. VII. 21.1
Kallirhoe Lyci filia	Г	пов.	горе	+	?	Plut. Mor. 311C
Kalyke	Г	прыж.	горе	+	?	Athen. 14.619E
Kalypso	Г	?	горе	+	?	Hyginus. Fab.243.7
Kamma	Н	яд	отч.	+	+	Plut. Mor.258B
Kanake	Г	оруж.	стыд	+	?	Eur. Aiolos
Kleite	Г	пов.	горе	+	?	Parthenios. Er. path.28.2
Kleoboa	Г	пов.	вина	+	?	Parthenios. Er. path.14.4
Kleopatra	Г	яд	стыд	+	+	Vell. Pat. II.87.2
Klytaimnestra	Г	пов.	горе	—	?	Aisch. Agam.875/6
Koneiazomenai	Г	яд	отч.	—	—	Men. Koneiazomenai
Kreusa	Г	проч.	стыд	—	?	Eur. Ion. 1065
Kroisi uxor	Н	прыж.	отч.	—	+	Ktesias. Pers. 4
Kyane	Г	оруж.	стыд	+	?	Plut. Mor. 310C
Laodameia	Г	ор.	пред.	+	?	Hyginus. Fab. 94.3
Leda	Г	пов.	стыд	+	?	Eur. Hel. 200/1
Leokorides	Г		сам.			
Leukippe	Г	пов.	прокл.	—	—	Ach. Tat. II.30.2
Ligarii uxor	Р	гол.	горе	+	+	App. Emph. 4.4.23
Lucretia	Р	оруж.	стыд	+	+	Liv. 1.58.11
Makaria	Г	?	сам.	+	?	Eur. Herakleid. 530. sqq.
Mallonia	Р	оруж.	стыд	+	+	Suet. Tib. 45
matrona et filiae	Р	оруж.	стыд	+	+	Eus. HE.8.14
matrona ornata	Р	прыж.	стыд	+	+	Prok. Anekd.7
matrona violata	Р	?	стыд	+	+	Oros. 5.24.3
matronae venen. te- rentes	Р	яд	отч.	+	+	Liv. VIII.18.8
Medeia	Г	пов.	горе	—	?	Apoll. Rhod. 3.789
mendicans mulier	Г	проч.	здор.	—	—	Clem.12.13/14 (PG 2.312B)
Menippe et Metioche	Г	оруж.	сам.	+	?	Ov. Met. 13.692
Messalina	Р	оруж.	прия.	+	+	Tac. An.XI.38.1
Methymna	Г	пов.	горе	+	?	Antologia Palatina.7.473
Milesiae puellae	Г	пов.	безум.	+	+	Plut. Mor. 249B—D
Milesiae puellae tres	Г	?	стыд	+	+	Antologia Palatina.7.492
Molpadia et Parthenos	Г	прыж.	стыд	—	?	Diod.V.62.3
Monime	Г	оруж.	прия.	+	+	Plut. Luc.18.6
mulieres Ardubenses	Н	прыж.	стыд	+	+	Cass. Dio. LVI.14.5
Munatia Plancina	Р	?	стыд	+	+	Tac. An VI.26.5(6.33.5)
Mutilia Prisca	Р	оруж.	стыд	+	+	Cass. Dio. LVIII.4.6
Mycerini filia	Н	пов.	стыд	+	?	Herod. II.131
Myro et soror	Г	пов.	прия.	+	+	Plut. Mor. 253D
Myrrha (Smyrna)	Г	пов.	стыд	—	?	Ov Met.10.378
Myrtion	Г	пов.	горе	—	—	Louk. Hetair.logoi 2.4
Neaira	Г	?	горе	+	?	Hyginus. Fab. 243.4
Neoboule	Г	пов.	стыд	+	?	Antologia Palatina. 7.69 + + 70 + 71
Nikerati uxor	Г	?	стыд	+	+	Hieoron. adv. Iov.1.44
Niobe	Г	прыж.	стыд	+	?	Parthenios. Er. path. .33.3
Ocellatae sorores	Р	?	прия.	+	+	Suet. Dom.8
Ochne	Г	прыж.	вина	+	?	Plut. Mor.300F
Oinone	Г	пов.	горе	+	?	Apollod. III.12.6
Oppia	Р	?	?	+	+	CIL. X.5920
orbata sacrilega	Р	пов.	горе	—	—	Sen. Rhet. Contr. 8.1
Ovidii uxor 1	Р	?	отч.	—	+	Ov. Trist.1.3.99

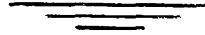
	К ¹	Снос. ²	Мотив ⁴	С ⁵	Р ⁶	
Ovidii uxor 2	P	ог.	пред.	—	+	Ov. Pont.3.1.111/2
Pantheia	H	оруж.	стыд	+	+	Xen. Cyr. VII.3.14
Parthenope	Г	прыж.	горе	+	—	Dionysios Periegetes.359
Paulina, Senecae uxor	P	оруж.	пред.	—	+	Tac. An. XV.63
Paxaea, Labeonis uxor	P	оруж.	пред.	+	+	Tac. An. VI. 29.1(6.35.1)
Pelagia & soror (& mater)	P	прыж.	стыд	+	+	Ambros. Virg.3.33—36
Pelopeia	Г	?	стыд	+	?	Hyginus. Fab.87.243.8
Periandri mater	Г	?	горе	+	+	Plut. Mor.146D
Phaedrae nutrix	Г	прыж.	горе	—	?	Eur. Hip.356
Phaidra 1	Г	гол.	горе	—	?	Eur. Hip.277
Phaidra 2	Г	пов.	стыд	+	?	Eur.Hip.726
Phegei filia	Г	пов.	стыд	+	?	Cert. Hom. et. Hes.245
Pheidonis filiae	Г	прыж.	стыд	+	+	Hieron. ad. Iov.1.41
Phorae uxor	H	прыж.	стыд	—	+	Josephus Pol. Ioud.1.594
Phila	Г	яд	стыд	+	+	Plut. Demet.45.1
Phoebe	P	пов.	стыд	+	+	Suet. Aug. 65
Phyllis	Г	пов.	горе	+	?	Hyginus. Fab. 243.6
Polixena	Г	оруж.	горе	+	?	Philostr. Her. 51.2—6
Pompeia Paulina	P	оруж.	пред.	—	+	Tac. An. XV.64.1
Pomptilla, Atilia L. F.	P	?	сам.	+	?	CIL. X.7563—7578
Poppaea Sabina	P	?	отч.	+	+	Tac. An. XI.2.5
Porcia Catonis filia 1	P	?	здор.	—	+	Plut. Brut. 53.65
Porcia Catonis filia 2	P	проч.	горе	+	+	Val. Max. IV.6.5
Psyches sorores	Г	пов.	горе	—	—	Apul. Met. 5.16
puella in pictura	Г	прыж.	горе	+	?	Philostr. Eik.1.12
puellae ingenuae	P	?	стыд	+	+	Lact. Mort. persec. 38.5
Pythia pressa	Г	прыж.	безум.	+	+	Plut. Mor. 438B
Sappho	Г	прыж.	горе	+	?	Amp.8.4
Selene	Г	прыж.	горе	+	?	Diod. III.57.5
Semiramis	H	ог.	горе	+	?	Hyginus. Fab.242.4
Servilia, Bareae filia	P	?	прин.	+	+	Tac. An. XVI.33.2
Servilia, Lepidi uxor	P	проч.	горе	+	+	Vel. Pat.2.88.3
Sextia	P	оруж.	пред.	+	+	Tac. An. XVI. 11.4
Sextia, Scauri uxor	P	?	пред.	+	+	Tac. An. VI.29.7 (6.35.7)
Simike	Г	прыж.	отч.	—	—	Men. Dysk.583
Sisyngambris	H	гол.	горе	+	+	Diod. XVII.118.3
Skedasi & Leuctri filiae	Г	пов.	стыд	+	+	Diod. XV.53.3
Skylla	Г	прыж.	горе	+	?	Hyginus. Fab. 197.3
soror sponsae corrupta	Г	пов.	стыд	+	+	Canon. Conc. Ancyrae.25
Spartana serva	Г	?	стыд	+	+	Plut. Mor. 242D
Spartanae puellae	Г	?	стыд	—	?	Paus. IV.4.2
Staphyla	P	пов.	отч.	+	—	Plaut. Aul.77
Stheneboia	Г	?	горе	+	?	Hyginus. Fab.57.5
Tegeae puella	Г	?	стыд	+	+	Paus. VIII.47.6
Telesinia Crispinilla	P	гол.	горе	+	+	CIL. IX.2229
Teutonum uxores	H	проч.	стыд	+	+	Flor. I.38.17
Theano	Г	оруж.	отч.	+	?	Hyginus. Fab. 186
Themisto	Г	?	горе	+	?	Hyginus. Fab. 1.2
Themistoclis mater	Г	?	стыд	+	?	Plut. Them.2.6
Thisbe	H	оруж.	отч.	+	?	Ov. Met.4.162
Tigurinorum uxores	H	проч.	стыд	+	+	Oros. V. 16.13
uxor Ketei iunior	H	ог.	пред.	+	+	Diod. XIX.34.1—6
uxor mariti absentis	P	прыж.	пред.	—	—	Sen. Rhet. Contr. 2.2
uxor mulierum osoris	Г	пов.	горе	?	—	Philogelos. 248
Valeria Tusculanaria	P	прыж.	стыд	—	?	Plut. Mor. 311B
Varonilla	P	?	прин.	+	+	Suet. Dom. 8
Vestalis	P	?	стыд	+	+	Plut. Fab. Max. 18.3
Vipsania Agrippina	P	гол.	уст.	+	?	Tac. An. VI.25.1(31.1)

FEMALE SUICIDE BETWEEN ANCIENT FICTION AND FACT

Anton J. L. van Hooff

It is said too often and too easily that ancient society oppressed women. Of course there was a strong distinction between the roles which were attributed to men and women. But in this situation of sexual asymmetry male authors paid much attention to the conditions and feelings of women. This empathy is visible in the field of suicide: many a myth, a drama and a novel describe the emotions of a woman who is in such a state of suffering that she kills herself. Female suicide is relatively frequent in fiction of all kinds. In this paper the author presents the figures he has gathered for female suicides. On the 960 cases of suicide which were traced in the sources 683 had to do with men, 229 with women, a ratio of 3:1 (other cases are unspecified groups). They are reliable if compared to other societies of the past. So paradoxically fiction may reflect reality more convincingly than the historical sources which claim to present the truth. The writer elaborates in this article on a topic which is a minor part in his book on ancient selfkilling «From Autothanasia to Suicides».

А. Б. Черняк

ТАЦИТ О ВЕНЕДАХ (Germ. 46.2)

Подготовка свода «Древние славяне в письменных источниках I–VI вв. н. э.» вызвала необходимость внимательнее проанализировать текст, казалось бы, хорошо известного коротенького сообщения Тацита о венедах. Так как предлагаемая статья, как и сам свод, обращены преимущественно к славистам (лингвистам, историкам, археологам и т. д.), будет нелишним предварительно рассмотреть весьма запутанную проблему датировки «Германии», а также рукописную традицию этого памятника *.

1. ДАТИРОВКА «ГЕРМАНИИ»

Обычно считается, что «Германия» была написана в 98 г. н. э., во время второго консульства Траяна, которое упоминается в гл. 37.2 (*alterum imperatoris Traiani consulatum*), т. е. сразу же после «Агриколы», начатого еще при жизни Нервы (Agr. 3.1), но опубликованного уже после его смерти (25 января 98 г. — ср. Agr. 44.5) ¹. Судя по этим датам, составление весьма ученого этнографического трактата о германцах отняло у автора всего несколько месяцев. Определить с такой точностью время не только публикации, но и создания античного сочинения удастся не так уж часто, и потому естественно, что исследователи попытались продвинуться еще дальше: была высказана гипотеза, согласно которой «Германия» является не чем иным, как «политическим памфлетом», призванным то ли объяснить римскому обществу, что новый император не случайно медлит с приездом в столицу (Траян оставался на Рейне и Дунае до 99 г.), то ли указать самому Траяну на реальность угрозы со стороны еще не разорвавшейся цивилизацией воинственных северных соседей. Большого успеха эта идея, несмотря на такие имена ее приверженцев, как Ф. Пассов, К. Мюлленгоф и А. Гельзер, а теперь Г. Перль, все же не имела ², но она сыграла известную роль в дискредитации тацитовского сочинения. В 1920 г. Э. Норден в своей знаменитой монографии (в 1923 г. она вышла уже третьим изданием) выявил в «Германии» целый ряд «бродячих» этнографических мотивов ³, после чего ее престиж как надежного исторического источника

* В обсуждении настоящей статьи принимали участие С. Р. Тохтасев и А. Н. Анфертьев, которым приношу искреннюю благодарность за сделанные замечания.

¹ Ogilvie R. M., *Richmond I. A. Cornelii Taciti De Vita Agricolae*. Oxf., 1967. P. 10–11.

² Perl G. *Die Germania des Tacitus. Historisch-politische Aktualität und ethnographische Tradition // Acta classica Univ. Debrecensis*. 1983. V. 19. S. 79–89 (с библиографией); Tacitus. *Germania*. Lat. u. d. v. G. Perl. B., 1990 (Griechische und lateinische Quellen zur Frühgeschichte Mitteleuropas / Hrsg. von J. Herrmann. Teil 2). S. 19–24.

³ Norden E. *Die germanische Urgeschichte in Tacitus' Germania*. 4. Aufl. München. 1959. См. примеры: Perl. Op. cit. S. 87–89.

стал резко падать ⁴. Окончательный удар нанес ему Р. Сайм, подчеркнувший устарелость значительной части информации и зависимость автора от письменных источников ⁵. Вердикт законодателя современного тацитоведения, как и следовало ожидать, нашел широкий отклик: указания на спешку ⁶ или на анахроничность нарисованной Тацитом картины Германии ⁷ становятся все более частыми в посвящаемой нашему трактату научной литературе.

Но у «Германии» были и защитники. В 1934 г. Э. Вольф в очень удачной статье ⁸ охарактеризовал наш трактат как глубоко продуманное и блистательно написанное историческое исследование ⁹ и высказал предположение, что «тацитовская концепция германца и большая часть подготовительных работ, возможно даже обработки, приходится на время правления Домициана: Тацит не написал ее *stans pede in uno*» ¹⁰. Уже после войны эта передатировка «Германии» была поддержана Корнеманном ¹¹. Норденовская теория «бродячих мотивов» встретила возражения Ф. Пфистера, напомнившего о достоверности сообщаемых Тацитом сведений ¹², подтверждаемых, кстати, и новейшими археологическими открытиями ¹³. Упрек в неоригинальности опровергается уже тем, что из примерно 600 содержащихся в «Германии» единиц информации в других источниках упоминается только около 70 ¹⁴: утверждение, будто Тацит широко использовал не дошедшие до нас «Германские войны» Плиния Старшего, оказывается в сущности ничем не подтвержденным ¹⁵. Современные этнографы тоже не

⁴ Capelle W. Tacitus' Archäologie // Philologus. 1929. Bd 84. S. 489.

⁵ Syme R. Tacitus. V. I. Oxf., 1958. P. 46: «Составление этой книги не потребовало ни долгого, ни изнурительного труда — почти все заимствовано из письменных источников», cf. P. 127—128; *idem*. Tacitus on Gaul // Latomus. 1953. V. 12. P. 27 = Ten Studies in Tacitus. Oxf., 1970. P. 19.

⁶ Christ K. Germanendarstellung und Zeitverständnis bei Tacitus // Historia. 1965. Bd 14. S. 67; Borzsák St. Tacitus // RE. Suppl. XI. Stuttgart, 1967. Sp. 416, 40—41; 422, 48—50; Dorey T. A. Agricola and Germania // Dorey T. A. (ed.). Tacitus. L., 1969. P. 13.

⁷ Dudley D. R. The World of Tacitus. L., 1968. P. 219—223; Martin R. Tacitus. L., 1981. P. 56, 58.

⁸ Wolff E. Das geschichtliche Verstehen in Tacitus' Germania // Hermes. 1934. Bd 69. S. 121—166 = Pöschl V. (hrsg.) Tacitus. Darmstadt. 1969 (Wege der Forschung. 97). S. 241—297. Ср. также: Benario H. Tacitus' Germania — A Third of a Century of Scholarship // Quaderni di storia. 1983. № 17. P. 218: «Статья Вольфа, вероятно, наиболее значительное в наше время исследование „Германии“ после основополагающей работы Нордена».

⁹ Ibid. S. 155.

¹⁰ Ibid. S. 155. Anm. I. Ср. Gudeman A. Tacitus de vita Iulii Agricolae and de Germania. Boston — New York — Chicago, 1928. P. 343: «Обширный использованный в „Германии“ материал не мог быть собран за короткий отрезок времени после смерти Нервы»; ср. также: Mendell C. W. Tacitus. New Haven, 1957. P. 11: «Через 15 лет, на протяжении которых он, вероятно, активно собирал письменные и устные сведения, он опубликовал „Германию“ и „Агриколу“»; Chilver G. E. F. A Historical Commentary on Tacitus' Histories I and II. Oxf., 1979. P. 24—25: «Изыскания, легшие в основу „Германии“, должны были начаться значительно раньше. Скорее всего эта работа занимала Тацита в те самые годы, когда он принял решение не пытаться ее опубликовать, т. е. в последние годы правления Домициана».

¹¹ Kornemann E. Tacitus. Wiesbaden, 1947. S. 22.

¹² Pfister F. Tacitus and die Germanen // Würzburger Studien zur Altertumswissenschaft. 1936. Bd 9. S. 74.

¹³ Jankuhn H. Die Glaubwürdigkeit des Tacitus in seiner «Germania» im Spiegel archäologischer Beobachtungen // Radke G. (hrsg.) Politik und literarische Kunst im Werk des Tacitus. Stuttgart, 1971 (Der Altsprachliche Unterricht. Beiheft 1). S. 142—151.

¹⁴ Gudeman. Op. cit. P. 346. Not. 2.

¹⁵ Hanslik R. Tacitus 1939—1972 // Lustrum. 1974. Bd 16. S. 156: «„Германия“ для него (Р. Сайма) есть не что иное, как литературная обработка „Германских войн“ Плиния Старшего, но должны быть тому доказательства остаются за ним».

сомневаются в том, что «в распоряжении римского историка было значительное количество совершенно нового фактологического материала, который он явно собрал, не жалея сил, посредством расспросов... или просматривая соответствующие военные отчеты и сенатские протоколы»¹⁶.

Таким образом, очень вероятно, что опубликованная в 98 г. «Германия» была задумана и в значительной части осуществлена гораздо раньше, возможно, еще до четырехлетнего пребывания Тацита и его жены вне пределов Италии (Agr 45.5), во время которого умер его тесть Агрикола (август 93 г. н. э.), т. е. в середине 80-х годов. К уже выдвигавшимся в этой связи соображениям о глубине замысла «Германии» и обширном оригинальном материале можно прибавить еще, по крайней мере, три.

1. *Форма и цель произведения.* «Германия» не имеет ни пролога, ни посвящения¹⁷, что дало повод рассматривать ее как экскурс к «Историям», к сохранившейся четвертой книге (восстание Цивилиса)¹⁸ или к не дошедшему до нас описанию войн Домициана¹⁹. Первое предположение было почти единодушно отвергнуто, но и второе, на наш взгляд, не слишком убедительно: известны всего два тацитовских экскурса, британский (Agr. 10—12) и иудейский (Hist. V.2—8), предваряющие описания компаний Агриколы и Тита, близких автору людей; напротив, сомнительно, чтобы Тацит стал особенно задерживаться на мнимой победе (Agr. 39.1) ненавистного ему императора. Но ведь ненависть эта была вызвана главным образом террором последних лет правления (Agr. 45), в начале его Домициан проявил немалые административные способности (ему, по-видимому, удалось справиться с коррупцией и вымогательством, извечным злом римской администрации в провинциях — ср. Agr. 19.3—4)²⁰, тесть писателя до 84 г. оставался на своем посту в Британии и после возвращения в Рим был в числе приближенных цезаря (Agr. 40.3)²¹, сам Тацит в 88 (юбилейном!) году удостоился претуры и, видимо, еще раньше — квиндецимвирата (App. XI.11.4). Поэтому нет ничего невероятного в том, что молодой писатель посвящал свои досуги работе над историческим сочинением, прославлявшим победы Домициана (или, вернее, его полководцев в частности Агриколы), и лишь растущее внутреннее отчуждение (уже с 85 г. Домициан почти официально именуется *dominus et deus*²²) не дало ему довести свой труд до конца.

2. *Домициановские аллюзии и анахронизмы.* Если «Германия» была задумана как один из экскурсов (наряду с сохранившимися британским и не дошедшим до нас, но засвидетельствованным дакийским²³) к истории войн Домициана с северными варварами, то не следует ожидать в ней упоминаний о завоеваниях, сделанных в ходе этих кампаний: им отводилось место

¹⁶ Müller K. E. Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Theil II. Wiesbaden, 1980. S. 83.

¹⁷ Norden. Op. cit. S. 28.

¹⁸ Paratore E. Tacito. Milano, 1951. P. 316.

¹⁹ Perl. Op. cit. S. 78—79.

²⁰ См.: Suet. Dom. 8.2; *Sil. It.* XIV. 686—688; *Mc Dermott W. C., Orentzel A. E.* Silius Italicus and Domitian // *AJPh.* 1977. V. 98. P. 24—34; *Bengston H.* Die Flavier. München, 1979. S. 255; *Syme R.* Domitian. The last Years // *Chiron.* 1983. Bd 13. P. 121—146. Критически: *Levick B.* Domitian and the Provinces // *Latomus.* 1982. T. 41. P. 50—73.

²¹ Иначе: *Benario H.* Agricola's Proconsulship // *Rheinisches Museum.* 1979. Bd 122. Lief. 2. S. 167—172.

²² *Gsell St.* Essai sur le règne de l'empereur Domitien. P., 1894. P. 52—53, 73, 239.

²³ *Orosius.* VII.10.4: ... Cornelius Tacitus, qui hanc historiam diligentissime contexuit (Tac. hist. libri) / Ed. E. Koestermann. Lpz, 1969. P. 239.

в основном тексте. Так сам собой отпадает упрек Р. Сайма в игнорировании так называемых декуматных полей, включение которых в пределы Империи в 83—85 гг. позволило выровнять границу в районе верховьев Рейна и Дуная: в 1.1 и 41.1 мы имеем дело с версией 80-х годов, а в 29.3, где рассказывается, как они были заняты, — со вставкой 98 г. (что, кстати, признает и сам Сайм)²⁴. То же самое относится и к проримской ориентации царей маркоманнов и квадов (Germ. 42.2), вряд ли пережившей войну 89 г.²⁵

Явно идеализированное описание хавков (Germ. 35) содержит любопытную фразу: *sine cupiditate, sine impotentia, quieti secretique nulla provocant bella, nullis raptibus aut latrocinii populantur* — «Не имея ни жадности, ни необузданных страстей, живя в спокойствии и в уединении, они не вызывают никаких войн и не опустошают (никакой страны) грабежом и разбоями» (пер. В. И. Модестова). Она явно не соответствует истине: в 47 г. н. э. набег Ганнаaska на Галлию показался Корбулону достаточным поводом для похода против хавков (Ann. XI.18—20); в 58 г. они оттеснили своих западных соседей амписвариев и этим создали напряженную ситуацию на Нижнем Рейне (Ann. XIII. 55—56); наконец, в 69—70 гг. они активно поддерживали Цивилиса (Hist. IV.79.2; V.19.1)²⁶. Объяснение этому очевидному искажению фактов можно найти лишь в желании автора любой ценой противопоставить могущественных и мирных варваров их (по Тациту) южным соседям хаттам, своими атаками в 81—82 гг. вызвавшим поход Домициана²⁷, и тем самым еще более оттенить значимость одержанной тогда победы над хаттами. В 98 г. эта тонкая аллюзия уже не воспринималась: германский триумф давно поблек перед поражениями, понесенными римлянами на Дунае²⁸.

Развернутая в «Германии» косвенная критика римских нравов, в частности разводов и адюльтеров (Germ. 18—19), безусловно отражает мнение самого Тацита (ср. Hist. I.2.2), но в то же время смыкается с политикой Домициана, возобновившего в 89 г. *lex Iulia de adulteriis*, а в 83 и 90 г. сурово покарвавшего преступивших обет весталок²⁹. Император старался соблюдать правила нравственности и в личной жизни: после юношеских сумасбродств (объяснимых, впрочем, потрясениями конца декабря 69 г., когда при штурме Капитолия вителлианцами он чудом избежал смерти) он отказался развестись с Домицией и жениться на своей племяннице Юлии, хотя явно любил ее и хотя сам Тит предлагал ему это³⁰; по-видимо-

²⁴ Syme. Tacitus. P. 127—128.

²⁵ Ibid. Непонятно, какой анахронизм усмотрел Сайм в сообщении о привилегированном положении батавов (Germ. 29.1): восстание 69—70 гг. не повлекло за собой никаких существенных изменений в их статусе (см. Die Germania des Tacitus / Erl. von N. Much. 3 Aufl. Hrsg. von W. Lange. Heidelberg, 1967. S. 365). В. 1.1: *nuper cognitit quibusdam gentibus ac regibus, quos bellum aperuit* Сайм видит намек на поход Тиберия 5 г. н. э., когда римский флот, перед тем как подняться по Эльбе и соединиться с сухопутной армией, достиг северной оконечности Ютландии (см. Germania ... ed. Much — Lange. S. 38—39), но, может быть, это тоже вставка 98 г. и имеются в виду сведения о восточных германцах и их соседях, полученные в ходе войны 89 г. или от царя семнонов Масия (ibid. 170, 434, 443, 448; Cass. Dio. LXVII. 5.3).

²⁶ См. нашу статью: *Quelques problèmes de critique textuelle chez Tacite // Quaderni dell' Istituto di Filologia Latina*. 1976. V. 4. P. 99 suiv.

²⁷ *Visy Z. Der Beginn der Donau-Kriege des Domitian // AAASH*. 1978. V. 30. P. 37—60.

²⁸ Ср. пролог к «Историям», где излагается содержание не дошедших до нас книг, — Hist. I.2.1: *coortae in nos Sarmatarum ac Sueborum gentes, nobilitatis cladibus mutuis Dacus etc.* (война с хаттами 83 г. вообще не упоминается).

²⁹ RE. VI.2. Sp. 2555, 25 ff.; 2574, 6 ff.; 2583, 1 ff.; Suet. Dom. 8.3.

³⁰ Suet. Dom. 22.

му, только скандальная связь Домиция с Титом ³¹ толкнула его к уже замужней Юлии, которой он, однако, не позволил родить ему ребенка (хотя его собственный сын от Домиции к тому времени умер ³²), что и стало причиной ее смерти ³³. Домиция причинила своему мужу немало неприятностей также своим открытым увлечением мимом Парисом, но через некоторое время после развода Домициан призвал ее обратно ³⁴ — из любви ли (Светоний), политических ли соображений ³⁵, психопатической ли непоследовательности ³⁶, или, может быть, желая (как впоследствии Антонины ³⁷) влиять своим примером на нравы общества ³⁸. Напрашивается предположение, что знаменитое описание наказания, налагаемого германцами на неверных жен (Germ. 19.1), было задумано как своего рода утешение обманутому мужу: несмотря на проявленную Домицианом жестокость (он приказал убить не только Париса, но и его чересчур рьяных поклонников и даже ни в чем не повинного ученика ³⁹), общественное мнение было в тот момент на его стороне ⁴⁰.

3. *Стиль, язык, мировоззрение.* Подчеркнутую риторичность (аллитерации, анафоры, антитезы, параллелизмы, сентенции, риторические вопросы и т. д.) ⁴¹ «Германии» обычно объясняют — как и в случае с «Диалогом об ораторах» — требованиями жанра ⁴², в частности необходимостью как-то оживить и разнообразить массу содержащегося в ней фактического материала ⁴³. Это безусловно верно, но все же поразительно отличие обоих трактатов от «Историй» и «Анналов» с их «тацитовским» стилем (жесткость, варьирование, необычная лексика) ⁴⁴ и, главное, с их тацитовской мрачностью ⁴⁵. Не случайно даже само авторство Тацита время от времени ставилось под сомнение для «Диалога» таким непревзойденным знатоком, как Юст Липсий (1547—1606), а в наше время Э. Параторе и

³¹ Suet. Tit. 10.2.

³² Desnier J. L. Divus Caesar Imp. Dom. I. // REA. 1979. Т. 81. P. 54—65.

³³ Вследствие аборта в 88 г. (RE. VI.2. Sp. 2573, 12).

³⁴ Suet. Dom. 3.; Cass. Dio. LXVII.3.1 (начало 80-х годов).

³⁵ Castritius H. Zu den Frauen der Flavier // Historia. 1969. Bd 18. S. 494 ff.

³⁶ Bengtson. Die Flavier. S. 188.

³⁷ Carcopino J. La vie quotidienne à Rome à l'apogée de l'empire. P., 1939. P. 123.

³⁸ Светоний сообщает, что всадника, женившегося вторично на своей разведенной жене, император вычеркнул из списка судей (Suet. Dom. 8.3), но дело не в самом факте повторного брака — это в Риме не было редкостью (см. Carcopino. Op. cit. P. 122), а в том, что этот судья предьявлял своей бывшей жене формальное обвинение в супружеской измене (cui dimissae adulterii crimen intenderat).

³⁹ RE. VI.2. Sp. 2555, 40 ff.

⁴⁰ В Hist. I. 2.2 под magna adulteria нужно понимать не только инцест Домициана и Юлии, как это обычно предлагают комментаторы (см.: Tacitus. Die Historien. Komm. v. H. Heubner. Bd 1. Heidelberg, 1963. P. 22; Chilver. A Historical Commentary... P. 43). Аллегорическая пьеса Гельвидия Приска, высмеивающая развод императорской четы (Suet. Dom. 10.4), относится к 93 г. (RE. VI.2. Sp. 2577, 42). Отметим также историческую параллель из другой эпохи: казнь камергера Екатерины Виллама Монса в ноябре 1724 г. не была поставлена Петру в упрек (Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1889. С. 182).

⁴¹ Perret J. La formation du style de Tacite // REA. 1954. Т. 56. P. 98.

⁴² Hanslik. Op. cit. S. 202.

⁴³ Goodyear F. R. D. Tacitus. Oxf., 1970 (New Surveys in the Classics. 4). P. 12.

⁴⁴ Martin. Tacitus. P. 214 ff. О конкуренции *essem / forem* см.: Nutting H. C. // Univ. of Calif. Publ. in class. Phil. 1923. № 7. P. 209—219; *quibus / quis*: Martin R. // CR. 1968. V. 18. P. 144—146; *-erunt/-ere*: CR. 1946. V. 60. P. 17—19; о лексике см.: аппендиксы 42—44 (Syme. Tacitus. V. II. P. 711 ff. и т. д.).

⁴⁵ См. очень поэтичную фразу Гудемана о языке «Диалога»: «Sein Feder war damals gleichsam noch in Sonnenlicht getaucht» (Gudeman A. Tacitus dialogus de oratoribus. 2 Aufl. B., 1914. S. 47). Ср. в том же духе: Mendell. Op. cit. P. 10 и резко критически: Borzsák. Op. cit. S. 440 ff.

Л. Эрманном, для «Германии» — А. Н. Шервин-Уайтом⁴⁶. Но стиль писателя, хоть в данном случае это и оспаривалось, все же отражает его мировоззрение, а перемены в последнем обусловлены, как правило, внешними обстоятельствами, так что естественно связывать «тацитовский» стиль, как и тацитовский безысходный пессимизм, с репрессиями и террором 93—96 годов.

Таким образом, дату создания малых произведений — «Германии», «Диалога» и значительной части «Агриколы» — следует перенести на правление Домициана (81—96 гг.). Любопытно, что Ч. Мурджа уже предложил для «Диалога» 97 г. на основании а) реминисценций из «Диалога» и «Агриколе» и «Германии» и б) отсутствия упоминаний о консульстве Фабия Юста, которому посвящен трактат (написанный, таким образом, до 102 г.)⁴⁷; существенно здесь и наблюдение П. Чаушеску о различном отношении Тацита к Августу — вполне положительном в «Диалоге», но отрицательном (как и к принципату в целом) в «Историях» и «Анналах»⁴⁸. Все это позволяет нам датировать «Диалог» 91—93 годами⁴⁹; известие о процессе над Матерном (Cass. Dio. LXVII.12.5 — за нападки на тиранию во время декламирования), полученное Тацитом во время его четырехлетнего отсутствия (Agr. 45.5), могло послужить для писателя поводом художественно претворить свои юношеские воспоминания об ораторе и драматическом поэте, в чьем доме, возможно, реально имел место описанный Тацитом диспут⁵⁰ (посвящение Фабию Юсту служит тому известной гарантией). Но опубликован был «Диалог об ораторах», разумеется, после 96 г.: Домициан строго карал за жизнеописания представителей оппозиции, даже если они были репрессированы задолго до его правления (Agr. 2.1).

Аналогией к трактовке Августа в «Диалоге» (ср. 13.1 *divum Augustum*; см. также: 17.2, 5; 38.2) может служить Цезарь, выступающий как *divus Iulius* в «Германии» (28.1; 37.4), «Агриколе» (13.1; 15.4) и «Диалоге» (21.5 *divinum... ingenium*), но как *dictator Caesar* в «Анналах» и «Историях» почти во всех тех случаях, когда официальная форма имени не яв-

⁴⁶ Herrmann L. Encore le «Dialogue des Orateurs» et Quintilien // Latomus. 1965. V. 24. № 4. P. 845—867; Sherwin-White A. N. Racial Prejudice in Imperial Rome. Camb., 1967. P. 34.

⁴⁷ Murgia Ch. E. The Date of Tacitus' Dialogus // Harvard Studies in Classical Philology. 1980. V. 84. P. 99—125. Другой *terminus ante quem* предлагает нам опубликованный в конце 101 г. «Панегрик» Плиния, в котором обнаруживаются следы влияния «Диалога»: см.: Bruère R. T. // CPh. 1954. V. 49. P. 161—179; Günzler R. // Festschrift B. Snell. München, 1956. V. 145—162.

⁴⁸ Ceausescu P. L'image d'Auguste chez Tacite // Klio. 1974. Bd 56. P. 183—198.

⁴⁹ Ср. Kunihara K. Tacitea // JCS. 1960. V. 8. P. 61—73 (автор относит «Диалог» к 89—93 гг., когда Тацит был легатом в одной из провинций).

⁵⁰ Идентификация Куриция Матерна (у Тацита) и софиста Матерна (у Диона) остается спорной. Ср.: Matthiessen K. Der «Dialogus» des Tacitus und Cassius Dio // Antiquité Classique. 1970. T. 39. P. 168—177 (положительно) с подробной библиографией; Günzler R. Kommentar zum Dialogus des Tacitus / Hrg. v. H. Heubner. Göttingen, 1980. S. 199; Martin. Tacitus. P. 63, 250. Not. 37 (отрицательно). Что же касается предполагаемых заимствований из опубликованного в 95 г. «О воспитании оратора» Квинтилиана, то они могут восходить и к его утраченному более раннему трактату: *De causis corruptae eloquentiae*. Так или иначе слова Матерна в финале «Диалога» 41.3 *sapientissimus et unus magis* относятся только к Домициану, к которому косвенным образом и был обращен этот замечательный трактат, являющийся скорее всего попыткой спасти доступным писателю средствами попавшего в опасность учителя и друга. И если она все-таки не имела успеха и тацитовский Матерн в конце концов погиб — «Диалог», отправленный из провинции в столицу, мог прийти слишком поздно, — то это, конечно, стало не последней причиной позднейшей ненависти Тацита к Домициану.

ляется строго обязательной (названия храма и памятника — Hist. I. 42; 86; речи императоров, сенаторов и полководцев или галла Юлия Сабина, утверждающего, что он незаконный сын «божественного Юлия», — Hist. IV.55)⁵¹. Нельзя не упомянуть в связи с датировкой «Германия» и о концепции Ж. Перре, представляющего эволюцию стиля Тацита как движение от «нового стиля» Сенеки («Германия») к напряженной краткости Саллюстия («Агрикола») и далее к языковому и образному совершенству «Историй»⁵². Реакция на смелую и увлекательную идею французского ученого была весьма своеобразной: Р. Сайм, тут же цитируя его статью, тем не менее усмотрел (вслед за А. Гудеманом) в «Германии» преобладающее влияние Саллюстия⁵³; Ф. Гудиэр в 1970 г. пытается опереться на Ф. Лео (которого, однако, произвольно толкует!) в своем компромиссном решении, где Сенека все же поставлен на первое место⁵⁴, и только в 1982 г. возвращается к традиционной точке зрения, сформулированной тем же Ф. Лео⁵⁵ и в сущности лишь доведенной Ж. Перре до ее логического завершения⁵⁶.

Таким образом, не получившая широкого признания идея Э. Вольфа⁵⁷ заслуживает всяческого внимания: Тацит действительно должен был начать работу над экскурсом о германцах где-то в первые годы правления Домициана. Так как он не опубликовал задуманного им тогда исторического труда и «Диалог», хотя и написанный в начале 90-х годов, тоже, по всей видимости, не вышел при жизни последнего Флавия, у него были основания впоследствии говорить о своем пятнадцатилетнем молчании (Agr. 3.2). Но наивно думать, что великий римский писатель мог провести эти годы в полном бездействии: до (и даже после) 93 г. для этого не было никаких оснований⁵⁸, и собранный в «Германии» огромный по тем временам материал свидетельствует о том, что, отказавшись от своего первоначального плана, Тацит все же не упускал случая пополнить свои знания о северных соседях Римской империи. Туманный намек Квинтилиана в самом конце обзора римских историков на некоего мужа, «гордость нашего времени, достойного внимания потомков, который когда-

⁵¹ Напротив, сомнительно, чтобы отношение Тацита к германцам существенно изменилось от «Германии» к большим историческим трудам (как это доказывается в статье: *Christ K. Germanendarstellung und Zeitverständnis bei Tacitus // Historia*. 1965. Bd 14. S. 62—73).

⁵² *Perret*. Op. cit. P. 90—120.

⁵³ *Syme*. Tacitus. V. I. P. 341: «В то время как „Агрикола“ — воплощенное смешение (хотя и не мешанина) стилей, „Германия“, более однородна (как того требовал сам предмет) и потому более тяготеет к Саллюстию при некотором влиянии Сенеки» (ср. *Gudeman*. Op. cit. S. 327).

⁵⁴ *Goodyear*. Op. cit. P. 12.

⁵⁵ *Leo F. Tacitus*. Göttingen, 1896 = *Pöschl V.* (hrsg.) Tacitus 97 (WdF 7; Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1898. S. 183).

⁵⁶ Cambridge History of Classical Literature. V. II. Cambr., 1982. P. 645.

⁵⁷ Ее упоминают только Э. Корнеманн (Tacitus. S. 22). и Р. Сайм (Tacitus. V. I. P. 128. Not. 7).

⁵⁸ Жертвами репрессий были или ближайшие родственники императора, которые могли подозреваться как вероятные претенденты на власть, или представители стоической оппозиции; таким людям, как Тацит или Плиний Младший, никакая опасность не угрожала; см. *Hanslik R. Die Amterlaufbahn des Tacitus im Lichte der Amterlaufbahn seiner Zeitgenossen // Anzeiger der phil.-hist. Kl. der Osterreich. Akad. der Wiss.* 1965. S. 49 ff. Более того, Квинтилиан в своем опубликованном еще при Домициане трактате *Institutio oratoria* открыто выступает против доносчиков (он приравнивает *delatores* к *latrones* в XI.7.3, ср. XI. 1.2; см. *Winterbottom M. Quintilian and the vir bonus // JRS*. 1964. V. 54. P. 96—97), один из которых, любимец Домициана, Бебий Масса, был обвинен в злоупотреблениях и осужден с конфискацией имущества в том же 93 г. (Agr. 45.1), причем одним из обвинителей был Плиний.

нибудь прославится, а теперь — угадывается»⁵⁹ и под которым можно понимать только Тацита⁶⁰, тоже указывает на то, что его давний замысел создать историю своего времени не был тайной для современников, так же как и его огромный литературный талант, и они в лучших римских традициях спешили возвестить о еще не оконченном, но уже видимом (из рецитаций?) шедевре⁶¹.

В заключение нам остается подчеркнуть, что предложенная здесь передатировка «Германии» открывает перед исследователями новые и порой неожиданные перспективы. Тацитологу будет небезынтересно узнать, что будущий противник принципата начинал свою карьеру не только как блестящий оратор, но и как едва ли не официальный историограф последнего из Флавиев. Вероятно, и психологически легче объясним переход от лояльности и, может быть, даже симпатии к принцепсу к той яростной ненависти, с которой выведен Домициан в «Агриколе» и (еще почти мальчик!) в IV книге «Историй»: вызванная тиранией 93—96 годов эволюция политических взглядов писателя была для него настоящим кризисом мировоззрения и, конечно, душевной драмой. Для историка существенно, что «Германия» оказывается не скороспелым и несамостоятельным сочинением на актуальную политическую тему, а результатом очень длительной и кропотливой работы по сбору материала и его систематизации, включая и литературную обработку, осуществлявшуюся в два этапа: реннедомициановский 84—88 годов (основной) и окончательная редакция 98 г. Детальное разграничение обоих временных пластов в «Германии» — дело специального исследования, но уже сейчас мы вправе отбросить некоторые утвердившиеся гипотезы, например, о том, что свои сведения о венедах и их соседях Тацит будто бы почерпнул единственно из Филемона⁶². На это можно возражать, ссылаясь на войны 89—92 годов с маркоманнами, квадами и язигами, в ходе которых были установлены прямые контакты с семнонами [их царь Масий и пророчица Ганна прибыли к Домициану, согласно Диону Кассию (LXVII.5.3), скорее всего в Карнунт] и лугиями, которых удалось поднять против квадов, для чего им было послано сто всадников (Cass. Dio. LXVII.5) — после окончания войны эти всадники, вероятно, благополучно вернулись, и Тацит мог воспользоваться собранной ими информацией⁶³. Важны в этой связи и отдельные смелые замечания в главах, непосредственно предшествующих пас-

⁵⁹ Quint. Inst. or. X. 1. 104: Superest adhuc et exornat aetatis nostrae gloriam vir seculorum memoria dignus, qui olim nominabitur, nunc intelligitur.

⁶⁰ Так это обычно и понимали, пока К. Ниппердей (Philologus. 1851. Bd 6. S. 139) и в особенности не любивший Тацита Т. Моммзен не склоняли общее мнение в пользу Фабия Рустика главным образом на основании похвалы в Agr. 10.3: ... Livius veterum, Fabius Rusticus recentium eloquentissimi auctores. Но спрашивается, почему Рустик, несомненно написавшего свою «Историю Нерона» (?) задолго до 98 г., нельзя было назвать открыто? На это возражали, что Квинтилиан не упоминает здравствовавших в его время писателей, стало быть друг Сенеки (Ann. XIII.20) Рустик еще был жив в 90-е годы и даже много позже, так как некий Рустик упомянут в завещании Дасумия 108 г. н. э. и в письмах Плиния (IX. 29). Искренность этого доказательства очевидна и несмотря на поддержку Сайма (см. Syme. Tacitus. P. 293. Not. 5) оно постепенно уходит в прошлое: Хойбнер ставит под сомнение идентификацию Рустиков (см. Heubner H. Kommentar zum Agricola des Tacitus. Göttingen, 1894. S. 35. Anm. 3), а Кёстерманн сомневается в том, что Квинтилиан имел в виду именно Рустика (см. Köstermann E. Cornelius Tacitus. Annalen. Bd I. Heidelberg, 1963. S. 43).

⁶¹ Ср. Проперций об «Энеиде» Вергилия: ceditae Romani scriptores, ceditae Grai nescioquid maius nascitur Iliade (Prop. II.34.65—66).

⁶² О нем см. Giesinger F. Philemon. № 11 // RE. Bd XIX. 1938. Sp. 2146—2149.

⁶³ Может быть, ими командовал Великий Руф, прошедший в 89 г. через земли Децебала (ILS 9200, см. перевод надписи: Кнабе Г. С. Спорные вопросы биографии Та-

сажу о венецах, надо думать, — вставки 98 г., например, 44.1 (готоны) и 45.6 (ситоны). Таким образом, автор если и не написал целиком конец трактата в 98 г., то, по меньшей мере, существенно его переработал.

II. РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

«Германия» дошла до нас примерно в 30 ренессансных списках; последний обнаружен недавно и еще не исследован⁶⁴. Все они в конечном итоге восходят к рукописи IX в., хранившейся в известном бенедиктинском монастыре Херсфельд в Средней Германии (земля Гессен, севернее Фульды). О существовании этой рукописи гуманисты узнали около 1425 г., и 30 лет спустя некий Энок из Асколи, командированный папой Николаем V в Германию, доставил драгоценный кодекс в Рим. К сожалению, папа уже умер и рукопись не попала в его личное собрание⁶⁵, впоследствии легшее в основу знаменитой Ватиканской библиотеки. Предоставленный самому себе, Энок начал распродавать свою добычу. Херсфельдский кодекс был при этом разделен на две части: первая, содержащая перевод «Троянской войны» Диктиса Критского и «Агриколу», была в 1902 г. обнаружена в библиотеке графа Баллеани в г. Иези (провинция Анкона, Италия); вторая, где оказались «Германия», «Диалог об ораторах» и «О филологах и риторках» Светония, исчезла, по-видимому, безвозвратно, но успела оставить после себя несколько гуманистических копий⁶⁶.

Поиски этих непосредственных копий и установление их родословного древа стоили немало труда.

История постепенного обнаружения рукописей «Германии», попытки объединить их в семью, наконец, первые успехи, достигнутые благодаря изучению параллельных традиций «Диалога» и в особенности трактата Светония, увлекательно описаны в монографии Р. П. Робинзона⁶⁷, исследовании во многих отношениях выдающемся. Встреченная острой критикой, работа американского ученого получила полное признание лишь в 70-е годы. В удачной трактовке М. Винтерботтома⁶⁸ стемма Робинзона выглядит следующим образом:

- ζ *Vindobonensis* ser. nov. 2960 (a. 1466) = W. Стал
известен лишь с конца XIX в.
Monacensis Lat. 5307 = m.
β *Vaticanus* Lat. 1862 = B.

чита. *Circus honorum* // ВДИ. 1977. № 1. С. 127 сл. Прим. 18)? Подробнее о возможных источниках Тацита см. *Kolendo J. A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Néron.* Warszawa, 1981. P. 100.

⁶⁴ Firenze. Società Colombaria 238. См. *Winterbottom M. Tacitus. Minor works* // Reynolds L. D. (ed.) *Texts and Transmission. A Survey of the Latin Classics.* Oxf., 1983. P. 411. Not. 6.

⁶⁵ О Николае V и его коллекции рукописей см. *Буркгардт Л. Культура Италии в эпоху Возрождения* / Пер. С. Бриллианта. Т. I. СПб., 1905. С. 228 сл.

⁶⁶ *Murgia C. E., Rogers R. H. A Tale of Two Manuscripts* // CPh. 1984. V. 79. № 2. P. 145-153 (с библиографией). Мурджа отмечает, что перед «Агриколой» находилась «Германия». Если далее принять его гипотезу о том, что все списки «Диалога» восходят к ренессансному архетипу, то придется допустить, что «Диалог» был отделен одновременно с первой частью, а его место во второй части занимала копия! См. также: *Heubner H. Die Überlieferung der «Germania» des Tacitus* // *Beiträge zur Verständnis der Germania des Tacitus* / Hrsg. von H. Jankuhn, D. Timpe. Göttingen, 1989. S. 16—26; *Tacitus. Germania* / Hrsg. von G. Perl. B., 1990. S. 50—63.

⁶⁷ *Robinson R. P. The Germania of Tacitus.* Middletown (Conn.), 1935. P. 327-350.

⁶⁸ *Winterbottom M. The Manuscript Tradition of Tacitus' Germania* // CPh. 1975. V. 70. № 1. P. 1—7; *Cornelii Taciti Opera Minora* / Rec. M. Winterbottom and R. M. Ogilvie. Oxf., 1975; *Winterbottom. Tacitus. Minor works.*

Leidensis Perizonianus XVIII Q 21 = b. Написан гуманистом Йовианом Понтаном и содержит ценные исправления. Опубликовано в 1841 г.

- Aesinas = E. Из той же рукописи, что и херсфельдский «Агрикола»
Г Vaticanus Lat. 1518 = C.
Neapolitanus IV C 21 = c. Им пользовался Юст Липсий.
Marcianus Lat. 4266 = Q.
Parisinus N. A. 1180 = p.

Сам Робинзон шел еще дальше, постулируя двураздельную стемму ζ/βΓ. В 1975 г. Винтерботтом предпочитал оперировать тремя гипархетипами; в 1983 г. под влиянием Ч. Мурджа⁶⁹ он высказался менее категорично⁷⁰. Окончательное решение принять далеко не просто, так как: а) в гуманистических рукописях не всегда возможно отличить конъектуру от унаследованного чтения, б) архетип несомненно содержал многочисленные разночтения и исправления на полях и между строк (как, например, херсфельдская часть «Агриколы»⁷¹), большинство которых перешло в гипархетипы, так что отдельные правильные чтения могли сохраниться в списках, находящихся на нижних уровнях стеммы⁷² и в) надо постоянно считаться с возможностью контаминации — ведь все списки итальянского происхождения. Но вряд ли оправдан пессимизм А. Эннерфорса⁷³, вообще отказывающегося от какой-либо стеммы и в своем критическом аппарате игнорирующего удобные сиглы Винтерботтома.

III. ТЕКСТ⁷⁴, АППАРАТ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

- 20 Hic Suebiae finis. Peucinorum Venetorumque et Fen- 46:
norum nationes Germanis an Sarmatis adscribam dubito.
quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, ser-
mone cultu sede ac domiciliis ut Germani agunt; sordes
omnium ac torpor procerum; conubiis mixtis nonnihil in
25 Sarmatarum habitum foedantur. Veneti multum ex moribus 2:
traxerunt; nam quidquid inter Peucinos Fennoque sil-
varum ac montium erigitur latrociniis pererrant. hi tamen
inter Germanos potius referuntur, quia et domos figunt et
scuta gestant et pedum usu ac pernecitate gaudent: quae
omnia diversa Sarmatis sunt in plaustro equoque viventibus.
Fennis mira feritas, foeda paupertas etc. 3

28 figunt B: fingunt E (def. C) Q * ζ 29 pedum Lips.: peditum E (def. C) Q * ζ: pecudum B.

⁶⁹ *Murgia Ch. The Minor Works of Tacitus: a Study of Textual Criticism* // CP. 1977. V. 72. № 4. P. 323—343.

⁷⁰ *Texts and Transmission* (см. прим. 64). P. 411.

⁷¹ *Murgia. The Minor Works...* P. 329—331.

⁷² Ср. *Murgia Ch. Germania* 13.3 and 46.3 // CP. 1981. V. 76. P. 132—137 относительно чтений E в 13.3 semper et electorum и 46.3: sola in sagittis spes.

⁷³ P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. T. II. Fasc. 2. De origine et situ Germanorum liber. / Rec. A. Önnersfors. Stutgardiae, 1983. V—VI. Пользуюсь случаем принести автору благодарность за присылку ксерокопии этого, к сожалению, отсутствующего в наших библиотеках издания.

⁷⁴ По изданию М. Винтерботтома (см. прим. 68) с сохранением нумерации строк.

«Здесь кончается Свевия. Следует ли певкинов, венедев и финнов причислить к германцам или к сарматам, я не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, по языку, по платью, по поселению, по домам напоминают германцев: все они грязны, знать их предана бездействию. Вследствие смешанных браков они получают безобразие сарматов. Венеды заимствовали многое из их нравов, ибо они производят разбой во всех лесах и на всех горах, поднимающихся между певкинами и финнами. Впрочем, их скорее следует причислить к германцам, так как они строят дома, носят щиты и любят ходить, что совсем не свойственно сарматам, живущим в кибитке и на коне. Финны отличаются необыкновенной дикостью и отвратительной бедностью...» (пер. В. И. Модестова)⁷⁵.

Как нетрудно убедиться, сообщение Тацита не отличается содержательностью — за отсутствием сведений, а возможно, и интереса к далеким полусарматским племенам — и в текстологическом отношении не представляет особых трудностей. Два момента заслуживают внимания: орфография имени венедев и конъектура Липсия.

1. Имя венедев

В своем аппарате М. Винтерботтом упоминает конъектуру Ренана *Venedorum*, *Venedi*, основывающуюся на *Plin.* 4.97 а... *Venedis* и *Ptol.* III.5.5 sqq. *Odevedai*, вероятно, не без участия нем. *Wenden*. Она, как следует из данных, собранных И. Цветаевым в его критическом издании «Германия», долгое время была общепризнанной, но начиная с Ф. Пассова (1817 г.) постепенно стала уступать место рукописному чтению с *t/th*⁷⁶; заметим попутно, что этноним у Плиния и у Птолемея оформлен по первому склонению, так что ренановское исправление является более или менее произвольным гибридом⁷⁷. В 70-е годы произошли дальнейшие перемены: сначала А. Хольдер (впоследствии известный кельтолог), который в своем издании «Германия» противопоставлял исконную, как он считал, германскую традицию — *h, m, s, B* и *editio Vindobonensis* —

⁷⁵ Сочинения Корнелия Тацита / Пер. В. И. Модестова. Т. I. СПб., 1886. С. 64—65. Ср. перевод А. С. Бобовича в кн.: *Корнелий Тацит*. Соч. в двух томах. Т. I. Л., 1970. С. 372: «Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и финнами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой».

⁷⁶ *Корнелий Тацит*. Германия. Опыт критического обозрения текста И. Цветаева. Варшава, 1873. С. 100. Прим. а.

⁷⁷ Из *Plin.* NH. 4.97: *quidam haec* (sc. *Aeningia*. — А. Ч.) *habitari ad Vistilam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris tradunt* теоретически можно извлечь и *Nom. Venedus, -i* [см. *Herrmann J.* (Hrsg.). *Griechische und lateinische Quellen zur Frühgeschichte Mitteleuropas. Teil 1. Vom Homer bis Plutarch*. В., 1988 (Schriften und Quellen der alten Welt 37, 1). S. 647. Register s. v. *Veneder* (G. Perl)], но на что тогда опирается форма Птолемея, здесь явно зависящего от римских источников? Вариант *Venedi* засвидетельствован лишь в конце III в. (*Tabula Peutingeriana*. VII.4), однако еще у Иордана (VI в.) фигурируют формы с *-ae*, см. *Schönfeld M.* *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen*. Heidelberg, 1911. S. 280. Во всяком случае, Э. Полашек писал *Venedae* (RE. 2. R. VIII A. Stuttgart, 1955. Sp. 698), ср. *H. Güppers* // *Der kleine Pauly*. Bd V. München, 1975. Sp. 1164: *Venedae* (*Venethi*). О венедах см. также: *Labuda G.* *Wenedonia, Wenedowie* (*Wenetowie*) // *Słownik starożytności słowiańskich*. VI, 2. Wrocław, 1980. P. 372—378.

итальянским спискам, восходящим к копии Энока⁷⁸, принял в текст вариант с *-th-* рукописей *h* (Hummelianus — утраченный список, известный только по коллациям) и *B*⁷⁹, в чем его поддержал такой авторитет, как К. Мюлленхоф, указавший, что эта форма лучше соответствует герм. *Vinithōs, а также формам с *-d-* и что написание Veneti возникло под влиянием пафлагонских Ένετοί и Veneti Адриатики и Ареморики⁸⁰. Успех снискало, однако, не это мнение, а аргументация А. Баумштарка, призывавшего вернуться к «плиниевскому» (т. е. ренановскому!) Venedi⁸¹: в 1883 г. этой рекомендации внял в своем четвертом тобнеровском издании К. Хальм, чьему примеру последовали многие как в Германии, так и за ее пределами⁸². Орфографию с *-th-* принял М. Шёнфельд в 1911 г.⁸³, за ним Р. П. Робинзон⁸⁴, Дж. Андерсон и большинство последующих издателей вплоть до А. Эннерфорса⁸⁵; в 1949 г. к ним присоединился и Э. Кёстерманн⁸⁶. Тем не менее решение М. Винтерботтома остановиться на написании с *-t-* было, по-видимому, правильным: в гуманистических рукописях *h* нередко добавляется совершенно произвольным образом, так что издатели обыкновенно не учитывают эти разночтения в критическом аппарате⁸⁷; кроме того, в 46,1 Venethorum представлено списками *WhcB* praeter *R s*²; 46,2 Venethi — *WHcB s*²⁸⁸, т. е. в основном второ- и третьестепенными рукописями (ср. стемму): на уровне гипархетипов этот вариант можно приписать ζ (*W* и *h* против *m*), но не β (*B* против *b* и *E*) и не Γ, где он не поднимается выше третьего уровня стеммы⁸⁹.

Таким образом, Тацит писал Veneti, что важно было установить хотя бы в связи с гипотезой о предполагаемом греческом источнике (см. выше), к которому, например, возводили гуманистические варианты имени лугиев / вандалов Lygi-, Ligi- наряду с 43.2 Lugiorum nomen и 44.1 Lugios, а также Strabo. 290: Λουγίους μέγα ἔθνος⁹⁰. Кроме того,

⁷⁸ См. о нем: Robinson. Op. cit. P. 343 ff. Открытие *W* (ср. стемму Робинзона — Винтерботтома, см. выше, прим. 68), написанного в Риме в 1466 г., окончательно опровергло эту отмеченную национализмом концепцию.

⁷⁹ Cornelii Taciti de origine et situ Germanorum liber / Rec. A. Holder. Lipsiae, 1878. P. 30.

⁸⁰ Müllenhoff K. Die Germania des Tacitus (Germanische Altertumskunde. IV). B.. 1900. S. 514.

⁸¹ Baumstark A. Ausführliche Erläuterungen des besondern völkerschaftlichen Theiles der Germania des Tacitus. Lpz, 1880. S. 333 f.

⁸² H. Furneaux (Oxford, 1894); Ed. Wolff (Leipzig, 1896); Hj. Appelquist (Helsingfors, 1899); G. v. Kobilinsky (Berlin, 1901); I. Müller (Leipzig, 1906); O. Altenburg (Berlin, 1912³); H. Goelzer (Paris, 1923); Halm — Andersen (Leipzig, 1927⁵); A. Gudeman (Boston, 1928); E. Koestermann (Leipzig, 1936).

⁸³ Schönfeld. Loc. cit.

⁸⁴ Robinson. Op. cit. P. 325.

⁸⁵ J. G. C. Andersen (Oxford, 1938); J. Perret (Paris, 1948); E. H. Warmington (Loeb, 1970); A. Mauersberger (Dieterich, 1971); C. Woyte (Reclam, 1976); A. Onnerfors (Stuttgart, 1983).

⁸⁶ Cornelii Taciti libri qui supersunt / Ed. E. Koestermann. T. II. Fasc. 2. Lipsiae, 1949. Комментарий к списку рукописей здесь еще содержит выпады по адресу Робинзона, снятые в последующих изданиях.

⁸⁷ Perret J. Recherches sur le texte de la «Germanie». P., 1950 P. 159 (с примерами, которые невозможно проверить даже по весьма подробному аппарату Кёстерманна).

⁸⁸ Robinson Op. cit. P. 323, 325.

⁸⁹ Winterbottom. The Manuscript Tradition ... P. 5 ff., где, к сожалению, не приводится стемма Γ; см. также стемму Робинзона в его монографии. Отметим также, что жа орфографии с *-t-* остановился и Герард Перл (см. прим. 2).

⁹⁰ Die Germania des Tacitus ... hrsg. von Much, Lange. S. 478 f.: Müllenhoff. Die Germania des Tacitus. S. 564 ff.

мы получаем возможность отказаться от постулированного К. Мюлленхофом и М. Шёнфельдом для формы с -th- германского посредничества (ср. готск. *Winīra- в Winitharius и — по второму перебою — др.-в.-нем. Winida)⁹¹, т. е. рассматривать идентичность имени адриатических и прибалтийских венетов не как случайную ошибку переписчиков, а как свидетельство того, что и после миграции венедов / венетов на юг их связи с северной родиной (экспорт янтаря!) не прервались, и спустя много столетий информаторы Тацита со Среднего Дуная все еще знали, что давным-давно романизованные жители Патавия (Падуя) и Аквилея и полудиккие обитатели лесов и гор к востоку от Вистулы / Вислы принадлежали к одному и тому же этносу.

Вопрос о соотношении этнонимов Venedae / Veneti выходит за рамки текстологического очерка, и потому мы наметим его лишь несколькими штрихами. Общеизвестно, что в германских языках это имя тоже представлено в двух вариантах: это, с одной стороны, вышеупомянутые готск. *Winīra- и др.-в.-нем. Winida с $d < r$ ⁹² и, с другой, — др.-англ. Winedas, связанные так называемым грамматическим чередованием, т. е. первые две формы восходят к *Venéto- или даже *Venéto- с $t > r$ по первому перебою, третья — к *Venetó- с $t > r > \delta$ по закону Вернера и далее $> d$.⁹³ Из этих двух вариантов один, по-видимому, должен быть первоначальным, а другой — более поздним заимствованием, подобно русск. *волох* с исконным полногласием — *влах* (ст.-слав.) Для прагерманского следует предполагать сначала *Venetó- на основании, правда, не очень надежном, др.-греч. Ἐνετοί, наименования пафлагонских (Hom. II. II.852) и адриатических (Herod. 5.9) венетов⁹⁴; форма с восстановленным глухим спирантом появилась скорее всего на рубеже н. э. под влиянием лат. Vēnēti. Инновация распространялась от среднего течения Дуная на север через вассальных Риму маркоманнов и квадов по древнему «янтарному пути»; ее успеху, вероятно, способствовало то обстоятельство, что венеды к тому времени уже были оттеснены от побережья эстиями и, по-видимому, уже начали растворяться в славянском окружении, на которое впоследствии окончательно перешло их имя, ср. нем. Wenden (Wi-) «(поморские) славяне».

Плиниевское Venedae без труда вписывается в предлагаемую здесь реконструкцию: информация, которой располагал римский ученый, явно была собрана в Ютландии во время морской экспедиции 5 г. н. э.⁹⁵, где, как свидетельствует древнеанглийский этноним⁹⁶, старое название вене-

⁹¹ Die Germania des Tacitus ... hrsg. von Much, Lange. S. 524.

⁹² Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков / Пер. Т. Н. Сергеевой. М., 1954. С. 77. § 276. В латинской фонографии глухой спирант r по большей части обозначался th.

⁹³ Там же. С. 42—44. § 16—17; Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954. S. 44. Термин «грамматическое чередование» объясняется тем, что в прагерманском некоторые грамматические формы имели ударение на суффиксе, тем самым подпадая под действие закона Вернера (см. Прокош. Ук. соч., С. 56 слл. § 20 з).

⁹⁴ Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3. Aufl. Braunschweig, 1875. S. 359—359 s. v. Но, как указал мне С. Р. Тохтасьев, акцентное ударение вообще характерно для греческих этнонимов: из этого еще не следует, что и в исконной венетской форме ударение стояло на последнем слоге. Однако могло быть и так! О реликтах венетского см. Untermann J. Veneti // RE. Suppl. XV. 1978. Sp. 866—898.

⁹⁵ О ней см. выше, прим. 25; Plin. NH. 2.167.

⁹⁶ Он встречается в знаменитом доведении Вульфстана о плавании в Балтийское море, включенном в перевод истории Орозия; см.: Матузова В. И. Английские средневековые источники. М., 1979. С. 20, 23, 33, 41—42; Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary. Oxf., 1882. P. 1233 s. v.

дов существовало по крайней мере до V в. н. э.; латинское -d-, таким образом, передает звонкий спирант ð. Восстановление глухого спиранта на юге и востоке Германии объяснить значительно труднее, так как датировка закона Вернера колеблется от первых веков н. э.⁹⁷ до середины I тыс. до н. э.⁹⁸. Нас больше устраивает первая дата, позволяющая выстроить цепочку Venēti × *Venedō > *Vénero, т. е. пока ð и r находились в отношениях дополнительной дистрибуции; при альтернативной датировке Veneti придется рассматривать как чистое заимствование, что невозможно фонетически, так как мы ожидали бы скорее *Wenzen, *Winzen по второму перебою, ср. vinitor > Winzer «винодел»; menta > Minze «мята»; charta > Kerze; planta > Pflanze и т. д. Вероятно, следует остановиться на компромиссном решении: так Э. Рот в своем содержательном очерке вопроса приходит к выводу, что действие закона Вернера завершается к I в. н. э.⁹⁹; к этому времени романизация венетов уже безусловно закончилась (в Аквилею была выведена колония в 181 г. до н. э.; оставшийся муниципием Патавий дал Риму 555 всадников, в том числе Тита Ливия)¹⁰⁰ и римское влияние к северу от Дуная становилось ощутимее.

Любопытно, что, по мнению этимологов, прибалтийско-финскими языками была заимствована форма со звонким спирантом: финск. Venäjä «Россия» < *venäde- < *venät < герм. *weneþ; тем не менее делать отсюда какие-либо выводы преждевременно, так как герм. r тоже передавалось через t.¹⁰¹

2. Конъектура Липсия

В 46,2 et pedum usu ac pernitate gaudent (sc. Veneti) большинство рукописей и ранних изданий содержат чтение peditum, т. е. (радуются) «употреблением пеших воинов» (или же их «опытностью, испытанностью»); только в B b¹ представлен вариант rescidum, род. мн. от rescus «домашний скот». Исправление Юста Липсия (1578 г.) явно основано на предположе-

⁹⁷ Прокош. Ук. соч. С. 54 слл. § 20 б.

⁹⁸ Lehmann W. P. A definition of Proto-Germanic // Language. 1961. V. 37. P. 67—74.

⁹⁹ Rooth E. Das Vernersche Gesetz in Forschung und Lehre 1875—1975. Lund, 1974. S. 132—136. Следует отметить, что Г. Крае относил знакомство германцев с ведрами к периоду до или во время германского перебоя (Krahe. Loc. cit.), а Э. Шварц — к времени до первого перебоя (Schwarz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956, S. 33).

¹⁰⁰ Philipp H. Patavium // RE. 2. R. XVIII c. 1949. Sp. 2114—2119.

¹⁰¹ Kiparsky V. Finnougrier und Slaven zu Anfang der historischen Zeit // Ural-Altaische Jahrbücher. 1970. Bd 42. S. 8; Kylstra A. D. Entwurf zu einem neuen Wörterbuch der ältesten germanischen Lehnwörter in den ostseefinnischen Sprachen // Ibid. 1974. Bd 46. S. 42; Suomen Kielen Etymologinen Sanakirja. VI. Helsinki, 1978. P. 1702. Противоречив и русский материал, где, с одной стороны, мы обнаруживаем формы с -d- Венецкая земля, город Леденец, а также Индия и Индийское море (в былинах); см. Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах // Славянские древности. Этногенез, материальная культура древней Руси. Киев, 1980. С. 20, а с другой — этноним *вятличи* (там же). Впрочем, представленные в былинах формы, по всей вероятности, более позднего происхождения, т. е. восходят к соответствующим немецким. Гот. Vinitharius, др.-в.-нем. Winida и *вятличи*, казалось бы, однозначно свидетельствуют о преобладании варианта с -t- в Подунавье и к северу от Карпат, но Певтингеровы таблицы дают Venadisarmate и Venadi. Встречающееся у Иордана написание Venethi относится на счет его источника, готского историка Аблабия; см. Polaschek E. Venedae // RE. 2R VIII A. 1955. S. 698. Более поздние упоминания венодов можно найти в работе: Aalto P., Pekkanen T. Latin Sources on North-Eastern Eurasia. V. II. Wiesbaden, 1980 (Asiatische Forschungen 57). P. 236—237, s. v. *Venedi*. Об этимологии имени венодов см.: Szemerényi O. Etyma Latina III // Logos Semantikos. Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu. V. III. Berlin — New York — Madrid, 1981. P. 322—324.

нии, что в основе ошибки лежит неправильно понятое сокращение. Великий голландский филолог не сопроводил его объяснениями, но ход его рассуждений можно реконструировать, например, следующим образом: в исходном *pedū* черта над конечным гласным — зауряднейший знак сокращения для *-m*, встречающийся в херсфельдском фрагменте «Агриколы» около 130 раз¹⁰² — случайно получилась чуть длиннее и коснулась или даже пересекла вертикальную ось соседнего *d*, вследствие чего была отождествлена гуманистическими переписчиками с *pedūm* — *reditum* (ср. в «Агриколе» *transveḗ* 57^v 2.4 = *transvexit* 18.4)¹⁰³ или с *pedum* = *resudum*¹⁰⁴. Разумеется, начальным толчком послужило ощущение, что *reditum* (Липсию вряд ли был известен альтернативный вариант) не может принадлежать Тациту, вероятно, по целому ряду причин (интуиция тут играет немалую роль), например, ввиду того, что подобный оборот мог быть уместен лишь в отношении хорошо обученной армии более или менее цивилизованного племени, а не применительно к недисциплинированным отрядам лесных разбойников. Конъектура Липсия была очевидной (т. е. нетрудно было понять, как возникла ошибка) и давала гораздо лучший смысл, но это тем не менее не всегда обеспечивало ей место в тексте: в 1772 г. геттингенский профессор. Й. Эрнести вернулся к рукописному чтению (может быть, под впечатлением победы Апраксина над Фридрихом II при Кунерсдорфе в 1758 г.?), и за ним последовал целый ряд ученых, пока Вальтер, Хаупт и Хальм не положили предел чрезмерному в данном случае консерватизму издателей¹⁰⁵; очередной рецидив имел место уже в середине XX в. с легкой руки Робинсона, за которым, однако, пошли на сей раз не столь уж и многие¹⁰⁶. Так как ни Кёстерманн, ни Винтерботтом, ни Эннерфорс не позволили себя увлечь, на этом вопросе можно было бы вообще не заострять внимания, если бы не недавняя статья известного датского исследователя А. Лунда, в которой предлагается совершенно оригинальное решение нашего злополучного пассажи: *pedum* *vi* «силой ног»¹⁰⁷ — на том основании, что, по мнению автора, латинские существительные *vis* и *pernicitas* / *celeritas* образуют фразеологическое словосочетание (*enumeratives Wortpaar*). Слабость этого довода особенно заметна в предлагаемом объяснении ошибки: Лунд полагает, что *usu* восходит к переписчику, которому была известна страсть немцев к странствиям (*die Wanderlust der Deutschen*)¹⁰⁸. На эту, пожалуй, верно подмеченную черту немецкого характера — вспомним хотя бы героев

¹⁰² *Robinson*. Op. cit. P. 357.

¹⁰³ *Ibid*.

¹⁰⁴ На эти сокращения — отсутствующие в труде: *Capelli A. Lexicon abbreviatarum*. Lpz., 1901 — любезно указала нам заведующая отделом рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук (БАН) Л. И. Киселева, которой мы приносим искреннюю благодарность. Идея в общих чертах излагалась неоднократно; см. *Walther G. W. (ed.) Cornelii Taciti opera*. IV. Halae, 1833. P. 104—105 ad locum; *Kritz Fr. (ed.) Cornelli Taciti Germania*. 2. Aufl. Berolini, 1864. S. 111.

¹⁰⁵ См. *Цемаес*. Ук. соч. С. 101 *д*.

¹⁰⁶ *Robinson*. Op. cit. P. 325; *Lenchantin de Gubernatis M. (Augusta Taurinorum, 1949)*; *Perret J. (Paris 1949)*; *Pekkanen T. Note critique a Tacito // Rivista di filologia e d'istruzione classica*. 1971. V. 99. P. 274—275; *Lundström S. Vermeintliche Glosseme in Tacitus' Germania // Eranos*. 1978. V. 76. S. 87. Г. Перл в своем неоднократно цитированном издании (см. прим. 2) на с. 124 и 260 основывает свой выбор чтения *reditum* тем, что в разбоях принимало участие не все племя, а только войны, но это соображение не кажется мне сколь-нибудь убедительным.

¹⁰⁷ *Lund A. Neues zu Tacitus' Germania* 46,2 // *Symbolae Osloenses*. 1983. T. 58. S. 117—121.

¹⁰⁸ *Ibid*. S. 120.

Гёте, Эйхендорфа и путешествие Гейне по Гарцу — можно, однако, возразить, что венецы, будь они еще иллирийцы / италийцы или уже славяне, германцами во всяком случае не были, и если у Тацита на этот счет еще были сомнения, то мы вряд ли можем их предполагать у, скажем, херсфельдского кописта IX в. (в двух происходящих из Германии рукописях Йордана в 5.34 *Venetharum natio populosa consedit etc.* встречается написание *uunidarum*¹⁰⁹, явно под влиянием древневерхненемецкой формы) или у того же Энока д'Асколи (если принять гипотезу Хольдера)¹¹⁰, пересекшего во время своей археографической экспедиции всю Германию с юга на север и добравшегося до Кенигсберга.

Таким образом, конъектуру Липсия следует признать наилучшим из всех предлагавшихся до сих пор вариантов. Ее единственным недостатком до самого недавнего времени было полное отсутствие аналогий. На наш взгляд, это надо отнести на счет катастрофического запаздывающего Тезауруса¹¹¹: последний фасцикул оксфордского словаря содержит пример из Плиния Старшего (Plin. NH. 10.114) — *Plurimum volant, quae apodes, quia careant usu pedum: ab aliis cypseli appellantur hirundinum specie* «Больше всего летают те птицы, которых зовут аподами (т. е. безногими. — А. Ч.), так как они не могут пользоваться ногами; другие называют их кипселлами: это разновидность ласточек»¹¹². На второй пример из «Панегирика Траяну» его племянника мы наткнулись случайно — Plin. Pan. 24.5: *ante te principes fastidio nostri et quodam aequalitatis metu usum pedum amiserant: illos... umeri cervicesque servorum (vehabant)* «До тебя принцепсы, пренебрегая нами и как бы боясь равенства, теряли способность пользоваться своими ногами. Их поднимали выше нас плечи и спины рабов» и т. д. (пер. В. С. Соколова)¹¹³. Он тем более ценен, что здесь у нас есть все основания предполагать влияние Тацита на автора: «Панегирик» вышел в свет в 101 г., всего три года спустя после публикации «Германии», так что очень вероятно и аллюзия — простота и доступность Траяна подчеркиваются косвенным сближением его предшественников с не ступающими по земле сарматами¹¹⁴!

¹⁰⁹ См. *Schönfeld. Op. cit. S. 280; Iordanis Romana et Getica / Rec. Th. Mommsen. Berolini, 1882 (MGH AA V 1). P. 14, 62.*

¹¹⁰ См. выше, прим. 78.

¹¹¹ Пользуюсь случаем напомнить, что архив и картотека Тезауруса в Мюнхене доступны для самостоятельной работы и редакция охотно отвечает на запросы: *The-saurus Linguae Latinae Marstallplatz, 8, 8000 München 22, BRD.*

¹¹² *Oxford Latin Dictionary. Fasc. VIII. S—Z. Oxf., 1982, 2111, s. v. usus 3.*

¹¹³ Письма Плиния Младшего. Издание подг. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. М., 1982. С. 226.

¹¹⁴ Не отмечено в работе: *Bruère R. T. Tacitus and Pliny's Panegyricus // CPh. 1954. V. 49. P. 161—179.* Отметим в заключение, что против конъектуры Лунда выступил известный американский тацитовед Х. Бенарио (*Benario H. W. Once again Tac. Germ. 46.2 // SO.1985. V. 60. P. 129 f.*). Представляет интерес и то обстоятельство, что тацитовский пассаж о венедах, по всей вероятности, был использован много столетий спустя при характеристике обосновавшихся в Киеве скандинавов, как следует из появляющегося у Псевдосимеона наименования «Рос-Дромиты» (*οἱ Ρῶς οἱ καὶ Δρομίται λευόμενοι*), восходящего к какому-то неизвестному географическому сочинению, написанному не ранее середины IX в.; см. *Карпозилос А. Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // ВВ. 1988. Т. 49. С. 112—118; аналогичным образом Дитмар Мерзбургский указывает, что население Киева в 1018 г. состояло главным образом из беглых рабов и «быстрых датчан» (*maxime...ex velocibus Danis*); см.: *Латиноязычные источники по истории Древней Руси / Сост. М. Б. Свердлов. М.—Л., 1989. С. 64, 69, 99—101.* Оба эти наименования основываются на рассмотренном здесь пассаже из «Германии», о чем подробнее в другой работе.*

A. B. Chernyak

The present article is part of preliminary research for the forthcoming code «Ancient Slavs in Written Sources I—VI centuries A. D.», and consists of three parts. The first one, «Date of Origin» (p. 1—16), deals with the problem of dating the «Germania» manuscript. The author comes to the conclusion that the «Germania» was conceived as an extensive prologue for the history of Domitian's reign. Tacitus placed great hopes on this emperor, which were doomed to failure. In all probability, Domitian knew about this project. The general idea and a great part of the material of Tacitus' work date back to the middle eighties, but the book was not published during Domitian's lifetime. Later, Tacitus used that prologue as a basis for his «History», but before that, in 98 A. D., he had transformed the prologue into «Germania», adding some new material, particularly to the second part of the manuscript.

The author also deals with the problem of «Dialogus de Oratoribus» and proposes a 91—93 A. D. date for it.

In the second part of the article, called «Manuscript Tradition» (p. 17—19), the author expounds on Robinson — Winterbottom's idea, adding C. Murdge's important corrections. This is a general outline of the «Germania's» history: it was included in the Hersfeld manuscript along with the works of Dictys Cretensis and «Agricola», «Dialogus» and «De Grammaticis et Rhetoribus» by Svetonius. In 1455, Enoch d'Ascoli brought the manuscript to Rome and separated the works of Dictys and «Agricola»; later, these fragments were found in Iesi. Several copies were made of the remaining part of the original, which also disappeared later. The reconstruction of the original Hersfeld text of «Germania» out of about 35 Renaissance copies is a rather difficult but not absolutely hopeless task.

The third part of the article, «Text, Apparatus Criticus and Interpretation», includes the text and the Winterbottom commentaries, translations by Modestov and Bobovich and two textual studies. The first one is devoted to the name of the Veneds (p. 21—27). On the basis of the spelling in the manuscripts the author shows that Tacitus, or at any rate the Hersfeld code, wrote *V neti*, *-torum*; the *-th*-forms were the Renaissance spelling. The concurrence of this ethnonym with that of the Adriatic Venets, is hardly coincidental. Tacitus got his information from the region of the Middle Danube, where the «Amber Route» connected the Adriatic Venets with their Baltic fellow-tribesmen. During Tacitus' lifetime, the Aestii pushed them aside from the Baltic coast and the amber trade. The Gothic *Winitha*- and the Old Upper-German *Winida* most probably originated from the Latin *Véneti*, which already designated the Veneds mixed with the Slavs. Their original name is recognisable in Pliny's *Venedae* the Roman scholar heard it somewhere on the Northern Rhine or read it in a report about the Jutland expedition in 5 A. D.), and in the Old English *Winedas* (*Venetó — according to Verner's rule).

The second study (p. 28—31) deals with Lipsius conjecture *pedum usu*: a series of examples of this combination (Plin. nat 10, 114 and esp Plin. Jun. pan. 24,5) demonstrates that A. Lund's doubts are groundless.

© 1991 г.

В. В. Созник, Г. Р. Цепхладзе

КОЛХИДСКИЕ АМФОРЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА В ХЕРСОНЕСЕ

(К вопросу об экономических связях Колхиды и Херсонеса)

Торговые связи между Колхидой и Северным Причерноморьем начались в VI—V вв. до н. э., на что указывают находки северопричерноморского импорта (пантикапейские амфоры, ольвийские зеркала в Пичвнари)¹ и монет Пантикапея и Нимфея V в. до н. э. в городах Колхиды². Большой интерес представляют находки пифосов, столовой посуды и монет-колхидок на Боспоре³. В классическую эпоху Колхида поддерживала связи с городами Боспора (Пантикапей, Нимфей) и Ольвией, а в эллинистическую эпоху в торговлю включились и другие центры Северного Причерноморья. О торговых связях городов Колхиды и Херсонеса ранее судили только по трем найденным в Вани⁴ и Эшера⁵ ножкам херсонесских амфор III в. до н. э. и монете того же полиса, относящейся ко II в. до н. э. из Бичвинта⁶. Недавно была опубликована херсонесская монета, датируемая 364—350 гг. до н. э., из Сухумской крепости⁷. Некоторые исследователи вообще отрицают эти связи, ссылаясь на то, что кроме находок монет Диоскуриады в Херсонесе они «не подтверждаются другими археологическими материалами»⁸. Однако изучение фондов

¹ Лордкипанидзе О. Д. К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI—IV вв. до н. э. // История и культура античного мира. М., 1977. С. 113 сл.

² Калидзе А. Ю. Привозные монеты из могильника Пичвнари // ВДИ. 1974. № 3. С. 88—93.

³ Зеест И. Б., Марченко И. Д. Типы толстостенной керамики из Пантикапея // МИА. 1962. № 103. С. 154—155; Скюднова В. М. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее // ВДИ. 1952. № 2. С. 238—242; Вартаков Г. А. Колхидская дидрама, найденная в Гермонассе // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 71—74.

⁴ Вани VII. Археологические раскопки / Под ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1983. С. 114 (на груз. яз.).

⁵ Калидзе А. Ю. Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI—I вв. до н. э.): Дис. ... докт. ист. наук. Батуми, 1979. С. 325.

⁶ Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н. э.—IV в. н. э. // Великий Питиунт. Т. I. Тбилиси, 1975. С. 281 (на груз. яз.).

⁷ Шамба С. М. Монеты Северного Причерноморья, найденные на территории Абхазии // Известия АБИЯЛИ. Тбилиси, 1981. Т. X. С. 120.

⁸ Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // ИвС. 1968. № 3. С. 18.

Херсонесского государственного историко-археологического заповедника показало иную картину⁹.

В фондах Херсонесского заповедника хранится значительное количество амфор «коричневой глины», производство которых И. Б. Зеест связывала с одним из центров Южного Причерноморья¹⁰. Б. Ю. Михлин выделил среди них три группы, две из которых считал происходящими с южного берега Понта¹¹, амфоры третьей, как показали грузинские археологи, производились в Колхиде¹². В настоящее время в окрестностях Диоскуриады раскопаны гончарные печи, в которых производились амфоры «коричневой глины»¹³. Среди просмотренных материалов нами были выделены амфоры «коричневой глины» колхидского производства¹⁴. Наличие в материалах из раскопок Херсонеса и его хоры колхидских амфор позволяет пересмотреть точку зрения об отсутствии экономических связей Херсонеса и Колхиды.

Как показывают раскопки городов Восточного Причерноморья, Колхида начинает производство собственной керамической тары со второй половины IV в. до н. э. Ранние колхидские амфоры изготавливались по образцам синопской тары. У них цилиндрическое горло с небольшим, отогнутым наружу венчиком, ручки овальные в сечении, корпус яйцевидный, стенки толстые с гладкой поверхностью, ножка повторяет очертания синопских. Характерной особенностью является спиралевидный завиток на внутренней стороне ножки. Глина коричневая разных оттенков, со значительными примесями песка, пироксена, окислов железа, белых частиц¹⁵.

С III в. до н. э. колхидские амфоры становятся менее массивными. Во II—I вв. до н. э. их корпус несколько удлиняется, появляется слабо выраженный перехват посередине тулова, горло становится чуть одутловатым, стенки тонкими, но спиралевидный завиток на дне остается неизменным. С первых веков н. э. перехват становится более заметным¹⁶. В Колхиде эти амфоры встречаются повсеместно, в погребениях есть находки целых экземпляров¹⁷.

⁹ Авторы выражают благодарность начальникам экспедиций И. А. Антоновой, М. И. Золотареву, В. А. Латышевой, Г. М. Николаенко, В. И. Кузичину, С. Г. Рыжову за разрешение пользоваться и публиковать материалы из их раскопок.

¹⁰ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 108. Некоторые исследователи различают колхидские и гераклейские амфоры коричневой глины (Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время // СА. 1975. № 1. С. 88).

¹¹ Михлин Б. Ю. Амфоры «коричневой» глины из Северо-Западного Крыма // СА. 1974. № 2. С. 60—67.

¹² Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966. С. 173 (на груз. яз.); Путуридзе Р. В. Колхидские амфоры из Вани // КСИА. 1977. Вып. 151. С. 68—71; Кахидзе А. Ю. Керамическая тара из Пячварского городища античного времени // ПЮЗГ. Т. II. Тбилиси, 1971. С. 56—61 (на груз. яз.).

¹³ Воронов Ю. Н. К изучению керамического производства Диоскуриады // СА. 1977. № 2. С. 162—171.

¹⁴ На кафедре археологии МГУ старшим лаборантом С. Ю. Внуковым был проведен петрографический анализ. Минералогический состав глины амфор «коричневой глины» круга колхидского производства из Херсонеса сильно отличается от минерального состава амфор Синоп и Гераклеи. Результаты анализа будут освещены в отдельной работе.

¹⁵ Лордкипанидзе. Античный мир... С. 173—174.

¹⁶ Путуридзе. Ук. соч. С. 68—69.

¹⁷ Там же.

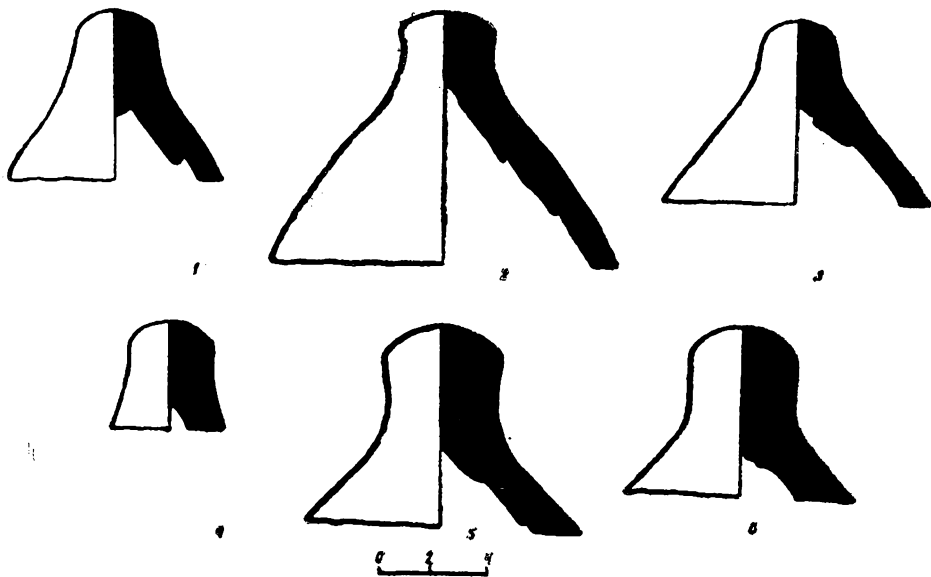

Рис. 1. Ножки колхидских амфор из Херсонеса

На территории Херсонеса и его хоры¹⁸ встречаются фрагменты колхидских амфор эллинистической эпохи. Самые ранние экземпляры датируются концом IV—III в. до н. э. Это одна массивная амфорная ножка из Херсонеса¹⁹ и три — из поселения Маслины в Северо-Западном Крыму²⁰ (рис. 1, 1, 2, 3).

Большой интерес представляет тулово амфоры, найденной в подвале херсонесского дома в северном районе городища²¹. Тулово яйцевидное, вытянутое, длина — 53 см, ножка отбита, завиток не очень заметен, глина характерна для колхидских амфор. По аналогиям из Вани²² и Кеп²³ амфора датируется III в. до н. э. К этому же периоду принадлежат ножки колхидских амфор из Херсонеса и его хоры (три экземпляра из усадьбы в Карантинной балке²⁴, один — из усадьбы в балке Бермана²⁵) (рис. 1, 4, 5, 6). Ножки меньших размеров, цилиндрической формы, слегка расширяются книзу, напоминая ножки ранних синопских амфор. Все ножки с внутренней стороны имеют завиток. Глина темно-коричневая с характерными примесями. Перечисленные материалы имеют аналогии с материалами Колхиды²⁶.

¹⁸ В статье рассматриваются только амфоры из Херсонеса, ближней хоры (Гераклейский полуостров) и пос. Маслины; по другим памятникам Северо-Западного Крыма готовится отдельная работа.

¹⁹ ХИАЗ, цитадель.

²⁰ Коллекция археологического музея ХГУ, инв. № 20-М 76; 62/136-М 85; 73/тр-М 85.

²¹ Коллекция ХИАЗ, № 139/37050.

²² Пугуридзе. Ук. соч. С. 69. Рис. 2.

²³ Сорокина Н. П. Раскопки некрополя в Кехах в 1959—1960 годах // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 104. Рис. 4.

²⁴ ГЭ-84, усадьба в Карантинной балке.

²⁵ ГЭ-83, усадьба в балке Бермана, кв. Ю 5, слой 1.

²⁶ Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище // СА. 1972. № 1. С. 110. Рис. 4; Лицели В. Т. Новооткрытое городище в местности «Саканчия» // Вани. Т. III. Тбилиси, 1977. С. 52 (на груз. яз.).

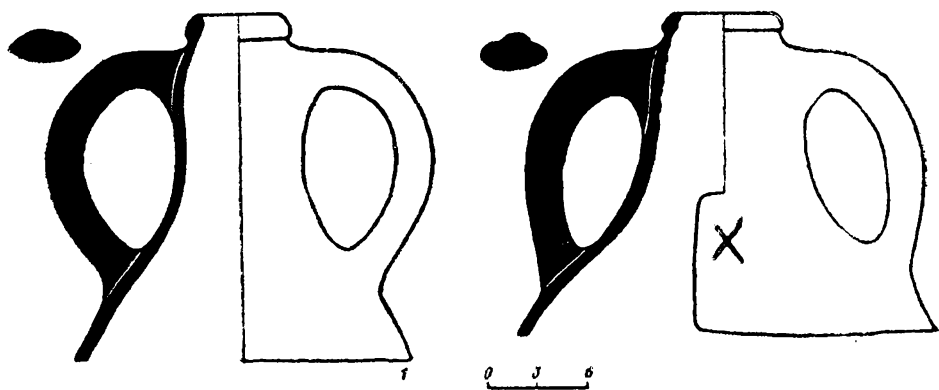

Рис. 2. Горла колхидских амфор из Херсонеса

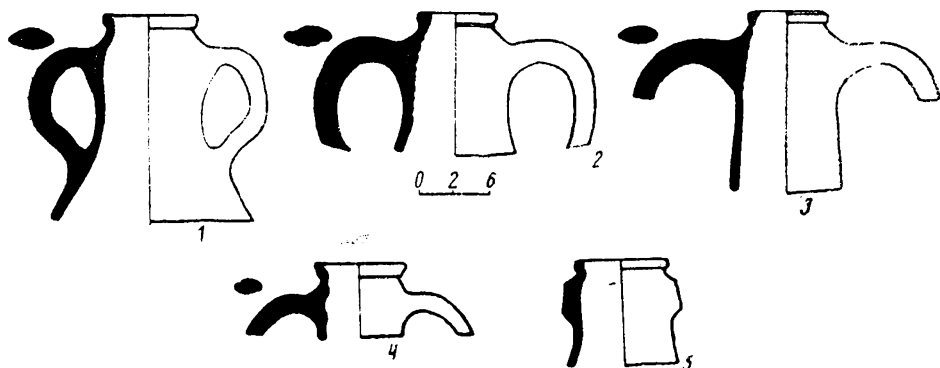

Рис. 3. Горла колхидских амфор из Херсонеса

Из усадьбы надела № 10 происходит горло колхидской амфоры ²⁷ (рис. 2, 1). Горло высокое, венчик округлый, ручка овальная в сечении, под венчиком чуть припухлое горло. Глина светло-коричневая с оранжевым оттенком, в глиняном тесте включения пироксена, песка, белых частиц, окислов железа. Хотя эта амфора схожа с амфорами эллинистических слоев Гизноса ²⁸, прямых аналогий нет. Исходя из того, что усадьба существовала с конца IV по II в. до н. э. ²⁹, и учитывая форму амфоры, сильно отличающуюся от ранних колхидских, можно отнести этот экземпляр к концу III—II в. до н. э.

Колхидским амфорам II в. до н. э. принадлежат два фрагмента из северо-восточного района городища, изготовленные из темно-коричневой глины с примесью песка, очень мелкого пироксена, извести ³⁰ (рис. 3, 1, 3). Это фрагменты верхней части амфор с высоким, плавно расширяющимся к плечам горлом с четко выраженной припухлостью под прямоугольным венчиком, сечение ручки ромбовидное или плоско овальное. Амфорный материал из того же комплекса датируется III—II вв. до

²⁷ Коллекция ХИАЗ, № 1/36919.

²⁸ Воронов Ю. Н. Гизнос // СА. 1975. № 4. С. 50.

²⁹ Кругликова И. Т. Херсонесская усадьба на наделе 10 // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 43.

³⁰ Коллекция ХИАЗ, № 156/36910 и 99/36910.

н. э.³¹ По аналогиям из раскопок памятников Колхиды³² представляется возможным датировать эти амфоры более точно — II в. до н. э. Этим же временем датируется и горло амфоры из усадьбы № 106³³. Ее форма и глина аналогичны амфорам из Херсонеса (рис. 3, 2).

Ко II в. до н. э. относится также интересный экземпляр амфоры с меткой, найденной при раскопках северной базилики городища³⁴ (рис. 2, 2). Глина коричневая с оранжевым оттенком, плотная, с примесью пироксена, белых частиц: примечательны включения крупных золотистых блесток пирита. Горло узкое, плавно расширяющееся к плечам; венчик округлый, валикообразный, слегка загнут внутрь. Ручки массивные, овальные в сечении, со сложной профилировкой двумя желобками на внешней поверхности. Большой интерес представляет знак в виде буквы *xi* на плече амфоры, нанесенный по сырой глине, видимо, метка гончара. На колхидских амфорах знаки и монограммы встречаются со II в. до н. э.³⁵, в частности, подобный знак и на амфоре из Эшерского городища³⁶. На колхидских пифосах и столовой керамике также встречаются метки. Наш экземпляр не имеет прямых аналогий, наиболее близка к нему упомянутая амфора из Эшерского городища³⁷.

Колхидские амфоры I в. до н. э. — I в. н. э. представлены фрагментами, найденными на хоре Херсонеса — Гераклейском полуострове. Два однотипных горла амфор происходят из раскопки усадеб № 106 (рис. 2, 5) и 150³⁸. У них прямое, низкое горло, слегка припухлое под венчиком, слабо расширяющееся к плечам. Венчик прямоугольный в сечении, плоско срезанный по краю, с внутренней стороны венчика небольшая выемка. Ручка начинается непосредственно под венчиком. Глина одинакова: темно-коричневая с красным оттенком, с включениями белых частиц, пироксена и бурых частиц. Эти амфоры находят аналогию среди материалов Эшерского городища³⁹. У третьей амфоры с усадьбы № 106 горло низкое, венчик широкий, раструбом утолщающийся к верхнему краю, горло слегка раздуто (рис. 2, 4). Ручка начинается на 1 см ниже венчика, она уплощенно овальная в сечении, имеет по одному желобку на внешней и внутренней поверхности (расположены асимметрично)⁴⁰. По форме амфора относится к I в. до н. э. — I в. н. э. и напоминает сосуды указанного периода из Гиэноса⁴¹. На той же усадьбе найдено еще одно горло амфоры из глины красно-оранжевого цвета, по ряду особенностей также относящееся к колхидским, а при раскопках усадьбы № 150 — восемь венчиков и четыре ножки со спиралевидными завитками на внутренней стороне, датирующиеся I в. до н. э. — I в. н. э.⁴²

Следует подробно остановиться на находке из усадьбы на восточном склоне балки Бермана, где раскопки еще не производились. Это два об-

³¹ Золотарев М. И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1978 г. Архив ХИАЗ, д. № 1763, л. 20.

³² Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970. Табл. XII, 1.

³³ Коллекция ХИАЗ, № 14/37053.

³⁴ Коллекция ХИАЗ, № 71/37036.

³⁵ Лордкипанидзе Г. А. Ук. соч. С. 121.

³⁶ Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980. Табл. XXXIII, 5.

³⁷ Там же.

³⁸ ХИАЗ, ГЭ-84, усадьба № 106, пом. 23, слой 1. Коллекция ХИАЗ, № 29/37035.

³⁹ Воронов. Об эшерском городище... С. 110. Рис. 4, 20.

⁴⁰ ХИАЗ, ГЭ-83, усадьба № 106, пом. 24, слой 1.

⁴¹ Воронов. Гиэнос... С. 50.

⁴² Кузищин В. И. Отчет о раскопках усадьбы «Южная — А» надела № 150 в 1977 г. Архив ХИАЗ, д. № 2020, л. 4—5; он же. Отчет о раскопках усадьбы надела № 150 в 1982 г. Архив ХИАЗ, д. № 2333, л. 22—23.

ломка колхидских пифосов, которые происходят из подъемного материала⁴³. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты рифлением, участки рифления разделяет небольшое вертикальное ребро. Толщина стенок 2 см. Глина темно-коричневого цвета, крупнозернистая, с примесями известняка, шамота. Такие пифосы были распространены в Колхиде на всем протяжении классического и эллинистического периодов, и их фрагменты находят в культурных слоях всех поселений Восточного Причерноморья⁴⁴. Эти фрагменты следует датировать III в. до н. э., так же как колхидские амфоры из соседней усадьбы. Интересно отметить, что такие фрагменты колхидских пифосов были найдены в Нимфее в эллинистических слоях⁴⁵.

Находки колхидских амфор в Херсонесе эллинистического периода свидетельствуют о том, что экономические связи его с Колхидой начались в конце IV—III в. до н. э. Судя по археологическим и нумизматическим источникам, эти связи осуществлялись через Боспор. На Боспоре сосредоточено подавляющее большинство колхидской керамики и монет по сравнению с другими областями Северного Причерноморья⁴⁶, а его столица в эллинистическую эпоху становится крупным торговым посредническим центром.

Увеличение числа колхидских амфор I в. до н. э. — I в. н. э. по сравнению с III—II вв. до н. э. указывает на то, что торгово-экономические связи Херсонеса и городов Колхиды во время правления Митридата VI Евпатора усиливаются, чему способствовало включение Северного и Восточного Причерноморья в состав державы Митридата VI. В Херсонесе найдено большое количество диоскуриадских монет, которые выпускались при Митридите VI Евпаторе⁴⁷ и формально были полисными, но в действительности играли роль разменной монеты для северного региона Понта⁴⁸.

Объем колхидского импорта пока невозможно представить полностью, так как не всеми экспедициями фрагментированные экземпляры подобных амфор фиксировались как колхидские из-за отсутствия четко разработанных классификаций. Однако следует учитывать, что во время раскопок Херсонеса и его хоры часто встречаются фрагменты стенок и овальных в сечении ручек из темно-коричневой глины, которые принадлежат амфорам колхидского производства⁴⁹. Если судить по материалам городища Чайка, доля коричнево-глиняных амфор из всей тары составляет около 8% и они стоят чуть не на третьем месте после амфор Херсонеса и Синопы (их общая доля 47%)⁵⁰.

Интересен вопрос о статьях экспорта и импорта. Помимо колхидского вина, привозимого в амфорах, в Херсонес, вероятно, доставляли колхидский мед и смолу в пифосах. Не исключен импорт корабельного и строевого леса из Восточного Причерноморья, о богатстве которого свидетельствуют письменные источники. В судостроении большим спросом пользо-

⁴³ Коллекция ХИАЗ, № 11/37091.

⁴⁴ Вашикидзе Н. В., Лордкипанидзе Г. А. Колхидский пифос // ПЮЗГ, 5. Тбилиси, 1975. С. 93—106.

⁴⁵ Скудова. Ук. соч. С. 241.

⁴⁶ Лордкипанидзе. К вопросу... С. 112—115.

⁴⁷ Гилевич. Ук. соч. С. 18.

⁴⁸ Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. № 3. С. 42—43.

⁴⁹ Например: коллекция ХИАЗ, № 77/36950, 78/36950, 172/36950.

⁵⁰ Вуков С. Ю. Скифские слои городища Чайка (Опыт статистической обработки) // СА. 1984. № 2. С. 61—63.

вались также колхидский воск, смола и льняные ткани⁵¹, из которых изготавливали паруса для кораблей. Все это могло быть предметом экспорта в Херсонес.

Херсонес, по-видимому, снабжал города Колхиды солью. Страбон сообщает (XI. 5.6), что горцы собирались в Диоскуриаде «преимущественно ради соли». Соль была, несомненно, в Колхиде привозным продуктом, так как в Западной Грузии соляные запасы неизвестны. До VI в. до н. э. местные племена Восточного Причерноморья добывали соль из морской воды, выпаривая ее на огне. Эти промысловые пункты в VI в. до н. э. исчезают. Л. Н. Соловьев связывает их исчезновение с появлением на рынке таврической соли⁵². Херсонес был знаменит соляными промыслами, о чем сообщает и Страбон (VII.4.7).

Таким образом, как показывает изучение колхидских амфор из Херсонеса, колхо-херсонесские торгово-экономические отношения начались с конца IV—III в. до н. э., осуществлялись через посредническую торговлю Боспора и продолжались на протяжении всего эллинистического периода. Во время правления Митридата Евпатора эти связи усиливаются. Поступление колхидского импорта не прекращается и в позднеантичную, и раннесредневековую эпоху, но этот вопрос выходит за рамки данной статьи.

COLCHIAN AMPHORAE OF THE HELLENISTIC PERIOD IN CHERSONESE

(Towards Determining the Economical Relations between Colchis and Chersonese)

V. V. Soznik, G. R. Tsetsckhladze

This is the first article published on the «brown clay» Colchian amphorae of the Hellenistic period found in Chersonese, its surrounding countryside and the settlement of Masliny in the North—West of the Crimea. Close study of the amphorae has lead the authors to the conclusion that economic relations between Colchis and Chersonese were set up between the end of the IV and the beginning of the III centuries BC through intermediate Bosporan trade and continued throughout the Hellenistic period. During the reign of Mithridates VI Eupator these ties were consolidated and Colchis provided Chersonese with timber for construction and ship-building, wax, tar, linen, honey and wine, this being mainly sold in the surrounding countryside. The Tauris Chersonese provided the population of the Black Sea's Eastern coast with salt.

---

⁵¹ Strabo. XI. 2.17.

⁵² Соловьев Л. Н. Селище с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии // СА. 1950. XIV. С. 277; Лордкипанидзе Г. А. Ук. соч. С. 96.

Н. В. Ефремов

О НЕКОТОРЫХ ЭМБЛЕМАХ В СИНОПСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМАХ

Отличительной особенностью синопских керамических клейм по сравнению с аналогичным материалом целого ряда центров является наличие эмблемы. Это позволяет широко использовать для их датировки нумизматический метод, который основывается на сопоставлении эмблем клейм с монетными изображениями. 60 лет тому назад его впервые выделил и с успехом применил Б. Н. Граков¹, после чего он получил применение в работах целого ряда исследователей². Данные нумизматики позволяют установить абсолютные даты, в некоторых случаях даже более точные, чем с помощью стратиграфии³. Вместе с тем Б. Н. Граков указывал на необходимость тщательного и детального, а не поверхностного сопоставления эмблем, так как один и тот же нумизматический символ, развиваясь, видоизменялся и на самой монете и на клейме⁴. Нельзя формально подходить к заимствованию эмблем с монет самого центра, клеймившего тару⁵.

В раннее время (IV в. до н.э.) с монет заимствуются, как правило, официальные гербы городов (*παράσημα*), государственный характер которых не подлежит сомнению⁶. С распространением традиции клеймения распространяются и эмблемы. Одинаковые по смысловому содержанию сюжеты характерны одновременно для целого ряда центров, а некоторые изображения универсальны, интерлокальны. Это характерно прежде всего для эмблем, содержащих мифологические сюжеты. Немаловажен и тот факт, что каждый резчик мог трактовать определенный тип эмблемы (прототип) по-своему, в зависимости от своих способностей и вкусов. При многократном и недостаточно искусном копировании одного штемпеля с другого отчетливость изображения могла утратиться, мелкие подробности видоизмениться и вовсе трансформироваться⁷. Так, например в нумизматике при портретном воспроизведении того или иного персонажа, при отсутствии надписей его трудно идентифицировать⁸. В монетном деле только подражания распространенным в международной торговле типам золотых и серебряных монет могут рассматриваться как

¹ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929. С. 93, 110, 119, 122.

² Рнх. Р. 117—189; *Sztetyllo Z.* Quelques problèmes relatifs à l'iconographie des timbres amphoriques // *Études et travaux.* 3. Warszawa, 1966. P. 45.

³ *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос // *НЭ.* 1972. X. С. 13.

⁴ *Граков.* Ук. соч. С. 103 сл.

⁵ *Виноградов.* Ук. соч. С. 13.

⁶ Там же.

⁷ *Зограф А. Н.* Лук и стрельба из него на монетах Северного Причерноморья // *АНСП.* С. 6.

более или менее близкие копии с оригиналов⁹. Существует и другая сторона проблемы, связанная с эмблемами клейм. Как отмечает Ю. Г. Виноградов, при огромном многообразии эмблем в фасосских клеймах совпадения с монетными символами единичны¹⁰. Это побуждало многих исследователей видеть в фасосских штампах заимствования из нумизматики других центров и связывать эти заимствования с теми или иными событиями в жизни города¹¹. Субъективность таких гипотез очевидна. При обилии эмблем клейм нельзя их все объяснять монетными заимствованиями¹².

Задача данной статьи — рассмотрение некоторых эмблем синопских клейм, которые могут быть связаны с нумизматическими прототипами. Вместе с тем здесь необходимо сделать оговорку. В задачу работы не входит полный охват всех изображений, которые могут быть сопоставлены с теми или иными типами монет, но избраны лишь эмблемы, атрибуция которых представляется возможной при теперешнем состоянии проблемы.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению материала, необходимо выяснить, чем вызвана потребность в рассмотрении эмблем синопских клейм. Создавая свою классификацию, Б. Н. Граков отмечал, что в основе ее во многом лежит принцип распределения астиномов по группам в соответствии с эмблемами, которые им сопутствуют¹³. Последующие исследователи, увлекаясь перемещением астиномов из группы в группу либо понижением абсолютных дат хронологических групп¹⁴, забывали ту базу, на которой строилась сама классификация. Между тем Б. Н. Граков совершенно определенно указывал, что, разрабатывая хронологию синопских магистратов, он исходил из: 1) датировки клейм по изображениям, 2) рассмотрения палеографических особенностей, 3) синхронистического метода с целью разграничения омонимов¹⁵. Таким образом, любые изменения хронологического порядка должны вести к пересмотру классификации в целом.

Попытку создания новой хронологической классификации синопских

⁸ *Он же*. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 73.

⁹ *Карышковский П. О.* О монетном искусстве догетской Ольвии // ПДИСЭП. С. 101.

¹⁰ *Виноградов*. Ук. соч. С. 14.

¹¹ *Grace V.* Early Thasian Stamped Amphoras // AJA. 1946. 50. P. 33, 34; *Von A.-M., Von A.* Les timbres amphoriques de Thasos // Études thasiennes. IV. 1957. P. 33.

¹² *Виноградов*. Ук. соч. С. 14.

¹³ *Граков*. Ук. соч. С. 113.

¹⁴ *Нейхардт А. А.* Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1951. С. 11; *она же*. К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском // Древний мир. М., 1962. С. 598; *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э. // Античный город. М., 1963. С. 133; *Пругло В. И.* Синопские амфорные клейма из Мирмекия // КСИА. 1967. 109. С. 48; *Василенко Б. А.* К вопросу о датировке синопских клейм // СА. 1971. № 3. С. 247—250; *он же*. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н. э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1972. С. 18; *Кругликова И. Т., Виноградов Ю. Г.* Клейма Синоп на амфорах из поселения Андреевка Южная // КСИА. 1973. 133. С. 45; *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса. М., 1975. С. 138 сл.; *Колесников А. Б.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. 1985. № 2. С. 69; *Рнух*. Р. 165; *Grace V.* The Middle Stoa dated by Amphora Stamps // Hesperia. 1985. V. 54. № 1. P. 21.

¹⁵ *Граков*. Ук. соч. С. 38 сл.

клейм предпринял В. И. Цехмистренко¹⁶. Однако она была подвергнута разносторонней критике¹⁷. Эмблемы синопских клейм, за исключением «орла на дельфине» — характерного изображения раннего периода клеймения в Синопе, В. И. Цехмистренко не рассматривал, следуя в этой области Б. Н. Гракову¹⁸, что не могло не сказаться на его классификации.

Совершенно по-иному подошла к эмблемам синопских клейм С. Штеттылло. Специально эмблемам керамических клейм посвящена ее докторская диссертация¹⁹. Слабой стороной этой работы является то, что эмблемы рассматриваются изолированно, вне связи с самими клеймами, подчас та или иная интерпретация изображений дается без всяких доказательств²⁰. В поле зрения автора попали далеко не все эмблемы синопских клейм. Несмотря на высказанные замечания, заслуживает самого серьезного внимания ряд наблюдений исследовательницы о связи некоторых эмблем со статуарными изображениями²¹, на что указывал еще Б. Н. Граков²², и с македонскими монетами²³. После книги Б. Н. Гракова работа С. Штеттылло является единственным исследованием, освещающим иконографию синопских керамических клейм²⁴. Вместе с тем выводы С. Штеттылло не нашли признания в науке, а подчас даже остались неизвестны широкому кругу ученых. Все это заставляет вновь вернуться к рассмотрению эмблемных сюжетов синопских клейм и попытаться дать им определенную интерпретацию.

Б. Н. Граков неоднократно отмечал, что синопские монеты не находят отражения в керамике²⁵. Так, появление эмблемы «Ника» в VI группе своей классификации он относил за счет заимствования с медных монет Митридата VI Евпатора либо пафлагонской меди II—I вв. до н.э.²⁶ Однако подобная атрибуция вызывает сомнения по целому ряду причин. Не касаясь пока современных датировок поздних групп синопских клейм, где встречается рассматриваемая эмблема, необходимо отметить, что против ее заимствования с пафлагонских монет свидетельствуют: 1) ограниченные хронологические рамки бытования монет, 2) материал, из ко-

¹⁶ Цехмистренко В. И. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм // СА. 1958. № 1; он же. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // СА. 1960. № 3.

¹⁷ Брашинский И. Б. Успехи керамической эпиграфии // СА. 1961. № 2. С. 302; Шелов. Ук. соч. С. 136—138.

¹⁸ Цехмистренко. Синопские керамические клейма... С. 60—68; он же. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э. Рукопись. Дис... канд. ист. наук. М., 1962. С. 125—135; он же. Первая группа синопских клейм (неопубликованная статья).

¹⁹ Положения ее диссертации нашли отражение в ряде статей: *Sztetyllo Z.* Heracles with a Cornucopia on the Seal of Sinopean Amphora // Bulletin du Musée National de Varsovie. 1963; *eadem.* Quelques problèmes...; *eadem.* Quelques remarques en marge des études sur l'iconographie des timbres amphoriques grecs // Melanges offerts à K. Michalowski. Varsovie, 1966.

²⁰ *Eadem.* Quelques remarques... P. 670, 674.

²¹ *Eadem.* Les représentations des statues sur les timbres amphoriques // Travaux du Centre d'Archéologie Méditerranéenne. Varsovie, 1966; *eadem.* Les Herms dans l'iconographie des timbres amphoriques grecs // Études et Travaux. 1971. V; *eadem.* Quelques remarques... P. 670.

²² Граков. Ук. соч. С. 112.

²³ *Sztetyllo.* Quelques remarques... P. 670, 674.

²⁴ Эмблемам фасосских клейм посвящены две статьи Ф. Салвья: *Salviat F.* Religion populaire et timbres amphoriques: Hermes, Héléne et les ΔΟΚΑΝΑ // BCH. 1964. 88; *idem.* Symbolisme astral et divine // RA. 1966. № 1.

²⁵ Граков. Ук. соч. С. 90 сл., 100, 131.

²⁶ Там же. С. 97, 147.

Рис. 1. Эмблема «Ника» в клейме сивопского астинома Дионисия Апемантова

Рис. 2. Изображение Ники на монетах Митридата II (297—260 гг. до н. э.), Команы Понтийской (120—63 гг. до н. э.), Амастрия (120—63 гг. до н. э.), Пафлагонии (113—103 гг. до н. э.)

Рис. 1

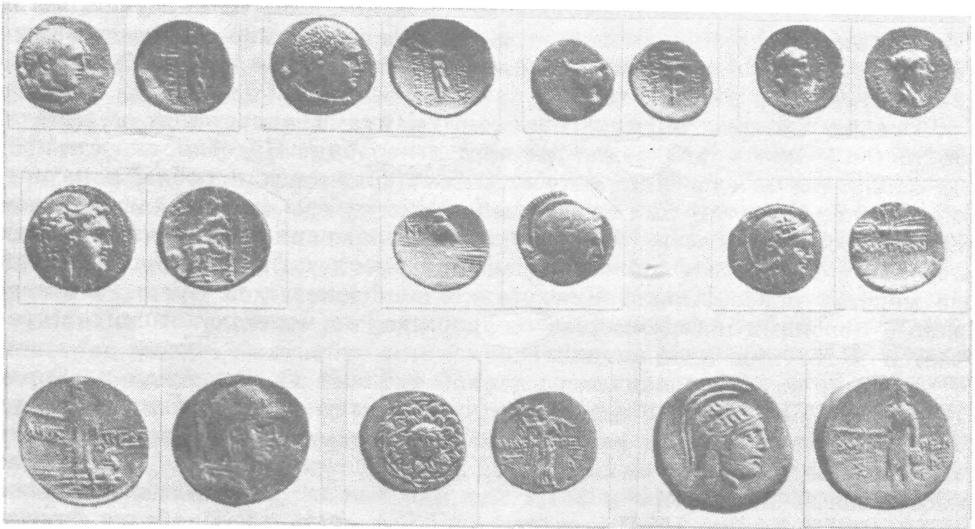

Рис. 2

того она изготовлены, 3) трактовка самого изображения. Два последних положения вполне справедливы и для монет Митридата VI Евпатора. Интересен и тот факт, что изображения на обильных золотых эмиссиях понтийских царей не находят отражения в керамической эпиграфике Синопы. Наряду с этим заслуживает самого пристального внимания то, что на протяжении III в. до н.э. Синопа в числе многих других центров античного мира чеканила золотые статеры послеалександровского типа²⁷. На аверсе монет изображалась голова Афины в коринфском шлеме, на реверсе — стоящая Ника, держащая в правой руке венок, а в левой стиллиду. В качестве аксессуарного типа рядом с Никой находилось изображение восьмиконечной звезды, либо акростилия и звезды, а также сокращенное название города ΣΙ²⁸.

²⁷ Newell E. T. The Alexandrine Coinage of Sinope // AJN. 1880. 52. P. 117—127.

²⁸ Придик Е. Н. Анадольский клад золотых статеров 1895 г. // ИАК. 1902. Вып. 3. С. 454—456, 459—465; Зограф А. Н. Статеры Александра Македонского из Керченских и Таманских находок // ТОИИАМ ГЭ. С. 95.

Появление изображения Ники в нумизматике того или иного центра принято связывать с военными успехами²⁹. На монетах Александра Македонского, а следовательно и послеалександровского чекана греческих городов воспроизведена известная статуя афинского Акрополя³⁰. В синопских клеймах обнаруживается довольно большая варибельность этого изображения (Б. Н. Граков отмечал четыре варианта³¹). Она, видимо, объясняется индивидуальными навыками и способностями разных резчиков штемпеля. Наиболее тщательно эмблема передана в клейме Дионисия, сына Агеманта (рис. 1). Несмотря на грубый материал, на котором оттиснуто изображение, довольно определенно прослеживаются линии тела, складки одежды, перья крыла. Сопоставляя эту эмблему с монетами Пафлагонии и Понта (рис. 2), нетрудно заметить, что в последних сюжет передан более упрощенно. По манере исполнения эмблема клейма ближе стоит к изящному, утонченному искусству эпохи эллинизма, чем к грубоватому, склонному к упрощению искусству римского времени. Немаловажно и то, что на понтийских монетах на плече у Ники пальмовая ветвь. В синопских клеймах известен всего один случай, когда Ника изображена с пальмовой ветвью на плече. Это явление очень важно для хронологии появления самой эмблемы в клеймах, и оно будет прокомментировано ниже.

Особый интерес вызывает эмблема «Ника с апластом в руках». Апластон — это принадлежность кормы корабля. Подобно акростилию, он забирался победителями с побежденных вражеских кораблей в качестве трофея. Апластон был символом морской победы, морской мощи, о чем свидетельствуют монеты, скульптурные изображения и указания античных авторов³². Появление этого изображения вместе с фигурой богини Ники на монетах показательно. Как убедительно доказал Б. Бретт, оно связано с морскими победами того государства, на монетах которого встречается в тот или иной период³³.

Вряд ли случайно появление данной эмблемы на синопских клеймах. В период IV—II вв. до н. э. лишь два события истории Синопы могут быть расценены как ее военные победы. Это освобождение города от зависимости, в которой он находился по отношению к царству Лисимаха, после гибели последнего в 281 г. до н. э.³⁴ и неудачная осада Синопы войсками Митридата III Понтийского в 220 г. до н. э.³⁵ Наиболее вероятным представляется связь эмблемы со вторым событием. Возможно, что в пользу этого свидетельствует наличие в синопских клеймах эмблемы «Ника с пальмовой ветвью на плече». Появление этого изображения впервые засвидетельствовано на монетах понтийского царя Митридата II (255—220 гг. до н. э.)³⁶, но широко распространяется лишь во II в. до н. э.

²⁹ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 31.

³⁰ Brett B. A. The Aphlaston, Symbol of Naval Victory or Supremacy on Greek and Roman Coins // INC. P. 32.

³¹ Граков. Ук. соч. С. 97 сл., 147.

³² Brett. Op. cit. P. 21.

³³ Например, на монетах Деметрия Полиоркета после победы над Птолемеем I у Саламина (292 г. до н. э.), на монетах Птолемея I после захвата им Кипра, на родосских тетрадрахмах после Агамейского мира. Появление Ники с апластом в руках на монетах Александра Македонского Б. Бретт объясняет стремлением к завоеванию могущества на море (Op. cit. P. 28).

³⁴ О положении Синопы в составе державы Лисимаха см. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956. С. 174.

³⁵ Там же. С. 178—180.

³⁶ Head B. V. Historia numorum. Oxf., 1911. P. 500.

Таким образом, появление эмблемы «Ника» в синопских клеймах, всей видимости, необходимо относить ко времени около 220 г. до н.э. Говоря о синопском источнике заимствования, не следует понимать его как полное копирование монетного типа. Монетное изображение послужило лишь образцом, прототипом при изготовлении штампа клейма, в котором резчик по-своему передал сюжет оригинала. Руководствуясь прежде всего фактурой материала, из которого изготавливался штамп клейма, он вынужден был искать более простой путь передачи довольно сложного изображения. Нельзя исключить и того, что на клейме непосредственно воспроизведена одна из городских скульптур. Нет никакого сомнения, что в качестве эмблемы взята именно скульптура, так как под фигурой «Ники» в клеймах очень часто прослеживается пьедестал (рис. 1).

Другой эмблемой, которая может быть связана с нумизматикой Синоп, является «акростилий», т. е. украшение корабельного носа. На монетах Синоп этот символ появляется в третьей четверти IV в. до н.э.³⁷ В последующий период «акростилий» постоянно встречается на различных сериях монетных эмиссий города в течение всего III в. до н.э.³⁸ С послеалександрийским золотым чеканом Синоп, несомненно, связана эмблема «акростилий и восьмиконечная звезда»³⁹. Аналогичная эмблема присутствует на синопских золотых статерах, датирующихся 290—220 гг. до н.э.⁴⁰ Другим источником заимствования могли послужить серебряные драхмы Синоп 270—220 гг. до н.э. (рис. 3). Обе монетные эмиссии практически одновременны и поэтому нет принципиальной разницы в том, какая из этих групп стала источником заимствования. Частая замена в синопских клеймах эмблемы «нос корабля» на «акростилий» также является подтверждением предложенной атрибуции.

Близка по времени с предыдущим изображением эмблема «восьмиконечная звезда» — атрибут астиномов Атеииппа Метродорова и Метродора Атепишова⁴¹. Б. Н. Граков приписывал появление этой эмблемы влиянию понтийской нумизматики, причем наряду с другой эмблемой — «пучок молний» этот символ являлся весомым аргументом в датировке клейм, на которых они встречаются, понтийским временем⁴². Однако эмблема «восьмиконечная звезда» как интерлокальный, общеэллинистический сюжет очень широко распространена во всем античном мире. Этому способствовала связь изображения с астральной символикой⁴³. В этом качестве оно встречается и у негреческих народов, например у персов и сарматов⁴⁴. На древнегреческих монетах эта эмблема используется либо как основной реверсный тип, либо как дифференг. На реверсе «восьмиконечная звезда» встречается на монетах Сиракуз⁴⁵, южных боспорских Спартокидов и боспорской меди времени Митридата VI⁴⁶,

³⁷ *Six J.-P.* Sinope // *NC.* 1885. 5. P. 32.

³⁸ *Ibid.* P. 38. Pl. II, 10, 14, 15.

³⁹ Данная эмблема встречена у Посидея Теариопова (IOSPE. III. № 6929—6928) и у Дея Менискова (*ibid.* № 2056—2058).

⁴⁰ *Newell.* Op. cit. P. 125—127.

⁴¹ *Граков.* Ук. соч. С. 148, 150.

⁴² Там же. С. 91.

⁴³ *Salviat.* Symbolisme astral... P. 41; *Svoronos J.* Sternbilder als Münztypen // *ZfN.* XVI. S. 227.

⁴⁴ *Сапрыкин С. Ю.* Золотая пластинка из Горгииппии // *ВДИ.* 1983. № 1. С. 71.

⁴⁵ *SNÇ.* Sweden. V. II. Pl. 16, 530; *Jenkins G. K.* Monnaies grecques. Fribourg, 1972. P. 184, 413.

⁴⁶ *Зограф.* Античные монеты. С. 187. Табл. XIII, 18; *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора. М., 1956. Табл. VIII, 93; *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 1, 23; Табл. 7, 203.

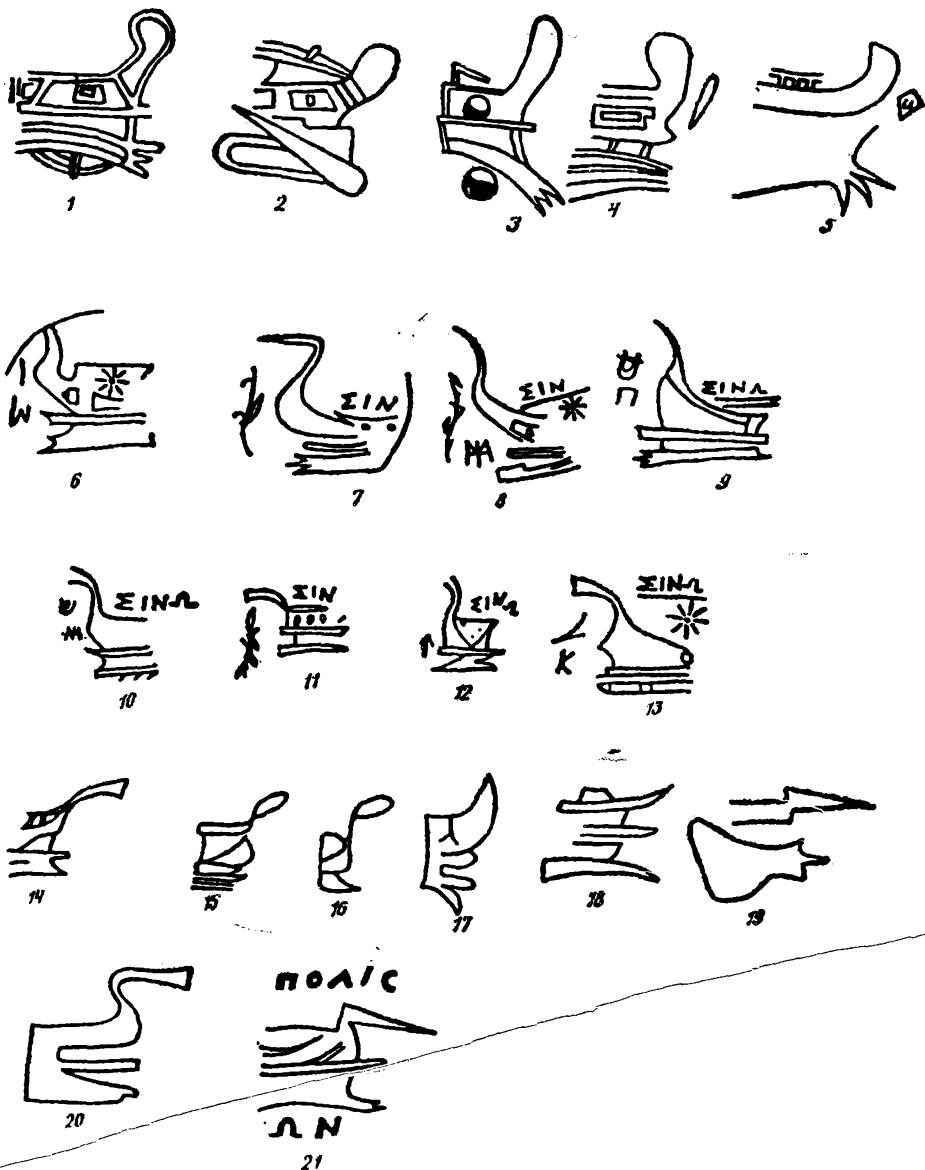

Рис. 3. Эмблема «прора»: 1–5 — римские монеты; 6–13 — синопское серебро III в. до н. э.; 14–20 — эмблемы синопских клейм; 21 — эмблема фасосского клейма (первая треть III в. до н. э.)

а также на анонимной понтийской меди ⁴⁷. Наиболее ранний дифферент «звезда» отмечен на монетах, чеканенных на рубеже VII–VI вв. до н.э. в Потидее ⁴⁸. Широкое распространение этого изображения приходится

⁴⁷ Голенко К. В. Понтийская анонимная медь // ВДИ. 1969. № 1. Табл. I, 3; II, 4; Дундуа Г. Ф., Лорджианидзе Г. А. Денежное обращение Центральной Колхиды V–I вв. до н. э. Тбилиси, 1983. С. 14, 18, 22.

⁴⁸ Gardner P. History of Ancient Coinage. Oxf., 1918. Pl. IV, 11.

на IV—III вв. до н.э. Именно в это время оно помещается на монетах Великой Греции ⁴⁹, Сицилии ⁵⁰, Галлии ⁵¹, Троады ⁵², Гераклеи Понтийской ⁵³, на монетах Селевкидов ⁵⁴, Лагидов ⁵⁵ и т. д. «Восьмиконечная звезда» является обычным дифферентом на монетах македонских царей Филиппа II и Александра Македонского ⁵⁶. В синопской нумизматике рассматриваемый символ постоянен на статерах послеалександровского типа и на чеканившихся в III в. до н.э. серебряных гемидрамах, где она сопутствует носу корабля (рис. 3).

В понтийской нумизматике эта эмблема также обычна, но ей всегда сопутствует полумесяц ⁵⁷. «Восьмиконечную звезду и полумесяц» обычно принято считать родовой эмблемой Ахеменидов, эмблемой царей Понта или государственным гербом Понта. Эти атрибуты свойственны богу Мену, которого почитали во всей Малой Азии ⁵⁸. Звезду и полумесяц на понтийских монетах К. В. Голенко предлагает считать эмблемой правящего царя, а не всей династии. Так или иначе, оба эти символа являются семантически связанным, неразрывным сюжетом и, следовательно, не могли заимствоваться изолированно друг от друга. Это позволяет решительно отбросить понтийские монеты как возможный источник заимствования. Наиболее вероятно, что эмблема попадает в клейма из синопской нумизматики, где она бытует довольно продолжительный период. Из одновременных серий синопских монет было заимствовано отмеченное выше изображение «акростилий и звезда». Кроме того, эмблема «восьмиконечная звезда» в синопских клеймах встречена в сочетании с головой Аполлона ⁵⁹, культ которого был широко распространен в Синопе, поэтому следует иметь в виду интерпретацию эмблемы «восьмиконечная звезда» как атрибута Аполлона ⁶⁰.

Рассмотренное изображение обычно также и для керамической эпиграфики Фасоса ⁶¹, что оставляет возможность и фасосского источника заимствования. Однако это ни в коей мере не влияет на датировку самой эмблемы, так как синопские монеты и фасосские клейма с этим символом в целом синхронны (табл. 1).

«Молния» или, правильнее, «пучок молний» имеет такую же популярность в античном мире, как и предыдущая эмблема. В нумизматике «пучок молний» также встречается в двух основных вариантах: главного типа реверса и дифферента. Наиболее ранние образцы монет с этой эмблемой, чеканенные в Элее, датируются 450—430 гг. до н.э. Молния изображалась на них с широко расправленными крыльями ⁶². Распространение этой эмблемы приходится, однако, на IV—III вв. до н.э., причем

⁴⁹ SNG. Sweden. V. II. Pl. 5; 10, 353; 8, 251, etc.

⁵⁰ Ibid. Pl. 16, 526, 585—586; Jenkins. Op. cit. P. 162, 349, 352.

⁵¹ Ibid. Pl. 4, 71.

⁵² CBM. Troas, Aeolis and Lesbos. Pl. VIII, 1—3.

⁵³ Gardner P. Types of Greek Coins. Camb., 1882. Pl. XIII, 27.

⁵⁴ Jenkins. Op. cit. P. 235, 245, 522, 539.

⁵⁵ Ibid. P. 256, 571.

⁵⁶ Schultz S. Antike Münzen. B., 1984. S. 29, 42.

⁵⁷ Зограф. Античные монеты. Табл. XV, 2, 3, 6; Recueil. Pl. I, 1, 5, 8, 9, 12; II, 1—15; III, 1—6; Suppl. A, 7, 11—14; Suppl. F; Suppl. C, 1—6.

⁵⁸ Голенко. Ук. соч. С. 143; на анонимной понтийской меди звезда также всегда с дополнительными символами (С. 141—143. Рис. 3. Табл. 1; Рис. 4. Табл. 2).

⁵⁹ IOSPE. III. № 2159—2160.

⁶⁰ Анохин. Монетное дело Боспора. С. 47.

⁶¹ См. табл. 1 данной статьи.

⁶² Jenkins. Op. cit. P. 95, 175.

Датировка эмблем в клеймах и на монетах

Эмблема	Синопские клейма	Дата клейма	Фасосские клейма	Дата клейма	Монеты	Дата монет	Дата эмблемы
Прора	Ἐκαταῖος, Πόσις ὁ Δαῖσκου; Ναύπων ὁ Καλλισθένου; Ἰόβακχος ὁ Μολπαγόρου; Ἀντίπατρος ὁ Νικαῶδος; Ναύπων ὁ Δίου; Δέλφισ ὁ Ἀρταμιδώρου; Ἰκέσιος ὁ Βακχίου; Ἀνθεστήριος ὁ Νουμηθίου	260—220 гг.	Διαγόρας, Ἀριστοφάνης	Первая треть III в.	Синопские драхмы	306—290 гг. 270—220 гг.	290—220 гг. до н.э.
Ника	Πρωταγόρης ὁ Κυθίσκου; Μῦθσις ὁ Φορμίωνος; Πυθόκλητος ὁ Ἀπωλ- λωνίου	260—220 гг.			Статеры после- александровского типа Чекан Митридата II	290—220 гг. ок. 220 г.	Около 220 г. до н.э.
Акростилий	Δεῖος ὁ Μήμιος; Ἰκέσιος ὁ Βακχίου; Ἀνθεστή- ριος ὁ Νουμηθίου; Φήμιος ὁ Ὀυσίλεω; Ναύπων ὁ Καλλισθένου;	260—220 гг.			Синопские драхмы Статеры после- александровского типа	306—290 гг. 270—220 гг. 290—220 гг.	290—220 гг. до н.э.
Звезда	Δημοσίη Ἀθηνίππος ὁ Μετροδώρου; Μετρόδωρος ὁ Ἀθηνίππου	260—220 гг.	Αἰσχρίων Ἀριστείδης Ἡρόστρατος Τελέμαχος Ἀλκείδης	Первая треть III в. 330—310 гг. 335—325 гг. 325—310 гг.	Статеры после- александровского типа	290—220 гг.	290—220 гг. до н.э.
Звезда	Ἀθηνίππος ὁ Μητροδώ- ρου; Μητρόδωρος ὁ Ἀθηνίππου	260—220 гг.	Αἰσχρίων, Λύσανδρος	Первая треть III в.	Синопские драхмы	306—290 гг. 270—220 гг. 290—220 гг.	290—220 гг. до н.э.
Акростилий	Δεῖος ὁ Μήμιος	260—220 гг.			Статеры после- александровского типа	290—220 гг.	290—220 гг. до н.э.
Звезда	Ποσίδειος ὁ Θεαρίωνος			325—310 гг.			
Молния	Μιλτιάδης ὁ Τεισάνδρου	285—260 гг.	Θάσω Αἰσχρίων	Первая треть III в.	Πελλα в Македо- нии	353—323 гг.	Первая треть III в. до н.э.

в городах Великой Греции и Сицилии она обязательно трактуется с крыльями⁶³. В качестве дифферента необходимо отметить «пучок молний» на монетах Элезии⁶⁴, Фурий⁶⁵, Сиракуз⁶⁶, царя Эпира Пирра⁶⁷. На монетах Сиракуз и Локр эта эмблема сопутствует орлу⁶⁸, что вполне соответствует смысловому значению обоих изображений, являющихся атрибутами Зевса. Рассматриваемая эмблема была аксессуарным типом монетного двора Пеллы⁶⁹ и поэтому обильно представлена в монетных эмиссиях македонских царей. Касаясь трактовки самого изображения, необходимо отметить, что для большинства центров характерна эмблема с крыльшками, либо стилизованными⁷⁰, либо четко выраженными⁷¹. На македонских монетах эта эмблема трактуется довольно разнообразно⁷². Наиболее близки эмблемам клейм изображения на монетах Александра Македонского⁷³, Пирра и Фарнака I Понтийского (рис. 4). Вместе с тем есть все основания утверждать, что с установлением понтийского владычества в южнопонтийском регионе распространяется эмблема «орел, держащий молнию», а не «пучок молний»⁷⁴. Таким образом, появление этой эмблемы в синопских керамических клеймах связано скорее всего с золотым чеканом македонских царей. Вместе с тем заимствование это произошло скорее всего не с самих монет, а опосредованно, через клейма Фасоса, где данная эмблема имеет более широкое распространение (табл. 1).

Заслуживает внимания еще одна эмблема, связанная с местной монетной чеканкой Синопы. Это близкое по смыслу эмблеме «акростилий» изображение «проры» — корабельного носа. Характеризуя эту эмблему, Б. Н. Граков отмечал, что «...корабельный нос не из ранней синопской нумизматики. Нет звезды, как на демидрахмах III в. до н.э.»⁷⁵. Поэтому он склонен был относить появление этой эмблемы за счет влияния римской нумизматики, отмечая при этом, что тип носа имитирует старые синопские городские монеты.

В III в. до н.э. в Синопе выпускается серия монет с традиционным изображением головы нимфы Синопы на лицевой стороне и носа корабля на оборотной⁷⁶ (рис. 3); иногда рядом с ним звезда (рис. 3, 6, 8, 13). В керамических клеймах Синопы эта эмблема получает очень широкое распространение, причем трактуется достаточно вольно. Наиболее близка к монетным типам Синопы передача изображения в клеймах астинома Гекатея (рис. 3, 14—16), хотя даже в них различаются четыре различных варианта эмблемы (рис. 3, 14—17). Здесь опять, видимо, мы имеем дело с разными резчиками. Предложенной атрибуции не противоречит различная ориентация изображений в клеймах и на монетах. Имея перед

⁶³ SNG. Sweden. V. II. Pl. XIV, 443; XVII, 568, 570—577; XVIII, 622—625.

⁶⁴ Gardner. Op. cit. Pl. XVI, 4.

⁶⁵ Ibid. Pl. XI, 20.

⁶⁶ SNG. Sweden. V. II. Pl. XVI, 539—542.

⁶⁷ Gardner. Op. cit. Pl. XI, 23.

⁶⁸ Ibid. Pl. XI, 17.

⁶⁹ Приодж. Ук. соч. С. 62.

⁷⁰ Jenkins. Op. cit. P. 95, 120, 133, 175, 230, 238, 279, 514.

⁷¹ Ibid. P. 120, 202, 240, 451.

⁷² Ibid. P. 120, 133, 230, 240, 279, 514, 516.

⁷³ Ibid. P. 230, 514, 516.

⁷⁴ Recueil. Pl. IV, 5; VII, 7; XII, 3; XV, 8; XVIII, 8, 9, 11, 12.

⁷⁵ Граков. Ук. соч. С. 90.

⁷⁶ Sic. Op. cit. P. 37. Pl. II, 15, 19; SNG. von Aulock H. I. Taf. 7, 221, 222; Recueil. Pl. XXV; XXVI, 1.

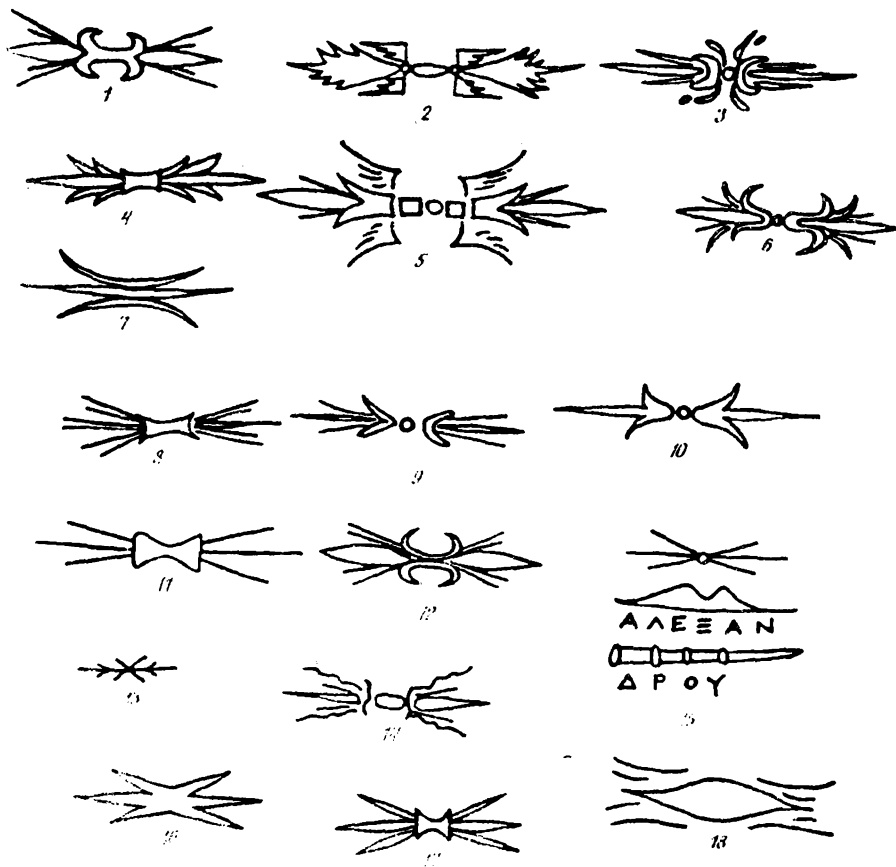

Рис. 4. Эмблема «пучок молний» на монетах: 1—Эолия; 2—3 — Кенторис; 4—Сиракузы (344—316 гг. до н. э.); 5 — Сиракузы (тирания Аристокла); 6—8 — Филипп II Македонский; 9, 12, 15, 16 — Александр Македонский; 10 — Локры; 11 — Пирр; 12 — Лесбос; 14 — Амастрий; 17 — Боспор; 18 — Прусий II Вифинский

собой образец, резчик переносил его на штамп клейма, при оттиске же получалось негативное изображение.

На серии драхм, рассмотренных выше, встречается монограмма ⁷⁷.

Аналогичная монограмма обнаружена в качестве клейма на ручке синопской амфоры (рис. 5). Есть все основания для отождествления лиц, которым они принадлежали. Учитывая, что астиномная магистратура была младшей должностью в греческом полисе ⁷⁸, а серия драхм с этой монограммой датируется 306—290 гг. до н.э. ⁷⁹, клеймо можно датировать временем не позднее последней четверти IV в. до н.э., видимо, предшественным его десятилетием.

Предложенная в данной статье интерпретация эмблем синопских клейм показывает значительное влияние на них со стороны македонской

⁷⁷ *Siz. Op. cit.* P. 38, 98.

⁷⁸ *Борисова В. В.* К вопросу об астиномах Херсонеса // ВДИ. 1955. № 2. С. 113.

⁷⁹ *Siz. Op. cit.* P. 38.

нумизматики. Впервые на это обратила внимание С. Штетылло, однако она не аргументировала свое предположение⁸⁰. Известно, что распространение македонских статов в широких размерах начинается еще при жизни Филиппа II и Александра Македонского и приобретает особенно интенсивный характер при их преемниках. Знаменателен тот факт, что статы Александра Македонского не вытеснили монетные эмиссии Филиппа II и не были вытеснены массовым чеканом Лисимаха. Монеты этих трех царей довольно продолжительное время равноправно обращались в античном мире⁸¹. Статы послеалександровского типа имели широкую международную известность, являясь своеобразной валютой во внешнеторговых операциях эллинистических государств⁸². Устойчивость курса и обилие чеканов обеспечили типу большую популярность во всем античном мире⁸³. Этим было обусловлено стремление к подражанию, что в итоге вело к существенному видоизменению первоначального сюжета.

В таблице 1 приводятся датировки эмблем, рассмотренных в настоящей статье, в сравнении с современными датировками хронологических групп синопских керамических клейм. Сопоставляя абсолютные даты, нетрудно заметить, что они совпадают. Это служит свидетельством правдивости предложенной атрибуции эмблем.

ON SOME EMBLEMS OF THE STAMPED CERAMICS FROM SINOPE

N. V. Yefremov

This article discusses questions raised by the adopted emblems found on the Sinopean stamped ceramics. For a long time, the dominant point of view was that coins from the Pontus had been the main source of emblems for the late groups of Sinopean ceramics. Now, the author contends that the emblems from the stamped Sinopean ceramics were taken primarily from local coins. He points out such symbols as «prow», «star», and «acrostyle». The coins minted by the Macedonian rulers also greatly influenced Sinopean emblematics: Sinopean artists adopted such emblems as «Nika» and «pencil of lightning» from Macedonian coins. «Nika» first appeared on Sinopean staters and later on stamped ceramics.

The identification of emblems on coins and stamped ceramics makes it possible to be more precise when dating the stamped ceramics. All emblems discussed in the article date from 290—220 B. C. The comparison between the Sinopean stamped ceramics and the ones from Thasos, stamped with analogous emblems, also gives the same date.

⁸⁰ *Sztetyllo. Quelques remarques...* P. 670, 674.

⁸¹ *Крыжицкий С. Д.* Статер Филиппа Арридея, найденный в Ольвии в 1978 г. // АНСП. С. 33; *Зограф. Античные монеты.* С. 100.

⁸² *Зограф.* Античные монеты. С. 100; *Карышковский П. О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ. 1961. № 4. С. 118.

⁸³ *Зограф.* Статы Александра Македонского... С. 86. Статы Александра Македонского и Лисимаха чеканились еще более 200 лет спустя после их смерти.

В. М. Зубарь, И. А. Антонова

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДАТИРОВКЕ КЛЕЙМ С АББРЕВИАТУРОЙ VEMI ИЗ ХЕРСОНЕСА

Среди керамических клейм первых веков нашей эры на кровельной черепице, обнаруженных в ходе раскопок Херсонеса, имеется группа прямоугольных оттисков с легендой VEMI. Черепица с такими клеймами происходит из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича¹, К. Э. Гриневича² и В. В. Борисовой³ в римской цитадели Херсонеса, И. А. Антоновой — с внутренней стороны 5-й куртины⁴, В. А. Кутайсова — в юго-западной части Херсонесского городища⁵ и в Портовом районе⁶. Сравнительно недавно большая группа красноглиняной черепицы с прямым бортиком и клеймами VEMI обнаружена И. А. Антоновой при исследовании здания терм на территории Херсонесской цитадели⁷ (рис. 1).

Все клейма с легендой VEMI оттиснуты прямоугольными штампами с закругленными углами двух типов. Высота букв, как правило, немного ниже рамки клейма. К первому типу относятся клейма с узкими буквами и апексами на концах (рис. 1, 8, 10, 12, 13). Ко второму — клейма с буквами без апексов, вписанными в рамку *tabula ansata*, которая очень часто встречается в клеймах на черепице и кирпиче, изготовленных воинскими ремесленными мастерскими в различных районах Римской империи⁸. Интересно, что такая рамка имела как перед ле-

¹ ГХЗ, инв. № 25, 243, 255, 31595.

² Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927—1928 гг. // Крым. 1929. № 1 (9). С. 23. Фрагментированный характер и зеркальный оттиск букв легенды клейм не позволили исследователю правильно интерпретировать эти памятники керамической эпиграфики. ГХЗ, инв. № 28445, 28806.

³ Борисова В. В. Черепица с клеймами римских легионов // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 43—44.

⁴ В 1957 г. в канале водостока с внутренней стороны 5-й куртины оборочительной стены вместе с материалом II—III вв. н. э. было обнаружено три клейма с легендой VEMI.

⁵ Кутайсов В. А. Новые находки легионных клейм в Херсонесе // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 139—142.

⁶ Об этом нам любезно сообщил руководитель работ В. И. Кадзев.

⁷ В ходе раскопок 1970—1971 гг. было обнаружено 19 таких клейм. В 1986 г. к этим находкам прибавилось еще пять экземпляров. См. Антонова И. А. Отчет о раскопках терм в цитадели Херсонеса в 1970—1971 гг. // Архив ГХЗ, дела № 2626—2628, с. 1—98; она же. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1986 г. // Архив ГХЗ, дела № 2694—2696, с. 1—69.

⁸ Jászó H. Das Kastell Kapersburg // ORL. 1903. Lief. 27. S. 49. Taf. VI, 23; Drezel F. Das Kastell Stockstadt // ORL. 1910. Lief. 38. S. 121. № 13. Taf. XX, 13; Wolff G. Das Kastell Bückingen // ORL. 1913. Lief. 38. Taf. II, 29; Bichir G. Central militar roman de la Buridava // Thraco-Dacia. 1935. T. VI. 1—2. P. 94—95. Fig. 1.

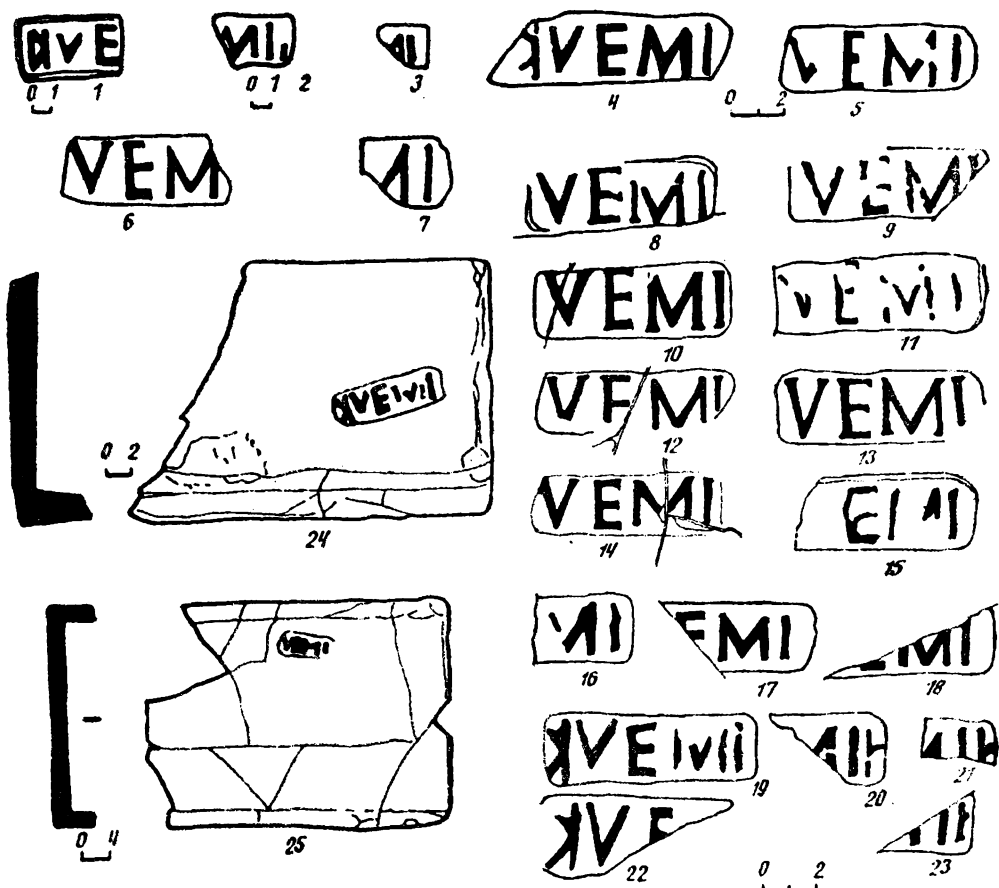

Рис. 1. Клейма с легендой VEMI из Херсонеса: 1—4 — из дореволюционных раскопок и поступлений; 5 — из раскопок В. В. Борисовой; 6—7 — из раскопок В. А. Кутайсова; 8—25 — из раскопок И. А. Антоновой

гендой клейма (рис. 1, 1, 4, 19, 22, 24), так и после нее (рис. 1, 2, 20, 21, 23)⁹.

В. В. Борисова, впервые опубликовавшая клеймо с аббревиатурой VEMI, восстановила его начало как VE от vexillatio¹⁰. Впоследствии С. А. Беляев обратил внимание на то, что легенда клейм VEMI может быть расшифрована по аналогии с клеймами из Харакса, изготовленными от имени центуриона I Итальянского легиона, препозита вексиллярии Нижней Мезии¹¹. Такое восстановление легенды было принято рядом исследователей и прочно вошло в научный оборот¹².

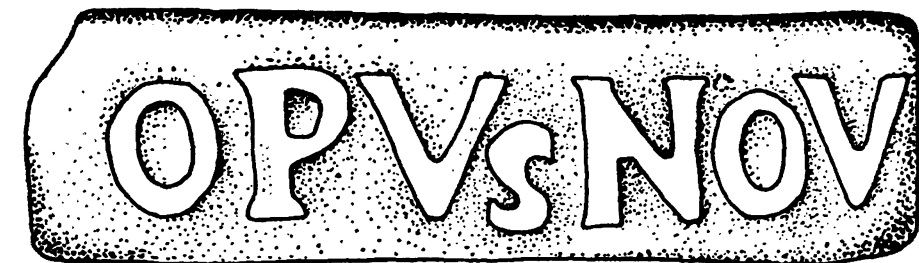
Однако в легенде второй группы клейм из Харакса, которая в качестве аналогии была привлечена С. А. Беляевым, имеются буквы VEX MOES

⁹ Именно торцовую сторону такой рамки в клейме VEMI В. А. Кутайсов принял за знак в виде буквы К в зеркальном изображении (Ук. соч. С. 140).

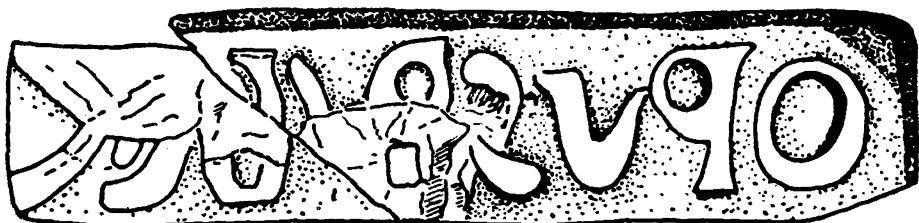
¹⁰ Борисова. Ук. соч. С. 43.

¹¹ Беляев С. А. К пониманию SIL, VIII, 619 // ВДИ. 1968. № 4. С. 132. Прим. 36.

¹² Соломоник Э. И. О пребывании римского флота в Крыму // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 144 сл.; Кутайсов. Ук. соч. С. 141.

1

2

Рис. 2. Клейма с легендой: 1 — opus Nov; 2 — opus P... (из раскопок В. В. Борисовой)

и INF, где NF в лигатуре¹³, в то время как на черепице из Херсонеса только четыре буквы — VEMI. К этому следует добавить, что сокращение VE от vexillatio не засвидетельствовано в латинской эпиграфике и всюду, где в надписях встречается термин «вексилляция», присутствуют аббревиатуры VEX, VEXILL. и т. д.¹⁴ Сказанное свидетельствует о том, что привлечение второго типа латинских клейм из Харакса для реконструкции херсонесских клейм с аббревиатурой VEMI весьма проблематично и вряд ли может быть признано правомерным.

Ввиду того, что черепица с клеймами VEMI пока не встречена в других районах античного мира, для правильной расшифровки его легенды в первую очередь должны быть привлечены другие латинские клейма на черепице, обнаруженные в Херсонесе. Это, очевидно, позволит если не решить окончательно затронутый вопрос, то, во всяком случае, наметить пути его решения исходя из тех особенностей клеймения легионной черепицы, которые имели место в самом Херсонесе.

При раскопках на территории римской цитадели Херсонеса Н. К. Косцюшко-Валюжиничем и В. В. Борисовой были обнаружены три фрагментированные черепицы с прямоугольным клеймом, которое читается как opus nov (рис. 2, 1)¹⁵. В. В. Борисова вслед за Б. Н. Граковым установила его как opus nov(um) и считала, что черепица с такими клеймами была специально изготовлена для каких-то новых построек¹⁶.

¹³ Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. 1900. Март. С. 155; Блаватский В. Д. Харакс // МИА. 1951. № 19. С. 254.

¹⁴ Cagnat R. Cours d'épigraphie latine / Ed. A. Fontemoing. P., 1898. P. 441; Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969. С. 369.

¹⁵ Борисова. Ук. соч. С. 41—42. Рис. 3.

¹⁶ Там же. С. 42, 45.

Однако следует обратить внимание на то, что из раскопок В. В. Борисовой происходит еще одно ретроградное клеймо аналогичного типа. К сожалению, окончание клейма не сохранилось, но в первой его половине четко читается *opus p.* (рис. 2, 2)¹⁷. Таким образом, перед нами два однотипных клейма с одинаковым началом — *opus*, но с различным окончанием легенды — *пов* и *р...* Это уже само по себе заставляет усомниться в правильности интерпретации этого типа клейм, предложенной В. В. Борисовой.

Среди латинских керамических клейм, обнаруженных на территории провинций Римской империи, хорошо известны легенды, в которых упоминаются либо воинские подразделения и имена мастеров, изготовлявших керамическую продукцию, либо только названия подразделений или имена мастеров и владельцев мастерских¹⁸. Однако до настоящего времени не найдено клейм, в которых имелось бы указание на назначение той или иной постройки, как это для херсонесских клейм предполагает В. В. Борисова. Учитывая это, а также то, что латинское существительное *opus* переводится как «работа», «труд», «занятие», «деятельность», начало легенды херсонесских клейм можно трактовать как «работа» и «произведение». Следовательно, вторая часть клейма, начинающаяся на *пов* и *р...*, может быть интерпретирована как имя мастера¹⁹. На возможность именно такого чтения клейма указывает не только значение существительного *opus*, но и прямые аналогии, имеющиеся в латинской эпиграфике²⁰. Исходя из этого можно сделать вывод, что во II—III вв. н.э. в Херсонесе работало по крайней мере два мастера, имена которых начинались на *Nov* и *P...* На черепице с клеймом *opus P...*, которая сохранилась почти полностью, отсутствует второе клеймо с названием воинского подразделения²¹. Это в свою очередь позволяет изготовителей черепицы с такими клеймами считать гражданскими лицами, которые, однако, судя по латинской надписи на клейме, были тесно связаны с римским гарнизоном Херсонеса и, возможно, жили в его канабе.

Идентичность глины черепицы с этими клеймами и керамид, клейменных аббревиатурой *VEMI*, позволяет предполагать, что эту аббревиатуру также следует интерпретировать не как название воинского подразделения, а как ремесленный знак, принадлежность продукции определенному мастеру или какому-то их объединению. Правда, полное отсутствие в ла-

¹⁷ Там же. С. 42. Рис. 4.

¹⁸ *Тачева М.* Печатите на Първи италийски легион в Свищовския музей // *Археология*. 1964. № 1. С. 46; *Neumann A.* Ziegel aus Vindobona // *Der Römische Limes in Österreich*. 1973. Ht XXVII. S. 37—39, 41—48, 126—129; *IDR*. V. II. 1977. P. 217. № 556—557; P. 218. № 558—559; P. 219. № 561—565; *ISM*. V. V. 1980. P. 235—236. № 211—217; P. 256. № 240; P. 277. № 261—264; P. 293—294. № 283—285; *Pajakowski W.* Stemplowane cegły i dachowki // *Novae-Sektor Zachodni* 1974. Poznan, 1979. S. 9—27; *Lörinz B.* Gestempelte Ziegel aus Tokod // *Die Spätromische Festung und das Gräberfeld von Tokod*. Budapest, 1981. S. 121—143; *Sarnowski T.* Die Ziegelstempel aus Novae // *Archeologia*. 1983. T. 34. S. 34—39, 41. Abb. 18; *Bichir*. Op. cit. P. 94—103.

¹⁹ Имена, начинающиеся на *Nov* и *P*, были сравнительно широко распространены в римской просопографии. См. *Prosopographia Imperii Romani* (далее — *PIR*). Saec. I, II, III. Pars II / Ed. H. Dessau. B., 1897. P. 416—418. № 142—156; Pars III / Ed. P. de Rohden et H. Dessau. B., 1898. P. 3—112. № 1—838; *Dean L. R.* A Study of the cognomina of Soldiers in the Roman Legions. Princeton — New Jersey, 1916. P. 241, 243—245.

²⁰ *Белова Н. Н.* Эпиграфические данные о характере труда в гончарном ремесле Римской Галлии в I—II вв. н. э. // *ВДИ*. 1967. № 1. С. 94. В слое IV в. канабы Интерцизы был найден глиняный светильник с клеймом (*opus*) *Vibiani*. См. *Колосовская Ю. К.* Паннония в I—III вв. М., 1973. С. 161.

²¹ ГХЗ, инв. № 24/36480.

тинской просопографии имен, начинающих на VEMI, не позволяет реконструировать эту аббревиатуру в качестве начала имени мастера или владельца мастерской²². Следовательно, аббревиатура VEMI должна быть разделена по крайней мере на две части и расшифрована либо в качестве начальных букв двух имен, начинавшихся на Ve и Mi²³, либо сокращенного наименования объединения, изготовлявшего черепицу. Вероятно, в том и другом случае перед VEMI подразумевалось существительное *opus*.

Если ход наших рассуждений верен и аббревиатуру VEMI можно разделить на две части — VE и MI, то возможен еще один вариант интерпретации этого клейма, при котором можно исходить из значений сокращений, известных в латинской керамической и лапидарной эпиграфике. Аббревиатура VE в надписях чаще всего обозначает трибу *Velina* или *veteranus*²⁴, а M или MI может быть дополнено как *mi(ssicium)* от *missicius*²⁵. Тогда клеймо с аббревиатурой VEMI может быть прочитано как [*opus*] *ve(teranorum) mi(ssicium)*. Если это так, то черепица с легендой VEMI могла изготовляться грушовой ветеранов, которые после выхода в отставку, возможно, жили в канабе херсонесского гарнизона и на протяжении 4—5 лет их считали резервом, что известно и в других районах империи²⁶. Это вовсе не значит, что в Херсонесе существовала официальная коллегия ветеранов, появление которых в провинциях фиксируется только с III в.²⁷ Скорее это было объединение ветеранов, статус и средства которых позволяли им после выхода в отставку заниматься самой разнообразной деятельностью и для которых канаба была по сути дела родиной²⁸.

Естественно, предложенная интерпретация клейма с аббревиатурой VEMI в какой-то степени гипотетична, однако наличие в Херсонесе мастеров, тесно связанных с римским гарнизоном, о чем свидетельствуют клейма с легендой *opus Nov* и *opus P...*, делает наше предположение вероятным. Во всяком случае, предложенное чтение аббревиатуры VEMI имеет такое же право на существование, как восстановление текста этого клейма С. А. Беляевым.

На основании того, что клейма с легендой VEMI из цитадели и юго-западного района Херсонеса были обнаружены вместе с другим археологическим материалом IV и даже V в. н.э., исследователями был сделан вывод, что черепица с такими клеймами изготовлялась римскими солдатами в III—IV вв.²⁹ Э. И. Соломоник, рассматривая вопрос о рим-

²² PIR. Pars III. P. 395; *Dean*. Op. cit. P. 308.

²³ Ср. PIR. Pars II. P. 375—382. № 416—460; Pars. III. P. 389—418. № 210 — 367.

²⁴ *Gordon A. E. Supralineate Abbreviations in Latin Inscriptions*. Berkeley — Los Angeles, 1948. P. 121, 129; *Федорова*. Ук. соч. С. 350, 352, 368.

²⁵ *Calderini A. Epigrafia*. Torino, 1974. P. 304. На возможность именно такого восстановления обратил наше внимание Ю. Г. Виноградов.

²⁶ *Колосовская Ю. К.* К вопросу о социальной структуре римского общества I—III вв. (*collegia veteranorum*) // ВДИ. 1969. № 4. С. 123.

²⁷ *Neumann A. Veterani* // RE. 1962. Hlbd IX. Sp. 1609; *Колосовская*. К вопросу... С. 126.

²⁸ Ср. *Speidel M. Legionaries from Asia Minor // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. В.— N. Y., 1980. II.7.2. S. 743 f.; *Колосовская Ю. К.* Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима. М., 1985. С. 179. О ветеранах римской армии в Херсонесе см. IOSPE.¹² № 484; *Калашиник Ю. П.* Обломок римского воинского диплома из Херсонеса // ТГЭ. 1984. Т. XXIV. С. 165—168.

²⁹ *Борисова*. Ук. соч. С. 42; *она же*. Раскопки в цитадели в 1958—1959 гг. // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 54; *Кутайсов*. Ук. соч. С. 141.

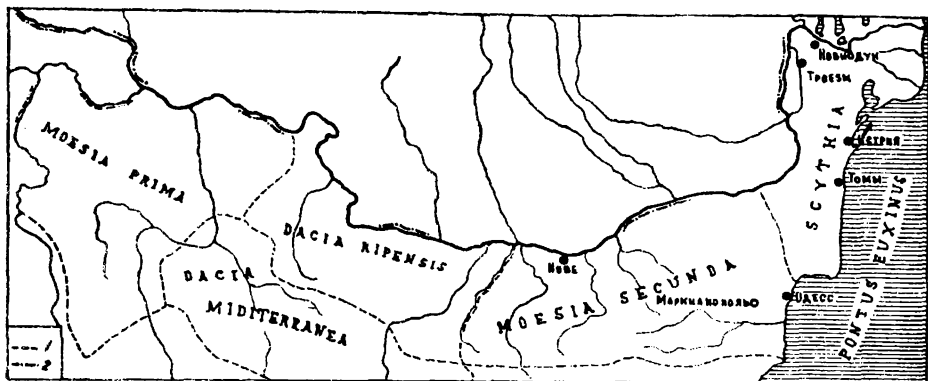

Рис. 3. Нижнее Подунавье в конце III—IV вв. н. э. по Т. Сарновскому: 1 — границы провинций; 2 — границы империи

ском флоте в Херсонесе, привлекла их в качестве косвенного свидетельства пребывания здесь в IV в. римских войск, в состав которых, наряду с сухопутными подразделениями, входили и моряки³⁰. В осторожной форме она высказала предположение о том, что черепица с клеймами VEMI могла изготавливаться именно моряками, расквартированными в городе³¹.

В. А. Кутайсов, издавая небольшую группу таких клейм, считал, что их датировка — не позднее первой четверти IV в. — хорошо согласуется с данными «Житий св. епископов Херсонесских», в которых говорится о размещении в городе римского гарнизона именно в это время³². Однако вывод о довольно поздней дате указанных клейм не может быть принят на основании чтения аббревиатуры VEMI, предложенного С. А. Беляевым и принятого без возражений Э. И. Соломошкин и В. А. Кутайсовым.

Как известно, в результате административной реформы, проведенной императором Диоклетианом, территория Римской империи была разделена на 12 диоцезов, которые в свою очередь подразделялись на провинции, причем границы новых провинций не всегда совпадали с прежним административно-территориальным делением³³. Бывшая провинция Нижняя Мезия (Moesia Inferior) была разделена на две: западная часть ее вошла в состав Мезии II (Moesia Secunda), а восточная, причерноморская, стала называться Скифией. В свою очередь Мезия II и Скифия в административном отношении были включены в состав диоцеза Фракия³⁴. Бывшая провинция Верхняя Мезия была преобразована в Мезию I (Moesia Prima) и вошла в состав диоцеза Дакия (рис. 3).

В соответствии с новым административным делением для охраны территории каждой из указанных провинций было выделено по два легиона³⁵. На территории Мезии I дислоцировались легионы IV Flavia и VII

³⁰ Соломошкин. Ук. соч. С. 143.

³¹ Там же. С. 144 сл.

³² Кутайсов. Ук. соч. С. 141.

³³ Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. L., 1982. P. 224.

³⁴ Bury J. B. The provincial List of Verona // JRS. 1923. V. 13. Pt 1—2. P. 133; Barnes. Op. cit. P. 206, 224.

³⁵ Jones A. H. M. The later Roman Empire 284—602. V. 1. Oxf., 1964. P. 54—55.

Claudia, Мезия II — I Italica и XI Claudia ³⁶, а в Скифии вновь созданные при Диоклетиане I Jovia и II Herculia ³⁷. При этом командующие войсками провинции Мезия I и II были подчинены дуксу Daciae Ripensis, а Скифии — дуксу Scythiae (рис. 3) ³⁶.

Учитывая новое административное деление империи и раздел бывшей провинции Нижняя Мезия на Мезию II и Скифию, трудно предположить, что на черепице, изготовленной в Херсонесе, было сохранено старое официальное название провинции Moesia Inferior. Перераспределение войск между вновь созданными провинциями, а также усложнение военно-политической обстановки на Нижнем Дунае и изменение задач, стоявших перед римскими войсками в этом районе, заставляет усомниться в том, что для защиты Херсонеса на рубеже III—IV вв. был выделен специальный гарнизон, состоявший из солдат регулярных войск. В пользу такого заключения свидетельствует сообщение Константина Багрянородного, что в период правления императоров Диоклетиана и Константина Великого каких-либо войск в Херсонесе не было. Напротив, римские императоры неоднократно обращались за военной помощью к населению Херсонеса ³⁹.

Однако, даже если римские войска и были расквартированы в Херсонесе в конце III—IV вв. н.э., что само по себе еще нуждается в серьезной аргументации ⁴⁰, то в организационном отношении они скорее всего должны были подчиняться дуксу Скифии, резиденцией которого между 293 и 305 гг. были Томы ⁴¹. Вероятно, именно здесь находилась основная база Classis Scythiae ⁴², без участия кораблей которого была невозможна устойчивая связь с римским гарнизоном Херсонеса.

Помимо сказанного, следует учитывать и то, что содержание термина vexillatio в позднеантичный период претерпело существенные изменения ⁴³. Во второй половине III в. в ходе реформы римской армии vexillationibus стали называться специальные кавалерийские подразделения,

³⁶ Административным центром провинции Мезия II был Маркианополь (Not. Dig. Or. XL. 29—36; Barnes. Op. cit. P. 261).

³⁷ Not. Dig. Or. XXXIX. 32—34; Nischer E. C. The army reforms of Diocletian and Constantine and their modifications up to the time of Notitia Dignitatum // JRS. 1923. V. 13. Pt. 1—2. P. 9; Jones. Op. cit. P. 55; Sarnowski T. Die legio I Italica und der untere Donauabschnitt der Notitia Dignitatum // Germania. 1985. Bd 63. Ht 1. S. 119.

³⁸ Not. Dig. Or. XXXIX. 2—10; Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn Byzantinischen Themenverfassung. 1920. S. 174, 178.

³⁹ Const. Porph. De adm. Imp. 53; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.—XII в.). Киев, 1977. С. 92.

⁴⁰ На основании шрифта латинского посвящения Юпитеру от имени Гая Валерия Валента, моряка мезийского флота с либуры «Стрела» из Херсонеса, датирующегося III—IV вв., Э. И. Соломоник считает возможным говорить о присутствии в Херсонесе в это время римских сухопутных войск и флота (Соломоник Э. И. О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. 1976. № 2. С. 168 сл.; она же. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 230 сл.; она же. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 35—36). Однако столь поздняя датировка указанного памятника вызвала возражения В. И. Кадеева, который на основании того, что при Гордиане (238 — 244 гг.) мезийский флот получил почетное наименование «Гордианов» (см. Fitz J. Honorific Titles of Roman Military units in the 3-rd Century. Budapest, 1983. P. 162 — 168), относит этот памятник к более раннему времени (Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках н. э. Харьков, 1981. С. 29. Прим. 21).

⁴¹ Miller K. Itineraria Romana. Stuttgart, 1916. S. 594. Fig. 191; Barnes. Op. cit. P. 222.

⁴² Kienast D. Untersuchungen zu den Kriegsflotten der römischen Kaiserzeit zur alten Geschichte. Bonn, 1966. S. 112.

⁴³ Neumann A. Vexillatio // RE. 1958. Bd VIII, 2. Sp. 2444—2446.

в которые была сведена кавалерия легионов⁴⁴. Этот процесс преобразования векилляций, ранее состоявших из солдат легионов и вспомогательных войск, в кавалерийские подразделения был начат в правление императоров Галлиена и Аврелиана и окончательно завершился на рубеже III—IV вв.⁴⁵ С начала IV в. термином *vexillatio* стали именоваться исключительно кавалерийские подразделения, которые наряду с легионами вошли в состав маневренной армии Позднеримской империи⁴⁶. Все это не позволяет относить изготовление черепицы с аббревиатурой VEMI, которая восстановлена С. А. Беляевым как *ve(xillatio) M(oesia) I(nferioris)*, ко времени позднее конца III в.

Если расшифровка клейм с легендой VEMI все еще не может быть решена однозначно, то в ходе археологических исследований получены материалы, которые позволяют уточнить *terminus ante quem* для этих клейм. При раскопках терм на территории римской цитадели Херсонеса в 1970—1974 гг. установлено, что это здание, кровля которого была покрыта черепицей с клеймами VEMI и *Le(gio) XI Cl(audia)*, возникло около середины — второй половины II в. и просуществовало до середины III в.⁴⁷ Следовательно, черепица с указанными клеймами могла быть изготовлена не ранее середины II в., так как только при Антонине Пиримский гарнизон был введен в Херсонес⁴⁸, и не позднее середины III в., когда здание терм перестало существовать и было перекрыто новым сооружением.

Однако датировку клейм с аббревиатурой VEMI можно несколько сузить. Эти клейма были обнаружены вместе с клеймами XI Клавдиева легиона⁴⁹, поэтому, если учесть, что по имеющимся данным этот легион был введен в Харакс и Херсонес не ранее конца II — начала III в.⁵⁰, то можно отнести выпуск этой черепицы либо к тому же периоду, либо к несколько более раннему времени. Последнее более вероятно, так как здание терм было сооружено еще до появления солдат XI Клавдиева легиона в Херсонесе⁵¹.

В связи с этим интересно обратить внимание на тот факт, что в Херсонесе помимо черепицы с рассмотренными клеймами встречается черепица только V Македонского и XI Клавдиева легионов и совершенно нет клейм I Итальянского⁵². Конечно, можно возразить, что это простая

⁴⁴ Parker H. M. D. The legions of Diocletian and Constantin // JRS. 1933. V. 23. Pt 2. P. 187—188.

⁴⁵ CIL. VIII. 9045, 9047; Grosse. Op. cit. S. 49—51; Parker. Op. cit. P. 188; Stein E. Die Kaiserlichen Beamten und Truppenkörper im römischen Deutschland unter dem Prinzipat. Wien. 1932. S. 92; CAH. V. XII. Cambr., 1939. P. 213—216.

⁴⁶ Nischer. Op. cit. P. 13—17; Parker. Op. cit. P. 189; Grant M. Climax of Rome. Boston—Toronto, 1968. P. 40—41; *idem*. The Army of the Caesars. L., 1974. P. 277—280.

⁴⁷ Антонова. Отчет о раскопках терм... С. 75, 78.

⁴⁸ Кадеев. Ук. соч. С. 26—27.

⁴⁹ Ростовцев. Ук. соч. С. 156; Блаватский. Ук. соч. С. 254; Борисова. Черепица... С. 41.

⁵⁰ IOSPE. I². № 550, 551, 552, 748; Соломонов. Латинские надписи... № 8, 10, 29, 31, 32; Ростовцев. Ук. соч. С. 156; Блаватский. Ук. соч. С. 254. Очевидно, этот факт должен быть учтен при датировке появления римского военного поста на городище Алма-Кермен, где обнаружена черепица с клеймами XI Клавдиева легиона. См. Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 55.

⁵¹ Антонова. Отчет о раскопках терм... С. 75.

⁵² Фрагменты красноглиняной черепицы с клеймами LEGVMAC были обнаружены И. А. Антоновой при раскопках здания терм в 1970—1974 гг. в помещении № 3 (Отчет о раскопках терм... С. 51. Рис. 78; см. также Сапрыкин С. Ю. Черепица с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 58—62; Борисова. Черепица... С. 39—41).

случайность, однако черепица с клеймами этого легиона найдена при раскопках на Ай-Тодоре, а коллекция латинских легионных клейм на черепице, обнаруженная в Херсонесе, исчисляется несколькими десятками экземпляров, что уменьшает вероятность случайного отсутствия таких находок.

Отсутствие клейм I Италийского легиона с известной долей вероятности позволяет предполагать, что черепица с клеймами VEMI изготовлялась в Херсонесе на протяжении второй половины II в., когда ядро римского гарнизона составляли солдаты и офицеры этого легиона⁵³. Выпуск черепицы, вероятно, осуществлялся не солдатами *вексилляций*, а какими-то лицами, как мы полагаем, ветеранами, которые жили в *канабе* и были тесно связаны с гарнизоном города. В противном случае трудно объяснить находки в Херсонесе и его округе черепицы с клеймами V Македонского и XI Клавдиева легионов и полное отсутствие аналогичной продукции I Италийского легиона, солдаты которого во второй половине II в. дислоцировались в городе и должны были участвовать в возведении зданий, в том числе и терм, на территории цитадели.

Таким образом, приведенные материалы позволяют пересмотреть устоявшуюся точку зрения на интерпретацию и датировку черепицы с клеймами VEMI, обнаруженную в Херсонесе. Новые данные свидетельствуют не только о присутствии в Херсонесе на протяжении второй половины II — первой половины III в. римских военнослужащих и членов их семей, но и ремесленников, которые, вероятно, жили в *канабе* гарнизона, а также ветеранов римской армии, участвовавших в ремесленном производстве. Вместе с тем прекращение существования терм около середины III в. н. э. есть основания связать с выводом римского гарнизона из города и перепланировкой территории цитадели. В пользу этого косвенно свидетельствуют полное отсутствие надежных данных о римских войсках в Херсонесе во второй половине III—IV в., а также сообщение Константина Багрянородного о том, что основной военной силой в это время в городе было ополчение граждан, на содержание которого римскими императорами выделялось 1000 пайков⁵⁴.

TOWARDS INTERPRETING AND DATING THE STAMPS WITH THE ABBREVIATION VEMI FROM THE CHERSONESE

V. M. Zubar', I. A. Antonova

This article deals with the problem of interpreting and dating the tiles stamped with the inscription VEMI that were found during excavations in the Tauris Chersonese. The authors, based on the analysis of various sources and stratigraphical data collected during the excavation of the *thermae* found on the territory of the Roman citadel of Chersonese, come to the conclusion that the tiles stamped with the inscription VEMI cannot date back to the III—IV centuries A. D. Most probably, these tiles were produced and stamped in the second half of the II century A. D. by veterans of the Roman army who lived at the garrison's *canaba*. This, in turn, proves that Roman soldiers and their families were not the sole inhabitants of the Chersonese, but that artisans, both civilians and army veterans also lived there. They were closely linked to the garrison and were the supporters and champions of the Roman administration in the ancient cities of the Black Sea's Northern coast.

⁵³ IOSPE. P. № 417, 547, 548, 572; *Соломошик*. Латинские надписи... С. 37—38. № 9. Ср. *Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym wybrzeżu morza Czarnego. Warszawa, 1988. Tabl. 8.

⁵⁴ *Const. Porph.* De adm. Imp. 53.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

© 1991 г.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ МЕЗОАМЕРИКИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

(Международный «круглый стол»)

Когда испанские корабли впервые появились у атлантического побережья Нового Света, весь этот огромный континент, включая острова Вест-Индии, был населен множеством индейских племен и народов, находившихся на самых разных уровнях социально-экономического развития. Большинство их было охотниками, рыбаками, собирателями или занималось примитивным земледелием; лишь в двух сравнительно небольших областях Западного полушария — в Мезоамерике и Андах (Боливия — Перу) — европейцы встретили высокоразвитые цивилизации аборигенов. Именно эти территории и были очагом наивысших культурных достижений доколумбовой Америки. К моменту «открытия» в 1492 г. здесь проживало до $\frac{2}{3}$ всего населения континента, хотя по своим размерам эти две области составляли лишь 6,2% общей его площади. Именно здесь, в горах Мексики и Перу, находились основные центры происхождения американского земледелия, а с рубежа нашей эры возникли самобытные городские цивилизации предков науа, майя, сапотеков, кечуа, аймара и др.

В специальной литературе вся эта территория получила название «Срединной Америки» (Nuclear America), или «Зоны высоких цивилизаций». Она, в свою очередь, подразделяется на две большие области — северную (Мезоамерика) и южную (Андская зона). Как явствует из заголовка Международного «круглого стола», ниже речь пойдет лишь о первом из названных регионов — Мезоамерике.

Особая культурно-географическая область — Мезоамерика — представляет собой северное ответвление зоны высоких цивилизаций Нового Света в доколумбову эпоху и территориально включает в себя Центральную и Южную Мексику, Гватемалу, Белиз, западные районы Сальвадора и Гондураса. В этой области, отличающейся необычайным разнообразием природных условий и пестрым этническим составом, к концу I тыс. до н. э. был осуществлен переход от первобытнообщинного строя к раннеклассовому. Это сразу же выдвинуло местных индейцев в число наиболее развитых народов древней Америки. На протяжении более полутора тысяч лет, которые отделяют появление цивилизации от испанского завоевания, границы Мезоамерики претерпевали значительные изменения.

В целом время существования цивилизации в пределах названной культурно-географической области можно разделить на два последовательно сменяющих друг друга периода: ранний, или классический (рубеж н. э. — IX в. н. э.), и поздний или постклассический (X — XVI вв. н. э.). Приход европейских завоевателей прервал самостоятельное развитие населения Мезоамерики.

До открытий Колумба жители Старого Света вряд ли подозревали о том, что за просторами океанов, в Западном полушарии, обитает еще немалая часть рода человеческого. Отдельные случаи доколумбовых плаваний европейцев к берегам Нового Све-

ча через Атлантику носили эпизодический характер и не оказали сколько-нибудь заметного влияния ни на развитие американских цивилизаций, ни на общие географические представления (римлян, викингов и др.).

Племена и народы индейской Америки, отделенные громадными водными преградами от остального мира, шли через века и эпохи подобно далекой планете, движущейся по своей особой орбите в звездных глубинах Вселенной. Античная и средневековая Европа и гордящийся своей тысячелетней мудростью Восток не оставили в своем богатом литературном наследии упоминания об этом континенте и его обитателях.

Какое же место занимают культуры доколумбовой Америки во всемирно-историческом процессе? Что дает нам — специалистам по древней истории и культуре — изучение индейских цивилизаций? Прежде всего необходимо подчеркнуть, что Новый Свет представляет собой уникальную историческую лабораторию, ибо процесс развития местных культур происходил здесь в целом независимо от других частей света с эпохи позднего палеолита (30—20 тыс. лет назад) и до вторжения европейских завоевателей в Америку в XVI в. н. э. Таким образом, в Новом Свете представлены почти все основные стадии древней истории человечества: от первобытных охотников на мамонтов до строителей каменных городов — центров раннеклассовых государств. Уже простое сопоставление пути, пройденного коренным населением Америки в доколумбову эпоху, с основными вехами истории Старого Света дает необычайно много для выявления общеприродных закономерностей. Но особый интерес американские материалы представляют для специалистов, изучающих наиболее ранние цивилизации человечества. «Города-государства Центральной Америки, — справедливо отмечал В. Н. Никифоров, — несравненно полнее, чем скудные сведения о древнеегипетской или шумерийской цивилизациях, позволяют представить жизнь первых островков классового общества среди моря первобытнообщинного варварства»¹.

И в самом деле, ни в одном другом районе земного шара внутренняя структура первоначальных раннеклассовых государств не документирована так хорошо, как в Мексике и Перу. Древнейшие цивилизации Месопотамии, Египта, Индии и Китая удалены от нас во времени на целые тысячелетия и представлены разрозненными и зачастую плохо понятными текстами, а также обильным, но не всегда информативным (в историческом плане) археологическим материалом. В Новом же Свете разрушительный вал испанской Конкисты в XVI в. н. э. сорвал покровы таинственности с далеких заокеанских стран, и изумленная Европа узнала вдруг о культурах майя, ацтеков, инков, сохранивших почти до наших дней самые архаические институты и формы древней государственности. Конкистадоры безжалостно уничтожили встреченные ими высокие цивилизации индейцев. Но прежде чем это случилось, многие европейцы — очевидцы или участники драматических событий завоевания Нового Света, либо же их современники (солдаты, монахи, чиновники, официальные летописцы и т. д.) успели оставить для потомков немало ценных документов и воспоминаний, достаточно полно раскрывающих общий характер раннеклассовых цивилизаций доколумбовой Америки.

Вот почему обсуждение проблем доколумбовых цивилизаций Мезоамерики уместно вынести на страницы «Вестника древней истории» и провести международный «круглый стол», в работе которого принимают участие ученые Испании, Мексики, СССР, США.

---

¹ Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 274.

ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ

Получилось так, что мои зарубежные коллеги на предложение дать в ВДИ статью о наиболее выдающихся достижениях в изучении цивилизаций доколумбовой Мезоамерики, не сговариваясь, представили работы о древних майя. И это вполне естественно. Ни одна другая культура индейцев в доиспанской Америке не подвергалась за последнее столетие столь интенсивным и глубоким исследованиям, как майяская. Ни одна другая древняя цивилизация Нового Света не имеет такого обилия и разнообразия исторических источников — письменных, этнографических, археологических. И, наконец, самое главное: только майя из всех коренных обитателей Западного полушария создали к концу I тыс. до н. э. сложнейшую систему подлинной письменности — иероглифику, так что надписи на камне, кости и глине составляют непрерывную принадлежность любого древнего города майя, как классического (I—IX вв. н. э.), так и постклассического (X—XVI вв. н. э.) периодов. Стоит ли удивляться, что по мере достижения в последнее время все больших успехов в археологических исследованиях майяских древностей и в прочтении (или истолковании) иероглифических текстов из руин майяских городов ученые разных стран все чаще обращают свои взоры именно к этой яркой цивилизации доколумбовой Мезоамерики.

Посвящены данной тематике и приведенные ниже статьи крупнейшего археолога и историка из США, профессора Гарвардского университета Гордона Р. Уилли, главы Центра по изучению майя (Мексика) доктора Мерседес де Ла Гарсы и профессора Университета Комплутенсе в Мадриде (Испания) Мигеля Риверы Дорадо, возглавляющего Испанскую археологическую миссию в Мексике. Никаких принципиальных возражений по содержанию данных работ у меня нет, и поэтому то, что излагается далее в моей статье — это скорее дополнение и разъяснение нашему читателю ряда затрагиваемых авторами проблем. Любопытный может ознакомиться с моей концепцией относительно характера государственного устройства древних майя в сравнительно недавно опубликованных монографиях и статьях¹, а относительно майяского искусства и религии — в ряде других работ².

К началу испанского завоевания в XVI в. индейцы майя занимали обширную и разнообразную по природным условиям территорию, включающую в себя современные мексиканские штаты Табаско, Чьяпас, Кампече, Юкатан и Кинтана Роо, а также всю Гватемалу, Белиз (быв. Британский Гондурас), западные районы Сальвадора и Гондураса.

Границы области майя в I тыс., по-видимому, более или менее совпадали с упомянутыми выше. В настоящее время большинство ученых выделяет в пределах этой территории три крупные культурно-географические области, или зоны: Северную (п-ов Юкатан), Центральную (Северная Гватемала, Белиз, Табаско и Чьяпас в Мексике) и Южную (горная Гватемала). Эти три области различаются не только географически. Они не похожи друг на друга и своими историческими судьбами. Хотя все они были заселены с очень ранних времен, между ними, безусловно, имела место своеобразная «передача эстафеты» культурного лидерства: Южная (горная) область, по-видимому, дала

¹ Гуаляев В. И. Города-государства майя. М., 1979; *он же*. Типология и структура древних государств Мезоамерики // Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985. С. 52—64; *он же*. Структура власти в древнейших государствах Мезоамерики // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 103—119; *он же*. Экология и урбанизация в доиспанской Мезоамерике // Экология американских индейцев и оскимосов. М., 1988. С. 157—180.

² Гуаляев В. И. Атрибуты царской власти у древних майя // СА. 1972. № 3; *он же*. Забытые города майя. Проблемы искусства и архитектуры. М., 1984; *он же*. Культ предков у древних майя // Религии мира. Ежегодник. М., 1984. С. 65—81.

могучий толчок развитию классической культуры майя в Центральной области, а последний отблеск великой майяской цивилизации связан с Северной областью (Юкатаном).

Центральная область майя — центральная не только географически. Это именно та самая территория, где майяская цивилизация достигла вершины своего развития в I тыс. Здесь же находилось тогда и большинство крупнейших городских центров: Тикаль, Паленке, Иашчилан, Нарахо, Пьедрас-Неграс, Копан, Киригуа и др. Культура майя классического периода составляет наиболее блестящую и яркую страницу их истории, крупнейшие и наиболее важные города классической цивилизации находились именно в центральной области майя, поэтому основное внимание в данной статье будет уделено памятникам I тыс. на территории Центральной и частично Северной областей.

Начало классического периода в низменных лесных областях майя отмечено появлением таких новых черт культуры, как иероглифическая письменность (надписи на рельефах, стелах, притолоках, росписях керамики и фресках, предметах мелкой пластики), календарные даты по эре майя (так называемого «Длинного Счета» — число лет, прошедшее от мифической даты 3131 г. до н. э.), монументальная каменная архитектура со ступенчатым («ложным») сводом, культ резных стел и алтарей, специфический стиль керамики и терракотовых статуэток, оригинальная настенная живопись.

Архитектура в центральной части любого крупного города майя I тыс. н. э. представлена пирамидальвыми холмами и платформами различных размеров и высоты. Они сооружены обычно из смеси земли и щебня и облицованы снаружки плитами тесаного камня, скрепленными известковым раствором. На их плоских вершинах стоят каменные здания: небольшие постройки из одной-трех комнат на высоких башнеобразных пирамидах-основаниях (высота некоторых пирамид-башен достигает 60 м, как, например, в Тикале) — это, вероятно, храмы. А длинные многокомнатные ансамбли на низких платформах, обрамляющих внутренние открытые дворики — скорее всего, резиденции знати, или дворцы. Поскольку перекрытия этих зданий сделаны обычно в виде ступенчатого свода, стены их очень массивны, а внутренние помещения сравнительно узки и невелики по размерам. Единственным источником света в комнатах были узкие дверные проемы, поэтому внутри уцелевших храмов и дворцов царят прохлада и полумрак. В конце классического периода у майя появляются площадки для ритуальной игры в мяч — третий тип основных монументальных построек местных городов. Основной единицей планировки в городах майя I тыс. н. э. были прямоугольные мощеные площади, окруженные монументальными зданиями. Очень часто важнейшие ритуально-административные постройки располагались на естественных или искусственно сделанных возвышениях — «акрополях» (Пьедрас-Неграс, Паленке, Копан, Тикаль и др.).

Рядовые жилища строились из дерева и глины под крышами из сухих пальмовых листьев и были, вероятно, очень похожи на хижины индейцев майя XVI—XX вв., описанные историками и этнографами. В классический период, как и позднее, все жилые дома стояли на невысоких (1—1,5 м) платформах, облицованных камнем. Отдельно стоящий дом — явление крайне редкое у майя. Обычно жилые и подсобные постройки образуют группы из двух — пяти построек, расположенных вокруг открытого внутреннего дворика (патио) прямоугольной формы. Это — резиденция большой патрилокальной семьи. Жилые «патио-группы» имеют тенденцию объединяться в более крупные единицы — наподобие городского «квартала» или части его.

В VI—IX вв. майя достигли наивысших успехов в развитии различных видов прикладного искусства и прежде всего в монументальной скульптуре и живописи. Скульптурные школы Паленке, Копана, Иашчилана, Пьедрас-Неграс добиваются в это время особой точности моделировки, гармоничности композиции и естественности в передаче поз и движений изображаемых персонажей (правителей, жрецов, сановников, воинов, слуг и пленных).

Знаменитые фрески Бонампака (Чьяпас, Мексика), относящиеся к VIII в. н. э., — это целое историческое повествование: сложные ритуалы и церемонии, сцены набега на чужое селение, жертвоприношение пленных, празднество, танцы и шествия сановников в вельмож. Вновь открытые росписи на стенах храма в Муль-Чике (близ Ушмаля, полуостров Юкатан) изображают жестокие сцены войны. На земле лежат тела убитых; один труп висит на дереве; люди избивают друг друга камнями; три грозных и мрачных майяских воина, украшенных ожерельями из черепов своих предыдущих жертв, медленно идут по полю битвы, держа в руках в качестве трофеев головы убитых врагов.

Благодаря работам американских (Т. Проскуракова, Д. Келли, Г. Берлин, Дж. Кублер и др.) и советских (Ю. В. Кнорозов, Р. В. Кинжалов) исследователей удалось доказать, что монументальная скульптура майя I тыс. н. э. — стелы, притолоки, рельефы и панели, а также иероглифические надписи на них — это мемориальные памятники в честь деяний конкретных майяских правителей. Они рассказывают о рождении, вступлении на престол, войнах и завоеваниях, династических браках, ритуальных обрядах и прочих важных событиях из жизни светских владык почти двух десятков городов-государств, которые, по данным археологии, существовали в центральной области майя в I тыс. н. э.

Совершенно по-иному определяется сейчас и назначение некоторых пирамидальных храмов в городах майя. Если прежде они считались святилищами важнейших богов местного пантеона, а сама пирамида была лишь высоким и монолитным постаментом для храма, то за последнее время под основаниями и в толще ряда таких пирамид удалось обнаружить пышные гробницы царей и членов правящих династий (открытие А. Руса в храме Надписей, Паленке и др.). В ряде случаев археологи смогли доказать, что первоначально сооружалась гробница, а уже потом над нею возводилась высокая ступенчатая пирамида, увенчанная сверху храмом. Между храмом и гробницей иногда осуществлялась прямая связь либо с помощью специальной трубы, либо с помощью лестницы, пробитой сквозь толщу пирамиды. Это, по-видимому, означает, что в комплексе «храм — пирамида — гробница» главную роль играет именно царская гробница, а храм, выстроенный над ней, является в действительности заупокойным храмом в честь обожествленного правителя или его предков.

Заметные изменения претерпели за последнее время и представления о характере, структуре и функциях крупных майяских «центров» I тыс. н. э. Широкие исследования археологов США в Тикале, Цибилчалтуне, Эцне, Сейбале, Бекане и др. выявили наличие там значительного и постоянного населения, развитого ремесленного производства, привозных изделий. Прослеживаются многие другие черты, свойственные древнему городу как в Старом, так и в Новом Свете.

Когда в XVI в. европейские завоеватели впервые высадились на каменные берега Юкатана, их поразило буквально все: обнесенные высокими стенами города, богатства местных правителей, опрятные белые одежды индейцев. К тому же майя были единственным народом американского континента, сумевшим задолго до конквисты создать сложную систему иероглифического письма. По сообщениям испанцев, в XVI в. во многих юкатанских городах при храмах и дворцах имелись большие библиотеки из рукописных книг. В них с помощью иероглифов и красочных рисунков была записана родословная правящих династий городов-государств майя, рассказывалось о войнах и переселениях племен, религиозных концепциях, о судьбе души человека в страшном «Подземном царстве» смерти, астрономических вычислениях и многих других сторонах духовной и политической жизни этого народа. Видимо, таких рукописей было тогда очень много. К сожалению, почти все они погибли в годы испанского завоевания или позже, во времена насильственной христианизации индейцев. Католические инквизиторы стремились уничтожить любое напоминание о языческой культуре, «порожденной дьяволом». Погибли тогда и многие жрецы майя — почти единственные грамотные люди среди индейцев. Стоит ли поэтому удивляться, что уже через сто лет после прихода европейцев знание древнего иероглифического письма майя полностью утрачено.

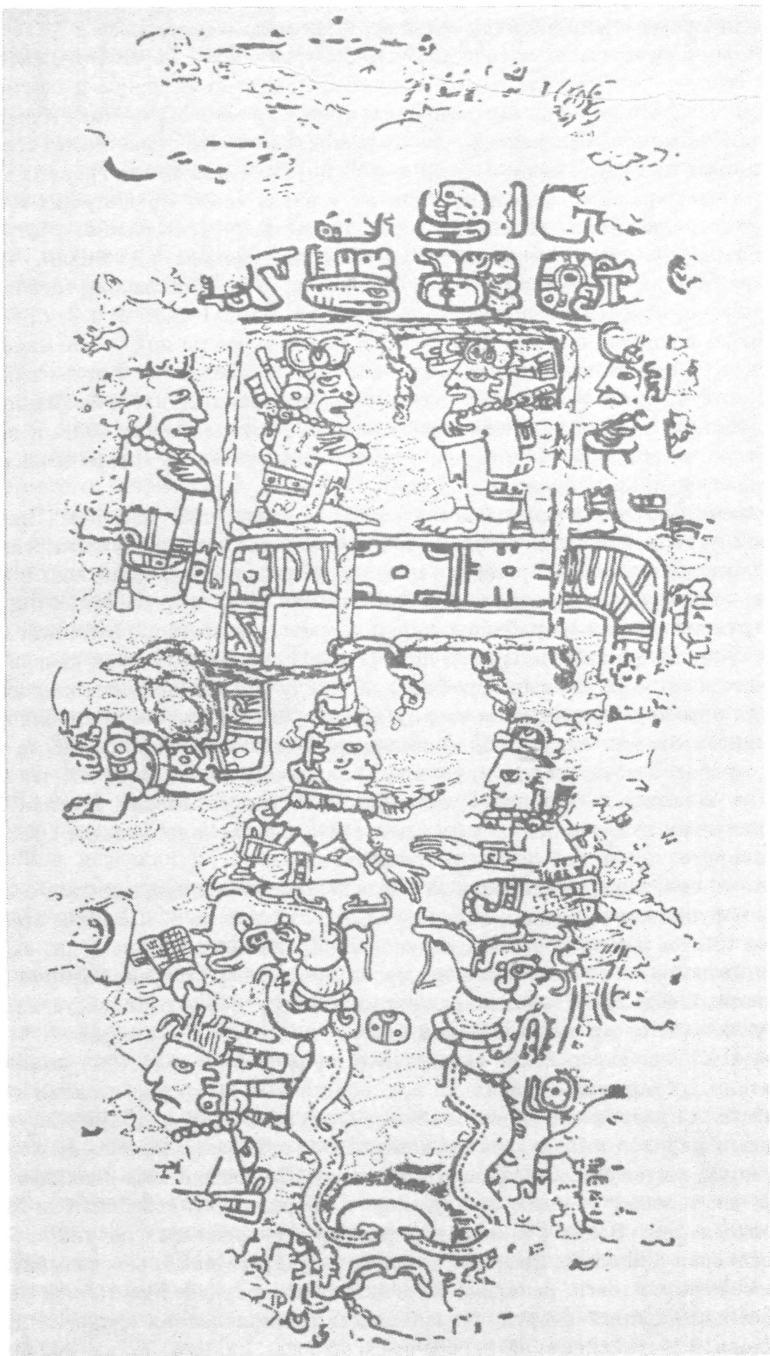

Рис. 1. Фрагмент из Мадридской рукописи майя, XV в.

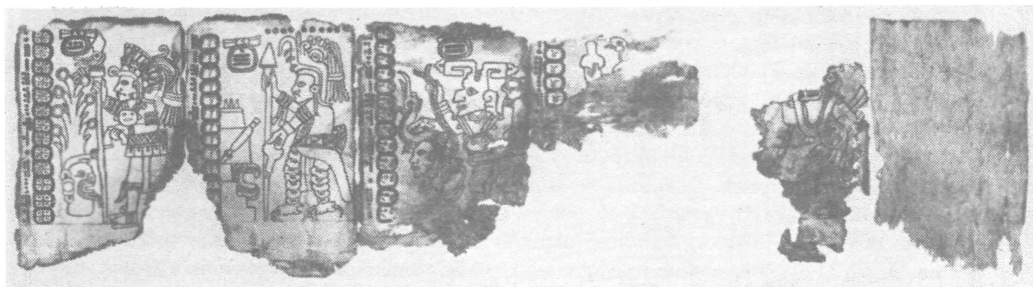

Рис. 2. Фрагмент из иероглифической рукописи Гролье, культура майя. XV в.

В XVIII—XIX вв. в различных городах Европы было открыты и опубликованы три рукописные книги майя — Дрезденская (XII в.), Парижская (XIII—XV вв.) и Мадридская (XV в.) (рис. 1). И уже совсем недавно в одной частной коллекции в США удалось обнаружить остатки еще одной, четвертой книги, получившей название «рукопись Гролье»³ (рис. 2).

Сразу же после открытия рукописей майя стали предприниматься попытки понять и прочесть их тексты. Особую активность проявляли здесь ученые Германии, Франции и США. Но единственное, в чем они добились успеха — это в чтении календарных надписей и знаков. Сами же тексты дешифровать так и не удалось. И все же ключ к вековой загадке майяских письмен был найден. В 50-х годах советский этнограф Ю. В. Кнорозов изложил в серии статей основные принципы дешифровки письменности майя.

Майяская письменность, как выяснилось, относится к морфемно-силлабическому, или, как принято говорить, иероглифическому письму. Это означает, что в письменности майя, как и в иероглифических системах письма Старого Света, употребляются знаки фонетические (алфавитные и слоговые), идеографические (обозначающие целые слова) и ключевые (поясняющие значение слова, но не читающиеся). Один и тот же знак в разных сочетаниях может употребляться то как фонетический, то как ключевой, то как идеограмма. Поэтому предложенная дешифровка была основана на сравнительном изучении фраз, знаков и сопровождающих их рисунков и рукописей (метод так называемой «позиционной статистики»). Посредством перекрестных чтений (главного критерия правильности дешифровки) проиллюстрированы способы написания слов, впервые опубликовано фонетическое чтение основных знаков майяской системы письма⁴. Логическим завершением этой трудоемкой работы явилось издание в 1975 г. русского перевода всех четырех сохранившихся рукописей майя⁵.

Все четыре иероглифические рукописи — Дрезденская, Парижская, Мадридская и Гролье — оказались жреческими требниками. Они содержат подробный перечень обрядов, жертвоприношений и предсказаний, связанных со всеми отраслями хозяйства майя (земледелие, охота, рыбная ловля, пчеловодство) и касающихся всех слоев населения.

В научный оборот введен совершенно новый исторический источник, способный во многом восполнить и изменить наши пока еще скудные сведения о характере общества майя накануне испанского завоевания в XVI в. Источник этот по своему содержанию весьма сложен и своеобразен. На основании этих сведений можно говорить о том, что жрец совершал обряды, требовал у жителей селения надлежащей жертвы, определял

³ *Coe M. D. Maya Scribe and His World. N. Y., 1973.*

⁴ Подробное изложение метода дешифровки письменности майя, его практическое применение — тексты рукописей XII—XVI вв., грамматику и словарь старого языка юкатанских майя см. в книге: *Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963.*

⁵ *Он же. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.*

благоприятное время для свершения дел и предсказывал будущее всему населению — от правителей до новорожденных. В жреческих требниках кратко указаны занятия богов, даны их изображения. Жители селений должны были точно следовать календарной деятельности богов, который описан последовательно, с точностью до дня.

В рукописях XII—XV столетий, созданных самими майя за несколько веков до Конкисты, отражены многие стороны их повседневной жизни, экономики, социальной структуры и верований. Особенно ценный материал дают эти документы для изучения религии майя. Однако рукописи почти не касались политической истории юкатанских городов-государств. К тому же они освещали лишь сравнительно поздние события XII—XV вв. н. э., непосредственно предшествовавшие появлению европейцев в Новом Свете. Начальные же страницы истории цивилизации майя, относящиеся к так называемому «классическому» периоду (I—IX вв. н. э.), по-прежнему оставались почти неизвестными науке.

В последние десятилетия археологи открыли в джунглях великолепные города древних майя, вычурные каменные храмы и дворцы, многоцветные красочные фрески, статуи богов и гробницы царей, изящную расписную керамику. Но весь этот богатейший материал оставался «немым» и «бессловесным» без прочтения письменных источников. А они имелись и притом в достаточно большом количестве: среди руин заброшенных городов I тыс. н. э. археологи часто находили иероглифические надписи, высеченные на камне или вырезанные на раковинах, кости и керамике. Но прочесть тексты I тыс. н. э. не брал на себя смелость ни один из самых искушенных специалистов по культуре майя. Однако после прочтения рукописей XII—XV вв. появилась возможность, опираясь на прочную основу в виде уже известных иероглифов и лексики этих источников, перейти к чтению более ранних текстов майя. Их объем по крайней мере в 20 раз превышает объем уже упоминавшихся майяских рукописей, а содержание гораздо ярче и разнообразнее.

Чтение древних текстов I—IX вв. н. э. было затруднено несколькими обстоятельствами: во-первых, наличием в надписях новых (неизвестных в рукописях XII—XV вв.) иероглифов, во-вторых, непонятным их написанием (причины — повреждения, скоропись, опибки писцов, иная форма иероглифов, высеченных на камне, и т. д.), в-третьих, плохим знанием лексики майя: речь идет не только о недостаточных знаниях современных лингвистов о лексике майя XVI в., но и о том, что язык надписей I тыс. н. э. безусловно должен был, ввиду значительного хронологического разрыва, заметно отличаться от языка юкатанских индейцев XVI в. н. э.

Изучение неизвестной письменности — длительный и сложный процесс. Отождествление знаков письменности не означает еще, что мы можем читать и переводить тексты. Точно так же обстояло дело и с майяскими письменами. До тех пор, пока не были составлены и изданы словари и не была изучена грамматика и лексика юкатанских майя времен конкисты, нельзя было прочесть и древние рукописи. Большая заслуга в составлении и публикации этих словарей принадлежит Центру по изучению культуры майя при Национальном Автономном Университете г. Мехико в Мексике. С этим центром советские ученые поддерживают постоянные и тесные контакты. Столь же необходимым для успешного продвижения было создание каталогов всех иероглифических знаков майя.

Два весьма важных обстоятельства ускорили начало успешной атаки на загадку майяской иероглифики I тыс. н. э. В апреле 1971 г. в Нью-Йорке, в клубе Гролье при активном содействии известного американского археолога Майкла Д. Ко была открыта выставка «Письменность древних майя». В музеях и частных коллекциях удалось собрать множество изделий майя I тыс. н. э. из глины, камня и кости с изображениями и короткими иероглифическими надписями. Большинство упомянутых предметов происходило из грабительских раскопок и, естественно, не попало до тех пор в поле зрения ученых. Особое место на выставке занимала значительная коллекция изящных глиняных ваз с многоцветной росписью. На каждом из таких сосудов рядом с иерогли-

Рис. 3. Расписной сосуд майя позднеклассического периода с «дворцовой сценой» (600—900 гг.)

Рис. 4. Расписной сосуд майя с изображением божества Летучей Мыши из горной Гватемалы, I тыс. н. э.

фической надписью имелось обычно и какое-то изображение. Таким образом, эта древняя керамика в значительной мере была похожа на рукописи майя XII—XV вв., где также изображения богов и мифологических персонажей сопровождалась пояснительным текстом. К тому же форма многих иероглифов на глиняных вазах почти не отличалась от знаков рукописей, что облегчало их сопоставление.

Издав после завершения выставки три больших альбома древнемайяской керамики, М. Д. Ко ввел в научный оборот совершенно новый вид источников для I тыс. н. э. — одновременно и письменных, и изобразительных⁶. Это дало ученым возможность приступить к исследованию громадного по объему и совершенно нового материала по искусству, религии, философии и письменности древних майя, который находился до сих пор почти в полном забвении. И главная причина сложившегося положения заключалась в том, что замечательные расписные вазы майя, как и другие произведения искусства доколумбовой эпохи, становились жертвой преступной деятельности грабителей древностей и тайно вывозились из латиноамериканских стран в частные коллекции США и Западной Европы, в большинстве своем закрытые для специалистов. М. Д. Ко впервые осуществил общий анализ майяской керамики и поставил вопрос о

⁶ *См.* Op. cit.; *idem.* *Classic Maya Pottery at Dumbarton Oaks.* Washington, 1975; *idem.* *Lords of the Underworld.* Princeton — New York, 1978.

ее назначении, тематике росписей и содержании имеющихся там иероглифических текстов. По мнению этого исследователя, все росписи на полихромной глиняной посуде I тыс. н. э. ограничены приблизительно четырьмя основными мотивами: 1) правитель, сидящий на троне в окружении слуг и сановников (рис. 3); 2) божество со старческим лицом, выглядывающее из раковины, — бог «N» (с раковиной улитки на спине — одним из правителей «Подземного царства»; 3) два юных персонажа в богатых одеждах, внешне похожие друг на друга; 4) божество в виде летучей мыши с символами смерти на крыльях (рис. 4).⁵

Показательно и то, что все найденные до сих пор в ходе археологических раскопок целые сосуды подобного рода происходят только из самых богатых и пышных гробниц и погребений, принадлежавших, по-видимому, царям и высшей аристократии майя. Таким образом, получилось, что сцены и тексты, запечатленные на этих изящных вазах, относятся не к повседневной жизни майяской элиты, а к «Подземному царству» смерти. Но М. Д. Ко пошел еще дальше, и заявил, что в полихромной майяской керамике мы имеем все, что осталось от очень большой и сложной иконографии царства смерти и его ужасных богов и что эти сведения каждый древний гончар получал из иероглифической рукописи или книги, которая описывала путешествие души умершего в подземное царство. Представления майя и индейцев-науа из Центральной Мексики о вселенной и смерти во многом были общими. Над плоской поверхностью прямоугольной земли находилось 13 слоев небес, каждый из которых имел свое божество. Под землей располагалось «Подземное царство», которое, согласно некоторым источникам, состояло из девяти ярусов. Души воинов, погибших на поле битвы или от жертвенного ножа, и души женщин, которые умерли при родах, направлялись прямо на небо, в рай бога Солнца, тогда как утонувшие и умершие от болезней, связанных с водой и молнией, шли в рай бога Дождя.

Однако для большинства людей финалом служил подземный мир — ужасное, холодное и темное царство, где бродила до момента своей окончательной гибели душа умершего. Майя из низменных лесных областей считали, что вход в преисподнюю, которую они называли «Метналь» или Шибальба, — это отверстие в земле где-то в районе Альта Верапас в Горной Гватемале. Оттуда бьет фонтан из крови и сгнивших тел. Во время своего страшного путешествия по владениям богов смерти душа человека подвергается различным испытаниям, ярко описанным в ацтекских и майяских мифах. Например, она должна пересечь реку из крови — для этого при похоронах приносятся в жертву собака-поводырь, помогающая при форсировании этого местного Стикса. Наиболее красочное описание преисподней дано в «Пополь-Вух» — священной книге майя-киче, занимавших господствующее положение в горной Гватемале накануне испанского завоевания в XVI в. Одна часть этого великого народного эпоса посвящена подвигам божественных близнецов и их конечной победе над владыками Шибальбы.

Самое поразительное в работах М. Д. Ко состоит в том, что он впервые установил для изображений на ряде полихромных сосудов майя I тыс. н. э. прямые совпадения с мифом о приключениях героев-близнецов в «Подземном царстве» из эпоса майя-киче «Пополь-Вух».

Чаще всего на этих вазах появляются двое юношей с метками бога на теле (рис. 5). Их богатые одежды и украшения свидетельствуют о высоком социальном статусе. М. Д. Ко назвал их «юными правителями» и считает, что это и есть наверняка геронблизнецы майяского мифа — Хунахпу и Шбалакке. Иногда они показаны в противоборстве с парой старых богов, которые определенно являются верховными владыками Шибальбы. Один из этих старых богов — бог «N» в рукописях майя — изображен с раковиной улитки на спине. Другой бог — «L» имеет головной убор из перьев, увенчанный волшебной соевой, и обычно курит сигару. На уникальной вазе из коллекции Принстонского университета (США) один из близнецов изображен вытаскивающим бога «N» из раковины. Одновременно близнец-победитель занес за спиной руку с крем-

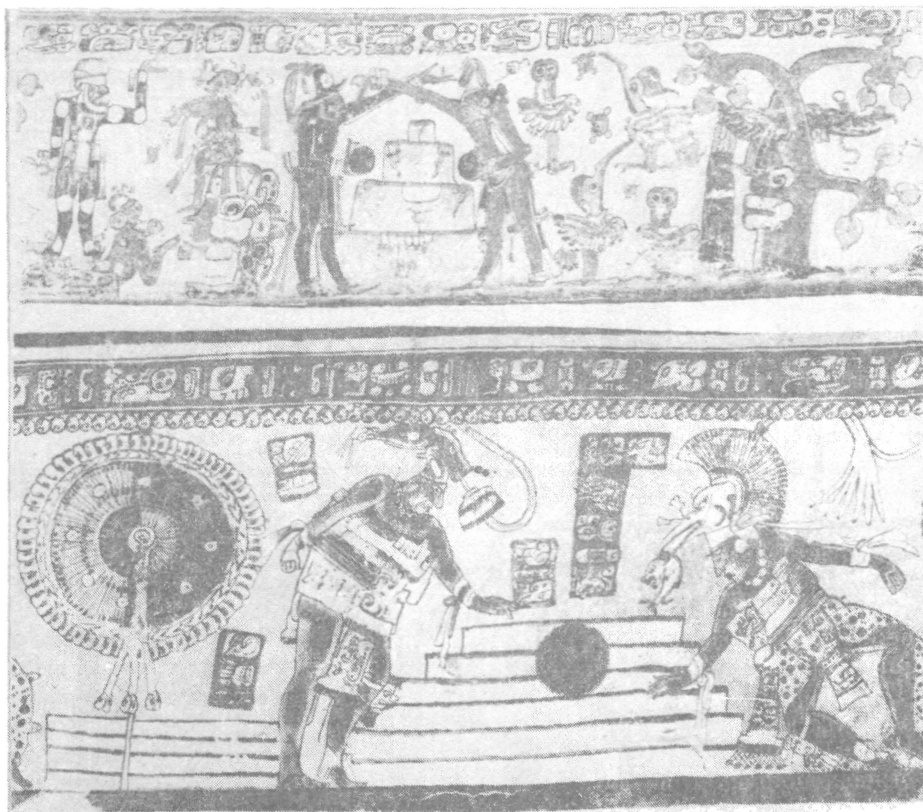

Рис. 5. Полихромная ваза со сценой ритуальной игры в мяч, культура майя, 1 тыс. н. э.

левым ножом для решающего удара (рис. 6). Видимо, перед нами — финальный акт повествования «Пополь-Вух» о гибели верховных правителей Шибальбы.

Что касается иероглифических текстов на расписной керамике майя, то М. Д. Ко установил, что вокруг венчика сосуда идет всегда одна и та же стандартная надпись — «первичная стандартная формула». Точное ее содержание до недавних пор было неизвестно, но теперь есть основания предполагать, что в ней речь идет о путешествии души умершего правителя или сановника майя в Шибальбу — «Подземное царство» и описываются встреченные там божества⁷. Если это так, то майя должны были иметь длинные погребальные песнопения, вероятно, над умирающим или только что умершим человеком, чтобы подготовить его к страшному путешествию в преисподнюю. Вторичные тексты, иногда встречающиеся на таких сосудах возле изображенных фигур, относятся к богам или реальным людям и содержат их титулы и имена.

В расписной керамике майя мы имеем, таким образом, совершенно новый мир майяской мифологии, который до сих пор игнорировался археологами и историками искусства. Этот мир — царство смерти, «населенный» паразитально большим числом ужасных существ, многие из которых редко или вообще не появляются на каменных скульптурах или в уцелевших рукописях майя (рис. 7). Этот обширный набор керамики, предназначенный исключительно для того, чтобы сопровождать умерших царей и

⁷ Кнорозов Ю. В., Ершова Г. Г. Надписи майя на керамических сосудах // Древние системы письма. Этническая семиотика. М., 1986. С. 114—151.

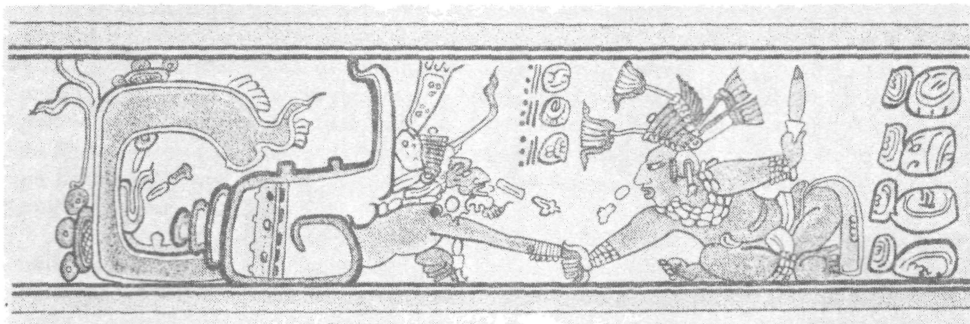

Рис. 6. Фрагмент росписи полихромного позднеклассического сосуда майя

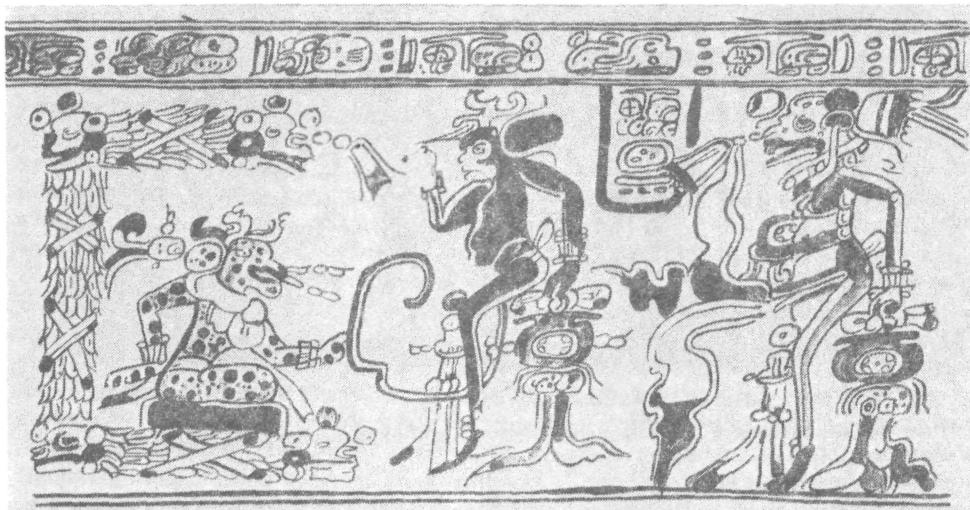

Рис. 7. Роспись сосуда майя с изображением персонажей Подземного царства смерти (в центре — обезьяна). I тыс. н. э.

аристократов в Подземное царство, может быть прямым эквивалентом «Книги Мертвых» у древних египтян. В конечном счете, изображение и надпись на каждом таком сосуде описывают смерть майяского правителя, длительное путешествие его души по страшным лабиринтам подземного царства и последующее воскрешение правителя, превращающегося в одного из небесных богов (рис. 8). Исследования М. Д. Ко представляют собой новый, значительный шаг на пути к пониманию мифологических воззрений, религии и социально-политических институтов майя классического периода. Однако некоторые его выводы выглядят излишне категоричными. Особенно это касается утверждения, что вся полихромная керамика I тыс. н. э., будучи погребальной по своему назначению, отражает лишь мифологические и потусторонние темы, не связанные с реальной жизнью.

Действительно, многие расписные сосуды из богатых гробниц классического периода содержат изображения богов подземного мира, чудовищ, мифологических существ и т. д. Но вместе с тем есть там и ряд мотивов чисто исторического характера. Сюжеты, связанные с «дворцовыми» или «военными» сценами, хотя они и помещены на погребальной керамике, могли, например, отражать какие-то реальные, особо при-

Рис. 8. «Культовая сцена». Полихромная ваза майя, I тыс. н. э.

мечательные события из жизни умершего правителя или аристократа. Это отчетливо видно и на примере тех двух замечательных расписных ваз, которые исследовал в своей публикации Ю. В. Кнорозов (сосуд № 28 из первого альбома М. Д. Ко — с «батальной сценой»; и сосуд № 19 из третьего альбома — с «дворцовой сценой»). На первой из этих ваз изображена сцена битвы. Одиннадцать персонажей, разделенных на два отряда из пяти и шести человек, столкнулись в ожесточенной схватке. Более многочисленный отряд (слева), судя по всему, уже проиграл битву и отступает. Три воина из его состава попали в плен, и их уводят торжествующие победители. Иероглифические надписи, помещенные возле действующих лиц данной сцены, содержат их имена, титулы и носят бесспорно исторический характер. Здесь уместно напомнить, что их перевод, сделанный Ю. В. Кнорозовым, — это вообще первый перевод некалендарных иероглифических текстов майя I тыс. н. э., первое «вторжение» современной науки в политическую историю майя классического периода. Итогом этого «вторжения» были реальные имена реальных исторических персонажей, живших более 11 веков назад: персонаж № 4 — главное действующее лицо всей данной сцены, полководец по имени «Ястреб-добытчик» и правитель города-государства «Вихрь Дротиков» (персонаж № 11).

Однако Ю. В. Кнорозову удалось прочесть и «первичную стандартную формулу» — кольцевую надпись вокруг венчика сосуда, которая, как известно, никогда не бывает прямо связана с помещенным ниже изображением⁸. Это, во-первых, позволяет теперь читать почти все аналогичные надписи на десятках других майяских сосудов I тыс. н. э., а во-вторых, дает важную дополнительную информацию о древних майя.

«Первичная стандартная формула» названа Ю. В. Кнорозовым «формулой возрождения». Сосуды с такой формулой встречаются на керамике майя с рубежа н. э. до X в. н. э. (рис. 9). Она не была до сих пор обнаружена в надписях на монументальных памятниках — стелах и алтарях. Нет ее и в сохранившихся иероглифических рукописях майя. Тем не менее в I тыс. н. э. были, очевидно, рукописи, посвященные заупокойному ритуалу, тексты которых использовались при составлении «формулы возрождения» на сосудах. «Формула возрождения», употреблявшаяся в погребальном ритуале, вероятно, была достаточно обширной. В надписях на сосудах она представлена в различных вариантах, от предельно краткого (4 иероглифа) до просторного (40 иероглифов). Все

⁸ Там же. С. 126—128.

Рис. 9. Изображение «юных правителей» (божественных близнецов) на расписном сосуде майя, I тыс. н. э.

варианты не противоречат друг другу и, очевидно, восходят к общему первоисточнику. Как уже говорилось, «формула возрождения» не имеет прямого отношения к другим надписям и сценам на том же сосуде. Таким образом, главным признаком, объединяющим группу великолепных полихромных глиняных ваз классического периода майя, является именно «формула возрождения». Точное ее содержание для сосуда № 26 можно найти в упоминавшейся статье Ю. В. Кнорозова и Г. Г. Ершовой. Здесь же для нас важно и то, что благодаря прочтению данной надписи стало впервые известно подлинное название одного из городов майя I тыс. н. э. — крепость «Брод Ягуара», которая отождествляется с городищем Наранхо в департаменте Петен на севере Гватемалы. До сих пор все названия древних городищ майя либо даны испанцами, либо придуманы современными исследователями.

Издавая в 1978 г. свой третий альбом расписных майяских vaz, М. Д. Ко обнаружил, что персонаж с сосуда № 19 из Небаха (горная Гватемала) — правитель, сидящий на платформе, накрытой циновкой, и фигура правителя «Вихрь Дротиков» на сосуде № 26 из первого альбома 1973 г. с «батальной сценой» — одно и то же лицо. Больше того, военачальник «Ястреб-добытчик» с вазы, изображающей «батальную сцену», представлен и на этом новом сосуде. Он стоит на коленях перед тронем правителя, выражая ему знаки смирения и покорности. На поясе након отчетливо видны подвешенные человеческие головы, которые были отрублены, вероятно, у поверженных врагов в ходе сражения. Таким образом, не подлежит сомнению, что в обоих случаях на керамике изображены вполне реальные исторические лица и примечательные события из их жизни. Об этом же со всей очевидностью говорят и короткие иероглифические тексты, сопровождающие всех участников данной сцены на сосуде № 19: здесь правитель и его полководец вновь названы теми же именами — «Вихрь Дротиков» и «Ястреб-добытчик»⁹.

Правда, есть здесь и одна большая трудность. Если о месте находки сосуда № 26 (с «батальной сценой») нет никаких данных, то сосуд № 19 (с «дворцовой сценой») происходит из Небаха в горной Гватемале. Однако из содержания надписей на обоих сосудах следует, что они изготовлены в одном и том же месте — в крепости «Брод Ягуара» (Наранхо), в северной равнинной зоне Гватемалы, т. е. за сотни километров от места

⁹ Там же. С. 120—123.

Рис. 10. «Культовая сцена». Фрагмент росписи на полихромной вазе майя

находки. Как же они могли очутиться в Небахе? Ведь если следовать рассуждениям М. Д. Ко, то такую парадную керамику майя изготавливали непосредственно перед похоронами и лишь для того, чтобы немедленно положить ее в гробницу почившего правителя или аристократа. Однако на многих изящных образцах полихромных ваз классического периода, причем с самыми яркими мифологическими сценами, американская исследовательница Персис Кларксон обнаружила парные отверстия для починки и следы сильной потертости дна от длительного употребления. Ясно, что они были сделаны не для немедленного помещения в могилу знати в качестве погребальных даров, а вполне могли служить и для повседневного обихода высших слоев майяского общества. Во всяком случае, именно такие расписные вазы изображены в некоторых «дворцовых сценах» вблизи фигуры правителя и даже непосредственно на его троне (рис. 10).

В ряде случаев удалось связать исторических персонажей, упомянутых на керамике в сценах и в надписях, с персонажами, запечатленными на каменных скульптурах. В качестве примера можно сослаться на женщину из царской фамилии города Тикаля, которая вышла замуж за представителя правящей династии города Наранхо. Она изображена на стенах 3, 24, 29 и 31 в Наранхо, а ее именной иероглиф есть на вазе из первого альбома М. Ко.

Наличие уникальной полихромной керамики, найденной при археологических раскопках в Тикале и в Алтар де Сакрифисьос (Гватемала), позволяет предположить что эти изящные и оригинальные расписные вазы приносились представителями элиты из одних городов в другие в качестве погребальных даров. Видимо, каждый правитель имел свою «личную» керамику, сделанную либо при его жизни, либо родственникам после его смерти, чтобы увековечить его победоносные битвы и другие важные события его царствования. Эта керамика использовалась, очевидно, длительное время, возможно, в качестве фамильных вещей, на что указывают и парные отверстия для починки, и заметно выщербленные от употребления плоские днища сосудов. И лишь в особо важных случаях она дарилась другим аристократам из соседних городов-государств (при ритуале поминовения, как считает Ю. В. Кнорозов).

В городе Алтар де Сакрифисьос археологи обнаружили в одном из храмов погребение женщины из знатного, возможно, царского рода. Среди погребальных даров, сопровождавших умершую, особенно выделяется изящная полихромная ваза цилиндрической формы, на которой изображен сложный ритуал, связанный с похоронами. Тщательное изучение керамики из данной гробницы выявило наличие, помимо местных

типов, трех привозных сосудов из других городов и областей майя: Иашчилана, Тикали и Альта Верапаса (горная Гватемала). Примечательно, что два персонажа, которые привезли с собой, по-видимому, часть этой великолепной керамики, изображены и на упоминавшейся выше вазе. Один из них — правитель Иашчилана, известный нам под условным именем «Птица-Ягуар». Другой — посланец правителя Тикаля, судя по эмблеме-иероглифу этого города. Все эти лица были, вероятно, приглашены в Алтар де Сакрифисос на похороны своей знатной родственницы — женщины средних лет. Это событие, согласно календарной дате по эре майя, запечатленной на «Вазе из Алтаря», произошло в 754 г. Посланцы трех городов привезли с собой в качестве даров умершей характерную для своих мест парадную посуду. Вероятно, в конце I тыс. н. э. у знати майя Центральной области существовал обычай взаимных визитов во время похорон представителей высшей элиты, визитов, которые сопровождались приношением ценных подарков знатному покойнику. Однако в утвари лишь немногих, главным образом царских погребений есть такие привозные полихромные вазы. Так, например, в Тикале в богатейшей гробнице под Храмом I (700 г. н. э.) среди других вещей находилось девять глиняных расписных сосудов с изображением «дворцовой сцены» — правителя на троне в окружении слуг и придворных — сделанных различными мастерами, видимо, происходящих из разных мест.

Этот факт, возможно, проливает свет и на нашу загадку — каким образом расписные вазы из Наранхо очутились в далеком Небахе? Не исключено, что между правителями этих городов существовали какие-то династические связи, и после смерти одного из владык горной Гватемалы его царственные родственники из «Брода Ягуара» (Наранхо) прислали для похорон или поминальных «брядов» часть своей «фамильной» керамики.

Во всяком случае ясно одно — благодаря чтению иероглифических текстов на сосудах майя I тыс. н. э., осуществляемым сейчас Ю. В. Кнорозовым, майянистика впервые получила возможность прямого выхода на подлинную политическую историю майяских городов-государств классического периода. Широкое же чтение таких надписей на сооружениях и предметах, находимых во время раскопок древних городов позволит довольно быстро поднять археологию майя на уровень египетской и месопотамской, где давнее содружество археологов и лингвистов уже принесло такие блестящие результаты.

В заключение несколько слов о наиболее интересных результатах полевых исследований на территории майя за последнее десятилетие.

К числу несомненных археологических сенсаций относится недавнее открытие нового значительного городища древних майя в лесах северо-восточного угла департамента Петен в Гватемале — Рио Асуль. Пятилетние работы археологов США позволили определить, что данная территория была населена человеком с 900 г. до н. э. до 800 г. н. э. Первые признаки монументальной архитектуры появляются около 150 г. до н. э., а расцвет города падает на I тыс. н. э. Обнаружено несколько нетронутых богатых (видимо царских) гробниц, спрятанных под платформами заупокойных храмов, большое число гладких и резных стел, иероглифических надписей. Рио Асуль имел внешние оборонительные укрепления в виде рва и зала¹⁰.

В том же районе (Петен, Гватемала) интенсивные раскопки, проведенные на городище Эль Мирадор, известном с 1928 г., позволяли заметить ускорение начала процесса урбанизации на территории майя. По заключению археологов Б. Дахлина и Р. Матени (США), город вполне сложился (включая внешние оборонительные укрепления в виде валов и рвов) еще в I в. до н. э., а пришел в запустение около 150 г. н. э.¹¹

¹⁰ Adams R. E. W. Archaeological research at the Lowland Maya City of Rio Azul // Latin American Antiquity. 1990. V. 1. № 1. P. 23—41.

¹¹ Matheny R. T. An Early Maya metropolis uncovered: El Mirador // National Geographic. 1987. V. 172. № 3. P. 317—339.

Возобновились широкомасштабные исследования ученых Гондураса, Гватемалы и США и на таких хорошо известных памятниках майя классического периода, как Копан¹², где найдена царская гробница с богатейшим погребальным инвентарем, и Киригуа¹³. Интенсивные работы на майяских городищах ведутся в последние годы и в Белизе (Куэльо, Нохмуль)¹⁴. Недавно была решена еще одна загадка, связанная с культурой майя классического периода. Среди специалистов долгие годы велись споры относительно того, каким образом древние майя могли поддерживать устойчивой высокой цивилизации на столь непрочной хозяйственной основе, как подсечно-огневое маисовое земледелие. В конце 70-х — начале 80-х годов археолог Р. И. Адамс (США) убедил руководство НАСА испытать новую радиолокационную установку над влажными тропическими лесами Гватемалы, в том самом департаменте Петен, который буквально заполнен руинами древних городов. После первых же полетов на специально оборудованном самолете ученые увидели на экранах радаров силуэты разветвленной сети оросительных и дренажных каналов. По подсчетам Р. И. Адамса на площади около 80 тыс. км² земледельцы майя успешно занимались весьма эффективным сельским хозяйством, продукции которого было вполне достаточно для населения крупных городов в 20 000 человек и более¹⁵.

Исследования археологических памятников на территории майя продолжают во все возрастающих масштабах, и нет сомнения в том, что многие проблемы одной из самых блестящих цивилизаций доколумбовой Америки будут успешно решены уже в самое ближайшее время.

В. И. Гуляев

---

¹² *Agurcia Fasquelle R., Fash W. L. Jr. A Royal Maya Tomb Discovered // National Geographic. 1989. V. 176. № 4. P. 480—482.*

¹³ *Coe W. R., Sharer R. J. Archaeological investigations at Quirigua, Guatemala // National Geographic Society Research Reports. 1983. V. 15. P. 85—112.*

¹⁴ *Hammond N. and others. The Evolution of an ancient Maya city: Nohmul // National Geographic Society Research Reports. 1988. V. 4. P. 474—495.*

¹⁵ *Гуляев В. И. Каналы древних майя // Природа. 1981. № 5; он же. Земледелие древних майя // Природа. 1982. № 9. С. 88—97.*

© 1991 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ МАЙЯ

Политическая жизнь древних майя — в особенности характер их государственного устройства и взаимосвязи между отдельными государствами — наиболее интересное направление в современных историко-археологических исследованиях. Это произошло в результате успешного перевода иероглифических текстов майя — достижения, ставшего нашим достоянием всего лишь одно-два десятилетия назад. Прочтение текстов и познание того, что майя сами говорили о себе, со всем их историческим и политическим содержанием, открыло нам новую широкую перспективу. Между прочим, легко заметить, что ситуация с майя совсем не похожа на то, что мы наблюдаем в египетской, месопотамской или китайской археологии. Там местные системы письма были прочитаны уже давно, а другие аспекты археологической науки сформировались вокруг этих центральных источников знания; напротив, наши сведения об иероглифической письменности майя развивались более медленно, и мы только сейчас стали приспосабливать к ней (т. е. к письменности) многие другие открытия археологии.

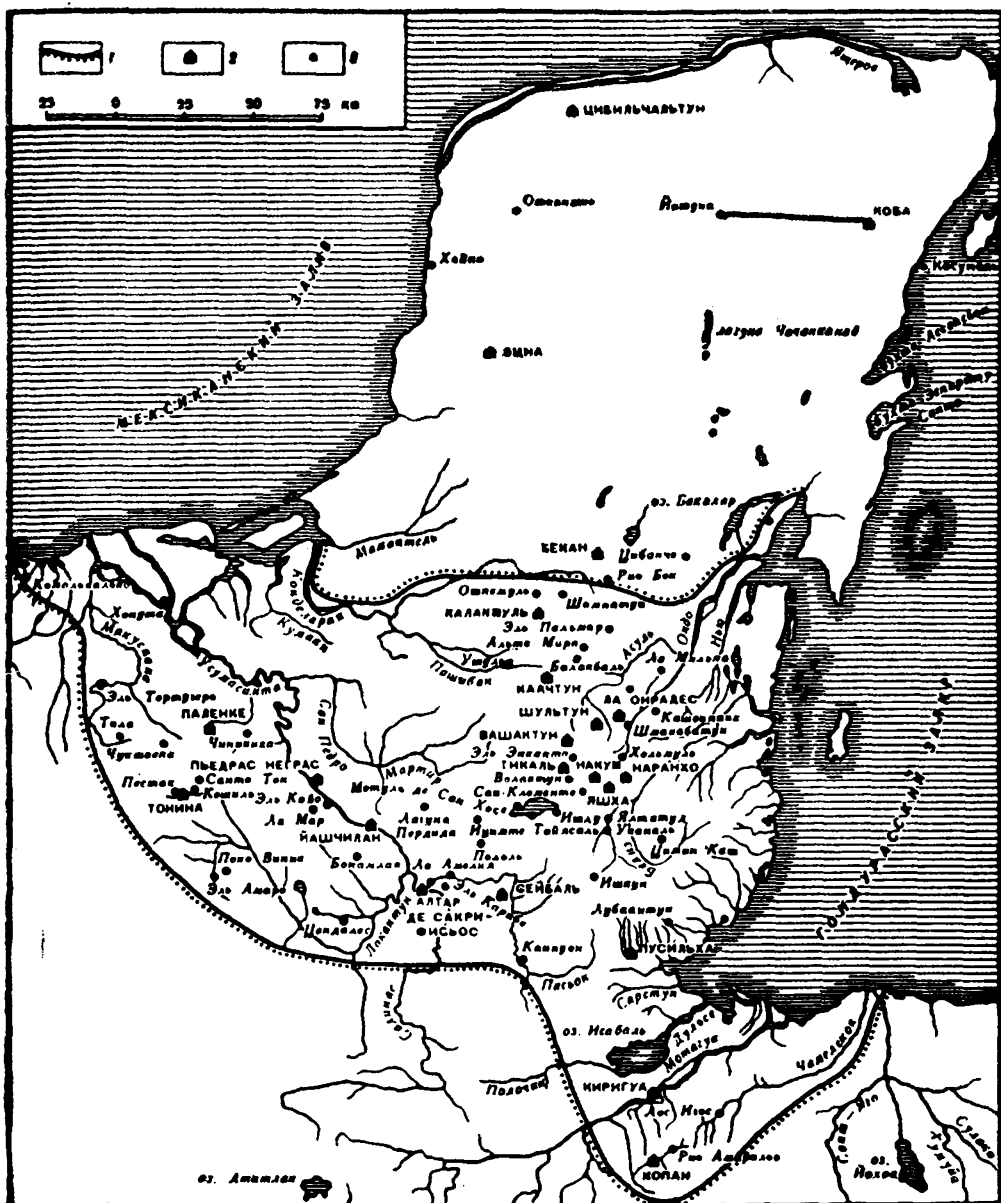

Рис. 1. Города-столицы Центральной области майя в I тыс. н. э.: 1 — границы Центральной области культуры майя; 2 — города-столицы; 3 — прочие памятники

Майя доколумбовой эпохи (рис. 1) из тропических низменных областей центральной Америки, начав как простые оседлые земледельцы, достигли уровня городской жизни за один-два столетия до начала нашей эры¹. Ядро этих «городов» составляли скопления каменных пирамид, платформ, храмов и дворцов (рис. 2) — «ритуальные

¹ Willey G. *Maya Archaeology* // Science. 1982. V. 215. P. 260—267; Hammond N. *Ancient Maya Civilization*. Rutgers University Press. New Brunswick—New Jersey, 1982.

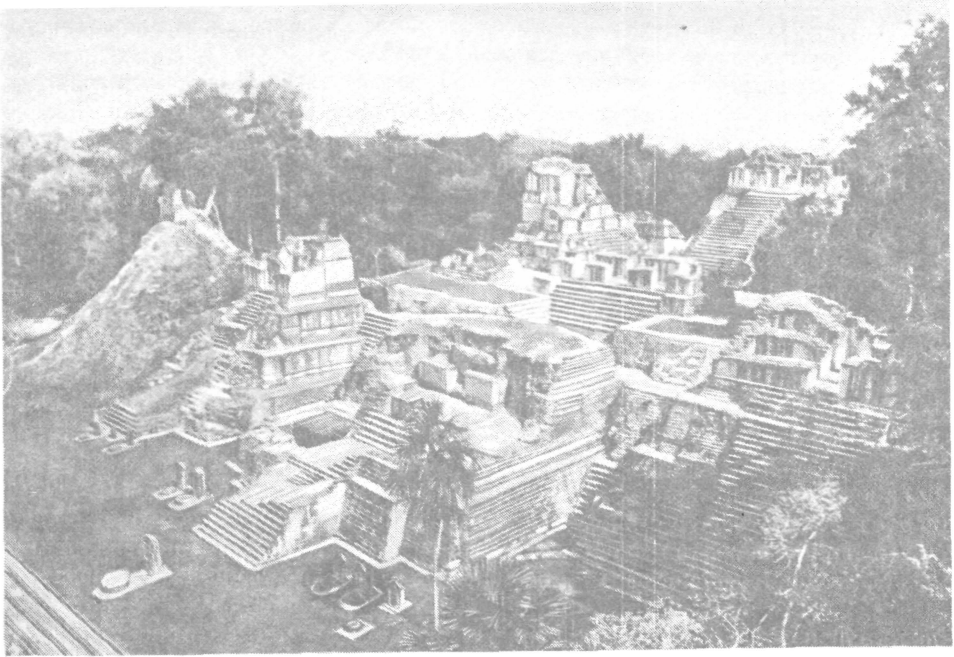

Рис. 2. Пирамидальные, храмовые и дворцовые постройки. Центральная часть Тикаля. Департамент Петен, Гватемала

центры», как их часто называют, но сотни и даже тысячи руин небольших домов, найденных в непосредственной близости от этих «центров», оправдывают и применение по отношению к ним термина «город». Некоторые из этих «городов» имели население от 10 до 75 тыс. человек³.

К 200 г. н. э. эти жившие в городах майя создали сложную систему иероглифической письменности. Иероглифические тексты украшали здания, были высечены на каменных стелах (рис. 3), увековечивавших прежних правителей этих городов, и нанесены красками на стенах гробниц (рис. 4). Иероглифы использовались также в виде резных текстов на нефрите, кости, раковинах, а также надписей на керамике и на листьях, сложенных в виде книг. Эти книги были, вероятно, наиболее значительным из всего названного выше для жрецов-ученых майя, которые вели иероглифические летописи; но, к сожалению, они не сохраняются в тех археологических материалах, которые мы получаем при раскопках, а из более поздних образцов лишь очень немногие избежали уничтожения после испанского завоевания.

Подчеркивая недавние успехи в чтении письменности майя, я отнюдь не имел в виду, что на более ранних этапах развития археологии майя иероглифика целиком игнорировалась. Фактически, как и следовало ожидать, иероглифы привлекли к себе внимание уже самых первых исследователей руин городов майя. К концу XIX в. целый ряд знаков, особенно относящихся к календарю майя, астрономическим наблюдениям и событиям, к религиозным ритуалам, был переведен или, по крайней мере, хорошо понят. В действительности одним из важнейших результатов этого раннего исследования иероглифических текстов явилось понимание майяского счета времени доколумбовой эпохи, что привело к корреляции календаря майя и христианского, а это, в свою очередь, дало в руки археологов абсолютную хронологическую шкалу,

³ Haviland W. A. Tikal, Guatemala and Mesoamerican urbanism // *World Archaeology*. 1970. V. 2. P. 186—198; Culbert T. P. Political History and the Decipherment of Maya Glyphs // *Antiquity*. 1988. V. 62. № 234. P. 135—152.

восходящую к III в. н. э.³ Однако значительный прогресс в переводе и чтении подавляющего большинства иероглифов начался лишь с 60-х годов XX в. И только тогда мы пришли к пониманию того, что эти иероглифы связаны главным образом с политическими проблемами — с государствами и их правителями, сменой династий и с такими событиями, как рождение царей, их браки, войны и завоевания⁴, и только примерно за последнее десятилетие удалось прочесть достаточно большое число иероглифических текстов из многих доиспанских городов, чтобы дать представление о древней политической истории майя и из этого источника.

Эти недавние достижения явились результатом объединенных усилий археологов и лингвистов⁵. В итоге их усилий и усилий ряда других коллег мы знаем теперь, что письменность майя представляет собой сочетание фонетических и идеографических элементов. Эта письменность связана с существующими ныне майяскими языками, а на сегодняшний день для нас понятны значения более чем половины (по самым скромным оценкам) из общего корпуса иероглифов майя (насчитывающего свыше 1000 знаков). Здесь я должен заметить, что отнюдь не являюсь специалистом в области иероглифики и, подобно многим моим коллегам-археологам, пользуюсь результатами работ знатоков письменности майя.

Какой же свет проливают эти прочтения текстов на природу майяских политических единиц, или государств? Как были города майя, имевшие общие системы письменности и календаря и близкие стили искусства, архитектуры, керамики, связаны друг с другом? Находились ли они под одним управлением или под несколькими? Прежде чем говорить о том, как прочтение текстов майя продвинуло решение этого вопроса, позвольте мне вернуться на несколько десятилетий назад и посмотреть на решение этого вопроса тогда археологами-майянистами. В 40-х и 50-х годах и С. Морли⁶, и Дж. Э. Томпсон⁷ рассматривали «город-государство» как наиболее вероятную модель для доколумбовых майя-язычных областей. Но в начале 50-х годов, в 60-е годы и позднее модели города-государства были брошены вызов открытиями, сделанными в ходе исследований характера расселения древнего человека⁸. Эти исследования открыли наличие некоего подобия региональной иерархии поселений⁹, которые имели большие, расположенные географически более или менее в центре, поселения в качестве своих предполагаемых «столиц». Другие селения, меньшие по величине, чем «сто-

³ Morley S. G. *Maya Epigraphy. The Maya and Their Neighbors* / C. L. Hay and others, eds. Appleton Century. N. Y., 1940. P. 139—149; Thompson J. E. S. *Maya Hieroglyphic Writing: Introduction*. Publication 589, Carnegie Institution of Washington. Washington. 1950.

⁴ Proskouriakoff Tatiana. *Historical Data in the Inscriptions of Yaxchilan* // Estudios de Cultura Maya. México, 1963—1964. V. 3. P. 149—167; V. 4. P. 177—201; *Culbert*. Op. cit. P. 135—152.

⁵ Knorozov Y. V. *Selected Chapters from The Writing of the Maya Indians*. Russian Translation Series. Peabody Museum, Harvard University. V. 4. Cambr. Mass., 1967; Lounsbury F. G. *On the Derivation and reading of the «Ben-ich» prefix. Mesoamerican Writing Systems* / Ed. E. P. Benson. Dumbarton Oaks. Washington, 1973. P. 99—143; Kelley D. H. *Deciphering the Maya Script*. University of Texas Press. Austin, 1976; Justeson J. S., Norman W. M., Lyle Campbell, Terrence Kaufman. *The Foreign Impact on Lowland Maya Language and Script*. Middle American Research Institute. Publication 53. Tulane University. New Orleans, 1985; Schele, Linda and M. E. Miller. *The Blood of Kings: Dynasty and Ritual in Maya Art*. George Braziller. N. Y., 1986.

⁶ Morley S. G. *The Ancient Maya*. Stanford: University Press. Palo Alto, 1946.

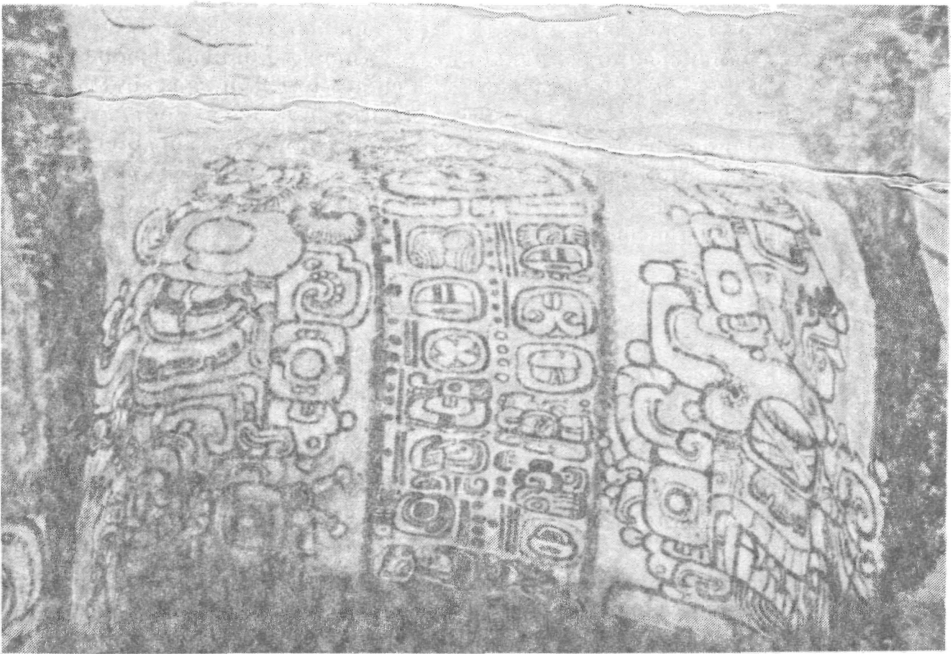
⁷ Thompson J. E. S. *The Rise and Fall of Maya Civilization*. University of Oklahoma Press, Norman, 1954.

⁸ Willey G. R., Bullard W. R., Glass Jr., J. B., Gifford J. C. *Prehistoric Settlements in the Belize Valley*. Papers. Peabody Museum. V. 54. Harvard University. Cambr. Mass., 1965; Ashmore W., Willey G. R. *A Historical Introduction to the Study of Lowland Maya Settlement Patterns*, *Lowland Maya Settlement Patterns* / Ed. W. Ashmore. P. 3—18. University of New Mexico Press. Albuquerque, 1981.

⁹ Adams R. E. W., Jones R. C. *Spatial Patterns and Regional Growth Among Classic Maya Cities* // *American Antiquity*. 1981. V. 46. P. 301—322.

Рис. 3. Стела с иероглифической надписью из г. Ацгар де Сакрифасьос. Департамент Петен

Рис. 4. Иероглифическая надпись из г. Рио Асуль. Департамент Петен

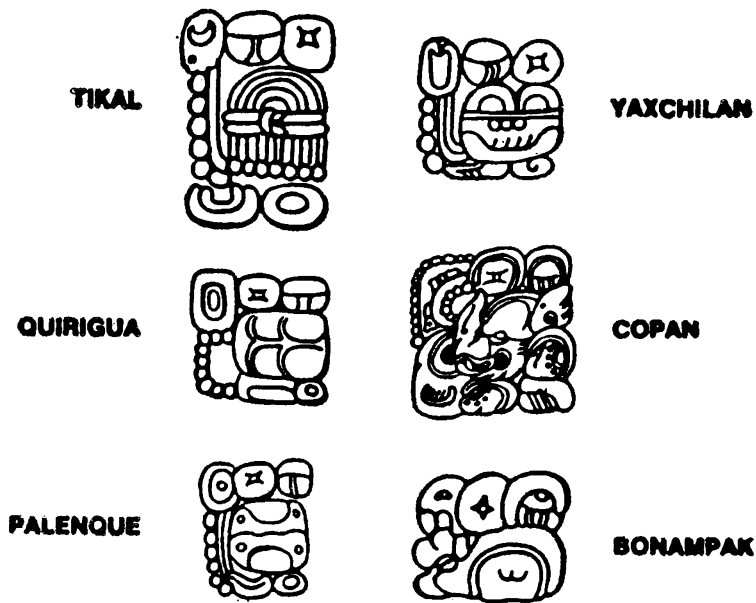

Рис. 5. Выборка из знаков-эмблем (по Маркус, 1976)

лицы» и размещенные на различных расстояниях от главного столичного поселения, как предполагается, были в иерархии поселений вторичного и третичного порядка.

Подобные иерархические размещения поселений майя рассматривались как соответствующие гексагональным или полигональным фигурам, продиктованным теорией центрального места¹⁰. Эта концепция «регионального государства» считалась на протяжении определенного времени наиболее вероятной политической моделью для древних майя, вытеснив модель города-государства.

Однако в 1958 г. Гейнрих Берлин¹¹ открыл «знак эмблемы», и во многих отношениях это открытие, можно сказать, отмечает начало иероглифической «революции прочтения». Иероглиф-эмблема является знаком, который, по-видимому, обозначает определенный город майя и, возможно, его территориальное государственное образование. Иероглиф-эмблема состоит из главного знака, уникального для каждого отдельного города майя, и указывающей на эмблему приставки. Идентифицирующая приставка видна слева и/или на вершине иероглифа (рис. 5). Можем ли мы предполагать, что иероглиф-эмблема является де факто проявлением политической независимости данного города? Существуют определенные доводы в пользу подобного предположения и в виде тех текстуальных контекстов, в которых встречается иероглиф-эмблема. Они часто ассоциируются с именами правителей и с событиями их царствования, включая битвы между равными по статусу государствами, каждое из которых определялось своим собственным знаком-эмблемой.

Если наличие иероглифа-эмблемы берется как подтверждение политической независимости, тогда мы должны признать в прошлом присутствие в низменных областях

¹⁰ Flannery K. V. The cultural evolution of civilizations // Annual Review of Ecology and Systematics. 1972. V. 3. P. 399—426; Marcus J. Territorial Organization of the Lowland Classic Maya // Science. 1973. V. 180. P. 91—916; Hammond N. The distribution of Late Classic Maya major ceremonial centres in the Central Area. Mesoamerican Archaeology. Duckworth—London, 1974. P. 313—334.

¹¹ Berlin H. El glifo emblema en las inscripciones Mayas // Journal de la Société des Américanistes. 1958. V. 47. P. 111—119; Lounsbury. On the Derivation... P. 99—143.

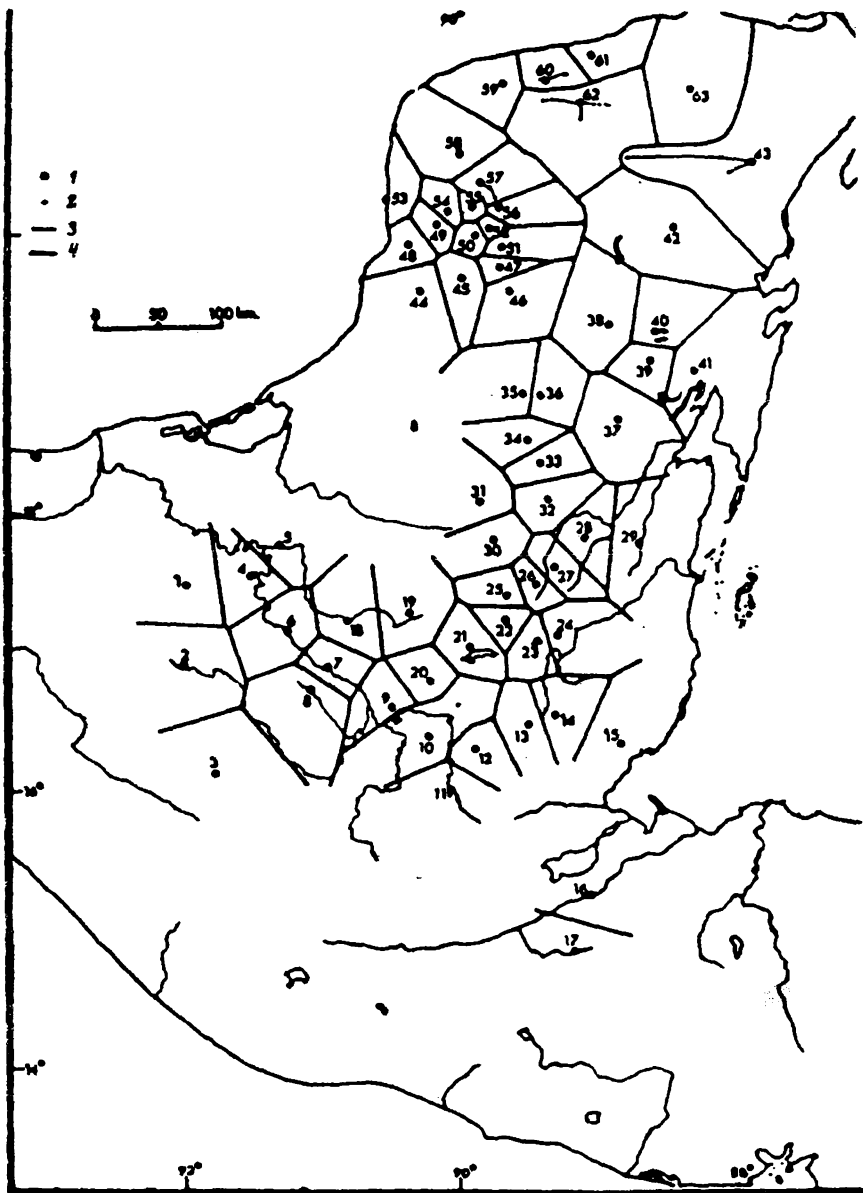

Рис. 6. Независимые государства в низинных областях майя (вторая половина VIII в. н. э., конец позднеклассического периода) (благодаря любезности П. Мэтьюза)

майя большого числа небольших независимых государственных образований (рис. 6). Недавнее определение расстояния между центрами майя или городами, обладающими их собственными вероглифами-эмблемами, предполагает, что в среднем они отстояли друг от друга на 50 км¹². Это означает, что окружающая и, предположительно, под-

¹² Chase A. F., Chase D. Z. Investigations at the Classic Maya City of Caracol, Belize. 1985—1987. Precolumbian Research Institute, Monograph 3, Precolumbian Art Research Institute, 1987.

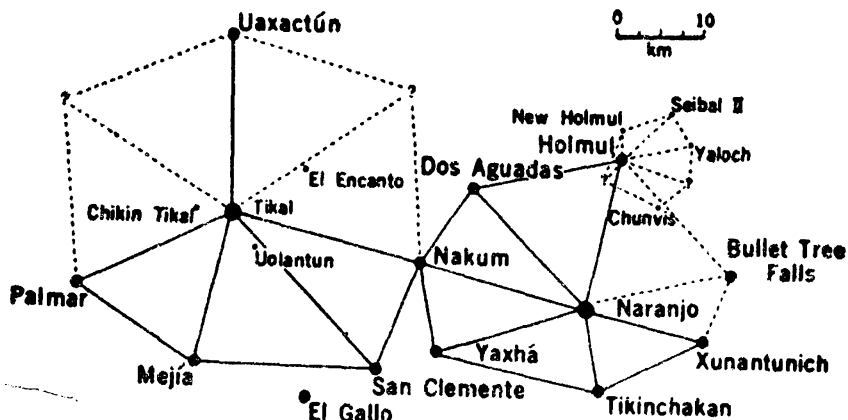

Рис. 7. Схема возможных региональных государств в низинных районах майя (по Маркус, 1976)

держивающая территориальная округа для каждого имели в радиусе 25 км, что приводило к образованию государств площадью не более 500 км².

Как таковую древнюю майяскую политическую единицу следовало бы лучше всего называть термином город-государство, что возвращает нас к концепции Морли и Томпсона 40-летней давности. Эти типичные города-государства имели свои столичные города, и обычно в пределах их территорий имелось несколько меньших центров, отдаленных от столицы и друг от друга расстоянием от 5 до 15 км. В столице правитель был известен как «ахав», майяский титул для верховного правителя (царя, владыки). Этот правитель правил по наследству, будучи членом царского рода или царской династии. Меньшие центры внутри его владения управлялись «кахалями», или советниками меньшего ранга, которые могли быть или не быть родственниками «ахава». Эмблемный иероглиф изображался на монументах столичного города, и тот же самый знак мог также изображаться и в меньших городах или центрах внутри этого государства: вероятно, в качестве признака того, что так сателлиты демонстрировали свою верность верховному правителю в столице.

Должны ли мы принять, таким образом, модель города-государства в качестве характерной черты для территориальных государств древних майя? И поступая так, должны ли мы полностью отказаться от модели регионального государства, состоящего из многих центров или городов, принадлежащих тем не менее одному государственному образованию, управляемому верховной столицей? Я бы поостерегся слишком далеко заходить в таких выводах. Наши знания все еще недостаточны. Некоторые из моих коллег пытались, например, объединить давние об иероглифе-эмблеме с данными об иерархиях поселений и региональных государств (рис. 7)¹³. Однако, исходя из того, что нам известно на сегодняшний день, вытекает как будто, что мельчайшая политическая единица в виде города-государства была общей нормой у майя.

В то же самое время, когда рассматриваешь прочтения иероглифических текстов, и прежде, и сегодня, сейчас, из ряда майяских городов, складывается впечатление, что древнемайяские правители не всегда удерживали свои политические амбиции в узких рамках одного города-государства. Мотивы, которыми они при этом руководствовались, не вполне понятны: или царский престиж, или стремление к богатству и дополнительной территории или то и другое. Как бы то ни было, история этих агре-

¹³ Marcus J. Emblem and State in the Classic Maya Lowlands. *Dumbarton Oaks*. Washington, 1976; Adams R. E. W. Archaeologists Explore Guatemala's Lost City of Rio Azul / *National Geographic Society Magazine*. 1986. V. 169. № 4. P. 420—444.

сивных взаимодействий между государственными образованиями и интересна, и сложна. Результаты их усилий по завоеванию соседних территорий выглядят в лучшем случае чем-то двусмысленным.

Фактически в течение нескольких столетий (250—900 гг. н. э.) в непрерывной иероглифической летописи не зарегистрировано ни одного прочного в географически обширного майяского «захватнического государства» или «империи». Завоевание одного города другим имело самые различные последствия. Между государствами велись войны, где победитель, по-видимому, не навязывал свою волю в сколь-нибудь постоянном виде проигравшему, по крайней мере, можно определенно сказать, что территория разгромленного города не включалась в государственные границы победителя. Хорошим примером служит здесь соперничество между городами Копан и Киригуа. Очевидно, что Киригуа был когда-то меньше по величине и значению, чем Копан, и находился, вероятно, под юрисдикцией последнего.

Но в 737 г. н. э., в середине позднеклассического периода, правитель Киригуа «Двуногое Небо» (Two-Legged Sky), поднял мятеж против метрополии, а затем пленил и принес в жертву богам правителя Копана, известного по иероглифическим текстам как «XVIII Кролик». «Двуногое Небо» увековечил далее эту победу путем расширения размеров своего родного города Киригуа и с помощью установки посвященных стел, где прославил свою воинскую доблесть. Тем не менее, несмотря на этот унижающий разгром «XVIII Кролика» Копан как город и независимое государственное образование, по-видимому, не пострадал сколько-нибудь значительно и определенно не потерял свою независимость. Напротив, старая Копанская династия царей продолжала сидеть на троне, а преемник «XVIII Кролика» сумел значительно расширить размеры одной пирамиды в Копане, построив знаменитую «Иероглифическую лестницу» (рис. 8). 80 ступеней этой лестницы содержат иероглифическую летопись с восхвалением всех предыдущих правителей Копана, включая несчастного разбитого в бою и принесенного в жертву «XVIII Кролика». Эта дорогостоящая и в высшей степени «националистическая» архитектурная деятельность происходила после разгрома и смерти копанского правителя, что едва ли свидетельствует о значительных потерях Копана в результате своего военного поражения¹⁴.

Есть, однако, и другие примеры, когда одно государство в конечном счете овладевает другим в результате победоносной войны, хотя история взаимоотношений между этими двумя политическими единицами была в действительности гораздо сложнее. Так, мы знаем, что в 378 г. н. э., в раннеклассический период, правитель Тикаля разгромил своего соперника, каковым был тогда независимый город Вашактул. После этого по крайней мере в течение значительного числа лет Вашактул продолжал про-

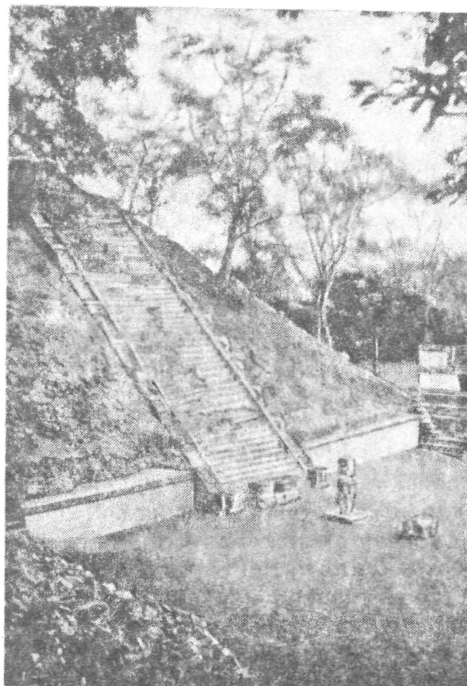

Рис. 8. Иероглифическая лестница в Копане. Гондурас

¹⁴ *Fash W. L. A new look at Maya statecraft from Copan, Honduras // Antiquity. 1988. V. 62. № 244. P. 157—169; Culbert. Op. cit.*

цветать во главе со своими правителями, выполнявшими свои царские обязанности в виде строительства храмов и дворцов и установки памятных стел в честь правителей города. Однако степень, до которой это было продолжением их собственной доблести или попустительством со стороны династии Тикаля, остается неясной; правда, значительно позднее, в позднеклассический период между обоими городами началась вторая война. Вашактунский правитель вновь был побежден владыкой Тикаля, и на этот раз победители не были столь снисходительны к побежденным. Не возводились более монументальные сооружения, не устанавливались стелы в честь правителей, не изображалась уже и собственная эмблема города. И Вашактун стал не более чем отдаленным административным центром, обслуживающим Тикальскую династию и Тикальское государство¹⁵.

Как провести различие между примерами Киригуа—Копан и Тикаль—Вашактун? Киригуа и Копан удалены друг от друга на 50 км, тогда как Тикаль и Вашактун разделяют лишь 18 км. Было ли подчинение и интегрирование слишком трудным делом на больших расстояниях? Или же Копан просто оказался более могущественным: и даже, несмотря на потерю своего правителя, «XVIII Кролика», не мог быть проглочен его соперником? Или же там имелись другие силы или мотивы для действий, которые мы просто не понимаем?

Третий вид политических итогов военных действий майя является более неопределенным, чем первые два. Это случай, когда военный разгром приводил, по-видимому, к упадку в развитии проигравшего, хотя, возможно, и не к потере независимости. Пример подобного рода дают взаимоотношения между Тикалем и другим крупным городом — Караколем, расположенным в 75 км к востоку от Тикаля, в южном Белизе. Оба поселения были крупными и значительными центрами в раннеклассический период. Из иероглифических текстов мы знаем, что правитель Тикаля, «Двойная Птица», был разбит повелителем Караколя в 562 г. н. э.¹⁶ Вполне возможно, что победители после разгрома Тикаля разбили и обезобразили стелы, прославлявшие прежних тикальских правителей; однако это не окончательный вывод, ибо в иероглифических текстах нет никаких подтверждающих данных. Мы знаем, однако, что в Тикале не велось значительного строительства и возведения посвященных монументов в течение 30 лет после разгрома. Был ли разгром Тикаля в это время связан каким-либо образом с классическим «перерывом» («хиатусом») или же это связано с упадком активности элиты майя на большей части юга низменных областей в последние десятилетия VI в. н. э.¹⁷, остается неясным, но в иероглифических текстах нет данных о том, что Караколь аннексировал Тикаль. Скорее всего этого не произошло, поскольку через 30 лет Тикаль вновь начал осуществлять свои строительные программы и возведение посвященных стел, продолжая эту деятельность и в позднеклассический период с обновленной энергией явно как независимый и могущественный город.

Этот случай более похож на случай Копана—Киригуа, чем на случай Тикаль—Вашактун, хотя есть указания на то, что Тикаль мог пострадать больше от его разгрома Караколем, нежели Копан пострадал после победы Киригуа. Как я уже говорил, существует неопределенность относительно взаимоотношений Тикаля и Караколя, и это верно и в отношении взаимосвязей других пар соперничавших майяских городов. Иероглифическая текстуальная информация недостаточно полна и закончена, чтобы дать нам все, что мы хотим и в чем нуждаемся при анализе древней политической деятельности. Другие же виды данных — такие, как обезображенные монументы,—

¹⁵ Culbert. Op. cit.; *Maya History and Elite Interaction: A Summary View, Politics and Hieroglyphic Writing in Ancient Maya Society* // Ed. T. P. Culbert. School of American Research and Cambridge University Press, 1989.

¹⁶ Chase A. F., Chase D. Z. Op. cit.; Culbert. Political History...

¹⁷ Willey G. R. *The Classic Maya Hiatus: A Rehearsal for the Collapse* // *Mesoamerican Archaeology, New Approaches*. Norman, 1974.

предрасположены к слишком многим отличающимся друг от друга объяснениям, чтобы добавить что-то существенное к способу прояснения истины.

Существуют ли какие-либо примеры в иероглифической летописи о преуспевающих «захватнических государствах» или «империях» в низменных областях майя, чьи завоевания были такими же определенными, как в случае с позднеклассическим господством Тикаля над близлежащим Вашактуном, но которые были бы территориально более обширными? До сих пор наилучшим примером подобного рода служит город Дос Пилас или государственное образование Дос Пилас — Агуатека на юге департамента Петен в Гватемале. Дос Пилас был скромных размеров городом майя в бассейне реки Пасьон, около 120 км к юго-западу от Тикаля. По-видимому, там не было каких-либо крупных политических событий до тех пор, пока в конце VII в. н. э. или в позднеклассический период там не утвердилась своя царская династия. Вскоре после этого новая династия из Дос Пиласа в результате брака стала союзником другого средних размеров города — Агуатеки, расположенной на удалении в 12 км. После заключения этого, очевидно мирного, союза объединенное государство Дос Пилас—Агуатека встало на путь агрессии. К 731 г. н. э. союзники значительно увеличили размеры своей территории, овладев двумя близлежащими центрами. Затем в 735 г. н. э. правитель Дос Пилас — Агуатеки разгромил, пленил и принес в жертву богам правителя Сейбалья — крупнейшего города в долине реки Пасьон¹⁸. После разгрома Сейбалья и его территория были включены в состав растущего государства Дос Пилас — Агуатека. Это событие было отмечено сооружением в Сейбале нового дворца с иероглифической надписью на ступенях его лестницы, которая рассказывает об этом завоевании. Ясно, что это было делом рук победоносного правителя Дос Пилас — Агуатеки, который подтвердил данное посвящение своим собственным знаком-эмблемой, и этот иероглиф-эмблема Дос Пилас — Агуатеки стал затем знаком, который появлялся в Сейбале и еще какое-то время спустя. В последующие три-четыре десятилетия вслед за захватом Сейбалья правители Дос Пилас — Агуатеки продолжали свою военную и политическую экспансию в бассейне реки Пасьон и ее притоков. В момент наибольшей интенсивности этой экспансии, в 771 г., их возросшие владения простирались на 80 км по линии север — юг и на 50 км по линии запад — восток, т. е. составляли территорию около 4000 км². Это, если сравнивать с другими регионами или даже с Мезоамерикой, была по своим размерам скорее «мини-империя», но, как я уже сказал, здесь мы имеем наиболее четкий образец подобного рода — образец, документированный иероглифическими текстами — из южных низменных областей майя. Однако около 790—800 гг. н. э. это государство начинает клониться к упадку, и, наконец, в 810 г. н. э. он наступил. Весь период процветания государства Дос Пилас — Агуатека длился не более 100 лет. В целом это была сравнительно умеренная и короткая по времени попытка создания империи, но намерения правителей Дос Пилас — Агуатеки представляется абсолютно ясным: по любому поводу они стремились к увеличению своей территории за счет соседей.

Прежде чем закончить с этим примером «империи» Дос Пилас — Агуатеки, можно добавить, что там есть один очень интересный момент, который по крайней мере содержит намек на то, что мы могли бы в принципе выявить некую величину, которая политически является более сложной, а в «имперском» плане более перспективной. Обстоятельства дела таковы. Мы знаем, что основатель династии Дос Пилас, получивший власть в этом довольно небольшом государстве в конце VII в. н. э., прибыл туда,

---

¹⁸ Mathews P., Willey G. R. Prehistoric Polities of the Pasion Region. Hieroglyphic Texts and Their Archaeological Settings // Polities and Hieroglyphic Writing in Ancient Maya Society / Ed. T. P. Culbert. School for American Research and Cambridge University Press, 1989.

имея знак-эмблему Тикаля¹⁹. Можем ли мы перед лицом такого факта говорить о расширении имперских устремлений великого Тикаля? Если это так, тогда захватчицкое Тикальское государство может быть в общих чертах выявлено — государство в региональном отношении столь же большое или почти такое же большое, как предполагал Р. Е. У. Адамс²⁰. Человеку, который не является экспертом по иероглифике майя, эта идея представляется вполне вероятной, однако большинство экспертов по майяской письменности с ней не согласятся. Вместо этого они говорят нам, что этот основатель династии Дос Пилас в VII в. н. э., член царского рода Тикаля, не был там правящим монархом. Возможно, он был братом или каким-нибудь родственником тикальского правителя. По какой-то причине он прибыл в Дос Пилас, основал там новую династию и, очевидно, начал проводить новую политику государственной агрессии; но у нас нет доказательств, что это «дочернее» государство стало частью собственно Тикальского государства. Аргумент, который мог бы быть использован для доказательства независимости Дос Пилас от Тикаля, состоит в том, что тогда существовало по крайней мере одно независимое государство, Леотуль де Сан Хосе, которое имело собственный знак-эмблему и было расположено географически между Тикалем и Дос Пилас. К тому же в той политической ситуации, быстро меняющейся и неопределенной, которая имела место в низменных областях майя в I тыс. н. э., по-видимому, ни одно государство не могло занимать или контролировать территориально не связанные районы.

При рассмотрении этих разнообразных примеров военных действий древних майя следует отметить, что в текстах никогда не говорится о захвате одного города другим и ничего не сообщается прямо о территориальных включениях. Вместо этого завершение битвы — это всегда пленение одного правителя другим, обычно с последующим принесением в жертву захваченного лидера, а аннексия завоеванного города изображается в виде замены старого знака-эмблемы побежденного новым, принадлежащим победителю. Это заставляет некоторых ученых предполагать, что данные войны были «ритуальными» войнами ограниченного масштаба и интенсивности и что они не касались основ существующей власти. Я не убежден в правильности такого вывода. Я полагаю, что майя использовали всю силу, какую только могли, для достижения своих целей, и этими целями были власть и контроль над соседями, особенно контроль над землями, пригодными для возделывания, и над населением, чтобы обрабатывать эти земли и строить внушительные города для элиты. Во многих отношениях классические города-государства майя были «вождествами» или «чифдомами»²¹.

Власть их наследственных правителей, хотя и санкционированная богами, была ограниченной — ограниченной размерами контролируемых территорий, количеством людей и ресурсов на этих территориях и сравнительной неразвитостью бюрократических и полицейского типа механизмов, имевшихся у правящей верхушки. Мне представляется, что майя в низменных областях вели постоянную борьбу за то, чтобы осуществить переход от «вождества» к государству. Их общим успехом, по-видимому, было создание «небольшого города-государства» (*small city-state*) — политической единицы на самой нижней ступеньке «государственности». В некоторых случаях их политическая эволюция шла несколько дальше этого, к распространению царской власти на региональные или состоящие из многих городов единицы. И в таких случаях и в такие времена можно сказать, что они перешли от «вождеского» типа организации

¹⁹ Culbert. *Political History...; Maya History...*; Mathews, Willey. *Op. cit.*

²⁰ Adams. *Archaeologists Explore...* 1986.

²¹ Gulliver V. *La evolución del poder entre los Mayas antiguas // Revista Española de Antropología Americana*. V. 18. Madrid: Ed. Univ. Compl., 1988.

общества к государству. Но каковы бы ни были эти успехи, ни одно государство не сумело добиться политической централизации на значительной территории и не сумело удержать эту территорию на сколько-нибудь долгий отрезок времени.

Гордон Р. Уилли

© 1991 г.

О РЕЛИГИОЗНОМ ЗНАЧЕНИИ ПЛАСТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА МАЙЯ

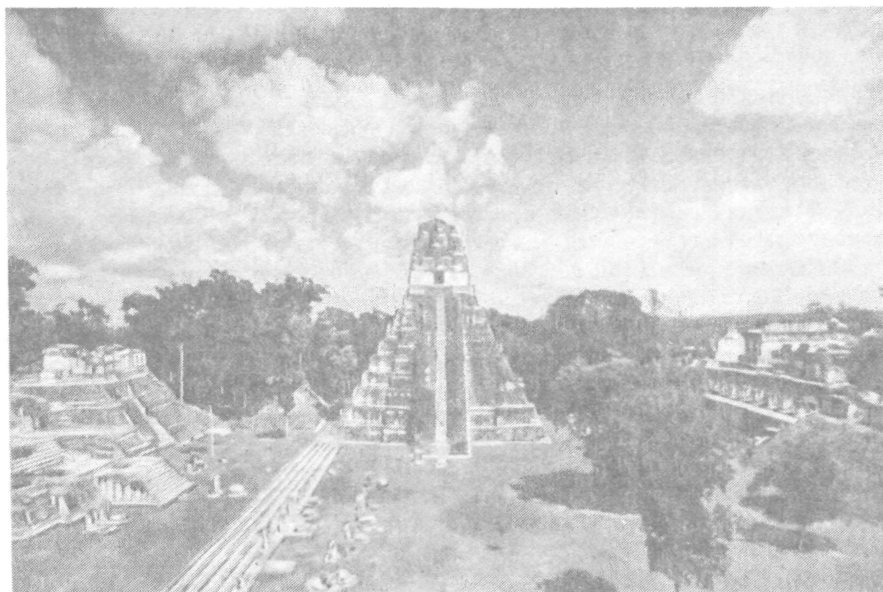
Произведения пластики являются осязаемыми формами воплощения человеческого духа, творческих способностей человека; они — реальное проявление представлений народа о мире и жизни, материализация его чувств, идеалов и ценностей, а также ответственное выражение социальной действительности и исторического пути.

Материальные остатки культуры майя — единственное, что осталось от доиспанского времени (пока не будет полностью расшифрована письменность этого народа); при этом они выступают подтверждением или отрицанием данных, содержащихся в письменных источниках (как испанских, так и индейских) колониального времени и касающихся эпохи, предшествовавшей приходу испанцев; поэтому материальные остатки, среди которых выделяются пластические работы, чрезвычайно важны для изучения культуры майя.

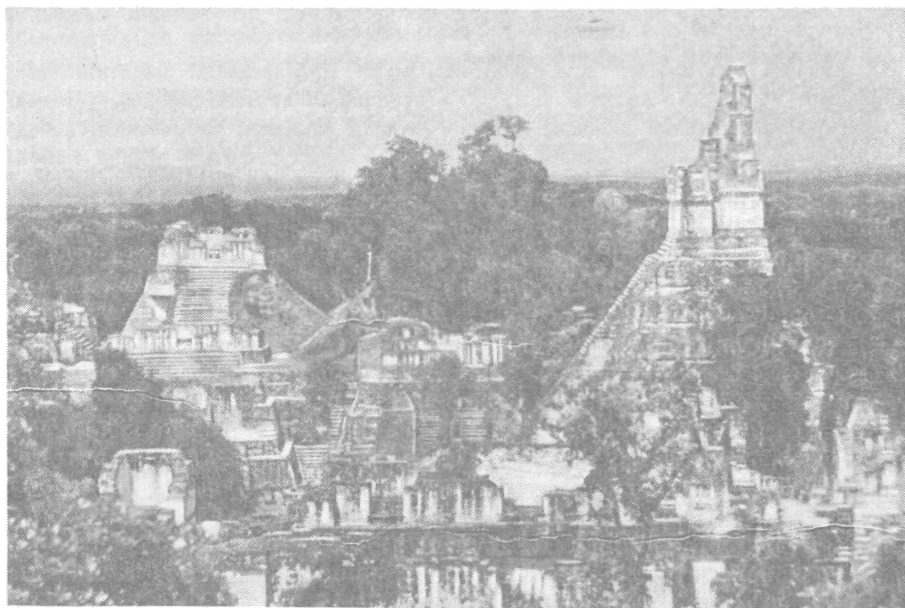
На каждом археологическом памятнике майя произведения пластики имеют своеобразные черты; это вызвано тем, что в отличие от других народов, установивших жесткие эстетические каноны, майя обладали заметной творческой свободой, проявлявшейся в большом разнообразии художественных стилей в разных районах. Тем не менее искусство майя характеризуется единством, отличаясь от эстетических творений других мезоамериканских народов.

Начиная с доклассического периода и до постклассического (приблизительно от XVI в. до н. э. до XVI в. н. э.) в районах обитания майя возводились большие ритуальные центры; по своему происхождению они восходили к маленьким деревушкам. Некоторые из них на протяжении всей своей истории предназначались лишь для отправления религиозных культов; другие, такие, как Паленке, Тикаль, Чичен-Ица и Майяпал, помимо религиозных построек имеют здания, в которых прослеживаются различные функции или виды деятельности, а также многочисленные жилые дома. Все это свидетельствует о высокой степени разнотия культуры и хорошо организованной структуре власти. В силу этого они могут считаться не только церемониальными, но и городскими центрами, своего рода настоящими городами.

Примером такого центра может служить Тикаль (департамент Петен, Гватемала), который существовал в классическом периоде — I тыс. н. э. Это один из наиболее крупных городов майя; главные его здания располагаются на площади в 16 км². Вся его территория пересечена четырьмя большими дорогами-дамбами, сходящимися к большой центральной площади, и начиная с этого ядра в городе насчитывались сотни построек. Тикаль, видимо, имел зоны, специально предназначенные для определенных видов деятельности: главная зона, без сомнения, — церемониальный центр, выявлены также кварталы гончаров, резчиков по камню и других. Есть различные типы домов, говорящие о наличии дифференцированных социальных классов, и комплексы, определенно предназначенные для административных целей. Есть также

Рис. 1. Храм I и площадь в Тикале

Рис. 2. Храм I и северный акрополь в Тикале

рынок; открыты дороги, по которым ежедневно передвигались горожане, отправляясь в центр города. Считается, что к 500 г. н. э. более 10 тыс. человек жили в Тикале постоянно, а между 600 и 800 годами население города приближалось к 50 тысячам¹ (рис. 1—2).

Но даже в больших городах древних майя монументальная архитектура представлена в основном церемониальными сооружениями, предназначенными для почитания божеств, такими, как храмы, площадки, помещения для ритуальной игры в мяч и жилища для жрецов. Скульптура также в качестве главных своих тем имеет религиозные символы и связи человека с божественным началом.

Этот приоритет религиозной архитектуры и скульптуры, свидетельствующий о первостепенной роли религии в жизни майя, отмечен по всей области их проживания. Поэтому мы можем сказать, что пластическое искусство майя руководствовалось не только практическими и эстетическими принципами, но главным образом религиозными установлениями.

Основываясь на общей характеристике искусства из разных городов майя, мы можем в самых общих чертах сказать, что для майяской архитектуры, особенно в центральной и северном районах, характерны здания из бутовой кладки с ложным, или «ступенчатым», сводом, облицованных штукатуром или хорошо отесанными камнями. Как правило, они представляют собой большие пирамидальные основания, на которых располагались храмы и платформы и размещались так называемые «дворцы» (сложные комплексы сводчатых галерей, окружающих внутренние дворы) и другие постройки, включая жилые дома. Скульптурное оформление зданий осуществлялось в штукатурке или каменной мозаике и было очень разнообразно; прежде всего украшались фризмы, являющиеся внешней частью сводов; большинство храмов и дворцов дополнялось скульптурными каменными плитами или панелями, устанавливаемыми на стенах, или же росписями, в которых выделяются повествовательные сцены и преобладает фресковая техника.

Эти постройки размещались вокруг площадей с учетом особенностей местности и в точном соответствии со сторонами света (с отклонением до 10°) или с точками восхода и захода светил. Таким образом, для архитектуры майя характерен астрономический смысл, поиски гармонии, связи человека со всем космосом, в том числе и религиозной, поскольку светила рассматривались как воплощения божеств.

И географические места, выбранные для возведения ритуальных центров, имеют, помимо практических свойств (близость к источникам, рекам, озерам или колодцам; наличие полей для возделывания, визуального обзора и естественных препятствий, необходимых для самозащиты, и т. д.), особые физические характеристики, которые, в соответствии с мышлением аборигенов, позволяют считать эти места божественными пространствами, т. е. подходящими для связи со священным, достигаемым в основном посредством обрядов. Помимо того, что место считалось удобным для богов само по себе, постоянное ритуальное использование храмов и площадей, вообще ритуальных центров лишь увеличивало их сакральность. Поэтому, когда необходимо было перестроить религиозные сооружения из-за роста населения и усложнения культа, то возводилась новая пирамида со своим храмом прямо на предыдущей и добавлялись новые вымостки на площадях (вместо того, чтобы строить новые церемониальные центры) с целью «сохранить» священную энергию, что была там накоплена, и «облегчить» доступ к богам, привыкшим появляться в этих местах во время обрядов. Так, в большинстве центров майя, предназначенных для культа, есть многочисленные постройки перекрывающие одна другую, как, например, «Пирамида Прорицателя» в Ушмале,

¹ См. публикации Уильяма Р. Ко, в особенности: *Tikal. Ten Years of Study of a Maya Ruin in the Lowlands of Guatemala // Expedition. V. 8. № 1. Philadelphia, 1965.* а также работы в рамках Proyecto Nacional Tikal de Guatemala, Juan Pedro La Porte et al.

имеющая пять наслоений. Эта архитектурная особенность отвечает, таким образом, не прагматическим целям использования одной пирамиды в качестве ядра для другой, как иногда утверждают, но главным образом — основополагающим религиозным верованиям древних майя.

Скульптура майя, представленная в основном рельефами на стенах или изолированными каменными блоками и на притолоках, панелях или плитах, являвшихся частью построек, а также архитектурными орнаментами, характеризуется в центральной части области майя мягкими и волнистыми формами, навевными, конечно же, природой, и реалистичным изображением человеческих фигур, очень выразительных, в особенности в городах бассейна реки Усумасинта, таких, как Пьедрас-Неграс и Йашчилан, а также в близлежащем Паленке — одном из главнейших священных центров древних майя.

В северном районе, наоборот, в скульптуре преобладают разнообразные геометрические формы, чередующиеся со стилизованными изображениями растений и животных, главным образом змеи, которая была, видимо, центральным мотивом пластического искусства майя.

Скульптурные памятники майя, как и других мезоамериканских народов, не были излишеством или украшением храмов и дворцов; нельзя их также рассматривать как простое отражение религиозных, социальных или политических идей, так как в большинстве своем они имели вполне практическое назначение. Оно состояло в том, чтобы скульптуры во время обрядов давали приют божественной энергии, так как майя полагали, будто боги и знаменитые предки, обожествлявшиеся после смерти, воплощались в пластические образы во время проведения религиозных церемоний и получали через эти образы пищу, необходимую для своего существования.

В религиозном мышлении майя боги понимаются как особый вид материи, настолько тонкой, что она не может быть воспринята органами чувств. Но все же они материальны, поэтому могут рождаться и также умирать, если их не питать веществами, такими же тонкими, как они сами: запахами благовоний, цветов, приготовленной пищи и, в особенности, жизненной энергией или духом живых существ, находящихся в крови и сердце. Поэтому человеческое жертвоприношение было основным ритуалом; оно осуществлялось перед изображениями богов, через которые те получали пищу, необходимую для их жизни и позволяющую им, в свою очередь, поддерживать существование космоса. Этот священный характер скульптур и рельефов божественных существ ясно выражен в упоминании Диего де Ланды об изготовлении идолов у юкатанских майя: «С большим страхом... делают они богов. Когда идолы уже сделаны и завершены, их хозяин подносил подарок, наилучший, что он мог...». Затем их ставили на помост, жрец благославлял их, а скульпторы счищали с себя черную краску, которой они были вымазаны, чтобы показать, что они постились. Возжигался ладав, а затем пророчествовал добрый жрец о превосходстве занятия делать новых богов и об опасности, которой подвергались те, кто их делал, если они случайно не соблюдали воздержания и постов»². Это сообщение подтверждается страницами 95с, 98с и 99с Мадридского Кодекса, где представлено священное ремесло изготовления образов богов, которым занимаются жрецы, идентифицируемые с самими божествами.

Итак, изображения богов и обожествленных людей не были сами по себе ни идолами, ни простыми образами богов, но временными сосудами священной энергии, которые, в силу этого, заключали в себе опасность, и дотрагиваться до них можно было лишь после предварительного ритуала. С другой стороны, пластические работы имели также целью показать народу власть богов и людей, в которых эти боги вместили часть своей сакральности и которые поэтому могли править остальными; эти работы были призваны показать величие прославленных родов, чтобы гарантировать постоянство их власти. Приношения, помещенные перед стелами с изображениями правителей,

² *Fray Diego de Landa. Relación de las cosas de Yucatán. 9a. ed. Edit. Porrúa. México, 1966.*

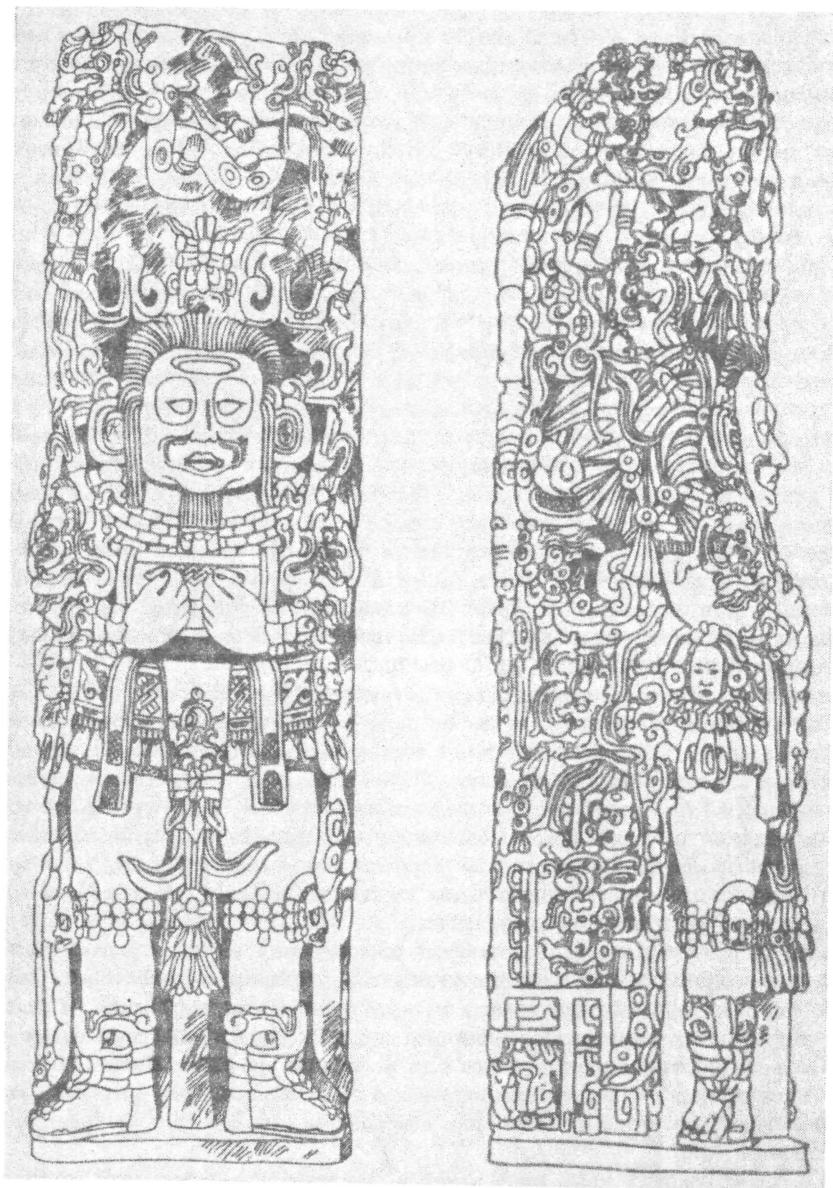

Рис. 3. Стела Д из Копана с изображением сакрализованного правителя

например в Копане, подтверждают священный характер предков, бессмертный дух которых также, возможно, «воплощался» в эти образы во время церемоний (рис. 3).

Таким образом, искусство майя — по сути своей религиозное во все периоды и во всех районах распространения этого народа, что проявляется прежде всего в преобладании религиозных символов (среди них находятся и те, что выражают политическую власть, — «церемониальная полоса» и «скипетр», так как они являются фигурами богов). Можно сказать, что большинство этих форм, образов и аллегорий искусства майя символичны. Даже на тех памятниках, где изображается человек (с характерной фигурой, экспрессией, естественными движениями), он наделен особым значением,

которое проявляется в его убранстве, в предметах, что у него в руках, в элементах, окружающих этот образ, в здании, где помещено данное произведение. Контекст в целом символический, а символы, как правило, имеют религиозный характер; древние мастера ищут возможность выразить невыразимое, послать зашифрованное послание, то, что нельзя воспринять чувствами. Поэтому форма не равна действительности, и когда изображается реальный предмет, он обозначает нечто другое — змея в искусстве майя, например, представляет не змею, а воду или оплодотворяющую энергию, землю, смерть.

Итак, главное назначение искусства майя представляется мне вихудожественным. У членов майяской общины оно должно было вызывать не эстетические эмоции, а религиозное чувство или страх и почитание могущественных людей, являющихся таковыми по божественному распоряжению. То же самое мы можем сказать о всех видах религиозного искусства, в том числе и о христианском; поэтому религиозное искусство коллективно; оно должно иметь значение для всей общины. Но это не означает, что данное искусство не имеет также эстетической ценности; мы не можем не заметить творческую свободу, выраженную в произведениях майя, эстетическое наслаждение художника, фантазию и новые элементы, появляющиеся в изображениях. Художник майя всегда в поиске новых форм, даже в знаках своей письменности. И именно этот эстетический элемент ведет к тому, что материальные произведения майя становятся не простыми документами для познания создавшего их общества, а произведениями большого искусства. Эта таинственная амальгама эстетики и мистики была характерна не только для искусства майя, но для всех художественных творений древних культур.

Указанные аспекты представляются существенными для понимания искусства майя. Их необходимо принимать в расчет даже при простом описании предметов, потому что на самом деле, за некоторыми исключениями, чисто формальное описание скульптурных работ майя невозможно. Любое описание — это уже интерпретация, ибо большинство элементов этих произведений символично. Чтобы понять значение любой пластической работы майя, необходимо рассматривать ее как нечто отличное от формы, а этого можно достичь, лишь хорошо зная культуру майя, включая письменные источники — тексты, которые мы можем читать, т. е. те, что написаны латиницей в первые годы колониальной эпохи.

Итак, любое описание пластического произведения майя не может быть чисто формальным, основанным на соотношении образов с реальными предметами. Определяя мотивы на основе знаний, полученных из культурного контекста майя, и знакомства с соответствующими темами и концепциями, данные мотивы нужно связывать с идеями, признавать их носителями вторичного или условного значения. Таким образом, создается иконография — посредством определения символического значения мотивов, представляющих произведение как знак содержания, выходящего за границы самого этого произведения.

Но в произведениях майя мало мотивов, которые можно опознать и определить совершенно однозначно; каждая интерпретация обычно имеет множество вариантов. В качестве примера мы могли бы указать на различные мнения даже по поводу определения пола человеческой фигуры; так обстоит дело с известной «женщиной»-правительницей со стелы «Н» из Копана. Существует мнение, что это женщина, потому что на фигуре длинная юбка, однако сходные юбки есть и на некоторых мужских фигурах. Кроме того, она держит в руках символы верховной власти, которые едва ли у майя могли принадлежать женщине. Другой пример — мотив человеческого лица, выглядывающего из пасти змея (рис. 4): он интерпретируется одними исследователями как обожествленный предок, в то время как другие считают его призрак, вызванным самоистязанием. Мы же полагаем, что он намекает на обряд инициации (который сохранился в области прежнего расселения майя до наших дней), включающий переживания существа, проглотенного змеей для получения им шаманской силы.

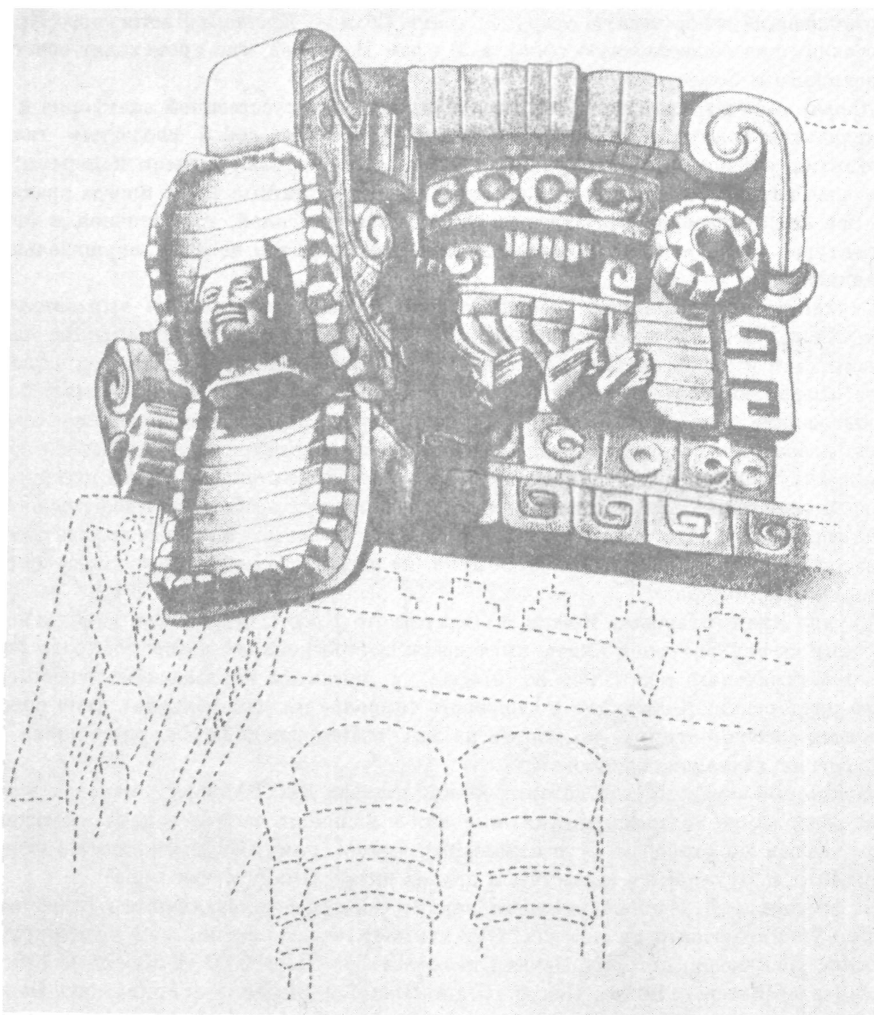

Рис. 4. Личина из дворца в Лабна, мотив человеческого лица в пасти змеи

Когда речь идет о простой скульптуре, изображающей более или менее натуралистически хорошо известного зверя, как, скажем, ягуара, наверняка многие из нас опишут его одинаково; но если это стела, плита или элементы архитектурной скульптуры, найдутся, без сомнения, разные мнения в зависимости от научных интересов исследователя, наличия знаний о мире майя, методологических и теоретических взглядов и т. д.

В качестве еще одного примера религиозного назначения пластических работ майя мы хотим предложить краткий обзор некоторых скульптур города Паленке. Этот город, по размерам уступающий Тикалю, отличается гармонией и художественным качеством своих монументов. Паленке — город человеческих измерений; его рельефы, не будучи изолированными, составляют неотъемлемую часть зданий, демонстрируют наивысшую степень гуманизма, достигнутого майя в их пластическом искусстве. Мы понимаем здесь под гуманизмом подчеркивание ценности человека и его центрального положения в космосе.

Есть в Паленке и комплекс тройственных символических элементов: 1) дворец,

представляющий человеческую сферу; 2) храмы Солнца, Креста и Лиственного Креста, представляющие божественную сферу и 3) храм Надписей, где происходит сочетание человеческого и божественного.

Дворец — это группа построек, воздвигнутых на искусственной платформе и расположенных вокруг дворов. Постройки представляют собой сводчатые галереи с портиками, обращенными внутрь и наружу и с двумя параллельными камерами; двери, соединяющие между собой обе камеры, имеют элегантные арки, иногда трехдольные. Все это производит впечатление очень уравновешенной, гармоничной и легкой архитектуры, которая, избегая больших масс, достигала тем не менее внушительности и грандиозности.

Скульптурное оформление дворца состоит преимущественно из выразительных человеческих фигур. Есть многочисленные рельефы в штукатурке и резные каменные плиты, реалистически изображающие правителей, получающих или держащих свои атрибуты власти, соединяющие их с богами, такие, как тигры, щиты и церемониальные жезлы с изображением бога «К» — Болон Цакаба, божества крови, растительности и самоистязания (связанного с правителями на большинстве памятников классического времени центральной области). Человеческие фигуры моделируются с большим техническим совершенством, элегантно и просто, при этом достигается необычайная естественность; особая тщательность отмечается в изображении рук и лиц как наиболее выразительных частей человеческого тела; выделяются лица (из штукатурки), замечательные своим индивидуальным характером.

Группа храмов Солнца, Креста и Лиственного Креста представляет сферу богов, поскольку на скульптурной плите, имеющейся внутри каждого из храмов люди не занимают центрального места, как во дворце, а показаны почитающими главные божества плодородия. Количество и сложность символов на этих рельефах дают простор различным интерпретациям, но многие из них взаимодополняются, приближая нас к объяснению истинного их значения.

Некоторые авторы, среди которых можно назвать Дж. Кублера³, находят историческое содержание на трех панелях, выделяя в надписях данные о двух правителях, изображенных по сторонам от центрального мотива плит. Их имена по Кублеру — Солнце-Щит и Ягуар-Змея (известны и другие интерпретации этих имен).

Г. Берлин и Д. Келли⁴ отмечают знаки, связанные с различными божествами, которые упоминаются и на панелях. Они считают, что таким образом зафиксировано рождение трех богов, которых Берлин называет GI, GII и GIII, а Келли — Кукулькан («Девять-Ветер»), Болон Цакаб («Один-Цвет») и Эк Ахав («Тринадцать-Божество»). Эти боги затем были интерпретированы самим Берлином как исторические персонажи, а Кублер их связывал с предками правителей Паленке.

Независимо от этих объяснений представляется совершенно очевидным, как по скульптурным мотивам, так и по иероглифам, что плиты, помимо регистрации исторических событий, касающихся правителей Паленке, имеют фундаментальное религиозное значение, связанное с годовым циклом маиса и Солнца, и проявляют диалектическую тройную структуру. Эта структура, как подчеркивает М. Коходас, выражает цикл религиозной трансформации или инициации человека или божества, либо переход одного состояния природы к другому; упразднение старого порядка, который уступает место новому, при этом промежуточная антитезная фаза является центральным членом триады. Человеческие фигуры в таком случае могли символизировать два со-

³ Kubler G. *Studies in Classic Maya Iconography* // *Memoires of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*. September. V. XVIII. New Haven, Connecticut, 1969; *idem*. *The parted attendants of the temple tablets at Palenque* // *Religion en Mesoamérica*. XII Mesa Redonda de la Sociedad Mexicana de Antropologia. Mexico, 1972.

⁴ Berlin H. *The Palenque Triad* // *Journal de la Société des Américanistes*. Nouvelle Série. T. LII. P., 1963. P. 91—99; Kelley D. H. *The Birth of the Gods at Palenque* // *Estudios de Cultura Maya*. V. V. UNAN. México, 1965. P. 93—104.

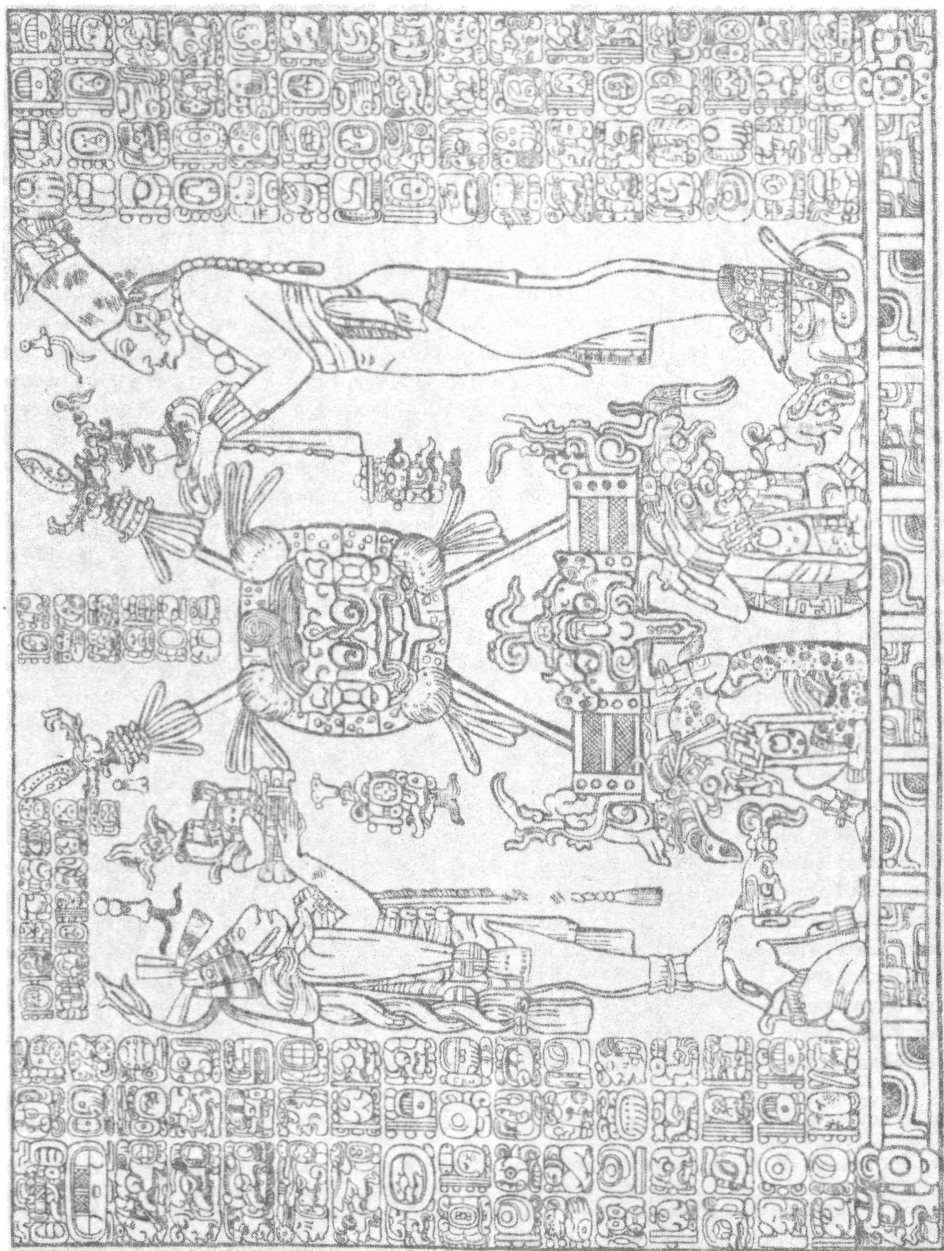

Рис. 5. Плита из храма Солнца в Паленке (по Моделю)

стояния: Солнце-Щит — старый порядок, который должен быть разрушен, и Ягуар-Змея — вновь созданный порядок⁵. Эта идея, которая нам представляется очень вероятной, подтверждается наличием на трех плитах бога «К» — божества не только растительности (может быть, именно майса), но и самоистязаний, являющихся частью инициационных обрядов.

Итак, три храма составляют еще одну из триад Паленке, которые, судя по темам, изображенным на их плитах, могут иметь отношение к священному циклу майса, связанному с годовым циклом Солнца и с динамикой инициационной трансмутации человеческого существа, ибо, по представлениям майя, человек был сделан из майсового теста.

В Храме Солнца на плите (рис. 5) изображен солярный бог в форме щита с перекрещенными стрелами, символизирующими лучи. Под ним видны Небо в форме двуглавой змеи (бог Ицамна, верховное божество пантеона майя) и Солнце в виде ягуара (ночное солнце), проникающего на горизонте в загробный мир. Два жреца божества, имеющие отличительные знаки на лицах, поддерживают «полосу»; на одном из жрецов шкура ягуара. Возможно, что рельеф отражает закат светила в зимнее равноденствие, ассоциируемое с западом; именно в этой стороне света и находится храм. Это было, вероятно, время сжигания растительности для будущих посевов и время соответствующих обрядов.

На плите Храма Креста (рис. 6) центральным мотивом является бог Ицамна, представленный двумя двуглавыми змеями; одна с жестким телом и очень схематичными головами, другая с гибким телом, образованным знаками «йаш», перемежающимися подвесками из нефрита (что позволяет ее идентифицировать как божественную водяную змею); обе змеи переплетаются, образуя горизонтальную полосу креста, имеющего верхнюю часть в виде птицы-змеи. Этот сложный мотив покоится на морде небесного дракона (также Ицамны), по бокам которого имеются астральные ленты, образующие его тело, и характерный троичный символ на голове, идентифицирующий его (раковина, лист или шиш и картуш с перекрещенными лентами, символ неба). Иероглифы и другие символы (число 9) напоминают о внутреннем мире земли, а небесное змеобразное божество плодородия символизирует дождь, необходимый для прорастания находящегося в земле семени.

В Храме Лиственного Креста центральным мотивом плиты (рис. 7) является майс, также представленный в форме креста, вырастающего из личины дракона земли с листьями майса и знаком КАН (майс) на лбу. Наверху опять появляется бог Ицамна в форме птицы-змеи, обозначая дождь. Храм, видимо, посвящен тому моменту, когда рождается майс; он находится в связи с восточным направлением и с осенним равноденствием, когда Солнце и майс выходят из подземного мира.

В самом большом храме Паленке — Храме Надписей сочетаются две сферы, человеческая и божественная, образуя еще одну триаду, поскольку храм посвящен человеку, который достиг апофеоза, т. е. стал богом. Пирамида храма имеет восемь ярусов, возможно, символизирующих восемь этажей подземного мира, которые вели к месту обитания бога смерти, где находился девятый этаж. Под восемью ступенями пирамиды расположена могильная камера, доступ к которой осуществлялся по внутренней лестнице. Вход в камеру значительно уже, чем монолитный саркофаг, находящийся в ней: видимо, сначала был установлен саркофаг, затем сооружена камера и, наконец, огромная пирамида. Это означает, что пирамида была построена как погребальный памятник и что храм в верхней части был посвящен этому человеку, который правил по божественной воле и после смерти вошел в состав божеств-предков.

Скульптурные работы, украшающие могилу этого храма, относятся к шедеврам скульптуры майя. Особо следует упомянуть две головы из штука, которые похожи на

⁵ Cohodas M. The Iconography of the Panels of the Sun, Cross and Foliated Cross at Palenque. Pt II // Primera Mesa Redonda de Palenque, Pebble Beach, California, 1974; pt III // Segunda Mesa Redonda de Palenque. Pre-Columbian Art Research. Ibid. 1976.

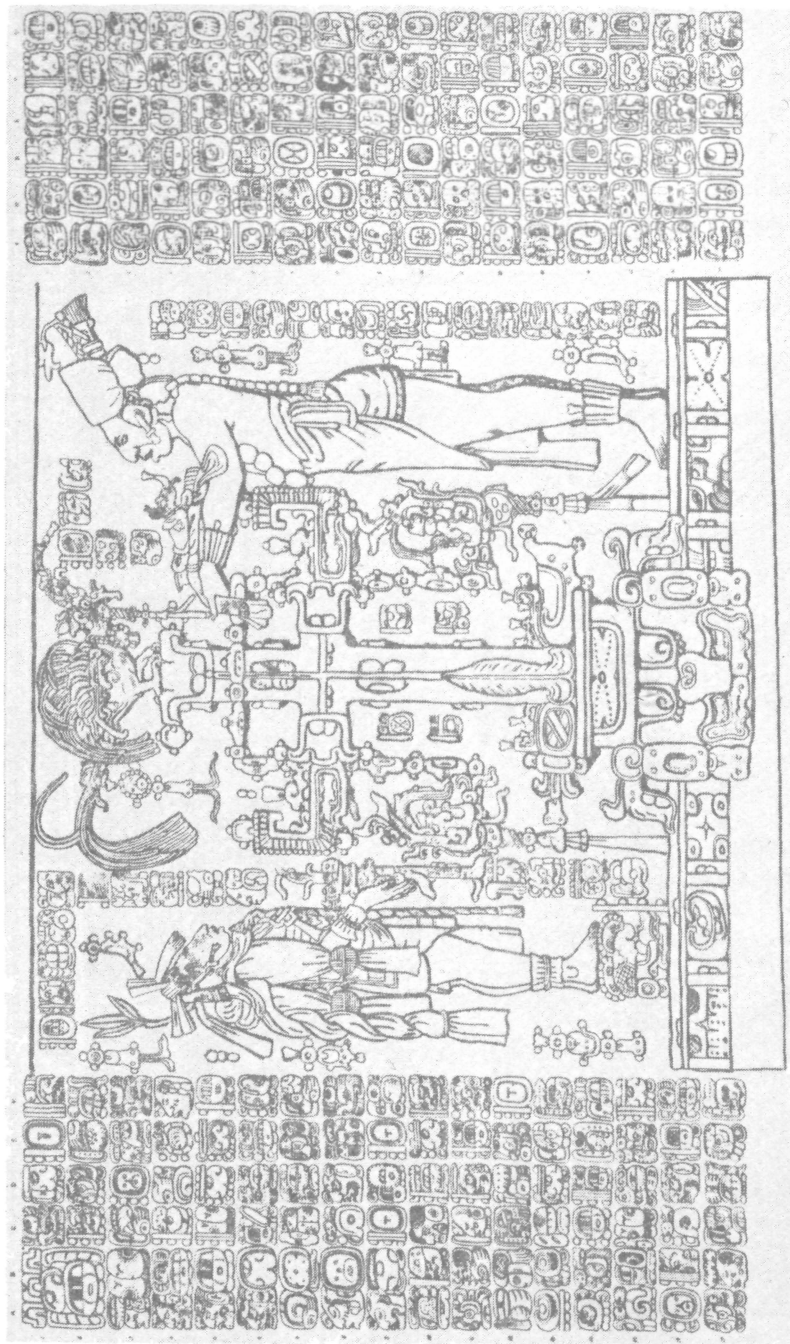

Рис. 6. Плита из храма Креста в Паленке (по Модсли)

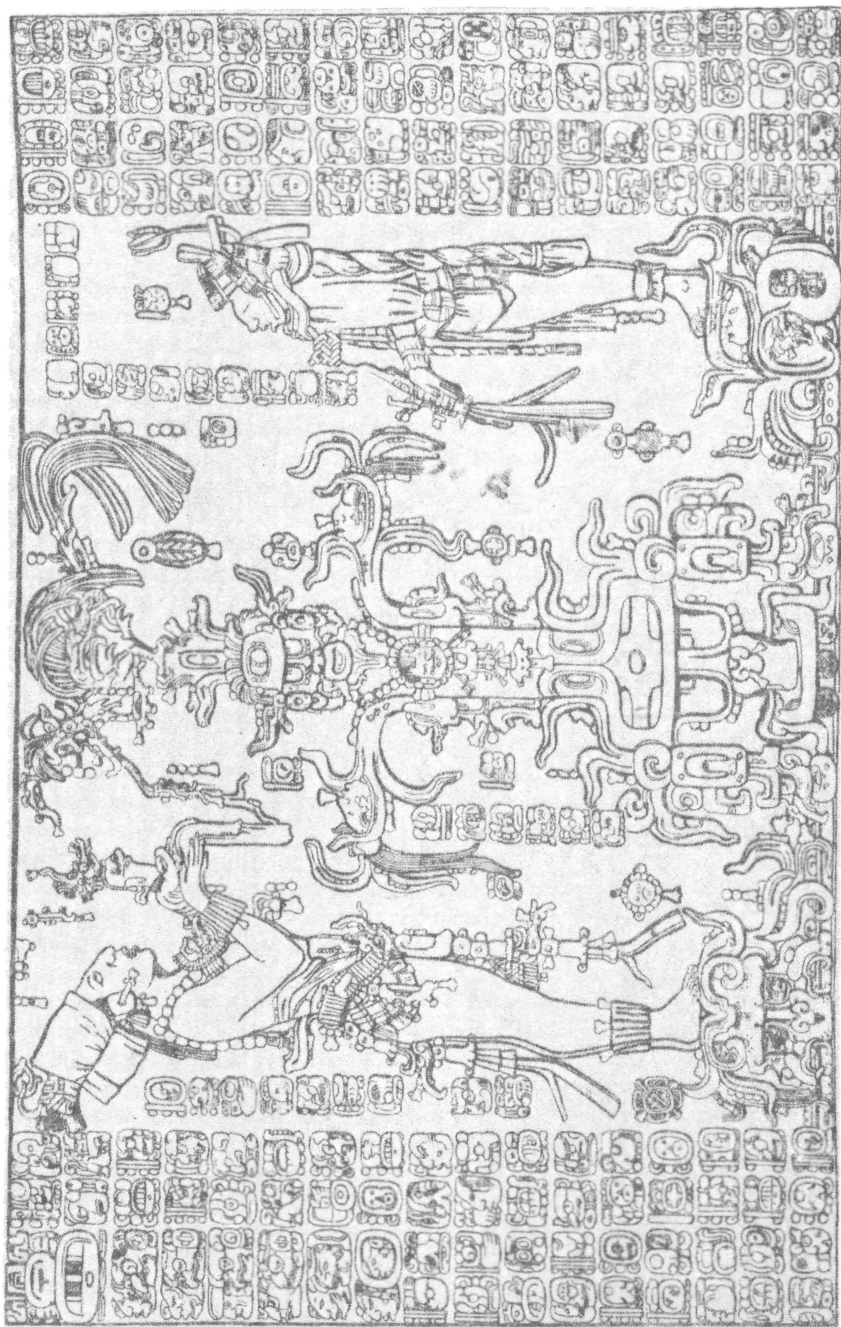

Рис. 7. Плита из храма Лиственного Креста в Паленке (по Модсли)

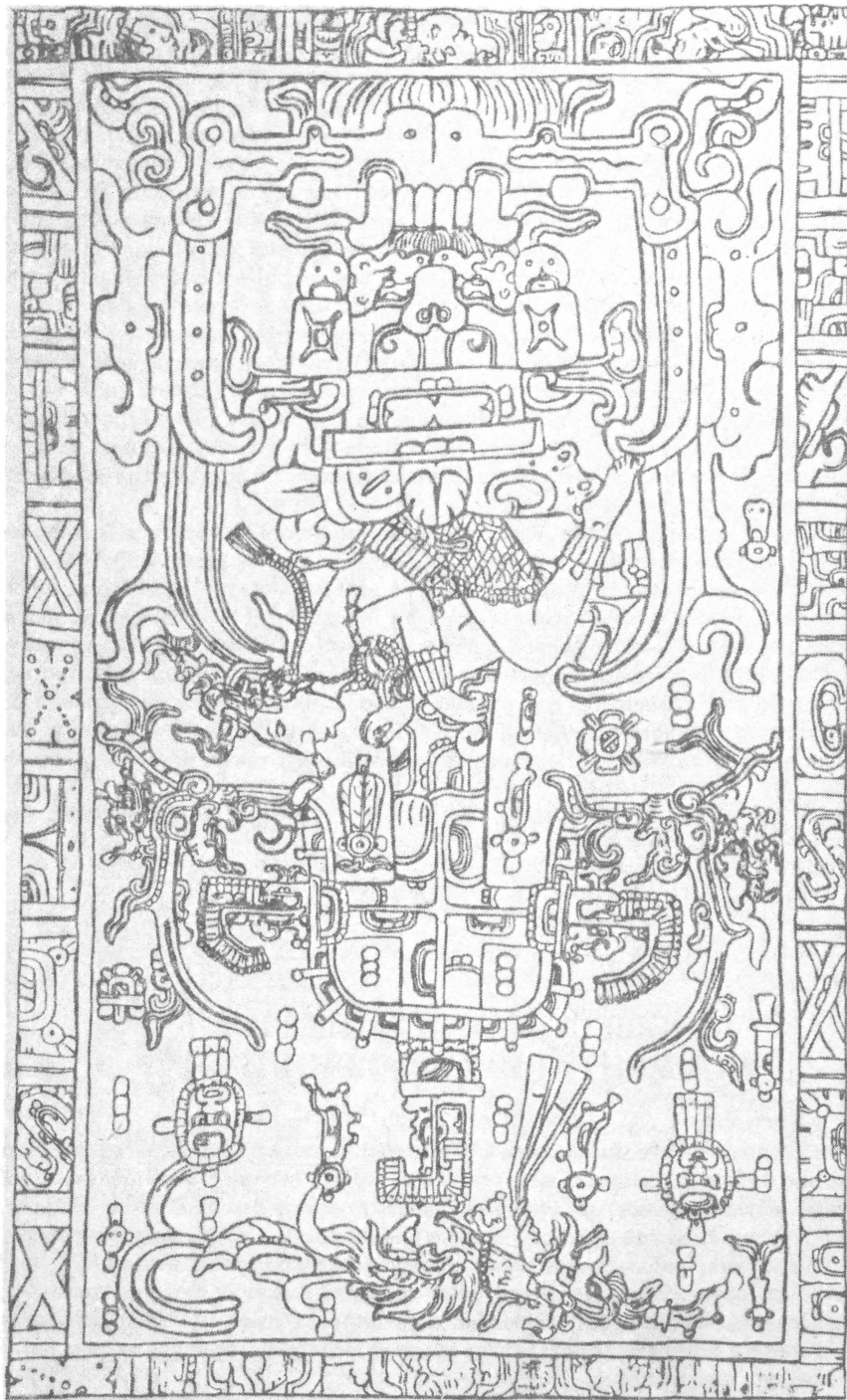

Рис. 8. Плита из могилы Храма надписей в Паленке (по Беатрис де ла Фуэнте)

портреты реальных людей и могут быть связаны с ритуалом обезглавливания, а также верхнюю резную плиту саркофага, представляющую одно из лучших воплощений в скульптуре майя концепции человека и его связи со священным миром (рис. 8). В центре изображения находится правитель, для которого построен обширный мавзолей, сакрализованный властью и смертью. В нижней части, окруженный изображениями костей, представлен подземный мир с его правящим божеством: личина, лишенная плоти, в которой сочетаются символы жизни (как, например, раковина) и символы смерти, ибо для майя жизнь заканчивается смертью, но из этой смерти рождается новая жизнь. На этой личине в окружении костей (что указывает на его смерть) возлежит великий правитель Паленке, а над ним возвышается крест, почти совпадающий с крестом из Храма Креста и образованный двумя змеями: одна — вертикальный ярус, завершающийся схематизированной головой змеи и птицей-змеей; другая — горизонтальная, заканчивающаяся двумя змеиными головами, одинаково схематизированными — это вновь небесная двуглавая змея, порождающая весь существующий мир, т. е. бог Ицамна. И в переплетении с этой змеей видна другая, с гибким телом, с двумя огромными головами, обращенными вниз, изваянными волнообразными линиями, сходными с перьями или языками пламени; из обеих ее пастьев возникают фигурки других божеств, также связанных с плодородием.

Эти символы, видимо, говорят о том, что между подземным миром и небесами, между смертью и жизнью находится человек, чья телесная смерть ведет к другой, духовной жизни и, следовательно, к жизни, сходной с жизнью богов. Человек для майя — существо маиса, в силу чего эта новая духовная жизнь будет возрождением, как и у маиса, обусловленным богом-дождем-плодородием (небесная змея с двумя головами). Вокруг этой сцены есть лента астрономических знаков, отражающая единство человека с космосом, где он занимает центральное место. По краю плиты изображена частная история этого великого правителя, свидетельствующая о том, что наряду с философско-религиозным осознанием человека народ майя имел также историческое сознание.

Мерседес де Ла Гарса

© 1991 г.

ОБЩЕСТВО И ИДЕОЛОГИЯ: КОММЕНТАРИИ ИЗ ОШКИНТОКА

В этом кратком очерке мы наметим в общих чертах политическую эволюцию царства Ошкинток на основе данных, полученных в первые четыре сезона полевых работ (1986—1989), осуществленных на этом важном памятнике в северной части полуострова Юкатан Археологической миссией Испании в Мексике. Мы хотим подчеркнуть прежде всего совпадения, наблюдаемые между процессом культурных изменений, проявляющимся в трансформациях архитектурных групп или единиц, и принадлежностью их к определенным социальным сегментам, а также размещением учреждений власти в рамках города и возможным иерархизированным религиозным символизмом различных застроенных пространств.

С учетом общих задач, поставленных Проектом Ошкинток, раскопы были сконцентрированы в районе, расположенном в юго-западной части города, где налицо наибольшая концентрация архитектурных ансамблей и скульптурных изображений. Данные, которые мы излагаем ниже, должны, следовательно, рассматриваться как про-

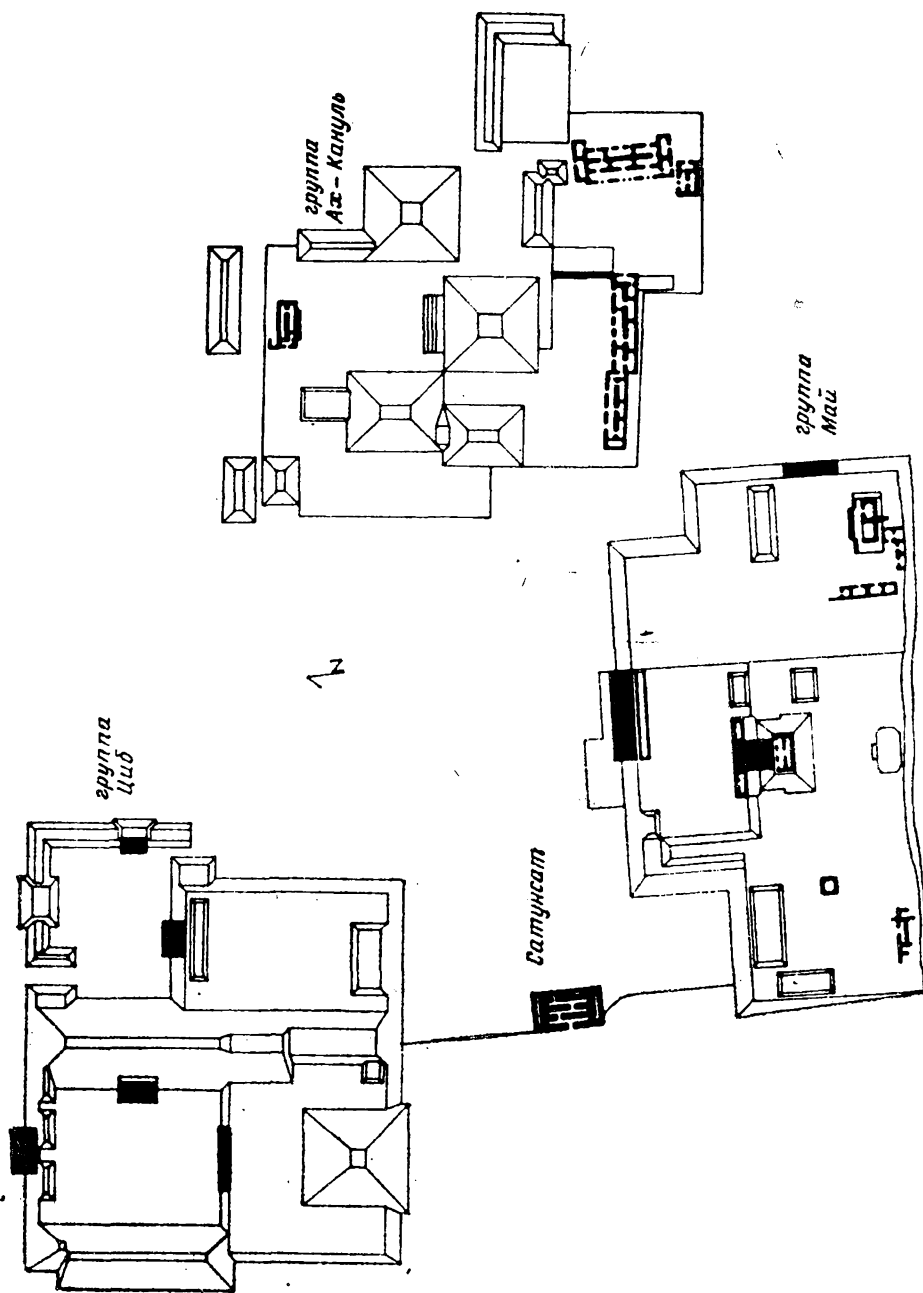

Рис. 1. План центральной части Ошкинтока

изводные от приложения наших теоретических положений к выборке, которую мы считаем представительной для культурных явлений, свойственных совокупности территории города. Очевидно, что эта информация, ее интерпретация и последующие утверждения могут быть изменены, в большей или меньшей мере, когда будут проведены новые исследования в других секторах памятника; тем не менее впечатление, которое преобладает в настоящее время среди археологов, проводивших разведку по всему поселению, таково, что модель освоения пространства и городского развития, намеченная на юго-западе, имеет тенденцию повторяться в остальных частях города (рис. 1).

ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ

Самые ранние следы обитания человека на этом памятнике относятся к Позднему периоду становления. Это керамические материалы горизонта Чиканель; почти все они найдены в засыпке площадей на юге (группа Май), северо-западе (группа Циб) и крайнем северо-востоке древнейшей платформы первого из этих комплексов (Май), а также в здании СА-3 группы Ах-Капуль. Мы можем допустить, что в первые века нашей эры были воздвигнуты большие платформы площадью около 2 тыс. м², при этом естественные возвышения или неровности рельефа часто служили фундаментами для недолговечных конструкций, следов которых не осталось. В любом случае эти сооружения свидетельствуют о социальных потребностях, свойственных неаграрным обществам, и мы готовы предположить, что они предназначались для такого использования. В целом это не очень отличалось от тех функций, которые позже имели архитектурные комплексы типа акрополя в раннем классическом периоде: они служили для возвышения единства и солидарности каждого родственного сегмента, явившегося основой зарождающихся правящих меньшинств, — через культ предков и празднование соответствующих общинных ритуалов. У нас есть подозрение, не подкрепленное, к сожалению, археологическими свидетельствами, что уже в эту раннюю эпоху велись поиски способа представить посредством размещения и формы построек те аспекты мировоззрения, которые прямо указывали на происхождение родов — будь то в небесной проекции (карта части неба, где располагались светила, идентифицировавшиеся с предками, перенесенная символически на земную поверхность), будь то в их отношении к подземному миру, может быть, даже как синтез различных слоев или делений Вселенной. Та же квадратная форма первых платформ, ориентированных по сторонам света, указывает, видимо, на желание привести в соответствие создание ансамблей глубокого идеологического значения с образом космоса, определяемым движением солнца и точками восхода и захода при солнцестояниях.

РАННИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

На рубеже III и IV вв. в Ошкинтоке начался, вероятно, этап великих преобразований и лихорадочной строительной деятельности, который достиг своей вершины к середине V в. Именно тогда были воздвигнуты здания МА-7, МА-1суб, СА-3 и SA-1 в районе, исследованном испанскими археологами. Предполагаемые постройки из растительных материалов были заменены на платформе группы Май небольшим фундаментом на южной стороне, состоявшим из двух ярусов с закругленными углами. Он был покрыт штукатуркой и выкрашен в красный цвет; фундамент должен был поддерживать святилище, следов которого не осталось. Другое сложное сооружение находится на северной стороне; оно дворцового типа, двухэтажное, имеет на нижнем этаже пять продольных галерей, ориентированных в направлении запад — восток, и две поперечные, а также две продольные галереи на верхнем этаже, имевшие входные проемы и окна на западной и восточной сторонах (рис. 2). Эти расположенные одна против другой постройки ограничивали площадь, простиравшуюся на запад, где было еще одно здание (МА-5), большая часть стен которого и кровля были из непрочных материалов. Таким

Рис. 2. Постройка МА-1 или пирамида группы Май

образом, в группе Май было сформировано церемониальное замкнутое пространство, образованное тем, что мы считаем храмом предков в южной части площади, который стоит на базовой платформе, с лестницей и фасадом, обращенными к северу; зданием в два этажа лабиринтного характера в северной части площади, но с фасадом на юг, предназначенным, возможно, для ритуалов инициации и очищения, связанных с религиозным культом, и еще одной постройкой, располагавшейся несколько в стороне, которая могла быть временной резиденцией жрецов.

В то же время поблизости, в северо-западном направлении, было возведено трехэтажное здание, известное как Сатунсат (SA-1); оно полуподземное, состоящее из узких комнат или галерей неправильной формы, образующих сложный лабиринт. Его

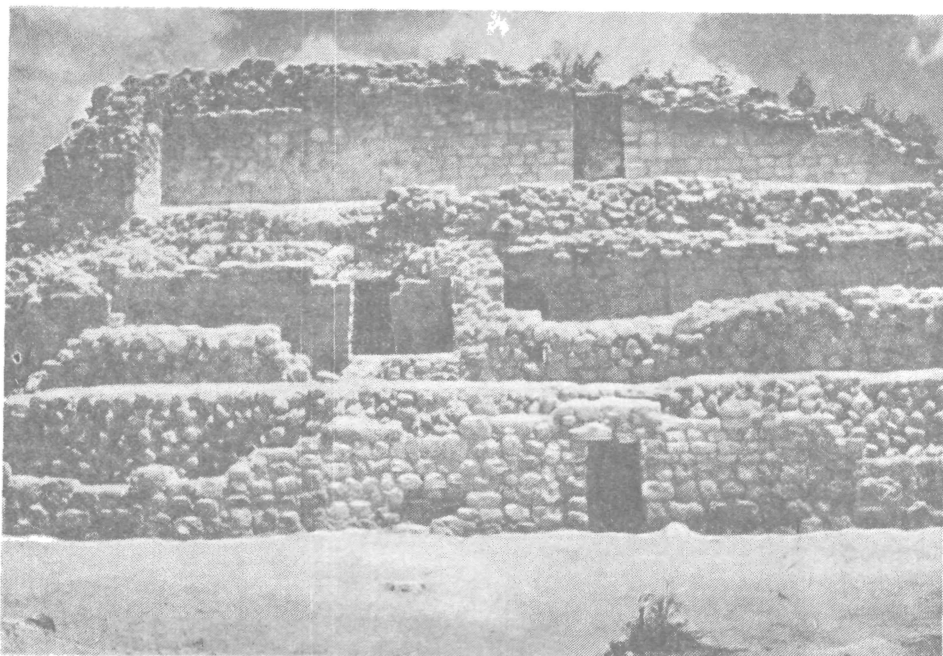

Рис. 3. Сатунсат или лабиринт Ошкинтока

использование, судя по сохранившейся устной традиции, и по тому, что мы знаем о сходных постройках в других местах, наверняка было связано с методами обучения определенных лиц, готовившихся занять важные общественные должности. Послушники должны были пройти через испытания, состоявшие из перехода по темным коридорам лабиринта. И этот маршрут, сам по себе, был символом связи между уровнями космоса. Таким образом, осуществление этого перехода вело к приобретению эзотерического знания, необходимого для получения власти и занятия определенных ответственных постов.

Мы полагаем, что тот факт, что Сатунсат стоит изолированно, не входя ни в один из архитектурных комплексов центра города (рис. 3), говорит о том, что он являлся символом всей общины или, по крайней мере, ее существенной части, находясь выше отдельных родственных единиц. Мы уже отмечали несколько раз, что сооружение искусственной пещеры свидетельствует о политическом намерении воспроизвести деяние демиургов, которое может быть объяснено необходимостью подтверждения законности власти правителей: последние, таким образом, рождались с предками, создавшими мир и открывшими естественные пути проникновения в подземный мир.

На протяжении первой половины классического периода была возведена также постройка СА-3 в группе Ах-Кануль — маленькое странное сооружение из двух галерей, ориентированных в направлении восток — запад, относящееся, как и предыдущие, к стилю Ранний Ошкинток. Оно расположено, как и МА-1суб, на северной стороне площадки, закрываемой на противоположном конце тремя пирамидами. Открытие в южной галерее СА-3 вымостки, раскрашенной, как цинковка, заставило нас подумать о возможном династическом значении этого скромного здания; такая оценка стала более приемлемой впоследствии, когда мы нашли иероглиф, нарисованный на пороге, ведущем к средней галерее нижнего этажа МА-1суб. Этот иероглиф, титул правителя, по всей видимости единственный на этом участке стены, был, несомненно, знаком, говорившим о благородном происхождении и высоком ранге обитателей здания; то же са-

мое можно утверждать и относительно пола с изображением циновки (*non*) постройки СА-3. Из всего этого делается вывод о желании обитателей Ошкинтока в ранний классический период обозначать качество и социальную принадлежность застроенных пространств специальными знаками. И хотя до настоящего времени такие данные происходят исключительно из нетипичных «дворцов» СА-3 и МА-1суб, мы не колеблемся высказать предположение, что это желание отражается также в храмах и других постройках, связанных с ними. В этих ранних культурных комплексах Ошкинтока есть нечто, что напоминает своеобразное расположение некоторых жилых участков Петена и даже комплексы пирамид-близнецов Тикаля в поздний классический период, хотя ориентация построек значительно отличается; возможно, как предположил Беккер в 1984 г., распространение, изменение или оставление этой городской модели могут служить указанием на культурные или социальные изменения.

С другой стороны, представляется очень интересной концентрация надписей раннего классического периода в двух зданиях группы Ах-Кануль, возведенных в следующий период. Дворцы СА-5 и СА-6, являющиеся продолжением один другого, содержащий по крайней мере четыре притолоки предыдущей эпохи, которые были еще раз использованы достаточно небрежным образом. Пятая притолока, текст на которой составлял одно целое с текстами предыдущих, была найдена на некотором расстоянии, она лежала возле СА-3. За исключением одного случая, резные памятники содержали надписи Начальной серии, датируемые последней четвертью V в. К сожалению, мы пока не знаем, с какими постройками первоначально были связаны эти надписи, хотя у нас есть предположения, базирующиеся на предварительном прочтении иероглифических текстов, о том, что притолоки были изготовлены для храмов, увенчивавших пирамиды данной группы. Как бы то ни было, мы хотим подчеркнуть здесь именно сам факт того, что имелись даты Длинного счета раннего классического периода в городе на севере полуострова Юкатан. Действительно, ряд авторов, когда еще была известна лишь одна из этих надписей, уже обращали внимание на то, с какой удивительной быстротой распространился из Петена до Ошкинтока обычай воздвигать каменные монументы с абсолютной датировкой по системе майя, но в настоящее время мы имеем возможность сказать, что это распространение было массовым, что речь идет не об изолированном признаке, а о том, что в наш город пришли способы счета Начальной серии, стиль письма, характерный для центрального района, основания с округлыми углами, комплексы типа «акрополей» и, наконец, социальный и политический уклад, в котором эти элементы имели смысл и оправдание, т. е. идеология, поддерживавшая целую сеть общественных отношений и предназначенная укреплять правящие династии. Практически невозможно объяснить наличие в Ошкинтоке всех этих элементов культуры, не прибегнув к гипотезе миграции людей с юга во главе со своими вождями. Поэтому мы можем сделать вывод, что имеющаяся в нашем распоряжении информация относительно организации власти в зоне Тикаля и бассейна Усумасинты в ранний классический период может служить в значительной мере и для понимания начального периода расцвета общины, занимавшей Ошкинток. Именно недавние работы в Тикале, интерпретация социальных функций и династической символики таких комплексов, как «Потерянный мир» и «Северный акрополь», могут послужить опорой для наших соображений о первоначном предназначении застроенных пространств, независимых от конкретных социальных сегментов.

СРЕДНИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Значительные события имели место в Ошкинтоке в середине VI в. Как будто безудержный строительный пыл овладел его обитателями: многие здания были обновлены, расширены, частью разобраны. На протяжении следующего столетия поднялись другие постройки, стали длиннее и выше опорные платформы и, что особенно показательно, многие погребения были помещены в тех городских пространствах, которые

Рис. 4. Дворец Среднего классического периода в группе Ах-Кануль

прежде не использовались для подобных целей. Следует сказать, что мы пока не знаем мест, где помещали своих умерших люди раннего классического периода, так как все могилы, открытые до сих пор, датируются периодом, называемым средним классическим.

Архитектура этого времени относится к стилю, известному под названием Прото-Пуук: он обладает смешанными чертами Раннего Опскинтока и Классического Пуука. Помещения стали более широкими и были покрыты сводом из каменных плит. Стены выглядят более единообразными. Их облицовочные камни лучше обтесаны, между ними едва видны клинья и плитки, характерные для предыдущего периода. Но особенно примечательно использование по-новому предшествующих форм и объемов с целью, как мы полагаем, модифицировать и подчеркнуть важность построек. Все известные нам ранние здания являются объектом такого вмешательства между 550 и 650 годами нашей эры, но образцом таких важнейших изменений, наблюдаемых в городе, служит, вероятно, «дворец» МА-1суб, превратившийся в ядро основания огромного храма-пирамиды с северными лестницей и фасадом, обращенным к площади. Последняя возникла в результате расширения первичной базовой платформы группы Май.

Мы считаем, что пирамида МА-1 пришла на смену скромному святилищу МА-7, выполняя те же функции, что и последнее, т. е. культ предков приобрел на протяжении среднего классического периода решающее значение как дифференцирующий идеологический элемент, как средство легитимизации власти правящих меньшинств и как механизм интеграции соответствующих корпоративных родов или сегментов, на которые делилась верхушка общества, групп родственников, которые символически выражали свою специфику (*identidad*) и статус в каменных монументах ритуального центра. Во всяком случае, отказ от зданий-лабиринтов (Сатунсат также был значительно изменен в эту эпоху) предполагает существенные перемены в ритуалах узаконивания социального ранга и функций определенных лиц; это, возможно, следует интерпретировать как полную консолидацию системы власти, основанной на правилах наследова-

Рис. 5. Лик солнечного бога на облицовочном камне постройки СА-5

ния, т. е. династического режима, впоследствии типичного для позднего классического периода; системы, делавшей ненужными инициационные обряды и доводы, покоившиеся на индивидуальном «пожалованном знании», что свойственно переходным обрядам и испытаниям. Божественная поддержка, которая выражалась раньше в преодолении инициационных испытаний, после VI в. претерпевает существенные изменения: единственное, что должны были доказать господа, чтобы получить доступ к установленным должностям и иерархическим чинам, — это свою связь с предками и свои родственные отношения, что достигалось посредством культа и династических ритуалов, материализованных для археологов в архитектурных комплексах, посвященных храмах и соответствующей иконографии.

В группе Ах-Кануль возводятся дворцы СА-5 и СА-6 (рис. 4) на юге площади пирамид, и чтобы усилить их политическое значение, в их дверных проемах помещаются резные притолоки, сделанные еще более века назад. Правители Прото-Пуука возводят, таким образом, мост к прошлому, используя фундаментальные символические элементы предшествующей системы, может быть и не очень ее понимая: до сих пор еще не встречены надписи среднего классического периода. Одновременно, чтобы подчеркнуть священный характер помещений и, может быть, напомнить о предке — основателе рода, они велют поместить образ солярного бога на северном фасаде СА-5: выразительное лицо, тонко изваянное на облицовочном камне, наверняка бывшем частью фриза. Это изображение — одно из самых выдающихся произведений искусства, найденных в Ошкитокке (рис. 5). На всем протяжении Майяба бог Ах-Кин (Кинич-Ахав, по поздней терминологии) находился в тесной связи с властью правителя и с мифологическими проявлениями, служащими ее основой. Следовательно, нет ничего абсурдного в предположении о том, что район построек СА-5 и СА-6 (около 600 г.) отображал специфические функции верховной власти.

Мы сказали, что Сатунсат также стал объектом модификаций, введенных в рисунок города правящими меньшинствами среднего классического периода. С учетом свое-

образия этой постройки и важности ее возможной функции здесь изменения должны отразить предполагаемые социальные и политические потрясения еще лучше, чем в других постройках. Первым заметным действием, которое мы приписываем строителям Прото-Пуука, было превращение одного из помещений или коридоров нижнего этажа в погребальную камеру. Никогда прежде с момента основания здания, вероятно, за сто лет до того, захоронения не совершались в темных переходах; по крайней мере, археологическая разведка не обнаружила ни одного подобного следа. Но в VI в. здесь был погребен какой-то важный человек, при этом площадь лабиринта уменьшилась и комплекс приобрел характер погребения, став похожим на храмовые цоколи. Пока еще не определены объемы и даты других перестроечных работ, таких, как закрытие или перекрытие внутренней лестницы, ведущей на северной стороне на третий этаж, замена окраски восточного, северного и южного фасадов и пристройка лестницы на восточной стороне, хотя допускается возможность того, что они в значительной степени совпали со временем захоронения. Если это было так, то следует сделать вывод, что постройка в этом случае, будучи очень специализированным типом «лабиринтного полуподземного дворца», получила облик типичного дворца. Поскольку эта постройка, видимо, является изображением космоса, ясно, что местом, наиболее подходящим для пышной могилы, был нижний этаж. Но впечатление таково, что наше второе утверждение не должно выводиться из первого с неизбежностью; дело в том, что в майском каталоге каменных метафор мира только некоторые здания были предназначены, по соображениям их функциональной и символической значимости, для размещения в них тел особенно важных людей. Захоронение в Сатунсате, как я считаю, подразумевает перемены в значении и использовании памятника, с потерей предшествовавшей символики власти и законности. Однако не была утеряна одна из самых значительных черт этого здания; существенная перестройка, начатая в VI в., сохранила западный фасад; в нем открыты девять отверстий, которые, вероятно, использовались для наблюдения за движением солнца и для точного установления дат календаря, связанных с равноденствиями. Снова, как и в СА-5, светило-царь, видимо, играет решающую роль в придании смысла постройкам Ошкинтока. Но в то время как во дворце группы Ах-Кануль его изображение является знаком высокого ранга обитателей и значительности действий, развивающихся там, в Сатунсате за солнцем наблюдают через отверстия в стенах с целью познания; это знание было, без сомнения, связано со жреческими функциями и усиливало авторитет и престиж правителей. Достаточно сказать, что работы по посадке майса могли быть начаты приблизительно один «виналь» спустя после весеннего равноденствия и что наблюдение за первым прохождением солнца через зенит, предвещавшее начало дождей, наверняка определяло момент для распоряжения о начале этих работ. Предсказание таких природных явлений не только соответствовало земледельческим потребностям сельского населения, но и способствовало слиянию знаний о погоде с представлениями о способности правителей к чудотворному действию, т. е. астрономическое знание превратилось в один из главных источников власти. Может быть, Сатунсат с самого начала был задуман как космографическая постройка для сбора астрономических данных на манер других построек Петена, которые тоже датируются ранним классическим периодом. Если это сооружение в среднем классическом периоде перестало быть, как мы считаем, местом для инициационных церемоний со знатными жрецами-астрономами, то вовсе необязательно, что оно больше не использовалось как удобная обсерватория на службе политической верхушки.

ПОЗДНИЙ КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Только два из раскопанных до настоящего времени зданий в Ошкинтоке относятся, без всякого сомнения, к стилю Пуук, связываемому большинством ученых с поздним классическим периодом. Одно из них, МА-6 — скромный дворец, расположенный к востоку от большой опорной платформы группы Май, что заставляет нас думать о расши-

рени архитектурного комплекса в указанном направлении начиная с VII в. Однако наиболее примечательна в МА-6 не сама по себе постройка, а дома, которые замыкают двор значительных размеров и которые мы можем рассматривать как жилые и складские помещения. Мы признаем, таким образом, что архитектурная группа непрерывно использовалась на протяжении почти тысячи лет и что несмотря на отсутствие следов строительной деятельности на главной постройке — пирамиде МА-1 — в течение позднего классического периода обилие керамики горизонта Кехич подразумевает использование сложившихся прежде пространств и сохранение символического значения комплекса.

Во всяком случае, именно второе из зданий Развитого Пуука, СА-7 группы Ах-Кануль, называемое также дворцом Ч'ич, привлекает внимание своими особыми чертами. Конечно, СА-7 — наиболее пышное строение и более всех других открытых до настоящего времени в городе заслуживает название «дворцового». Оно представляет собой постройку в 30 метров длиной и 11 метров шириной с 11 комнатами, распределенными в трех продольных галереях (север — юг) и двух поперечных (запад — восток). Как показывают недавние исследования, западный фасад, наиболее интересный по своей орнаментации, несколько более поздний, чем восточный, и является переходным от Раннего Пуука к Пууку Классическому. Но даже если мы оставим в стороне геометрические мотивы каменной мозаики и четыре антропоморфные колонны, придающие такую торжественность этому фронту, здание сохраняет достаточно элементов, по которым можно судить о высоком положении его обитателей. Из внутренних дверных проемов происходят несколько притолок, на которых изображены в барельефе различные персонажи, относящиеся, без сомнения, к семьям, правившим городом в VIII—IX вв. (рис. 6). Также во дворце Ч'ич была найдена притолока, использованная вторично как конструктивный блок (после того как она была обтесана и превращена в подобие «хальтуна»), с надписью, датируемой ранним классическим периодом; эта притолока сходна с той, которая была помещена в платформу здания СА-6. На обеих написаны имена правителей раннего классического периода, которых люди Прото-Пуука и Раннего Пуука должны были считать чуждыми своим традициям и которые должны были быть забыты. Один из правителей, чье имя встречается на рельефах позднего классического периода дворца Ч'ич (на панели, которая сейчас находится в коллекции Четумалья) и запечатлено также на стеле 23, воздвигнутой в группе Ах-Кануль, упомянут также на иероглифической лестнице второй группы Циб. Такое совпадение заставляет связывать воедино оба архитектурных комплекса, а также родовые группы, которые основали их и содержали в качестве священных построек в конце классического периода. Учитывая, что в группе Циб имеется единственная площадка для игры в мяч, найденная в Ошкитокке, и что именно правитель, о котором идет речь, был изображен в костюме игрока в мяч на одном керамическом сосуде стиля Чочола, можно предположить, что члены одной ветви рода, правившего городом около середины VIII в., имели среди прочих своих функций и отправление ритуала игры в мяч. Связи между группами Ах-Кануль и Циб подчеркивались, кроме того, материально и символически, посредством возведения дороги-«сакбе», соединившей оба комплекса.

Есть, следовательно, обоснованные причины думать, что архитектурная группа Ах-Кануль была с раннего классического периода местом, с которым была связана самая высокая категория людей. Больше число храмов-пирамид, чем в любом другом городском секторе, самое богатое убранство во дворцах, многочисленные стелы и резные притолоки, длинные иероглифические надписи, изображения богов Солнца и Луны, взаимозависимые архитектурные единицы, связанные мощными дорогами, — достаточно важные показатели того, что это было, вероятно, пространство, предназначенное для доминирующего социального сегмента среди тех, что разделили между собой центр города. Если помимо иерархизации таких единиц возможно распознать в комплексах зданий их политическую и религиозную специализацию, то, вероятно, можно сделать вывод, что группа Ах-Кануль была местом сосредоточения максимальной влас-

Рис. 6. Персонаж, изображенный на притолоке из двorca Ч'ич

ти, принадлежащей тому роду, который, по крайней мере в поздний классический период, поддерживал тесные связи с родами, занимавшими комплексы Циб и Май. Эти связи, иерархические и родственные до VIII в., приобретают более функциональный и организующий характер, судя по археологическому материалу, начиная с 750 г., что с определенностью указывает на новую форму выражения культа предков, уже отошедшую в определенной мере от традиционных пространственных и конструктивных единиц.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЦАРСТВА ОШКИНТОК

Сакральность соответствующих построек города проявляется в типе построек, в характере изображений и наличии погребений. Наше впечатление таково, что власть, политический строй, система ролей и статусов в верхушке общества, структура родства и религиозная идеология являются взаимосвязанными аспектами общественной жизни майя, отражаемыми в расположении и характерных чертах городских районов. Учет социального положения тех, для кого предназначались эти архитектурные комплек-

сы, их религиозной практики и верований, космологии необходимы при интерпретации морфологии зданий и их размещения. Если брать за основной критерий относительное количество и качество архитектурных построек и скульптурных монументов, то неизбежно приходишь к мысли, что в конце V в. Ошкиток уже был центром некоей политической единицы, границы которой, возможно, соответствовали пространству, занимаемому стилем Ранний Ошкиток, т. е. ареалу в западной части района Пуук, который будет включать Бакна на юге, Аканмуль на западе и Ш-Кукикан на востоке, хотя также можно предположить, что такие поселения, как Сихо, Нашкопоиль и Кабах, находились в сфере его влияния и контроля. Большое число культурных черт, истоки которых, видимо, прослеживаются в бассейне Усумасинты и в гватемальском Петене, подсказывает, что первый импульс для социально-политического развития был определен в значительной мере приходом людей с юга, носителей организационных принципов и моделей, которые были известны на юге с позднего периода становления и проявила достаточно способностей для интеграции больших поселений и для соответствующей ориентации господствующей идеологии. Эти связи с южными районами майяских низменностей сохраняются до конца VIII в. и будут зависеть от главенства Ошкитока на участке, соединяющем Пуук с югом Кампече. Главные связующие пути следовали по побережью Мексиканского залива или углублялись в материк через Эцну и Бекан, а царство Ошкиток должно было иметь свой южный предел в Ах-Кин-Пече, наверняка гранича с царством Эцна. Территория, управляемая владыками нашего города, должна была приобретать начиная с раннего классического периода форму, похожую на бумеранг — с одним концом в Кампече и с другим недалеко от Ш-Кукикан; при этом Ошкиток оставался почти в центре, где прибрежный проход, ограниченный холмами, поворачивает на восток; город был узловым пунктом, контролировавшим пути, ведущие к равнинам и портам дальнего севера полуострова. До сего дня пирамида группы Эциль похожа на сторожевую башню, увенчивающую скалистый утес к северу от города и видимую за много километров. Башня господствует над нынешним шоссе — наследником старой Королевской дороги и доиспанской тропы между Ах-Кин-Печем и Тихо, по которой передвигались майя и мексиканцы.

Из дюжины зданий, раскопанных в центральной части города, очень немногие могут быть с уверенностью датированы поздним классическим периодом. Это показывает, что по крайней мере в восточном секторе Ошкитока политический апогей царства был достигнут в период между V и VII вв. в отличие от положения, в котором находились в это время южные районы; это совпадение, вероятно, не случайно, а может быть интерпретировано в рамках тех преимуществ, что предоставил для северных политических образований этап потрясений и переориентации систем власти в первичных центрах на юге. Другими словами, кризис теотиуаканской империи и его последствия для правящих династий городов Петена могли быть использованы Ошкитоком, который приобрел тогда необычайную значимость из-за своего стратегического положения, способствовавшего притоку в подконтрольный ему район товаров. Любопытно тем не менее, что до сих пор и в Ошкитоке не найдены скульптурные монументы или надписи среднего классического периода. Южное влияние вновь становится ощутимым с конца VII в. (в этом случае оно более очевидно исходит из района Усумасинты, чем из Центрально-Южного Петена), когда изготавливаются многочисленные скульптуры, находимые нами прежде всего во дворце Ч'ич, хотя архитектура здесь уже вполне юкатекская. После лакуны в письменности, обнаруживаемой на протяжении всей первой половины IX в., начиная с момента установки стелы 3 (около 849 г.), мы наблюдаем подобие нового политического возвышения Ошкитока, отраженного в обилии и качестве скульптурных монументов (стелы 9, 18, 21, 23 и 26) и в постройках Классического Пуука, рассеянных по всему городу. В любом случае этот поздний расцвет был эфемерным и ограниченным, потому что тогда уже имелись другие крупные центры власти в регионе, ставшие сильными соперниками Ошкитоку, влияние которых, как это произошло с Ушмалем, все более возрастало. Может быть, союз Ушмаля и Ошкитока, отраженный «сакбе», со-

единяющий оба поселения, придавал все еще этому последнему царству важную, хотя и подчиненную, роль в политических делах Северного Юкатана. После прихода в город чужеземцев, которые велели вытесать антропоморфные колонны западного фасада постройки СА-7, скорее всего в конце IX или начале X в., — Ошкиток быстро пришел в упадок. Начиная с XI в. лишь случайные обитатели оставили свои следы в разных местах города, что нашло отражение в обновлении некоторых помещений или в постройке маленьких грубых зданий — жилищ и святилищ. Эти люди, как и путешественники и пилигримы постклассического времени, приносили в дар курительницы в некоторые здания (как СА-6 и МА-1), делали керамику в соответствии с региональной традицией и пользовались редкими привозными сосудами. В эту эпоху, когда политическая карта Юкатана претерпевает глубокие изменения и господствующими силами становятся Чичен-Ица и Майяпан, царство Ошкиток, полностью исчезает.

ВЫВОДЫ

Мы считаем, что Ошкиток был географическим пунктом, где находили свое выражение союз, связи и иерархизация влиятельных родственных групп, разрозненно живших на территории государства. Конечно, помимо того, что постройки являлись символами, в городе периодически проходило взаимодействие родов, прибывавших на церемонии, но самая существенная ценность градостроительства майя состоит в его способности создать образ социального порядка, и в этом смысле Ошкиток, как многие другие политические центры, должен являть собой космологическую карту, где относительный ранг местоположения и значимости архитектурных комплексов отражал бы шкалу рангов социальных единиц. Когда право наследования превратилось в вид политической идеологии, атрибуты ранга автоматически становятся зависимыми от родственной группы и воспроизводятся на местности (т. е. в хорошо определенных и ограниченных анклавах). Мы видим, таким образом, роды, осевшие в контролируемой зоне Ошкитока, как сегменты конических кланов, иерархически связанных между собой согласно линиям, ведущим к вершине общества, представленной в каждом случае архитектурными комплексами города. Вероятная организационная модель состоит из городского ядра, из которого могут быть намечены радиальные векторы (по одному для каждой социальной группы, символизированной в пространствах гражданско-церемониального центра), а последние направлены к территориям, занятым разными сегментами рода. Эти векторы равны идеальным «сакбе», проложенным ко всем родственным и корпоративным группам сообщества в соответствии с их реальными узлами в комплексе социальной структуры.

Поскольку конфигурация общей территории также соответствует в идеале представлению о Вселенной, точно так же и столичный город, выражающий единство этой территории, должен быть упорядочен на основе космологического образца. Указанным порядком является четырехчастное деление, с определением различных направлений для соответствующих главных родов, согласно той функции, которую они несут в административной деятельности и власти, и в соответствии с их собственными связями с различными религиозными учреждениями. Так, представляется, что группы, расположенные на востоке, в стороне нарождающегося солнца, будут связаны с самым высоким рангом, с силой, войной и генеалогическими корнями; расположенные на западе — с инициационными и похоронными обрядами, может быть, с культом Луны и Венеры.

Из трех исследованных архитектурных групп до настоящего времени в Ошкитоке самая значительная, в количественном и качественном отношении, та, что расположена на востоке, Ах-Кавуль, где в раннем классическом периоде просматривается городская модель, которую можно было бы назвать «площадью предков» (с храмами-пирамидами на юге и постройками, символизирующими правящие роды, на севере), и где вблизи от этой площади строятся просторные дворцы в средний классический и поздний классический периоды. В группе Май нам известна сходная площадь рав-

него классического периода и дворцы меньших размеров в последующих периодах. Группа Циб, наиболее правильных и геометрических пропорций их всех трех групп, связана с ритуалом игры в мяч, что, возможно, объясняет ее строго квадратную форму и ее четырехчастное деление с четырьмя площадями, ориентированными по сторонам света. То, что храмовая пирамида находится на юго-западной площадке, а комплекс для игры в мяч на северо-восточной, должно быть, определялось идеологическим смыслом, который пока трудно расшифровать, хотя следует вспомнить, что юг и запад являются направлениями нижнего мира и страны мертвых, в то время как север и восток ассоциируются с рождением, творением, обновлением мира, плодородием и жизнью. Очевидно, что хронологическое различие между двумя зданиями может определить их соответствующий смысл, и почти наверняка пирамида группы Циб относится к более раннему времени, в то время как комплекс для игры в мяч — более поздний; но логично предположить, что, избегая полного разрушения некоторых построек важного символического смысла, майя занимались расширением и обновлением архитектурных комплексов, принимая в расчет традиционные идеи, связанные с каждым элементом этих комплексов. В любом случае нам представляется очевидным, что социальные сегменты, которые содержали эти группы построек и которые отождествляли себя с символами, выраженными в них, и с культурами и ритуалами, отправлявшимися в их священных пространствах, были связаны в общей схеме родства и наследования, о чем свидетельствуют не только близость комплексов Ах-Кануль, Май и Циб, расположенных по соседству, но и соединяющие их мощные дороги. Важно отметить, что надписи также демонстрируют эту связь, поскольку именной иероглиф одного правителя позднего классического периода повторяется на панели дворца Ч'ич и на ступенях монументальной лестницы группы Циб; именно эти две группы прямо связаны одной из «сакбе». Кроме того, иероглиф, повторяющийся в Ошккитокке и, кажется, характерный только для этого города, был найден в трех архитектурных комплексах, и это дает нам возможность предположить, что он являлся обозначением места поселения или некоторых из правящих в нем родов.

Мощная дорога, начинающаяся от группы Май в северном направлении, сливается с главной «сакбе», соединяющей Ах-Кануль и Циб, являясь, таким образом, простым ответвлением в сети дорог. Группа Май имеет несомненно меньшее значение в позднем классическом периоде, чем другие соседние группы, где зданий больше, они более грандиозны, а скульптуры более многочисленны; с другой стороны, то, что лишь в этой группе были найдены жилые помещения, подтверждает гипотезу о функциональной специализации соответствующих социальных сегментов.

В заключение отметим, что, когда был завершен четвертый сезон археологических исследований Проекта Ошккиток, стала более ощутимой предполагаемая связь между формальными различиями в группах зданий, с одной стороны, и их взаимоотношениями социального и идеологического характера — с другой. У нас есть твердое убеждение, что по мере того как будут разворачиваться работы в этом и других секторах города, модель таких зависимостей станет более очевидной и понятной.

Мигель Ривера Дорадо

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1991 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНДИИ В ЗАПИСКАХ ФА СЯНЯ И СЮАНЬ ЦЗАНА

«Записки» («цзи») китайских буддистов-паломников Фа Сяня («Фо го цзи» — «Записки о буддийских странах») и Сюань Цзана («Да Тан си юй цзи» — «Записки о западных странах, составленные при великой династии Тан») возникли в итоге совершенных ими паломничеств в Индию в V и VII вв. Эти сочинения являются важнейшими источниками, отражающими период истории Индии V—VII вв., слабо представленный в собственно индийских источниках, а также содержат описания некоторых областей Центральной и Средней Азии, лежавших на пути паломников. Паломнические записки разнообразны по содержанию, и соответственно в исследованиях, посвященных отраженным в них регионам, они используются большим «спросом» в качестве исторических источников. Из этих сочинений берется также материал, относящийся к более ранним периодам истории Индии (особенно истории буддизма), часто используется возможность сопоставления сообщений о V и VII веках.

К паломнической литературе обычно обращаются с целью извлечения определенной информации, отдельных сообщений, включаемых в контекст теоретических построений в разного рода исследованиях. В связи с этим встает задача показать характер этих текстов, который накладывает определенные ограничения на их информативность, поскольку содержание паломнических записок определенным образом исторически и культурно обусловлено и их форма строится на основе существовавших литературных традиций.

Паломническая литература в этом отношении представляет особые трудности. Проникновение буддизма в Китай на протяжении первых веков нашей эры и распространение его в этой стране представляло собой сложный процесс усвоения элементов иной, индийской культуры. Это соприкосновение двух культур повлекло за собой формирование особой, китайской разновидности буддизма, влияние буддизма в разных сферах китайской культуры, возникновение китайской буддийской литературы — как переводов с санскрита, так и собственно китайских сочинений, в том числе — сочинений о паломничествах в Индию. Подобные паломничества явились выражением наиболее тесного и непосредственного культурного контакта, а паломническая литература представляла собой сложное явление, поскольку, с одной стороны, принадлежала китайской культуре и литературе по своему происхождению, форме, выраженному в ней восприятию и своей дальнейшей судьбе, но с другой стороны, имела источником своего содержания культуру (и часто литературу) Индии.

В данной работе предпринята попытка составить представление о самой паломнической литературе и ее особенностях, как отражающей ки-

тайские традиции в составлении текстов и восприятие действительности с точки зрения китайца-паломника. Поскольку сообщения Фа Сяня и Сюань Цзана обычно сопоставляются в стремлении показать изменения, происшедшие в период с V по VII в., кажется целесообразным также в сопоставлении рассмотреть и сами эти тексты, тем более что различия между ними обусловлены не только разницей исторических эпох, но и иным подходом к составлению текста и его адресованностью.

История изучения записок паломников в Европе началась с появлением первых переводов во второй четверти XIX в. Во второй половине XIX — начале XX в. была создана серьезная основа для изучения паломнической литературы как источника. Работа велась в направлении совершенствования перевода и интерпретации текста, что в особенности проявилось в целой «истории переводов» текста Фа Сяня: появлении после первого перевода Абель-Ремюза «конкурирующих» друг с другом работ С. Била, Х. Джайлза, Дж. Легга и в развернувшейся полемике вокруг проблем интерпретации текста при весьма плодотворном участии Т. Уоттерса¹. Отличительной чертой «старой» историографии, внесшей неопределимый вклад в изучение паломнических записок, являлась универсальность во владении материалом (так, Т. Уоттерс свободно ведет анализ текста с помощью нескольких языков), тщательность работы с оригинальным текстом; в отдельных исследованиях разрабатываются конкретные проблемы на основе этих источников. Эти работы способствовали введению в научный оборот сообщений паломников: так, в них рассматриваются проблемы идентификации географических названий, обозначения расстояний; с целью «испытания на точность» сообщений паломников проводятся сравнения с материалами археологии (например, в работах А. Фуше, Сталь-Гольштейна)². Ссылки на тексты Фа Сяня и Сюань Цзана появляются в исследованиях по истории буддизма, затем — в обобщающих работах по истории Индии³.

В современной историографии использование этих источников расстворено в необозримом количестве исследований, самых разных по характеру и тематике. Заметен также переход от фундаментальной работы с текстами, присущей старой историографии, к эпизодическому обращению к ним при использовании для теоретических построений в современных исследованиях. Вследствие этого возникает противоречие между широтой применения этих источников и устарелостью текстологической

¹ *Abel-Rémusat, Klaproth, Landresse. Fa-heen. Foe kouéki, ou relation de royaumes bouddhiques. P., 1836; Hiouen-Tsang. Mémoires sur les contrées occidentales / Trans. par S. Julien. T. 1—2. P., 1857; Si-Yu-Ki. Buddhist records of the Western World / Tr. by S. Beal. V. 1—2. L., 1884—1886; Watters T. Fa-Hsien and his English Translations // China Reviews. 1879/1880. V. 8. P. 107—116, 131—140, 217—230, 277—284, 323—341; A record of the buddhistic kingdoms / Trans. by J. Legge. Oxf., 1886 (N. Y., 1965); The travels of Fa-hsien (399—414 A. D.) / Retransl. by H. A. Jiles. L., 1923 (1956); Watters T. On Yuan Chwang's Travels in India. V. 1—2. 1904—1905.*

² *Foucher A. Note sur l'itinéraire de Hiuen-Tsang du Gandhara // Congrès international des orientalistes. P., 1897. Sect. 1. P. 151—169; Vost W. The lineal Measures of Fa-hian and Yuan Chwang // JRAS. 1903. P. 65—107; idem. Identifications on the region of Kapilavastu // JRAS. 1906. P. 553—586; Fleet J. E. The yojana and the li // JRAS. 1906. P. 1011—1012; Cunningham A. Ancient geography of India. Calcutta, 1924; Сталь-Гольштейн А. фон. Сюань Цзан и результаты современных археологических исследований // ЗВОРАО. Т. XX. СПб., 1910.*

³ *Минаев И. П. Буддизм. Материалы и исследования. Вып. 1. СПб., 1887. С. 30, 32, 198, 202, 204—205; Rhys-Davids T. W. Açoka and the Buddha-relics // JRAS. 1901. P. 397—410; Smith V. A. The early history of India. Oxf., 1957 (1924). P. 170, 311—315, 360—365, 472, 484; Grousset B. Sur les traces du Buddha. P., 1929.*

работы, которая с ними прежде проводилась: большинство индологов ссылаются на переводы С. Била и С. Жюльена середины прошлого века. Отрыв использования источника от текстологической работы с ним происходит также вследствие характера самих текстов, а именно принадлежности их по языку и другим особенностям не к той культуре, о которой они содержат сведения; это противоречие сказывалось и на старых работах (ср. преимущественно «буддологический» перевод С. Била («Fo го цзи») и преимущественно «китаистический» перевод Х. Джайлза).

Выяснение характерных черт этих сочинений особенно важно в связи с тем, что сообщения паломников определенно накладывают свой отпечаток на представления о соответствующих периодах истории Индии, слабо освещенных в индийских текстах. Многие описания паломников стали «ходячими» в историографии (особенно индийской), в то время как изъятие их из контекста бывает небезболезненным: так, особые тенденции, свойственные сочинению Фа Сяня, послужили причиной полемики о времени начала упадка буддизма в Индии⁴. Характерно также использование этих источников при разработке тех тем, для которых они действительно насыщены реальной, «лежащей на поверхности» информацией (историческая география, монастыри, упадок городов и т. п.), в то время как мало уделялось внимания той информации, которая являлась производной самого восприятия авторов и играла определенную роль в структуре текстов. Мало привлекался материал обрядов и буддийских легенд; эти тексты вообще редко рассматриваются в религиоведческом аспекте, хотя с этой точки зрения они чрезвычайно богаты материалом⁵.

Паломническое движение из Китая в Индию началось в конце III в. н. э. и было вызвано самим «иноземным» характером новой для Китая религии — буддизма, стремлением к ее первоисточкам, а также трудностями, возникшими в ходе развития китайского буддизма (отсутствие многих канонических текстов, проблемы перевода текстов с санскрита на китайский).

К этому времени буддизм в Китае уже фиксируется как устойчивое явление. Занесенный сюда миссионерами-иностранцами, происходившими в основном из центральноазиатских «буддийских стран» (парфиянами, согдийцами, юэчжами), а также побывавшими в этих областях китайцами — императорскими посланниками, буддизм укоренился в китайских городах, имевших наиболее оживленные внешние связи⁶. На вторую половину III в., давшую первую волну паломнического движения, приходится период подъема буддийской религии в Китае в условиях стабильности внешних связей и государственной власти. После некоторого спада особенное развитие это движение приобрело в V в. — именно тогда было совершено паломничество Фа Сяня, первого из паломников, записки которого сохранились до нашего времени. Необходимым условием, определившим возможность паломнического движения, было развитие торговли по Великому шелковому пути, которая активизировалась во II—III вв. и «проложила дорогу» паломникам; также необходимо упомянуть путешествия императорских посланников, начиная с Чжан Цяня, и составление по их материалам «описаний Западного Края».

⁴ *Joshi L.* Studies in the buddhistic culture of India (During the 7th and 8th centuries A. D.). Delhi, 1967. P. 379—386; *Datt S.* Buddhist monks and monasteries in India. L., 1963. P. 25, 28; *Mitra R. C.* The decline of Buddhism in India. Calcutta, 1954.

⁵ *Самозванцева Н. В.* Формирование представлений об истории в буддийской традиции Индии // Буддизм. История и культура. М., 1989.

⁶ *Zürcher E.* The buddhist conquest of China. Leiden, 1959. P. 22—26, 40—41.

Паломничества в Индию стали необходимы вследствие достижения буддийским религиозным движением в Китае той стадии зрелости, когда возникла потребность в серьезном изучении первоисточников, приобретении оригинальных буддийских текстов. Главная цель, которой руководствовался в своем паломничестве Фа Сянь, — это приобретение текстов Винаи, дисциплинарного раздела буддийского канона, а также собрание сведений об уставах монастырей и обрядах, соблюдавшихся буддистами Индии⁷. Нехватка текстов Винаи и вообще сведений о монастырских уставах в то время действительно остро ощущалась в китайских монашеских общинах, полных же текстов Винаи не было совсем; впервые они были доставлены Фа Сянем (Виная махасангхиков, сарваствивадинов и махипасакаков⁸) и — когда Фа Сянь уже отправился в путь — Кумарадживой. Однако следует заметить, что его поиск буддийских текстов имел целенаправленный характер не только в отношении собрания текстов Винаи: так, он привез Диргхагаму и Самьюктагаму (хинаянские сборники сутр), которых не доставало в Китае (для полноты хинаянской Сутрапитаки) после переводов Мадхьямагамы и Эктоттарагамы⁹.

Фа Сянь отправился в путь из Чанъани в 399 г., в правление династии Поздняя Цинь, под властью которой находилось одно из небольших государств Северного Китая, образовавшихся после распада империи Ранняя Цинь. Его путь лежал через буддийские центры Восточного Туркестана — Дуньхуан, Кучу, Хотан; затем он через горные области Каракорума проник в Северо-Западную Индию, далее пересек Инд и следовал через Матхуру, Канаудж; затем, двигаясь вниз по долине Ганга, обошел многие священные для буддиста места — побывал в Шравастии, Капилавесту, Кушинагаре, Вайшали, Паталипутре, Раджагрихе, Гае, Варанаси. Из Варанаси он вновь возвратился в Паталипутру и «пробыл здесь три года, изучая санскритские тексты и санскритский язык». Затем он шел вниз по Гангу до Тамралипти, морским путем достиг Цейлона и, держа обратный путь в Китай, совершил трудное плавание на торговых судах с заходом на Яву.

Фа Сянь пробыл в странствиях 15 лет. Его путешествие по Северной Индии произошло в период империи Гупт — время, весьма благоприятное для совершения паломничества. Он вышел из Чанъани в возрасте 82 лет. Его биография, содержащаяся в каноническом тексте «Жизнеописаний знаменитых монахов»¹⁰, скудно освещает предшествовавший период его жизни. Известно лишь, что он был отдан трехлетним ребенком в монастырь; другие детали его биографии легендарны и типичны для буддийской агнографии. Фа Сянь, таким образом, всю свою жизнь провел в монастырях, что сильно ощущается в его повествовании. В его «Записках» присутствует концовка, в которой неким его слушателем высказана претензия на авторство всего текста; однако стиль этого отрывка, более вычурный по сравнению с простым языком остального повествования, указывает на его принадлежность другому автору¹¹.

По сравнению с короткой биографией Фа Сяня в «Гао сэн чжуань» жизнеописание Сюань Цзана представляет собой отдельный большой

⁷ «Фа Сянь из Чанъани, будучи обеспокоен ущербным состоянием книг Винаи (в Китае)... отправился в Индию для изучения установления Винаи» (Фо го цзи, I).

⁸ Фо го цзи XXXVI, XL.

⁹ Фо го цзи XL; *Zürcher*. Op. cit. P. 204.

¹⁰ *Houei-kiao*. Biographies des moines éminents (Kao-Seng-tchouan) de Houei-kiao / Ed., trad. et annot. par R. Shin. Louvain, 1968. № 32.

¹¹ *Fa-n sien*. A record of Buddhistic Kingdoms. P. 116.

текст, составленный его учеником Хуэй Ли. Однако большей частью здесь дублируется содержание «Записок», в результате этого ранняя биография Сюань Цзана изложена также достаточно кратко, но с обычными подробностями легендарного характера. Согласно этой биографии, Сюань Цзан до 13 лет воспитывался и получал образование в семье, принадлежавшей к аристократическому роду. В 13 лет он стал послушником в Лояне. Целью паломничества Сюань Цзана, согласно его биографии, было приобретение текста «Йогачарабхумишастры», основополагающего философского сочинения махаянской школы йогачара: Сюань Цзан, в отличие от Фа Сяня, специализировался по литературе Абхидхармы.

Сюань Цзан совершил свое паломничество в период начинавшегося подъема Танской империи, в правление Тайцзуна, вступившего на престол в 626 г. Западные границы империи вследствие внешнеполитических осложнений были закрыты, и паломнику пришлось пересечь границу втайне от властей. Выйдя из Чанъани, Сюань Цзан направился по северному ответвлению Великого шелкового пути — через Дуньхуан, Кучу, Термез, Балх; далее он миновал Гиндукуш и следовал через Гандхару, Кашмир и затем по направлению к долине Ганга, где посетил все священные для буддиста города. Пять лет он провел в Магадхе, в монастырях Наланды, работая над буддийскими текстами под руководством Шилабхадры (школа йогачаров). Далее он совершил поход до южной оконечности Индии и собрал здесь сведения о Цейлоне. Обратный путь его лежал через Удждайни, Синдх; затем по южной ветви Шелкового пути — через Хотан — он вернулся в Чанъань.

Сюань Цзан пробыл в странствиях по Индии 16 лет (629—645). Для Индии это время было примечательно возникновением больших государств: государства Харши — на севере, Чалукьев, Паллавов и Пандьев — в Декане и Южной Индии. Таким образом, политическая ситуация благоприятствовала пребыванию здесь пилигрима; Харша, кроме того, покровительствовал буддизму. Сюань Цзан, по его собственному утверждению, имел встречу с Харшей.

Поздний период его деятельности сыграл значительную роль в истории китайского буддизма. Сюань Цзан выполнил переводы большого количества буддийских текстов по разделу абхидхармы, разрабатывал принципы перевода; он считается основателем школы, соответствующей йогачаре, в Китае¹². Он оказал значительное влияние на взгляды Тайцзуна, у которого бывал принят, их отношения отразились на религиозной политике императора¹³. Согласно традиции, Сюань Цзан составил «Записки» в 658 г. по указанию Тайцзуна, однако несомненно, что записи о посещенных местах, содержащие множество конкретных сведений, велись им во время паломничества.

Небольшие записки Фа Сяня и весьма обширные (12 цзюаней) записки Сюань Цзана в первую очередь разнятся по объему, по выраженной в них широте интересов и разнообразию сообщаемого материала. В составлении текста Фа Сянем главным образом проявился его интерес к монастырской жизни, обрядам, монашеским празднествам. Особенности его повествования наиболее ясны при сравнении с текстом Сюань Цзана.

¹² Подробнее об этом: *Дэгданов Г. Б.* Школа фасян в истории китайского буддизма // *Источникведение и историография истории буддизма. Страны Центральной Азии.* Новосибирск, 1986. С. 100—109.

¹³ *Perspectives on the T'ang / Ed. A. F. Wright and D. Twitchett.* New Haven — London, 1973. P. 243—257, 265—296.

Сочинение Сюань Цзана отличает не только многогранность его интересов и разнообразие представленного материала, но и особая систематизированность изложения, подчиненного строгой схеме. Общая схема изложения обычна для паломнических записок и вообще для китайских географических сочинений: это движение от одной «страны» (го) к другой с указанием расстояния и направления пути. Повествование о каждой такой «стране» автор ведет в определенном порядке: сначала описание страны в целом (иногда он этим и ограничивается), затем — движение внутри страны от одного места к другому (города, ступы, монастыри и т. д.) с рассказом о связанных с этими местами легендах и обычаях.

Наиболее схематична первая часть описания страны — ее общая характеристика по заранее определенным признакам, которые могут быть представлены не в полном виде, однако последовательность их в принципе постоянна (далее в таблице: Т — размеры территории, С — столица, Л — ландшафт, З — земли и их богатства, К — климат, Н — нравы жителей, О — одежда, П — письменность, Я — язык, Б — развитие буддизма, И — «иные верования»).

Болор	Т	Л	З	К	Н	О	П	Я	Б	Каушамби	Т	С	З	К	Н	Б	И			
Джаладхара	Т	С	З	К	Н	Б	И			Шравасты	Т	С	З	К	Н	Б	И			
Матхура	Т	С	Л	З	К	Н	Б	И		Андхра	Т	С	Л	З	К	Н	Я	П	Б	И
Брахмапура	Т	С	Л	З	К	Н	И			Балх	Т	С	З	Б						

Эта часть описания страны выглядит достаточно формально, автор кратко отвечает на заранее поставленные вопросы, причем форма ответа также чаще всего шаблонна. В его манере изложения заметно влияние традиций китайских географических описаний, сложившихся в рамках «династийных историй». Авторы «историй» также начинают с расположения страны (расстояние от Чанъани, от ближайших владений с четырех сторон света и т. п.). Подобно историкам и (употребляя ту же терминологию), Сюань Цзан отмечает наличие естественных границ страны, подчиненность ее (шу) другой стране. Таким же образом набор далее следующих характеристик близок к используемому в «династийных историях»: «ландшафт» — туди (обычный термин для географических разделов «историй»), «климат» — цисюй (в «историях» — фэньци, туци, ци), «одежда» — ифу, «язык» — яньюй. Обозначения для нравов и обычаев населения у Сюань Цзана — фэньсу, редко — су — наиболее близки к употребляемым в современных ему трактатах «Суйшю» и «Бэйши» (фэньсу, су, в других «историях» обычно — су). Подобно автору «Саньгочжи», Сюань Цзан различает «нравы» — фэнь су, «характер людей» — жэньсин и «облик людей» — жэньсин. Так же как историки, «хорошие» нравы он назовет «простыми, безыскусственными» (чжичжи), «плохие» — «грубыми и злобными» (ганъэ), «храбрыми и жестокими» (юнмэн)¹⁴. Характерна и манера Сюань Цзана приравнивать (тун) приметы одной страны к другой.

Авторы «историй» приводят цифры, отражающие численность населения, семей и войска. Сюань Цзан сохраняет эту традицию, однако подсчитывает не войска, а количество монастырей и монахов, с одной стороны, и количество «иноверцев» (идао) и их храмов — с другой. Как видно, заимствуя эту «статистическую» традицию, Сюань Цзан приспособливает ее для буддийского по содержанию сочинения. Также и встречающиеся у

¹⁴ Баль Гу. Ханьшу. Т. 19. Шанхай, 1962. С. 3901; Фань Е. Хоуханьшу. Т. 14. Пекин, 1965. С. 2919, 2928; Чэнь Шоу. Саньгочжи. Т. 2. Шанхай, 1959. С. 846.

историков обозначения для смешанного в этническом отношении населения (цзацзюй) используются у Сюань Цзана для характеристики смешанного по верованиям населения.

Таким образом, Сюань Цзан заимствует из географических разделов «династийных историй» (в свою очередь продолжающих имеющую глубокую историю традицию китайских географических сочинений) сам принцип описания страны по единообразным признакам; терминология автора близка к употребляемому в «историях». Однако его схема описания страны характерна исключительно для своего автора: он делает ее более разработанной и жесткой, выстраивая в определенном порядке «климат», «правы», «верования» и т. п. и сводя свои характеристики к предельному лаконизму и шаблону. Используя элементы, заимствованные из географических обзоров «историй», Сюань Цзан строит из них свою систему описания.

В записках Фа Сяня проявились те же традиции, однако далеко не в таком развитом виде: это повествование «от страны к стране», указание (далеко не всегда) числа монастырей и монахов, редкие упоминания одежды жителей и ее сходства с одеждой в другой стране. Помимо разницы во времени, на форму, которую приобрели сочинения того и другого автора, повлияли другие обстоятельства. Сюань Цзан составил свои «Записки» для представления их императору, что должно было способствовать написанию этого труда в достаточно официальном духе, придерживаясь традиций, выработанных в отчетах императорских посланников о посещенных ими в странах и в официальных «историях». На стремление к подражанию этой традиции указывает также название, которое Сюань Цзан дал своему сочинению: «Записки о Западном Крае» («Си юй цзи»), подобно «Описаниям Западного Края» («Си юй чжуань») в «историях». Напротив, записки Фа Сяня, как видно в связи с уже отмеченной спецификой их содержания, были адресованы преимущественно монашеской среде.

Глубокое знание конфуцианской литературы, в том числе трудов историков, было естественно для Сюань Цзана, происходившего из аристократической семьи; к тому возрасту, когда он был принят в общину, он уже должен был получить основы конфуцианского образования. Кроме того, у Сюань Цзана был особый интерес к историкам: в его биографии упоминается, что он любил их перечитывать, уже будучи монахом¹⁵. Сочинение Сюань Цзана вообще несет на себе печать блестящей образованности, как конфуцианской, так и буддийской, что проявляется в его эрудиции, традиционности построения текста, в стиле изложения и богатстве языка. Более скромный труд Фа Сяня отличается довольно однообразной лексикой, простотой слога и безыскусственностью повествования, которая, однако, придает его запискам особую притягательность. В отличие от отстраненного изложения Сюань Цзана Фа Сянь часто переходит к непосредственному рассказу о событиях паломничества и чувствах, переживаемых странниками в пути; в рассказе Фа Сяня уделяется внимание и судьбам его спутников. В этом смысле сочинение Фа Сяня выглядит именно как записки паломника, а Сюань Цзана — как обстоятельный трактат о посещенных странах.

Для Фа Сяня характерны необычные представления о центре цивилизации, казалось бы, невозможные для китайской культуры его времени. «Срединной Страной» («Чжунго») он называет не Китай, а Северную Индию, употребляя это название как перевод санскритского «Мадхьядеша». «Сере-

¹⁵ *Beal S. The Life of Hiuen Tsiang. By the shaman Hwui Li / Trans. S. Beal. L., 1911. P. 41.*

диной мира» в его сознании становится место жизни Будды: «И вот Фа Сянь и Дао Чжэн подошли к вихаре Джетавана, размышляя: „В прежние времена Почитаемый в Мире прожил здесь 25 лет. (Мы же) сами, к несчастью, рождены в окраинной стране. (Много нас) вместе отправилось в странствия. Кто-то вернулся назад, иные (погибли в пути), не достигнув вечной жизни. И наконец сегодня видим опустевшее место, где (жил) Будда“»¹⁶. «Окраинной Страной» (бянь ди) называет свою родину спутник Фа Сяня Дао Чжэн, который не пожелал вернуться из Индии¹⁷. Фа Сянь, однако, стремился к возвращению, желая «донести правила Винаи до Ханьских Земель». Известен эпизод с белым шелковым веером, увиденным им на Цейлоне и вызвавшим воспоминания о родной стране¹⁸. Как видим, в мировоззрении Фа Сяня ощущается еще характерное для его времени противопоставление «буддийской культуры» и «китайской культуры», выразившееся и в его внутреннем разладе — одновременном стремлении к родине Будды и к своей собственной родине. Напротив, ко времени жизни Сюань Цзана можно уже говорить о сложившихся до определенной степени традициях китайского буддизма и о синтезе его с культурой конфуцианской — соединение тех и других традиций заметно в его тексте: он соединяет буддийское содержание с выработанной в конфуцианских «историях» формой описания, как бы развивая традиции китайской географической литературы в рамках литературы буддийской.

Ввиду постоянного использования в различных работах отдельных изъятых из контекста сообщений паломников желательнее составить представление о месте этих сведений в тексте, принципах их отбора и истолкования, их зависимости от общего характера сочинений и выраженного в них мировосприятия. Широкое хождение в литературе имеет также представление о паломнических записках (в особенности записках Сюань Цзана), как очень точных в передаче своих сообщений и исходящих из сугубо рационалистических принципов в описании стран. Схематические описания Сюань Цзана действительно выглядят очень обстоятельными и (видимо, благодаря включению числовых данных) точными. Именно из этой части текста Сюань Цзана и более простых по строению соответствующих описаний Фа Сяня наиболее часто черпаются факты в исторических исследованиях.

Нами были рассмотрены структура текста паломнических записок, терминология и ее истоки в китайской литературе. Попытаемся далее проследить ту внутреннюю логику изложения, которая руководит передачей сведений о странах и лежит в основе охарактеризованной схемы описания.

В записках Фа Сяня сообщения, не касающиеся монастырской жизни, довольно скудны и часто недостаточно определены. На основании этого источника трудно делать наблюдения о каких-либо политических взаимоотношениях, представления о которых слабо выражены в том «буддийском» облике Индии, который обрисовывает Фа Сянь. О власти Гупт нет никакого упоминания в записках Фа Сяня, в отличие от Сюань Цзана, с его более рационалистическим (в данном отношении) подходом, который дает представление о власти Харши и часто отмечает подчиненность одного владения другому.

В восприятии Фа Сяня Индия предстает как некая идеальная «буддийская» страна, которую он видит только под углом зрения буддизма, что

¹⁶ Фо го цзи XX.

¹⁷ Фо го цзи XXXVI.

¹⁸ Фо го цзи XXXVIII.

оказывает влияние на его характеристику индийского общества. Единственное короткое рассуждение в его записках, касающееся устройства государства и общества (и часто используемое для иллюстрации процветания государства Гупт), долженствует как раз показать «идеальность» этой «буддийской страны» и гуманность ее правителей: «В Срединной Стране (чередование) холода и тепла благоприятно и не бывает снега. Население благоденствует, и нет такого, чтобы дворы были отданы в управление чиновникам. Возделывающие царскую землю выплачивают с земли ренту. Если нужно уйти — уходят, если нужно жить на месте — живут. А если есть нарушители законности — на них налагается штраф в зависимости от вины, легкий или тяжелый; зачинщику смуты всего лишь отсекают правую руку. Царские охранники и помощники все получают жалованье. Жители этой страны не убивают живых существ, не пьют вина, не едят лука и чеснока — все, кроме чандалов. Чандалами же называют людей недобрых, живут они от прочих отдельно и, если заходят в город, на базар — то стучат по деревяшке, чтобы оповестить о себе, — люди слышат и сторонятся их, и с ними не общаются. В стране не едят свиней и кур, не продают живности, а на базарах нет мясных лавок и пивных. Для торгового обмена используют раковины. Только чандалы охотятся, ловят рыбу и продают мясо»¹⁹.

В данном отрывке, необычно информативном для Фа Сяня, наиболее реалистична — и значима для своего времени — характеристика чандалов. Некоторые утверждения этого текста основаны, видимо, на единичных впечатлениях и случайно полученных сведениях, из которых были поспешно сделаны обобщения: например, курьезное сообщение об использовании в Индии лишь раковин для торгового обмена. «Наблюдение» о несвязанности жителей с определенной местностью также выглядит неправдоподобно. Это описание в целом выполнено с точки зрения тех недостатков, которые автор усматривает в своей стране, и, таким образом, выражает его взгляды на общество. Кроме того, этот отрывок находится в контексте, непременно требующем идеализирующего подхода в описании. Общая характеристика Индии построена по схеме: почитание буддизма царями — хороший климат — добродетель царей и хорошие законы — добропорядочность жителей — дарения общине и монастырские обычаи; автор начинает с буддизма и заканчивает сведениями о буддизме, и таким образом эти краткие сведения об общественном устройстве находятся в контексте рассказа о буддизме в Индии и подчинены этой последней теме.

В целом в записках Фа Сяня способ отбора и интерпретации сведений об Индии достаточно прост, будучи всецело подчинен логике описания страны с точки зрения буддизма. Сообщения Сюань Цзана не только более разнообразны и, как было показано, расположены в строгом порядке, но и подчинены более сложной логике и особому пониманию связей между описываемыми явлениями.

Мы видели, что Сюань Цзан разработал свою схему описания стран на основе тех традиций, которых придерживались авторы географических разделов «династийных историй». Однако он придерживается порой противоположных оценок и не боится войти в противоречие с официальными «историями», составленными незадолго до его сочинения, в правление того же Тайцзуна, — «Суйшу» и «Бэйши». Так, в своем описании Хотана «Суйшу» и «Бэйши» единогласно утверждают об отсутствии «добропорядочности и справедливости» в этой стране, отмечают склонность жителей к воровству и т. п.; Сюань Цзан совершенно в тех же словах (что свидетель-

¹⁹ Фо го цзи XVI.

ствуем о сознательном противопоставлении им своей точки зрения) отмечает «добропорядочность и справедливость» жителей²⁰. Понятно, что конфуцианские историки не видели противоречия между господством в стране «буддийской веры» и дурными нравами, для буддиста же такое сочетание было недопустимо. Однако Сюань Цзан не только предлагает иную оценку стран с точки зрения своей веры. Уже та строгая последовательность «признаков страны», которая разработана Сюань Цзаном, предполагает определенную «концепцию страны» и свое представление о соотношении ее признаков по степени их важности. Можно заметить, что характеристики, которые дает автор по каждому пункту описания страны, взаимосвязаны и стремятся к совместимости друг с другом (как и в случае с Хотаном) — совместимости согласно логике, присущей китайцу-паломнику.

В первую очередь заметно устойчивое «соответствие» между климатом и нравами населения страны. При переходе из одной «страны» в другую можно заметить иногда довольно неожиданные и курьезные «перемены климата» то к лучшему, то к худшему в соседствующих друг с другом городах, причем характер климата находится в прямом соответствии с характером живущих в этой области людей: «Климат мягкий, приятный; (жители) нрава прямого, бесхитростного» (Акни); «Климат ветренный, холодный; (жители) нрава грубого и воинственного» (Ташканд); «Климат очень жаркий, часты ураганы; (жители) нрава грубого и неуравновешенного» (Такка); «Климат мягкий, приятный; (жители) нрава доброго, покладистого» (Айодхья); «Климат очень жаркий; (жители) нрава грубого и свирепого» (Каушамби). В описании Болора эта связь выражена еще отчетливее: «Характер климата (ши син) холодный, характер людей (жэнь син) — дикий и жестокий». Эта соотнесенность «климата» и «нравов» отражает существовавшие в Китае представления о связи между тем и другим, которую можно проследить и в значениях иероглифа ци — «воздух», «атмосфера», «сезон», с одной стороны, и «дыхание», «настроение», «нрав», «темперамент», «характер», а также «манера», «стиль» — с другой²¹. У Сюань Цзана эта связь особенно отчетливо выражена и положена в основу построения географического описания: «климат» как бы завершает характеристику природы страны, с «нравов» начинается описание жизни людей, и таким образом то и другое становится связанным.

Другие «признаки страны» у Сюань Цзана также имеют тенденцию к соответствию, что приводит к целостности оценки самой страны как «благоприятной» или «неблагоприятной». Так, в уже упомянутом описании Хотана (у Сюань Цзана — Цзюйсатана, транскрипция от санскр. Кустана) земля очень плодородна, пригодна для выращивания злаков и фруктов (благоприятно), есть нефрит (очень благоприятно), климат умеренный и мягкий (благоприятно), жители привержены к справедливости и добропорядочны, по характеру мягки и почтительны (благоприятно), они склонны к учености и ремеслам (обычный у автора похвальный признак), большей частью носят не шерстяную, а шелковую одежду (признак цивилизованности), наделены благопристойной (ли) внешностью, их письменность — по образцу индийской, они глубоко чтут учение Будды, большинство — приверженцы Махаяны (крайне благоприятно)²². Почти все характеристики Сюань Цзана имеют смысл оценки, чему способствует и краткость этих характеристик, представляющих собой набор шаблонных словосочетаний: так, шелковая одежда является признаком цивилизованности,

²⁰ Да Тан ся юй цзи. С. 538.

²¹ Большой китайско-русский словарь. Т. 4. М., 1984. С. 532.

²² Да Тан ся юй цзи. С. 538—539.

одежда из кож и меха — признаком варварства; письменность лучше та, что «схожа с индийской», и т. п. Имея в виду оценочный смысл отдельных сообщений, можно представить описание Хотана следующим образом:

Т Л З К Н О П Я Б
+ + + + + + +

Примером противоположной картины может служить описание Парьятры; однако в следующем за Парьятрой описании Матхуры «минус» резко меняется на «плюс» по всем пунктам, чему соответствует и характер верований (преобладание буддизма). Если такое противопоставление культуры скотоводов и городской культуры Матхуры не представляло трудности, то следующий пример (описание двух областей в районе Кашмира) показывает «влияние» различий в вероисповеданиях на «различие» в общем облике «стран», близких по культуре и природным условиям:

Ураша	Пунача
<p>З «Пригодна для земледелия. Мало цветов и фруктов. К Климат теплый, умеренный; выпадает иней +/- и снег. Н В обычаях нет справедливости и добропорядочности. Характер людей грубый и свирепый. В большинстве коварны и лживы. Б Не верят в закон Будды»</p>	<p>З «Злаки сеют согласно сезону. + Цветов и фруктов много. К Климат теплый. + Н (Жители) права мужественно-го... Характер людей простой и безыскусный. Б Искренне веруют в „Три + Соковица“»</p>

Иными словами, географические описания Сюань Цзая по возможности стремятся к подобным схемам:

Т С З К Н и др. Б;   Т С З К Н и др. Б
+ + + + +   — — — — —

Как видно, искусственность и схематичность описаний Сюань Цзая проявились не только в последовательности этого описания, но и в его содержании. Конечно, действительность не всегда поддавалась подобной схематизации, и автор не мог избежать противоречий даже при той условности характеристик, которые он применяет. Для преодоления этих противоречий, помимо самой этой условности (как, например, обозначение нравов в Ураше и Пуначе — ведь об одном и том же можно сказать и «грубый», и «храбрый», и «простой»), автор использует разные приемы. Иногда он уходит от своей «точной» статистики — приводит все цифры, характеризующие развитие буддизма, в то время как об «иноверцах» упоминает лишь, что «проживают смешанно» (цза цзюй). В случае неразрешенности противоречия показательным также употребление иероглифа жань («но», «однако»), который указывает на то, что автор действительно видит противоречие, часто совершенно неочевидное для современного читателя: «Носят одежду из кожи и меха, но стремятся к вере и глубоко почитают Закон Будды»²³.

Также не всегда очевиден для современного читателя оценочный характер отдельных сообщений о странах, поскольку основан на ассоциациях, свойственных китайскому паломнику. Так, свою роль в «оценке» страны играют и сведения об обитающих здесь и разводимых человеком животных: «не замечая» столь характерных для Индии коров, Сюань Цзан стремится подчеркнуть наличие слонов; для «буддийских стран» Центральной Азии

²³ Да Тан си юй цзи. С. 533.

он отмечает коней, но не верблюдов и других животных. Это объяснимо: слон и конь, имевшие ассоциации с Буддой, почитались в буддизме и, таким образом, соответствовали представлению о «буддийской стране». Слон, кроме того, должен был вызвать у танского читателя впечатление южной экзотики, а конь вообще представлялся в Китае чудесным существом²⁴. Замечания Сюань Цзана о животных согласуются также с космологическими представлениями китайского буддизма, отраженными в предисловии к «Запискам» Сюань Цзана: здесь Индия названа «Страной Слонов», а «северные земли» (Центральная Азия) — «Страной Коней». Упоминания коней связаны и с подражанием географическим описаниям «династийных историй», поскольку они совпадают почти дословно. Коровы и овцы (рассматривавшиеся в Китае как низшие существа²⁵) упоминаются Сюань Цзаном только при описании «неблагоприятных» стран (Синдх, Парьятра²⁶). Таким образом, «благородные» и «неблагородные» животные также служат положительным или отрицательным признаком и вписываются в общий «облик страны» как имеющие ассоциации с добрыми и дурными нравами, «истинной» и «не истинной» верой. Эти сведения являются не столько отражением действительности, сколько своего рода знаком, отмечающим «благоприятность» страны или наоборот. В одном списке с реальными животными часто фигурируют и фантастические существа.

Высказанные наблюдения приводят к заключению, что «описания стран» в записках Сюань Цзана являются не только собранием разнообразных сведений о посещенных странах, но и выражением определенных представлений об устройстве мира; отдельные сведения становятся здесь необходимыми элементами этой картины мира и служат аргументами для доказательства ее истинности. Для автора характерен поиск гармонии, стремление к тому, чтобы отдельное сообщение гармонично вписалось в общий облик страны. Образ такой «гармоничной страны» целостен и складывается из согласованных друг с другом (исходя из представлений, свойственных китайскому паломнику) отдельных ее примет. В этой стране действие стихий и плодоносящие силы земли согласованы с деяниями и наклонностями населяющих страну людей, их внешним обликом, одеждой и письменами; «порождаемые землей» камни, растения и обитающие здесь животные, равно как и сверхъестественные существа, несут на себе добрый или недобрый знак, указывающий на «благоприятность» или «неблагоприятность» страны, а также на благую или неблагую веру. Эта картина вырисовывается в результате как намеренной систематизации явлений, так и произвольно выраженных ассоциаций. Центральным моментом, определяющим «лицо страны», становится характер вероисповедания. Каждое сообщение подобрано и вписано в общую картину населенного людьми «буддийского мира»; с этой точки зрения «Записки» Сюань Цзана выражают географические и космологические представления китайского буддизма, сложившиеся на основе как конфуцианских, так и буддийских традиций и сведенные Сюань Цзаном в детально разработанную картину. В результате описание стран в его записках достаточно искусственно благодаря небольшому и заранее определенному количеству вариантов для характеристики каждого ее признака, а также принципу согласованности этих характеристик. В каждом случае получается мозаичная картина, составленная из ограниченного набора готовых элементов, которые разным образом комбинируются. Хотя их подбор, конечно, производится исходя из действительности, отражение

²⁴ Шефер А. Золотые персики Самарканда. М., 1981. С. 88, 118.

²⁵ Там же. С. 107—108, 110.

²⁶ Да Тан си юй цзи. С. 164, 498—499.

этой действительности сковано рамками заданной формы и избеганием нежелательных ассоциаций.

В заключение необходимо сделать некоторые замечания относительно числовых данных паломнических записок, а также передачи географических названий.

Количество монастырей, видимо, бывает в текстах преувеличено: из некоторых мест в записках можно понять, что сюда зачислены и заброшенные монастыри²⁷. Следовательно, в называемое для каждой области число могут быть включены как монастыри, существовавшие во времена паломничества, так и существовавшие в прошлом. Эти цифры не всегда с точностью отражают развитие буддизма в отдельных областях в VII в. На основании статистических данных Сюань Цзана (количество монастырей и монахов) возможно делать приблизительные выводы о сравнительном развитии буддийских монастырей в отдельных областях, с известными оговорками. В работах А. Баро из этих данных выводятся чрезмерно сложные построения; автор пытается представить себе количественное соотношение махаянистов и хинаянистов в Индии, а также общую численность монахов разных сект²⁸. Однако такое уверенное отношение к цифрам паломников и свободное оперирование ими является неоправданным. На основании этих чисел трудно составить общее число, например, махаянистов, поскольку Сюань Цзан далеко не для каждой области Индии указывает направление буддизма, а называет лишь вообще число буддийских монахов; кроме того, во многих случаях не дается и определенного числа, а говорится только «много» их или «мало», «больше» или «меньше», чем «иноверцев», или же они «живут вперемешку» (цза цзюй) с «иноверцами». Для далеко идущих построений подобная статистика имеет слишком случайный и приблизительный (сами цифры приблизительны) характер, который ставит для ее использования определенные границы.

Проблемам передачи географических названий в сочинениях паломников, восстановлению этих названий из китайских транскрипций и отождествлению их с определенными городами и местностями посвящена большая литература. Здесь мы остановимся лишь на некоторых наблюдениях, в основном касающихся особенностей географических сведений, происходящих от общего характера текстов и особых установок их авторов.

Обычно понимается, что Фа Сянь посетил все описанные им «страны» и города, кроме Дакшины (Декан), о чем автор делает оговорку: «Фа Сянь не ходил туда — что здешние жители рассказывают, то и передает»²⁹. Однако кажется очевидным, что из описываемых городов он не посетил также и Такшашилы, хотя обычно его посещение Такшашилы не подвергается сомнениям³⁰. Его короткая заметка о Такшашиле помещена в тексте после «страны Гандхары» и перед «страной Пурушей» (Пурушапура); Такшашила находилась далеко в стороне от этого маршрута и, кроме того, по другую сторону Инда, который паломник пересек значительно позже и южнее. После «страны Такшашилы» рассказ продолжается указанием расстояния от «страны Гандхары» до Пурушапуры, — таким образом, Такшашила выпадает из описываемого маршрута. Представление о посещении этого города Фа Сянем приводило и к недоразумениям:

²⁷ Да Тан си юй цзи. С. 218.

²⁸ *Bureau A. Les sectes Bouddhiques du Petit Véhicule. Saigon, 1955. P. 298; Bureau A., Schubring W., Fürer-Haimendorf Ch. Die Religionen Indiens. III. Buddhismus. Jinismus. Primitivvölker. Stuttgart, 1964. S. 75—77. 109, 127.*

²⁹ Фо го цзи XXXV.

³⁰ *Cunningham. Op. cit. P. 22; Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958. С. 67.*

например, Дж. Легг не считал возможным отождествлять Такшашилу с Таксилой греческих авторов, опираясь на текст Фа Сяня³¹.

Упоминание Такшашилы необходимо было паломнику ради находившихся там, как ему, видимо, рассказывали, двух ступ, которые объединялись под общим названием «Четыре Великие Ступы» с двумя посещенными им в Гандхаре и в «стране Сухэдо» (в долине р. Сват); все четыре ступы посвящены легендарным событиям джатак³² (рассказов о «прежних рождениях» Будды). Название города (транскр. Чжусашило) автор переводит как «отсечение головы» и, следовательно, читает его иначе, чем обычно — как «Такшашира» (в китайской транскрипции санскритские слоги «ла» и «ра» обычно равным образом передаются через «ло»). Такая трактовка названия города позволила ему связать это название с находившейся там (согласно Фа Сяню и Сюань Цзану³³) ступой «отсечения головы бодисатвы». Потребность продолжить рассказ о ступах и вызвала необходимость включить «страну Такшаширу», через которую не проходил маршрут паломника, в его повествование.

Паломники ведут рассказ согласно своему передвижению, от одной буддийской святыни к другой. Это направление интереса сказалось и на передаче некоторых географических названий Сюань Цзаном. Так, Т. Уоттерса удивляло, что «Тивэй» и «Поли» — названия городов в «стране Фухэ» (Балх) — отождествляются с помощью других китайских текстов с именами персонажей легенды о сооружении первых буддийских ступ — Трапуша и Бхаллика, и вряд ли они могли быть названиями городов³⁴. Сюань Цзан действительно рассказывает здесь же легенду о первых буддийских ступах, причем каждая из них, согласно его утверждениям, находилась в одном из этих городов (имен персонажей он не называет)³⁵. Можно предположить, что он переносит название ступы, связанное с именем легендарного строителя, на весь город: «город (ступы) Трапуши» и т. п. Встретившееся в другом месте текста не совсем понятное название — «Субидофолацы»³⁶ кажется построенным по такому же принципу. С. Жюльен и С. Бил предлагают санскритские соответствия для всей этой группы пероглифов, понимая их как транскрипционные³⁷. Т. Уоттерс отмечает, что последний знак скорее употреблен в собственном значении «храм», и предлагает свое понимание названия города — «Храм Шветавата»³⁸. Кажется более убедительным второе толкование, однако можно усомниться в том, что здесь мы имеем дело с действительным названием города. Скорее это «название» следует понимать как «город, (в котором находится) храм Шветавата». Видимо, Сюань Цзан иногда называет город по этому принципу, исходя из того, что в городе для него наиболее важно отметить.

Записки китайских паломников с точки зрения источниковедения ставят много проблем, в частности — передачу индийской традиции и т. п. Здесь были затронуты лишь некоторые вопросы, связанные с передачей историко-географических сведений.

Н. В. Самозванцева

³¹ *Fa-hsien*. Op. cit. P. XIII.

³² Фо го цзи IX—XI.

³³ Да Тан си юй цзи. С. 126.

³⁴ *Watters*. On Yuan Chwang's Travels... V. 1. P. 126.

³⁵ Да Тан си юй цзи. С. 42—43.

³⁶ Да Тан си юй цзи. С. 51.

³⁷ *Hiouen-thsand*. Op. cit. T. 1. P. 46; *Si-Yu-Ki*. Op. cit. V. 1. P. 122.

³⁸ *Watters*. On Yuan Chwang's Travels... V. 1. P. 112.

HISTORICAL INFORMATION ABOUT INDIA IN THE MEMOIRS OF FA-XIAN AND XUAN-SANG

N. V. Samozvantseva

The memoirs of Chinese pilgrims who visited India (and several areas of Central Asia) in the fifth and seventh centuries A. D. (Fa-xian and Xuan-sang) are important sources on ancient and early mediaeval history and culture of these countries that are widely employed in studies of various character. At the same time the pilgrimage literature is a quite complicated phenomenon as sources; the definite traditions of compiling geographical writings that had taken shape in Chinese literature, the personal views of the Chinese pilgrims, the aims of the pilgrimage, etc., affected the character and reliability of the information communicated. The main aim of Fa-xian's pilgrimage was to collect texts of the Vinaya; interest in the monastic rules and monastery rituals had a paramount effect on his work, in which there was also a pronounced tendency to idealise India, the birthplace of Buddhism. Compared to Fa-xian's relatively direct narrative, Xuan-sang's memoirs are distinguished by their variety of content and systematic attitude to the material communicated. Xuan-sang used the traditions of compiling geographical treatises that had taken shape in the «dynastic histories» in constructing his notes. He tried to correlate the separate information on each country, starting from his own notions and associations. Many Indian legends retold by the pilgrims had as their source both local traditions they heard in India and versions taken by them from the literature. Much space was given to legends about Asoka (retold closely to the versions of the Avadanas), seemingly for the reason that special significance was attached to these legends in the spread of Buddhism in China. Legends without analogy in the Indian literature, including some of the Jatakas, present great interest.

© 1991 г.

ПРОБЛЕМА КАЛЛИЕВА МИРА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭВОЛЮЦИИ АФИНСКОГО МОРСКОГО СОЮЗА

Проблема Каллиева мира — одна из наиболее остродискуссионных в истории Пентеконтаэтии. Это объясняется тем, что ученые спорят не столько о датировке и условиях договора, сколько об аутентичности его в целом. В противоположность, например, панэллинскому декрету Перикла, который нам известен благодаря единственному свидетельству Плутарха (Per. 17), Каллиев мир отражен в целом ряде текстов различных эпох. Эта документация в силу своей сложности и противоречивости вызывает взаимопротивоположные интерпретации исследователей.

Между тем проблема аутентичности этого мирного договора важна не только для характеристики афино-персидских контактов, но и для выполнения отношений между афинянами и их союзниками, а также для исследования особенностей афинской имперской политики в середине V в. до н. э.

Прежде чем перейти к рассмотрению всего комплекса вопросов, связанных с этой темой, необходимо сказать об оценке античной традиции в современной историографии. В 60-е годы в западной исторической науке, особенно в работах англо-американских исследователей, вновь появи-

лись рецидивы гиперкритицизма. Негативное отношение исследователи стали высказывать к целому ряду свидетельств Фукидида и особенно поздней античной традиции¹.

Однако такой подход нельзя назвать конструктивным. Для реконструкции политической истории Пентеконтаэтии и ее хронологии к ним следует подходить с разумно-позитивных позиций и попытаться установить согласование как внутри литературной традиции между ее ранними и поздними пластами, так и между ее свидетельствами и данными археологии и эпиграфики².

После подавления восстания в Египте и катастрофического разгрома афинян в 455/4 г. до н. э. наблюдается активизация персидской политики в Азии и возникновение опасности вторжения персидского и финикийского флота в Эгеиду. Поэтому афиняне, заключив пятилетний мир со Спартой в 451 г. до н. э., развязали себе руки для возобновления войны с Персией и дальнейшего укрепления афинской морской державы. В 451 или 450 г. до н. э.³ они предприняли морской поход против Кипра, бывшего центром финикийского и персидского господства в восточной части Средиземного моря, под начальством стратега Кимона на 200 своих и союзнических кораблях⁴.

Рассмотрим более обстоятельно сведения основных источников. Фукидид очень краток и передает лишь существо дела. Не исключено, что некоторые детали, не имеющие с его точки зрения большой важности, им были опущены. Свидетельство Плутарха хотя и содержит моралистические суждения и панэллинские идеи, присущие эллинистической историографии, и отличается набором суеверных примет и предсказаний, тем не менее дает и некоторые ценные дополнительные сведения. Так, например, Плутарх, по-видимому, прав в том, что Кимон, помогая восставшим в Египте и готовясь к широкомасштабным операциям на Кипре и, возможно, в Киликии, стремился нанести сокрушительный удар персидскому владычеству⁵, хотя осуществить свои планы ему и не удалось. Утверждение Плутарха о разгроме царского флота не противоречит классической традиции, правда, в отличие от Фукидида Плутарх считает, что эта победа была достигнута эллинами еще при жизни Кимона. Это расхождение

¹ Day J., Chambers T. *Aristotel's History of Athenian Democracy*, Berkeley, 1962; Connor W. R. *The New Politicians of Fifth Cent. Athens*. Princeton, 1971; Rhodes P. J. *Thucydides on Pausanias and Themistocles* // *Historia*. 1970. Bd XIX. Ht 4. S. 327. ff.; Konischi H. *Method in the Episodes of Pausanias and Themistocles* // *AJA*. 1970. V. 94. S. 52—69; Frost F. J. *Plutarch's Themistocles. A Historical Commentary*. Princeton, 1980.

² Не потеряли своей ценности и сегодня призывы М. С. Кутурга (*Кутурга М. С. Персидские войны*. СПб., 1858. С. 16) и Я. Ларсена (*Larsen J. A. The Constitution and Original Purpose of the Delian League* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1940. V. LI. P. 177) к позитивной оценке сведений источников, отражавших историю Пентеконтаэтии.

³ О датировке похода см. Kolbe W. *Diodors Wert für die Geschichte der Pentekontaetie* // *Hermes*. 1937. Bd 72. S. 263 ff.; Gomme A. W. *Historical Commentary on Thucydides*. V. I. Oxf., 1966. P. 329—337, 396; Hammond N. G. L. *Studies in Greek Chronology the Sixth and Fifth Cent. B. C.* // *Historia*. 1955. Bd IV. S. 403 ff.; Meiggs R. *The Athenian Empire*. Oxf., 1972. P. 124—126; Бикерман Э. *Хронология древнего мира*. М., 1976. С. 249; Дандамаев М. А. *Политическая история Ахеменидской державы*. М., 1985. С. 188 сл.

⁴ См.: *Thuc.* I. 112, 2—4; *Diod.* XII. 3—4.3; *Plut. Cim.* 18.19.2; *Pericl.* 10. 5. 8; *Them.* 31.4; *Nep. Cim.* 3.4; *Aristodem.* 13. 1; *Isocr.* VII. 86; *Aelian*, VH. V. 10; *Paus.* I. 29.

⁵ О стратегической важности для греков установления контроля над Кипром обстоятельно говорит С. Паркер (*Parker S. Rh. The objective and Strategy of Cimon's Expedition to Cyprus* // *AJPh.* 1976. V. 97. № 1. P. 32 ff.).

скорее всего объясняется краткостью сообщения Фукидида, из-за которой оно не нашло достаточного понимания у Плутарха.

Рассказ Диодора существенно отличается от того, что говорит Фукидид. Это связано с тем, что он неудачно соединил сведения историка с данными другого источника. Вместе с этим он приводит и некоторые дополнительные сведения, согласно которым персидскими войсками командовали в это время Артабаз и Мегабиз. Учтявая, что оба этих персидских военачальника успешно действовали сообща уже в 455/4 г. в Египте (Thuc. I. 109; Diod. XI. 74. 6), не исключено, что Артаксеркс использовал их для руководства в данной войне⁶. Цифры Диодора о персидской армии и флоте (300 триер и 300 тыс. пехоты), вероятно, завышены. Согласно его сообщению, эллины захватили на Кипре кроме Кития также и греческий город Марий, с которым афиняне имели тесные торговые отношения с VI в. до н. э.⁷ Диодор также смешивает традицию о Кипрском походе Кимона с рассказом о битве при Эвримедонте. Поэтому эпиграмма в честь победы эллинов, которую Диодор приводит в конце своего рассказа (XI. 62.3), в действительности относится к победе эллинов на Кипре⁸.

Анналистический способ изложения материала требовал от Диодора разделить войну на два периода, из которых первый завершается взятием городов Кития и Мария, а второй в 449 г. — организацией осады Саламина и заключением Каллиева мира. Эта периодизация не противоречит данным Фукидида, хотя характеристика событий каждого из периодов у того и другого автора различны.

Сравнивая свидетельство Фукидида с материалом поздних источников о Кипрском походе Кимона, можно отметить, что классическая традиция несомненно присутствует в сведениях поздних авторов (правда, она рационализирована и приукрашена риторикой в духе эллинистической историографии). Важно подчеркнуть и расхождение в оценке событий. Если Фукидид характеризует результаты экспедиции сдержанно, что присуще и сообщению Плутарха, то Диодор, находясь несомненно под влиянием панэллинского источника, преувеличивает ее успехи. Вместе с тем в поздней традиции, как мы видели, можно выделить целый ряд сведений, дополняющих краткий рассказ Фукидида, что дает основание еще раз подчеркнуть, что при реконструкции событий Пентеконтаэтии нельзя игнорировать сообщения поздних античных авторов.

Итак, завершая рассмотрение Кипрского похода Кимона, можно заключить, что его результаты оказались далеки от желаемых. Несмотря на победу, одержанную афинянами на суше и море, они, вероятно, не смогли взять Китий и Саламин, а результатом враждебного отношения местного населения был голод, охвативший войско, наконец, они лишились выдающегося военачальника и политического деятеля — Кимона⁹. Конт-

⁶ Ср. *Olmstead A. T. A History of Persian Empire. Chicago, 1948. P. 309 f.*

⁷ О взятии Кития и Мария см.: *Gomme. Op. cit. P. 310; Hammond N. G. L. Studies in Greek History. Oxf., 1973. P. 302 f.; Parker. Op. cit. P. 36.*

⁸ Эта эпиграмма встречается также в Палатинской антологии (VII. 246) с указанием авторства Симонида Кеосского и у Эллия Аристида (Op. XLVI. V. II. 209). Содержание эпиграммы указывает на то, что она составлена в честь победы на Кипре, а Диодор ошибочно отнес ее к битве у Эвримедонта (см. *Wade-Gery H. T. Classical Epigrams and Epitaphs // JHS. 1933. V. 53. P. 71—104; Meiggs. Op. cit. P. 127; Parker. Op. cit. P. 32. Not. 5; Лурье С. Я. Плутарх. Избранные биографии. М.—Л., 1941. С. 391. Прим. 84*). В современных исследованиях также указывается на смешение у Диодора традиции о Кипрском походе Кимона с рассказом о битве при Эвримедонте (см. *Vadian E. The Peace of Callias // JHS. 1987. V. CVII. P. 15*).

⁹ Ср. *Parker. Op. cit. P. 37 f.*

роль над Кипром по-прежнему оставался в руках персов. Большинство городов Карии и Трояды вскоре отказались платить форос в Афины, что также необходимо иметь в виду, анализируя проблему Каллиева мира.

Реальность договора об этом мире уже в древности подвергалась сомнению. Так, например, Каллисфен отмечал (Plut. Cim. 13.2), что царь такого договора формально не заключал, но условия его из страха перед эллинами выполнял. Феопомп считал текст договора афинян с царем фальшивым, так как он написан не аттическими буквами, но ионийскими (Theop. FGrH. 115. Fr. 154). Между тем ионийский шрифт вошел в употребление в Афинах только в 401 г. Эти факты, а также молчание авторов классического периода о заключении мира с персами и противоречивые суждения о его условиях рассматриваются многими исследователями как доказательство неаутентичности Каллиева мира. Одной из последних работ на эту тему является книга К. Л. Майстера¹⁰, где автор обобщает имеющуюся аргументацию в пользу негативного отношения к этому миру. В то же время, поскольку никаких новых данных исследователь не приводит, его вывод о неисторичности этого мира и договора не может перевесить чашу весов с доказательствами в пользу его аутентичности. Современные ученые высказывают критические замечания по поводу выводов К. Л. Майстера¹¹.

Е. Бадиян подчеркивает, что большая часть исследований, упомянутых Майстером, в которых подвергается сомнению аутентичность Каллиева мира, написана до 1940 г., в большинстве же работ, посвященных этому миру и написанных после 1940 г., признается его достоверность¹²; авторы некоторых из них считают подлинным заключение мира между Афинами и Персией после смерти Кимона, но отрицают возможности существования какого-либо договора между ними. В качестве примера можно назвать работу К. Шрадера¹³.

В начале 80-х годов был выдвинут новый взгляд на проблему Каллиева мира. Дж. Уолш собрал и проанализировал аргументы, подтверждающие, что мир между Афинами и Персией был заключен в 60-е годы V в. до н. э., после битвы при Эвримедонте¹⁴. Бадиян, развивая аргументацию Уолша, убедительно доказал, что Каллиев мир 449 г. представлял собой лишь возобновление мира, заключенного после битвы при Эвримедонте¹⁵. Вместе с тем автор отверг распространенное мнение о том, что Каллиев мир не был официально оформлен, считая это противоречащим общим условиям жизни Афин, где формально-правовым моментам придавалось большое значение¹⁶.

В отечественной историографии традиционно сохраняется позитивное отношение к сведениям античной традиции об этом мире и договоре (это подтверждает и М. А. Дандамаев¹⁷ в монографии, посвященной политической истории Персии, где попутно касается и проблемы Каллиева мира), однако вопрос о Каллиевом мире решается далеко не однозначно. В одних случаях отмечается, что условия Каллиева мира закрепили победу греков в войне с персами и потребовали от царя признания независимос-

¹⁰ Meister K. L. Die Ungeschichtlichkeit des Kalliasfriedens und deren historische Folgen. Wiesbaden, 1982.

¹¹ Badian. Op. cit. P. 1—39.

¹² Badian. Op. cit., P. 1—2.

¹³ Schrader C. La Paz de Calias. Testimonios e interpretación. Barcelona, 1976.

¹⁴ Walsh. Op. cit. P. 31 ff.

¹⁵ Badian. Op. cit. P. 15 ff.

¹⁶ Ibid. P. 7. f.

¹⁷ Дандамаев. Ук. соч. С. 188 сл.

ти всех греческих полисов Малой Азии. В других дается более осторожная оценка этого мира и подчеркивается, что его заключение было вынужденной мерой как для афинян, так и для персов. И та и другая стороны, ослабленные затянувшимися и бесперспективными военными действиями, искали компромиссные условия для их завершения. Такие условия и были выработаны, как считают ученые, при заключении этого мира ¹⁸.

Все сказанное свидетельствует о важности и дискуссионности проблемы Каллиева мира и необходимости ее более детального рассмотрения с целью выявления некоторых дополнительных аргументов в пользу историчности этого мира, выяснения содержания его условий и влияния их на эволюцию Афинского морского союза, а также внесения некоторых коррективов в существующие концепции.

Прямое отрицание договора между Афинами и Персией в античной традиции засвидетельствовано, как уже отмечалось, только Каллисфеном и Феопомпом. Однако возражения этих авторов касаются не столько содержания, сколько формы этого договора, причем из сообщений Каллисфена и Феопомпа вытекает, что договор между афинянами и персами в действительности существовал, но не был заключен формально (Plut. Cim. 13). Замечание Феопомпа о том, что ионийский диалект, которым был начертан известный Кратеру текст договора, не был в употреблении до конца V в., нельзя считать решающим аргументом в пользу его неаутентичности. Ведь вариант договора на аттическом диалекте мог не сохраниться, как не сохранилось большинство аттических надписей V в. до н. э., в то время как ионийский диалект, учитывая вековое господство персов в Малой Азии, мог быть использован персидской канцелярией и в 40-е годы V в. Поэтому Феопомп мог видеть скорее всего запись текста договора, сделанную в IV в. до н. э., вскоре после царского мира ¹⁹.

Самая ранняя информация о Каллиевом мире дошла до нас в речах ораторов IV в. до н. э. Эти сведения современные исследователи, отрицающие достоверность Каллиева мира, считают пропагандистской фикцией, которую ораторы противопоставляли Анталкидовому миру 387 г. до н. э. ²⁰

Между тем Исократ (IV. 117. 118. 120; VII. 80; XII. 59), Ликург (in Leosg. 72—73) и Демосфен (XV. 29; XIX. 272—274) говорят о Каллиевом мире как об общеизвестном событии. Хотя Исократ и Демосфен не сообщают конкретно о времени заключения этого мира, тем не менее сопоставление их данных с рассказом Диодора (XII. 4.4—6) позволяет нам присоединиться к мнению большинства ученых, согласно которому эти ораторы говорят о Каллиевом мире 449 г.

Что касается Ликурга, то, по мнению современных исследователей ²¹,

---

¹⁸ *Сергеев В. С.* История древней Греции / Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М., 1963. С. 229; История древней Греции / Под ред. Р. И. Авдиева, А. Г. Бокшанина и Н. Н. Пикуса. М., 1972. С. 189; История древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986. С. 139; *Колобова К. М.*, *Глушкина Л. М.* Очерки истории древней Греции. Л., 1958. С. 172; *Глушкина Л. М.* Греко-персидские войны // История древнего мира. Т. II / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1983. С. 179; *Дандамаев*. Ук. соч. С. 188 сл.

¹⁹ *Badian*. Op. cit. P. 27.

²⁰ *Stockton D.* The Peace of Callias // *Historia*. 1959. Bd 8. S. 61 ff.; *Mattingly H. B.* The Peace of Callias // *Historia*. 1965. Bd 14. S. 273 ff.; *Seager B.* Notes on the Tradition Concerning the Peace of Callias // *LCM*. 1978. V. 3. P. 43; *Meister*. Op. cit. S. 32 ff.

²¹ *Walsh*. Op. cit. P. 33.

он имел в виду мир, заключенный между афинянами и персами в 465 г. Однако, судя по содержанию фрагмента его речи против Леократа, Ликург также сообщает о Каллиевом мире 449 г. до н. э. Диодор, как уже отмечено выше, рассказывая об этом мире, датирует его 449 годом до н. э. О раннем мире, заключенном вскоре после битвы при Эвримедонте, он ничего не говорит.

Аристодем (FGH. 104. Fg. 12—13), по-видимому, также имел в виду мир 449 г. до н. э., описывая Кипрскую кампанию и смерть Кимона сразу же после битвы при Энофитах, т. е. после 457—456 гг. Однако сообщения Аристодема нужно принимать с осторожностью из-за немалой путаницы. Кроме того он совершенно не упоминает битву при Эвримедонте.

Особый интерес представляют сообщения Свида. Говоря о Кимоне, он упоминает о мире между афинянами и персами, который был заключен Кимоном после битвы при Эвримедонте, но характеристику условий мира он дает на основе сведений источников IV в. до н. э.²² В другом месте, упоминая о Каллии, Свидя говорит о возобновлении мира между Афинами и Персией после Кипрской кампании²³.

Даже признавая, что ораторы нередко вводили в заблуждение свою аудиторию, тем не менее в данном случае они опирались на реальный факт переговоров между афинянами и персами, закончившихся так называемым Каллиевым миром. В этой связи важно обратить внимание на свидетельство Демосфена, который приводит в своей речи даже такой факт, как обвинение Каллия в подкупе персами и наказание штрафом в 50 талантов (XIX. 273). Видимо, Демосфен имел в виду конкретное постановление афинского народного собрания, хорошо известное его согражданам.

Молчание Геродота и Фукидида об этом мире также нельзя воспринимать как решающий аргумент против его историчности. Во-первых, молчание может быть объяснено совсем другими причинами, вовсе не связанными с тем, что мира и договора с персами в действительности никогда не существовало, на что прежде всего указывают скептики. Во-вторых, как мы увидим ниже, это молчание было не настолько абсолютным, как кажется на первый взгляд. Наконец, утверждают, что заключение мира и договора с персами противоречило исторической действительности, поскольку в истории Пентеконтаэтии нет никаких значительных внешнеполитических успехов афинян в войне с персами, которыми можно было бы оправдать уступки, на которые пошел персидский царь, заключая этот договор. На наш взгляд, это суждение безосновательно еще в большей степени, чем предыдущие.

Прежде всего Каллиев мир подводил итог афино-персидских отношений не за короткий период конфликта в рамках Пентеконтаэтии, а за более чем пятидесятилетний период войн, которые велись между эллинами

²² Suidas s. v. Κίμων. Μιλτιάδου...επολέμησε καὶ ἐπ' Ἐβρομέδοντι ποταμῷ ναυαὶ καὶ πεζῶν νικᾷ ἐπὶ τῆς αὐτῆς ἡμέρας. οὗτος ἔταξε καὶ τοὺς ὄρους τοῖς βαρβάροις· ἐκτός τε γὰρ Κοανέων καὶ Χελιδονέων καὶ Φασήλιδος (πάλι δὲ αὐτῆ τῆς Παμφυλίας) ναῦν Μηδικῆν μὴ πλεῖν νόμῳ πολέμου. Μηδὲ ἵππος ὄρομον ἡμέρας ἐντός ἐπὶ θάλατταν καταβαίνειν βασιλέας· αὐτονόμους τε εἶναι τοὺς Ἕλληνας καὶ τοὺς ἐν τῇ Ἀσίᾳ — «Кимон, сын Мильтиада... воевал и одержал победу у реки Эвримедонт в морском и сухопутном сражении в один и тот же день. Он установил и границы для варваров: ведь по закону войны персидским кораблям запрещалось плавать за пределы Темных скал, Ласточкиных островов и Фаселиды (это полис Памфилия), и чтобы царь не подходил к морю на расстояние одного дня пути на лошади, и быть автономными тем эллинским городам, которые находятся в Азии».

²³ Suidas s. v. Καλλιᾶς...στρατηγῶν πρὸς Ἀρταξέρησιν τοὺς ἐπὶ Κίμωνος τῶν σπονδῶν ἐβεβαίωσεν ὄρους — «Каллий... будучи стратегом в войне против Артаксеркса, подтвердил границы, установленные на основе соглашений при Кимоне».

и персами и в результате которых персы вынуждены были признать себя побежденными по крайней мере в своих претензиях на господство в Эгеиде.

Вместе с тем те свидетельства, которыми мы располагаем, не дают основания утверждать, что эллины насильно навязали персам этот мир. И та и другая стороны в равной мере были в нем заинтересованы. Афиняне были ослаблены поражением в Египте, заключенный со Спартой пятилетний мир был ненадежным, положение осложнилось и тем, что кризисная ситуация сложилась и в Афинском морском союзе, члены которого тяготились господством Афин, отказывались платить форо́с и даже восставали, в ряде городов Малоазийского побережья усилилось персидское влияние²⁴. Кипрские события и морская победа эллинов вскрыли также слабые стороны персов. Непокойно было в самой Персидской державе. Так, вскоре после подавления восстания в Египте около 450 г. до н. э. последовал мятеж сатрапа Мегабиза в Сирии²⁵.

Вместе с тем, признав справедливость аргументов исследователей, высказывающихся в пользу аутентичности традиции о Каллиевом мире²⁶, мы должны ответить на несколько вопросов. Во-первых, почему у историков классического времени отсутствуют прямые указания на этот мир? Во-вторых, чем объяснить имеющиеся расхождения между отдельными авторами в характеристике условий мира? В-третьих, почему эти расхождения касаются прежде всего определения сухопутных границ эллинских владений? Так, например, согласно Исократу, границей, разделяющей персидские и эллинские владения на материке, была определена река Галис (VII. 80; XII. 59): персы не имели права посылать войска к западу от этой реки, и греки обещали не вторгаться в персидские владения. Однако это несовместимо с другими сведениями, согласно которым граница персидских владений устанавливалась на расстоянии трехдневного перехода от моря в глубь материка пешком или однодневного перехода верхом на лошади²⁷.

Уэйд-Гери, пытаясь объединить эти сведения, считал, что граница по реке Галис была установлена для царского войска, а войска сатрапов не должны были углубляться на расстояние, равное трехдневному или однодневному переходу²⁸. Однако его мнение не встретило широкой поддержки. Ссылка на реку Галис как границу встречается только у Исократ. Многие ее рассматривают как преувеличение. Наличие такого условия в договоре предполагает, что оно было продиктовано персам греками, но обстоятельства установления мира между афинянами и персами свидетельствуют о том, что ни та, ни другая стороны не могли диктовать условия. Кроме того, как полагает Уэйд-Гери, контроль греков распространялся отнюдь не на значительную территорию. По-видимому, Исократ

²⁴ Более подробно см. *Строгоцкий В. М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 80 сл.

²⁵ Об этом см. *Olmstead*. Op. cit. P. 310 ff.; *Дандамаев*. Ук. соч. С. 184.

²⁶ См. *Wade-Gery H. T.* The Peace of Kallias // *Harvard Studies in Philology*. 1940. Suppl. V. I. P. 126 ff.; *Oliver J. H.* The Peace of Callias and the Pontic Expedition of Pericles // *Historia*. 1957. Bd VI. S. 254 f.; *Andrewes A.* Thucydides and the Persians // *Historia*. 1961. Bd X. S. 15—18; *Meiggs*. Op. cit. P. 129, 487—493; *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian war. Ithaca — London, 1969. P. 105; *Дандамаев*. Ук. соч. С. 183.

²⁷ *Dem.* XIX. 273; *Plut.* Cim. 13. 14; *Aristid.* XIII. 153; *Aristodem.* 13. 2; *Diod.* XII. 4. 5.

²⁸ *Wade-Gery*. The Peace of Kallias. P. 162 ff. Его выводы поддержал Эндрюз (Op. cit. P. 15—18).

не располагал точными сведениями об установленных Каллиевым миром сухопутных границах, отделяющих эллинические владения от персидских. Противопоставляя этот мир Анталкидову, он стремился выдать желаемое за действительное. Река Галис с древних времен считалась границей, отделяющей Запад от Востока (ср. Herod. I. 72, 103, 130).

Внимательное изучение традиции о Каллиевом мире позволяет предположить, что во время переговоров между афинянами и персами не были установлены конкретные сухопутные границы, разделяющие владения эллинов и варваров. Это вполне очевидно. Во-первых, афинские налоговые списки первого периода обложения (454/3 и 450/49 гг. до н. э.) и другие эпиграфические документы показывают, сколь велика была активность персов даже на малоазийском побережье и близлежащих островах²⁹. Несомненно, когда афиняне были заняты военными действиями в Центральной Греции и Египте (459—454 гг. до н. э.), персы укрепили свои позиции в Малой Азии. Во-вторых, из сообщений наших источников о победах эллинов в Кипрской экспедиции Кимона видно, что наибольшее значение они придавали морской победе, в результате которой персидский флот, состоящий из финикийских, кипрских и киликийских кораблей, потерпел действительно сокрушительное поражение. Именно эти корабли составляли основу морского могущества персов. Поэтому не случайно, что все источники единодушны в определении морских границ, отделявших эллинические владения от персидских. Персидским кораблям запрещалось на юге, т. е. в Ликийском море, заходить дальше района Фаселиды и Хелидонских островов, а на севере, т. е. в Понте, плавать дальше Кианейских скал³⁰, расположенных у входа в Босфор. Персы приняли это условие и, как показывает анализ последующих исторических событий, его не нарушали.

Совсем другое значение имела победа эллинов на суше. Подробности этой победы нам неизвестны, но можно с уверенностью сказать, что она не могла сокрушить или значительно поколебать персидское господство на материке, тем более что после этой битвы Кипр по-прежнему оставался под властью персов. Поэтому при заключении мира вопрос об определении сухопутных границ между эллиническими и персидскими владениями, вероятно, остался открытым.

Не менее интересно в этом смысле сообщение Геродота о том, что после обмера земли ионийских городов, осуществленного персидским сатрапом Артаферном (в 492 г. до н. э.), он назначил каждому городу подать, которую они всегда с того времени «неизменно уплачивают вплоть до сего дня в таком размере, как установил Артаферн» (Herod. VI. 42). Интер-

²⁹ Сторонники персов в греческих городах Малой Азии могли надеяться на поддержку сатрапа в Сардах. О том, что положение здесь в это время было далеко не спокойным, свидетельствует фрагментарно сохранившийся афинский декрет о похвале Сигея за лояльное отношение к Афинам, точно датированный 451 г. до н. э. благодаря сохранившемуся в тексте имени архонта Антидота (IG I³. 32 = SEG X.13). В последних сохранившихся шести строках надписи (11—16) говорится о том, что жители Сигея опасались нападения с материка — или персов, или тех городов, где утвердилось проперсидское правление. О том, что в Милете в 454—453 гг. до н. э. установилась связанная с персами тирания, свидетельствует фрагментарная надпись об изгнании SIG. 58 = Tod. 35 = ML. 43 = DGE. 727). О смешанном населении греческих городов Малой Азии и значительном влиянии персов на малоазийском побережье см. *Badian*. Op. cit. P. 33.

³⁰ Впервые Уэйд-Гери (The Peace of Kallias. P. 135 ff.) отметил, что под Кианеями имеется в виду город в южной части Ликии в 25 милях к западу от Хелидонских островов и в 4 милях от побережья. Это мнение принял Р. Сяли (*Sealey R. The Peace of Kallias once more // Historia. 1954. Bd 3. S. 325—333*).

претензия этого места трудна и стала предметом дискуссии, которую отразили комментаторы Геродота³¹. Главная же мысль, которая вытекает из сообщения Геродота, заключается в том, что персы не отказались от своих претензий на господство в Малой Азии по крайней мере вплоть до времени Геродота, т. е. до 425—415 гг. до н. э., когда писались эти строки, и, по-видимому, продолжали взыскивать налог с некоторых ионийских городов. С этим отчасти согласуется краткое и, правда, не совсем определенное замечание Исократ (IV. 120) о том, что эллины устанавливали некоторые ставки царского фороса (... καὶ τῶν φόρων ἐνίοις τάττοντες). Видимо, предметом обсуждения между эллинами и персами при выработке условий мира был также вопрос о нормах взимания налога в царскую казну с городов Малой Азии, подвластных персам³².

Поэтому заключенный афинянами договор с персами был, вероятно, далеко не таким успешным для эллинов, особенно в плане определения сухопутных границ их владений в Малой Азии и освобождения городов от персидского господства, чем это представляла традиция IV в. до н. э. Косвенным подтверждением этого может служить сообщение Фукидида о переговорах между Алкивиадом и Тиссаферном в 412 г. до н. э. (VIII. 46. 3—5), во время которых Алкивиад советовал персидскому наместнику делить власть с афинянами, ибо они меньше лакедемонян стремятся к завоеванию на суше, но будут стараться подчинять себе острова, а Тиссаферну — всех эллинов, обитающих на подвластном царю азиатском побережье. В другом месте (VIII. 56. 4—5) Фукидид говорит, что Алкивиад во время переговоров Писандра с Тиссаферном, выступая от имени последнего, предъявлял афинянам далеко идущие требования, причем, хотя Алкивиад потребовал отдать персам всю Ионию и прилегающие к ней острова, афиняне никак не выразили своего протеста против этого. По-видимому, эти тяжелые требования были вполне в духе переговоров, которые и в предшествующие времена приходилось вести афинянам с персами. Лишь когда Алкивиад потребовал разрешить царю соорудить флот и плавать вдоль своих владений, где ему угодно и с каким угодно числом кораблей, афиняне признали требования невыполнимыми. Вероятно, сухопутные владения царя на материке простирались гораздо дальше морских границ, установленных Каллиевым миром, за которые не разрешалось заходить персидским и финикийским кораблям. Поэтому, когда Алкивиад потребовал, чтобы афиняне уступили персам то, что было действительно завоевано ими и закреплено мирным договором, они отказались от ведения дальнейших переговоров.

Таким образом, Каллиев мир был скорее всего соглашением между Афинами и Персией о разделе сфер влияния в Малой Азии и Эгейде. В его заключении были заинтересованы как афиняне, так и персы, ибо события показали, что ни та, ни другая стороны не способны были достигнуть абсолютного господства в этом регионе. Вместе с тем в процессе переговоров персам, возможно, удалось добиться каких-то преимуществ, за что Каллий — руководитель афинского посольства, получивший от персид-

³¹ How W., Wells J. A Commentary on Herodotus. V. II. Oxf., 1957 (reprint). P. 79.

³² Мы не согласны с интерпретацией этого замечания Исократ в том смысле, что персы переуступили грекам право взимания с греческих городов Малой Азии фороса в размере, который они платили царю, и право управления этими городами под верховной властью царя (см. Лурье. Ук. соч. С. 392. Прим. 88; Дандамаев. Ук. соч. С. 191). Бадван (Op. cit. P. 33 f.), анализируя эту фразу Исократ, предполагает, что во время переговоров царь согласился оставить налог, взимаемый с городов, находящихся под его контролем, неизменным, возможно, на уровне, установленном еще Артаферном.

ского царя взятку, был наказан в Афинах штрафом в 50 талантов (Dem. XIX). Этим можно объяснить молчание о Каллиевом мире Геродота и Фукидида, которые либо не считали Каллиев мир выдающимся событием, достойным упоминания, либо не хотели обнародовать не очень светлую страницу афинской истории. В частности, Геродот, говоря о миссии Каллия в Сузах (VII. 51), не сообщает ничего конкретного о ее целях. Что же касается Фукидида, то он не упоминает не только о Каллиевом мире, но и о мире, заключенном при посредничестве Эпилика в 424/423 г. до н. э. (Andoc. III. 29; ср. ML. 70/IG II².8.1. 13—16). В то же время о переговорах между афинянами и персами в 412 г. Фукидид сообщает, считая это событие особенно важным. По той же причине и традиция IV в., характеризующая этот договор с панэллинских позиций, не единодушна в точном определении сухопутных границ эллинских владений в Малой Азии.

Признав традицию о Каллиевом мире аутентичной, необходимо отметить важнейшие его условия. Согласно Диодору (XII. 26.2), одним из достижений этого договора было признание автономии городов Малой Азии. В данном случае Диодор пользовался традицией IV в. до н. э., восходящей к Исократу и Эфору, которые акцентировали внимание на этом условии, ибо сравнивали Каллиев мир с Анталкидовым миром. Мы не знаем, было ли действительно обусловлено в тексте договора требование предоставить автономия греческим городам, но, как справедливо замечает Бадриан, вполне вероятно, что такое условие при заключении Каллиева мира оговаривалось, поскольку известно, что царь в принципе не возражал против расширения автономии греческих городов, находившихся под его контролем³³.

В заключение необходимо охарактеризовать значение Каллиева мира для эволюции Афинского морского союза. Исследователи, отрицающие историчность этого мира, полагают, что трансформация Афинского морского союза в Афинскую империю и становление афинской имперской политики относятся к началу Пелопоннесской войны 431—404 гг. до н. э.³⁴ Напротив, сторонники аутентичности этого мира считают, что он был причиной кризиса в Афинском морском союзе в 449—445 гг. до н. э., обусловившего его трансформацию в Афинскую морскую державу³⁵. Ни ту, ни другую точку зрения нельзя считать безусловной. Рассматривая Каллиев мир в контексте исторических событий 449—445 гг. до н. э., необходимо признать, что он не был главным фактором трансформации Афинского морского союза в Афинскую империю. Две взаимосвязанные тенденции — развитие Афинской морской державы и превращение союзников из автономных в подчиненные — это процесс длительной эволюции Афинского морского союза, истоки которой можно видеть в событиях 70—60-х годов

³³ Ср. Xen. Hell. 4. 25. (это могло быть характерно и для более раннего периода). К этому см. *Tompson W. E. The Peace of Callias in the IV cent. // Historia. 1981. Bd 30. S. 164—177; Badian. Op. cit. P. 34.* О содержании понятия автономии и свободы полисов в V в. до н. э. см. *Raauflaub K. Freiheit in Athen und Rom; ein Beispiel divergieren der politischer Begriffsentwicklung in der Antike // HZ. 1984. Bd 238. S. 529—567; idem. Athens 'ideologie der Macht' und die Freiheit des Tyrannen // Studien zum Attischen Seebund. Konstanz, 1984. S. 45—86.*

³⁴ *Mattigly H. B. The Growth of Athenian Imperialism // Historia. 1963. Bd XII. S. 257 ff.; Schuler W. Die Herrschaft der Athener im ersten attischen Seebund. B., 1974. S. 175 ff.; Meister. Op. cit. S. 101 ff.*

³⁵ *Meiggs R. The Crisis of the Athenian Imperialism // HSPH. 1963. V. 67. P. 1 ff.; idem. The Athenian Empire. P. 152; Oliver. Op. cit. S. 254 ff.; Perlman S. Panhellenism, the Polis and Imperialism // Historia. 1976. Bd 25. S. 1 ff.*

У в. до н. э., когда были подавлены первые восстания союзников (Наксос, Фасос).

Каллиев мир был лишь важной вехой в процессе внутреннего преобразования Афинского морского союза, который заставил афинян подумать о путях сохранения и укрепления господства в Афинской державе и обеспечении регулярного поступления флота с союзников в условиях мирных отношений с персами.

В. М. Строгоцкий

THE PROBLEM OF CALLIAS' PEACE AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE EVOLUTION OF THE DELIAN LEAGUE

V. M. Strogetsky

The problem of Callias' peace is reflected in a whole number of complex, contradictory sources of various periods that still give cause for mutually opposed points of view in modern scholars' interpretations.

The question of this peace gets ambiguous answers in the Soviet literature. In most general works and textbooks the traditional point of view that idealises it and its terms has not been overcome. It is claimed that this peace consolidated the Greeks' victory in the war with the Persians, and forced the latter to recognise the independence of all the Greek cities of Asia Minor. At the same time, certain students have of late given a more pointed appreciation of this peace and its terms.

Analysis of the sources about it makes it possible to support the protagonists of its authenticity and to conclude that it was nothing more than an agreement between Athens and Persia on division of their spheres of influence in Asia Minor and the Aegean. Both the Athenians and the Persians were interested in concluding it because the events of the Graeco-Persian wars had shown that neither of them could achieve absolute domination in that region.

Examination of the data of the antique tradition makes it possible, as well, to answer the following questions. (1) Why did the historians of the classical period not make direct allusions to this peace? (2) To what were the divergences due between the separate authors in their description of the terms? (3) Why did these divergences primarily concern the drawing of the land frontiers of the Hellenic and Persian possessions? (4) What role did the peace have in the evolution of Athens' maritime alliance (the Delian League)?

© 1991 г.

ГОРОД БРАНХИДОВ

Для изучения античной письменной традиции об истории Средней Азии и Афганистана очень важен вопрос о городе Бранхидов на границе Бактрии и Согдианы. В настоящее время часть исследователей считает сведения о нем историчными¹, а часть их отвергает².

¹ *Beal S. Branchidae // Indian Antiquary. 1880. P. 68—71; Causer F. Branchidae // RE. Bd III, 1. 1899. S. 809—813; Head B. V. The Earliest Graeco-Bactrian and Graeco-Indian Coins // Numismatic Chronicle. 1906. P. 6; Rawlinson H. G. Bactra. The History*

Задача этой работы и состоит в изучении данной традиции.

О городе Бранхидов, локализуемом во время Александра Македонского в Бактрии — Согдиане, весьма неопределенно в районе реки Окса (совр. Амударья), сообщают Страбон (XI. 11.4), Курций Руф (VII. 5. 28—35), Плутарх (Мог. 557В), Диодор Сицилийский (XIX. 90. 4; краткое изложение недошедших глав XVII книги) и Суда (s. v. Βραχχίδαί). О существовании культа Аполлона Дидимейского в раннеэллинистической Согдиане (жрецами которого были Бранхиды) сообщает также Плиний Старший (NH. VI. 18).

Важным дополнением этой традиции стали дипинты с именами Бранхидов, обнаруженные недавно в Бактрии. Они нанесены черной краской на горловины плоскодонных кушанских амфор, найденных И. Т. Кругликовой в Дильберджине (Северный Афганистан)³, однако ни она, ни В. А. Лившиц не сочли необходимым связать свои чтения с сообщениями античных авторов о городе Бранхидов⁴.

Рассмотрение античной традиции о Бранхидах показывает, что она достаточно подробно излагает четыре наиболее важных периода жизни этого рода. Первый, мифологический период освещает происхождение Бранхидов и историю основания святилища Аполлона в Дидимах Бранхом. Античная историография сохранила две самостоятельные версии о ранней, «мифологической» истории Бранхидов. По первой версии родоначальник Бранхидов дельфийский жрец Махерей был изгнан из святилища за убийство Неоптолема, сына Ахилла, требовавшего у Аполлона удовлетворения за убийство отца. Его кощунственные требования были сопряжены с каким-то святотатством и, по-видимому, посягательством на святыни храма. Павсаний (X. 24. 4) прямо говорит, что жрец заколол Неоптолема. Изгнанный из Дельф жрец учредил новое прорицалище на юге Малой Азии. Оно, видимо, уже существовало к моменту основания Милета, так как Нелей, прежде чем строить Милет, вопрошал оракул Бранхидов⁵. «Бранх, который стоял во главе управления святилища, был потомком Махерея», как об этом свидетельствует Страбон (IX. 3. 9). Он же сообщает и о том, что Бранха полюбил Аполлон (XIV. 1. 5). О древнейшем святилище в Дидимах говорит и Павсаний (VII. 2. 6). По имени Бранха, построившего прорицалище, храм был назван Бранхидами. От Бранха пошел род Бранхидов, предсказания которых успешно соперничали с дельфийским оракулом.

of a Forgotten Empire. L., 1912. P. 33—41; *Narain A. K. Indo-Greeks.* Oxf., 1957. P. 3—4; *Classen C. J. Branchidae // Lexikon der alten Welt.* Zürich, 1965. S. 494; *Seibert J. Alexander der Grosse.* Darmstadt, 1972. S. 144 f.; *Bernard P. L'exil des Branchides en Asie Centrale // Fouilles d' Ai Khanoum.* V. IV. MDAFA. T. XXVIII. 1985. P. 123—125. В последние годы интерес к Бранхидам возрос (подробное рассмотрение см. ниже).

² *Tarn W. W. The Massacre of the Branchidai // Classical Review.* 1922. V. 36. P. 63—66; *idem. Alexander the Great.* V. I. Cambr., 1948. P. 67; *idem. Alexander the Great.* V. II. Cambr., 1950. P. 272—275.

³ И. Т. Кругликова (Дильберджин. Вып. I. М., 1974. С. 79—80. Рис. 49—52) сочла, что дипинты написаны на бактрийском языке. В. А. Лившиц справедливо указал, что надписи следует читать по-гречески, и предложил их чтение (Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976. С. 165: Βρο/αχχιδ(ων), Βρο/αχχ(ιων)=Βραχχιδ(ων). Здесь мог отразиться лишь эпитет Аполлона — Βράχχιος или производное от имени Бранхидов имя владельца амфор, появление которого в Бактрии, отрицая переселение Бранхидов, трудно объяснить.

⁴ Кругликова. Ук. соч. С. 79—80; Лившиц. Ук. соч. С. 165.

⁵ *Sauer. Op. cit.* S. 809.

Особый интерес должна вызывать другая традиция генеалогии Бранхидов; «Когда мать (Бранха. — *И. П.*) была беременна, (она) имела видение, что солнце вошло ей в рот и вышло из ее лона. Вследствие этого ребенок, который у нее родился, был назван Бранхом, так как солнце прошло через горло матери»⁶. Х. У. Парк рассматривает эту легенду как указание на то, что Бранх считался сыном Солнца. Он считает, что поклонение богу Солнца в Дидимах предшествовало появлению там ионийцев и что развитие традиции сделало Бранха потомком дельфийского жреца, а вместо того чтобы считаться сыном Солнца, он стал в греческой мифологии юношей, которого полюбил Аполлон⁷. Можно согласиться с Х. У. Парком в том, что традиция культа, которому служили Бранхиды, была дополнена процедурой, разработанной в Дельфах, однако он при этом настаивает на том, что влияние Дельф начало сказываться лишь в процессе реставрации храма Аполлона в Дидимах в конце IV в. до н. э., а это противоречит источникам, свидетельствующим о тесных, а порой и конкурентных отношениях оракулов Дидим и Дельф⁸.

О древности святилища в Дидимах вблизи Милета говорят не только античные авторы, но и материалы раскопок. Во время этих раскопок были открыты посвященные дары, датирующиеся с 600 г. до н. э.⁹

Второй этап уже реальной истории Бранхидов — 600—479 гг. до н. э., период процветания, а затем упадка святилища Аполлона в Дидимах, освещен самыми разнообразными письменными, эпиграфическими и археологическими источниками. Персидские цари Дарий, а затем Ксеркс грабят и сжигают святилище Бранхидов (о Дарии см. Herod. VI. 19. 25. 32; ср. I, 92; V. 36; о Ксерксе — Herod. VI. 18—22; Strabo. XI. 11. 4; XVII. 1. 43; Paus. I. 16. 2; VIII. 46. 3). Эти события датируются соответственно 494 и 479 годами до н. э., причем Ксеркс в 479 г. до н. э. переселяет Бранхидов к берегам далекого Окса (Strabo. XI. 11. 4; Diod. XVII res.; Curt. VII. 5. 31—34; Plut. Mor. 557B; Suda. s. v. Βραγχίδαί).

Как сообщает Геродот, в Дидимейон посылались дары египетским фараоном Нехо (ок. 600 г. до н. э.) и позднее Крезом (ок. 560—547 гг.) (Herod. II. 159; I. 92). Примечательно, что дары Креза в точности соответствовали тем, которые он посвятил в Дельфы. Это были одинаковые предметы из золота одного веса. Кроме того Крез подарил храму Бранхидов 10 талантов чистого золота, 226 талантов белого золота (электра), а в целом, по подсчетам современных исследователей это составляет около двух кубометров золотых слитков¹⁰. Фалес Милетский, не менее знаменитый, чем Крез, посвятил Аполлону в Дидимах треножник (около 582 г. до н. э. — *И. П.*) (Diod. Laert. I. 32).

⁶ Parke H. W. The Massacre of the Branchidae // JHS. 1985. 105. P. 60 со ссылкой: Klees H. Die Eigenart des griechischen Glaubens an Orakel und Seher // Tübinger Beiträge. 1966. XLIII. S. 54.

⁷ Parke. Op. cit. P. 60.

⁸ См. дополнительные версии мифа у Х. У. Парка (ibid.). Происхождение дельфийского Смикроса, отца возлюбленного Аполлона, указывает на связь между дидимейским и дельфийским святилищами. П. Вайцекер на основании разновременных источников прямо указывает на изначальную тождественность культов Бранхидов и дельфийского (Weizsäcker P. Branchos // RML. T. I. Lpz, 1884—1886. Sp. 816 f.).

⁹ Об истории, археологии и архитектуре святилища в Дидимах см. Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 22, 23, 77—79. О раскопках храма см.: Rayet O., Thomas A. Milet et le golfe Latmigue. V. I. P., 1877; Haussouliq B. Etudes sur l'histoire de Milet et du Didymeion. P., 1902 (прочая литература: Пичикян. Ук. соч. С. 283—290).

¹⁰ Bean G. E. Aegean Turkey. L.—N. Y., 1979. P. 193.

К. Т. Ньютон, который начал исследование Дидимейона в середине прошлого столетия, нашел по обеим сторонам священной дороги, ведущей к гавани Панорму, архаические статуи Бранхидов, сидящих на тронах, и около 30 надписей бустрофедоном VI в. до н. э.¹¹ Л. Роккетти видит в этих скульптурах влияние древних месопотамских традиций и датирует их по стилю и шрифту надписей VI в. до н. э.¹²

Из сообщения Геродота (VI. 19) явствует, что конкуренция и проперсидская политика Бранхидов породили вражду между двумя самыми могущественными жреческими кланами Эллады; пифийский оракул изрек сохранным Геродотом предсказание, похожее скорее на проклятие, пообещав Милету гибель от «длинноволосых», т. е. персов. Как сообщает здесь же Геродот, предсказание дельфийского оракула сбылось после победы Дария у о-ва Лада, причем храм и прорицалище были разграблены и преданы огню. Еще в двух местах Геродот также указывает, что Дарий сжег все ионийские города кроме Самоса вместе со святилищами богов (VI. 25, 32). Таким образом, античные авторы свидетельствуют, что Дарий предал огню священные храмовые участки в Милете и Дидимах. Вероятно, основные сокровища Дидимейона были разграблены именно им. Ведь на золото храма знаменитый предшественник Геродота Гекатей предлагал милетцам соорудить флот (Herod. V. 36) и если бы его соотечественники не побоялись святотатства больше, чем персов, то они могли бы нанести им поражение еще при о-ве Лада. Ясно, что персам следовало вывезти сокровища в Сузы, чтобы воспрепятствовать строительству нового флота. Дарий так, по-видимому, и поступил. У Ксеркса мотивы грабежа были иные¹³. Он разграбил храм Бранхидов и другие ионийские храмы из мести за поражение при Микале¹⁴. Как свидетельствует Страбон (XIV. 1. 5), «храм Аполлона был сожжен Ксерксом, подобно прочим святилищам... Бранхиды же передали сокровища бога персидскому царю и бежали вместе с персами, чтобы избежать наказания за святотатство и предательство».

Третий период истории Бранхидов характеризуется восстановлением или обновлением святилища Аполлона в 334 г. до н. э. Каким образом, кем и на чьи средства был восстановлен маленький храм — наискос в Дидимах — неизвестно. Еще до окончательной победы Александра над персами, по-видимому, кто-то из Бранхидов произвел большую работу по его восстановлению. Ясно только, что несмотря на неоднократные разрушения Дарием (в 494 г.) и Ксерксом (в 479 г.), а также бегство Бранхидов прорицалище не утратило своего значения и, как показывают археологические открытия, продолжало функционировать¹⁵. Александр и Селевк в 334 г. побывали на его руинах, видимо, для переговоров о восстановлении громадного храма Аполлона. Собственно, наискос был уже восстановлен: Александр был первым, кому отвечал оракул в новом святилище¹⁶.

¹¹ *Newton Ch. T. A History of Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. V. II. Londra, 1862. P. 553, 557. Tav. 74—125.*

¹² *Rocchetti L. Branchidi // EAA. V. II. Roma, 1959. P. 164.*

¹³ Храм Аполлона в Дидимах находился в 18 стадиях (ок. 32 км) от Милета (*Plin. NH. V. 29, 31*). Из него был виден на севере мыс Микале, около которого греки направили флоту Ксеркса сокрушительное поражение.

¹⁴ Раскопки в Дидимах подтвердили гибель святилища в начале V в. до н. э. См. *Kleine J. Führer durch die Ruinen von Milet — Didyma — Priene. Ludwigsburg, 1980. S. 121.*

¹⁵ П. Бернар (Op. cit. P. 124) справедливо отмечает, что находки и надписи из Дидимейона свидетельствуют о быстром возрождении активности святилища.

¹⁶ *Gruben G. Die Tempel der Griechen. München, 1966. S. 56 ff.*

Обратим внимание на то, как Страбон пересказывает историю пребывания Александра в Дидимейоне, заимствованную им, по его признанию, у Каллисфена: «К этому рассказу Каллисфен прибавляет, подобно трагическому поэту, еще следующее: после того как Аполлон покинул оракул у Бранхидов, с тех пор как святилище было разграблено Бранхидами (которые во времена Ксеркса держали сторону персов), иссяк и источник; однако с прибытием Александра не только источник вновь появился, но и милетские послы доставили в Мемфис много изречений оракула относительно рождения Александра от Зевса, о предстоящей победе около Арбел, кончине Дария и попытках восстания в Лакедемонии» (XVII. 1. 43. Пер. Г. А. Стратановского). В рассказе Каллисфена присутствует сообщение о разграблении святилища Бранхидами во времена Ксеркса. Это свидетельство не единичное — Страбон и в другом месте подробно говорит о причинах переселения Бранхидов Ксерксом (XI. 11. 4). Павсаний также дважды свидетельствует о том, что статуя Аполлона была вывезена Ксерксом из Дидим и возвращена только Селевком (Paus. I. 16. 2; VIII. 46. 3). Здесь важно то, что в рассказе Каллисфена вообще не мог быть упомянут Селевк. Следовательно, сообщения и других авторов легли в основу рассказов Страбона о Селевке и Александре в Дидимах.

Важно подчеркнуть, что для изложения ранней истории Бранхидов ни Страбон, ни Павсаний, ни тем более Геродот, живший намного раньше, не могли пользоваться трудами Каллисфена или Клитарха, которые писали историю эллинистического периода. Даже если допустить, что Каллисфен в своем труде, посвященном деяниям Александра, описал и раннюю историю Бранхидов, то трудно предположить, что этот пассаж мог появиться в том случае, если он не видел Бранхидов в Средней Азии. Источником сообщений о всех четырех периодах истории рода Бранхидов не мог быть один Каллисфен. О Бранхидах писали начиная с Геродота гораздо чаще, чем о других жрецах Малой Азии, так как, по справедливому утверждению Климентя Александрийского, «Дидимейское святилище было одним из знаменитейших оракулов Аполлона» (Protrept. II. 11).

Эпизод о пребывании Александра в Дидимах излагался, очевидно, и более поздними, чем Каллисфен, авторами. Сам факт вопрошения оракула несомненен, однако ответы Александру и Селевку носят отпечаток фабрикации — *vatitinio post eventum*. Одна из версий сообщает, что Селевк был вместе с Александром в Дидимейоне и еще до окончательной победы над Дарием получил предсказание от оракула, которое сбылось дважды: «Не торопись в Европу, в Азии тебе будет лучше». Спустя 28 лет (в 306 г.) он стал царем в Вавилоне и ему подчинялась Азия (Plut. Dem. 18; App. Syr. 55)¹⁷. Селевк, ставший царем, восстановил наос храма Аполлона в Дидимах. В 295 г. он вернул статую Аполлона работы Канаха Сикионского, увезенную Ксерксом (Paus. I. 16. 2; VIII. 46. 3). Когда же Селевк I Никатор перешел Геллеспонт, чтобы захватить власть в Македонии, т. е. ступил в Европу, он был неожиданно предательски убит мечом в спину Птолемеем Керавном (Just. XVII. 1—2; App. Syr. 64). Таким образом, задолго до победы Александра просто полководцу Се-

¹⁷ Есть веские основания полагать, что это и другие (Paus. I. 16. 1) предсказания были сфабрикованы после того, как Селевк стал царствовать в Вавилоне, по крайней мере, не ранее 312 г., т. е. значительно позже смерти Каллисфена. См. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 62—64. В. Гюнтер считает, что в этом предсказании суммированы два пророчества — 312 и 288/7 гг. до н. э. (Günther W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit. Eine Interpretation von Stein-Urkunden // Istanbul Mitteilungen. Beiheft 4. Tübingen, 1971. S. 70 f.).

левку было дано предсказание, и оно сбылось: первый раз, когда он стал царем в Азии, второй — когда ступил в Европу¹⁸.

Четвертый, самый поздний период функционирования оракула в Дидимах освещен Плутархом (Rompr. 24)¹⁹, Лукианом (Alex. 29)²⁰ и Юлианом Отступником. Возможно, что Юлиан возобновил языческое святилище, сам став в нем прорицателем²¹, однако во времена Лукиана (II в. н.э.) оно было еще одним из самых уважаемых и продолжало именоваться Бранхидами.

Сообщения о пребывании рода Бранхидов в Средней Азии имеются у нескольких авторов. Особенно важен отрывок Страбона (XI. 11. 4), в котором он локализует их город вблизи места, где была пленена Роксана и отпразднована свадьба с ней Александра. Еще более конкретны сведения Курция Руфа (VII. 5. 28—35), они снабжены подробностями и заключительным моральным назиданием. В погоне за Бессом Александр, переправившись через реку Окс, подошел к городу Бранхидов. Курций, отметив небольшую величину города, населенного Бранхидами, рассказывает их историю: «Некогда по приказанию Ксеркса, возвращавшегося из Греции, они переселились из Милета на это место в качестве изгнанников, ибо в угоду этому царю осквернили храм, называемый Дидимейон. Они еще не забыли обычаи предков, но говорили на смешанном языке, постепенно отвыкнув от родного. Они приняли царя с радостью и сдались ему со всем городом. Но тот велит созвать милетцев, служивших под его знаменами. Милетцы питали издавна ненависть к роду Бранхидов за их измену. Поэтому царь предоставил милетцам решать их судьбу, учитывая как их вину, так и общее с ними происхождение» (Curt. VII. 5. 28—30). Действительно, Александр, не имевший на то юридических прав, никогда не судил греков. Даже Каллисфена, обвиненного в заговоре против царя, он собирался судить в Греции, так как грек был не подвластен суду македонян (Plut. Alex. 55; Arr. IV. 14. 1—4). Если первая часть рассказа Курция не вызывает сомнения, то заключение, включающее и правоучение Курция, содержит одну лишь правдоподобную деталь, в остальном оно сильно преувеличено: «Так как мнения милетцев разделились, Александр сам решил участь ионийцев». Зверства македонцев в городе Бранхидов, описанные Курцием Руфом, якобы превзошли по свирепости самые жестокие побоища за период похода Александра. Кроме грабежа, истребления всех жителей до единого, в том числе тех, кто прикрывался священными покрывалами, стены города разрушаются до основания, а в священных рощах и лесах выкорчевываются деревья, «чтобы на этом месте была обширная пустыня с бесплодной землей, лишенной даже корней деревьев» (Curt. VII. 5. 31—34). За описанием всех

¹⁸ По свидетельству Диодора Сицилийского, Селевк I сам разглашал пророчество, изреченное ему в Дидимах, о том, что оракул провозгласил его царем (XIX. 90. 4). Следующее за диадохами (Селевком I и Птолемеем I) поколение эпигонов создавало оракулы значительно более решительные и свободные даже не для легитимизации своей власти, а для собственного прижизненного обожествления. Для этого они даже не считали обязательным прибегать к прорицателю.

¹⁹ Из рассказа Плутарха явствует, что в начале I в. до н. э. Дидимское святилище вновь стало одним из богатейших и вошло в число «неприкосновенных» (т. е. пользовавшихся правом асиии. — И. П.) до того времени, пока его не ограбили пираты. Архитектурное убранство Дидим I в. до н. э. — I в. н. э. обновляется с небывалой ранее роскошью.

²⁰ Прямое указание Лукиана: «К храму святому Бранхидов приблизясь, внемли изреченью» (пер. Д. Сергеевского).

²¹ Cauer. Op. cit. S. 813 со ссылкой: Julian. Ep. LXII. P. 451.

этих неправдоподобных бесчинств следует мораль, выдающая критическое отношение самого Курция или его источника к Александру: «Если бы все эти меры были приняты против самих изменников, то они показали бы справедливой местию, а не жестокостью, теперь же вину предков испутили потомки, которые даже не видели Милета, а потому и не могли предать его Ксерксу» (Curt. VII. 5. 35). Расправа с Бранхидами вызывает еще большее сомнение из-за спешки Александра, преследовавшего Бесса. Далее Курций (VII. 5. 36) рассказывает о походе войска к Танаису, во время которого был захвачен Бесс.

Плутарх (Mog. 557B) также сообщает о том, что Александр «разрушил город Бранхидов и совершенно уничтожил всех тех, прадеды которых предали милетский храм». Из этого свидетельства Плутарха следует факт разрушения города, но уточняется как будто, что избиению подверглись лишь те, прадеды (προπάππων) которых предали милетский храм. Так оно, возможно, и было: истреблению подвергся, вероятно, род Бранхидов («прикрывавшийся священными покрывалами», по Курцию). Вряд ли Александр истреблял и остальных жителей города, предки которых не имели никакого отношения к предательству.

Четвертым автором, рассказавшим всю историю переселения Бранхидов, был Диодор Сицилийский. Сохранилось краткое содержание его частично утраченной XVII книги, из которого явствует, что Бранхиды, исстари переселенные на границы Персидского царства, были убиты Александром как предатели по отношению к грекам (ως προδοτας τῶν Ἑλλήνων).

В Лексиконе Суда первой половины X в. н.э., составленном на основе сочинений древних грамматиков, схолий и словарей, освещена лишь поздняя история рода Бранхидов (s. v. Βραρχίδα). В отличие от Стефана Византийского (s. v. Δίδυμα) у Суда отмечен лишь переход их на службу Ксеркса, который завершается их истреблением в глубинах Азии. Свидетельство Суда достаточно подробно мотивирует жестокость Александра по отношению к Бранхидам, «совершившим худшее предательство» (κακίστης προδοσίας). Александр всех жителей перебил (ἀπέκτεινε) и уничтожил «псевдоименный город» (ψευδώνυμος πόλις). Под псевдоименным городом имеется в виду город Бранхидов, который, по мнению Александра, не имел права так называться.

Все пять свидетельств о городе Бранхидов на границе Бактрии и Согдианы самостоятельны и отличаются своеобразием, заключающимся в приведении одной или двух деталей, подчеркивающих независимость каждого из авторов. Как показывают источники, несмотря на бегство Бранхидов из святилища Дидим с войсками Ксеркса (479 г.) прорицалище там возобновилось и храм функционировал еще несколько столетий после Александра. «Истребление» Александром рода Бранхидов не помешало их потомкам сохранить свой культ в Бактрии и Согдиане, как об этом свидетельствуют вышеупомянутые дипинти: «Бранхидов» — Βραρχιδῶν, а также жертвенники Аполлону Дидимейскому, поставленные Демодамом за Яксартом в период совместного правления Селевка и его сына Антиоха I (Plin. NH. VI. 18).

Теперь перейдем к рассмотрению точки зрения тех, кто отвергал историчность античной традиции. У. Тарн рассматривал историю Бранхидов в Бактрии дважды. В первый раз в 1922 г. он «осмеливался думать, что Александр никогда не встречал никого из Бранхидов»²². В 1948 и 1950 г. неудовлетворенный, по-видимому, первым результатом Тарн вер-

²² Tarn. The Massacre... P. 63—66.

нулся к этой теме, чтобы аргументировать свою точку зрения по поводу Бранхидов, и вторично пришел к отрицательному мнению, считая историю выдуманной Каллисфеном и Клитархом²³. Тарн выдвинул целый ряд аргументов против достоверности источников о существовании города Бранхидов в Согдиане. Он выделил в сообщениях Страбона и Курция первоисточники — Каллисфена и Клитарха. Собственно, Каллисфена как свой источник в одном случае назвал сам Страбон, но, судя по его проницательному отношению к Каллисфену и Онесикриту, он пользовался несомненно в свидетельствах о Бранхидах и источниками, внушающими ему большее доверие.

Основным аргументом против историчности переселения Бранхидов для Тарна служит текст Геродота, сообщения которого якобы вообще противоречат возможности такого переселения. Остальные же источники согласно говорят о Бранхидах в Согдиане или Бактрии. Тарн не обратил внимания на то, что античным авторам сообщение Геродота не казалось противоречащим их собственным утверждениям, а Геродота они знали не хуже, чем мы. Тарн вообще отвергает все перипетии, связанные с Бранхидами, утверждая, что раз (согласно Геродоту) Дарий ограбил храм Дидим в 494 г., то Ксеркс не мог ограбить его спустя 15 лет в 479 г., «и, таким образом, избиение Бранхидов исчезает из истории навсегда»²⁴. Вывод этот, однако, кажется преждевременным. Имя Бранхидов упоминалось не раз за прошедшие после Геродота 25 столетий, и, если раскопки в Бактрии будут продолжаться, то найденные надписи могут оказаться не единственными. Чувствуя неубедительность одного этого довода, Тарн пытается увидеть и другие противоречия в источниках. Версии поздних авторов, как им показано, восходят к разным первоисточникам, что, вопреки его мнению, скорее доказывает их достоверность. Одна из версий восходит к Каллисфену, который утверждал, что Аполлон покинул Дидимы, так как во времена Ксеркса Бранхиды предали храм. Священный источник иссяк, однако снова стал функционировать при Александре, и милетцы передали последнему оракул о его божественном происхождении, о предстоящей победе около Арбел, смерти Дария и восстании в Лакедемоне (Strabo. XVII. 1. 43)²⁵.

Поскольку история Бранхидов у Каллисфена рассказывается вместе с пророчеством Александру, Тарн считает, что Каллисфен после смерти Дария III якобы сам придумал пророчество и историю Бранхидов. Однако, как показал он сам, существовала независимая от Каллисфена традиция о Бранхидах. Автор приходит к выводу о том, что вторая версия истории избиения Бранхидов идет от Клитарха²⁶. Помимо двух версий Тарн выявляет и два разных подхода в отношении к убийству Бранхидов у авторов переложений: одобрительное и отрицательное. Страбон прославляет действия Александра, с отвращением относящегося к святотатству и предательству, что, как считает Тарн, свидетельствует о заимствовании у Каллисфена. Кроме того, Страбон почти никогда не использует Клитарха²⁷. Версия, заимствованная у Клитарха, по Тарну, сохранилась лишь у Курция, поскольку этот сюжет у Диодора потерян и упомянут лишь в про-

²³ *Idem.* Alexander... V. I. P. 67; V. II. P. 274 f.

²⁴ *Ibid.* V. II. P. 274. Not. 2.

²⁵ *Ibid.* P. 274.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Ibid.* § E. P. 53. За исключением случаев, указанных Тарном (*ibid.* P. 274. Not. 2).

логе, а у Трога — Юстина опущен. При этом Клитарх, как это ему свойственно, порицает Александра ²⁸.

Рассмотрение точки зрения Тарна приводит к тому выводу, что его уточненное выявление первоисточников, к которым восходят версии авторов переложений, лишь подтверждает истинность существования в Согдиане или Бактрии, а скорее на границе между этими двумя областями, города Бранхидов. Добавим только, что Страбон помимо Каллисфена (которого он высмеивает за его выдумку с дидимейским источником) рассказывает о городе Бранхидов, ссылаясь и на другие свидетельства, при этом без всякой проники. Кроме того, Каллисфен, участвовавший в походе Александра и побывавший в городе Бранхидов, если такой существовал, мог придумать историю с источником, но не мог, побывав в Бактрии и Согдиане и не обнаружив города Бранхидов, связывать пророчество в Дидимах со столь очевидной ложью, бросающей тень на важное пророчество. Что же касается фокуса с источником, забывшим при появлении Александра, то изобретателем его, несомненно, были жрецы, а не Каллисфен. Последнего можно лишь упрекнуть за доверчивость или участие в распространении ложных сведений, а вовсе не в святотатстве. И история с источником, и пророчества Аполлона широко рекламировались и дошли до Мемфиса через храмовых посланников раньше Александра. Ни Александр, ни Селевк не допустили бы при своей жизни оскорбительного отношения к пророчествам, сулящим им царства в Азии. Наоборот, они всячески способствовали пропаганде этих пророчеств. Известны их благодарственные приношения за эти прорицания: крупные подарки, восстановление разрушенного святилища и строительство Аполлону новых храмов. Рассмотрение вопроса о достоверности существования города Бранхидов в Бактрии следует завершить заключительными словами самого Тарна по поводу приведенных источников: «ни одна история не была полностью лживой» ²⁹. В данном случае это совершенно оправдано и подтвердилось археологическими находками.

Критика теории Тарна в резкой форме была высказана в 1957 г. А. К. Нарайном ³⁰, который рассматривает ее исходя из своей концепции о существовании тесного этнокультурного единства греков и иранцев в Верхних сатрапиях еще до прихода Александра Великого ³¹. Анализируя античные тексты, он приходит к выводу, что доводы Тарна не убедительны, и нет никакого основания сомневаться в достоверности истории Бранхидов, рассказанной Курцием и подтвержденной другими источниками. Нарайн помещает город Бранхидов между Балхом и Самаркандом. Ко времени прихода Александра, по его мнению, Бранхиды были двуязычны и частично деэллинизированы, однако все еще привязаны к своим традициям. Принимая сообщение Курция полностью и понимая его буквально, автор пишет, что «Александр, как сумасшедший, разрушил город и перебил его жителей за деяния их предков» ³². Нарайн признает заслуги Тарна в указании неточности в источниках, однако не считает возможным считать их «нелепой подделкой». Кроме прямых указаний античной и индийской традиции (о яванах) Нарайн приводит известные сведения о ссылках ионийцев, дионисийских греческих триб и баркийцев в Бактрию и вслед за Х. Д. Роулинсоном считает Верхние сатрапии районом, кото-

²⁸ Ibid. § E.

²⁹ Ibid. P. 275.

³⁰ Narain. Op. cit. P. 3—4.

³¹ Ibid. P. 1—6.

³² Ibid. P. 3.

рый использовался персидскими царями (как и русскими во времена Роулинсона) в качестве места ссылки, вроде Сибири³³. В дополнение к сообщениям авторов о колониях греков в Нисе и греков ливийского города Барки (Агг. V.1—2; Herod. IV. 204) Нарайн приводит и данные нумизматики в подтверждение историчности контактов греков Малой Азии и Афин с Бактрией до прихода Александра³⁴.

В последние годы история Бранхидов рассматривалась неоднократно. Во всех известных мне исследованиях доводы Тарна сочтены неубедительными. Особую ценность представляет последняя из прижизненных работ Х. У. Парка, где он исследует историю рода Бранхидов в обоих регионах — Малой Азии и Бактрии.

Решительно отстаивая историчность античной традиции о Бранхидах, автор приходит к выводу о следующих причинах их «избиения» Александром. В качестве вероятной не исключается версия Каллисфена: ужас от предательства и святотатства Бранхидов. В то же время возможно и «подогревание чувств» национального греческого единства — «крестовый поход» как месть за Греко-персидские войны (то же подчеркивалось при сожжении Персеполя двумя годами раньше), как месть Ксерксу, который сжег греческие храмы. Кроме того, избиение Бранхидов могло произойти в угоду новой милетской демократической партии и нового жречества восстановленного храма, чтобы бактрийские Бранхиды не вернулись домой и не предъявили свои древние права на святилище. Бактрийские Бранхиды были дискредитированы и потому непригодны для нового оракула в Дидимах «как сомнительные полувосточные обитатели», предки которых были скомпрометированы³⁵.

Нельзя не согласиться с Парком, что избиение Бранхидов вписывается в картину трагических эпизодов, которые начались с казни Филота, убийства Пармениона, а затем продолжились убийством Клита и заговорщиков-пажей (в том числе и прославленного историка Каллисфена³⁶). Ф. Л. Холт не сомневается в историчности традиции о Бранхидах и в том, что «путем голосования они были приговорены к избиению, а их имущество разграблено»³⁷. По его мнению, Тарн и последовавшие за ним исследователи «отбросили этот эпизод вообще». Тарн, пытаясь «обелить» Александра, заявил, что якобы Каллисфен изобрел эту историю, а Клитарх позже украсил ее³⁸. Его аргументам Холт противопоставил упоминания Геродота (IX. 99, 104) о том, что милетяне предали и погубили персидское войско после битвы при Микале в 479 г. до н.э. Очевидно, замечает Холт, Милет был снова заселен после 494 г., и знаменитый храм был вновь восстановлен, так же как это было во время Александра и Селевка. Полемику о Бранхидах автор завершает следующими выводами³⁹. Ни одно из опровержений Тарна не убедительно. Абсолютно реально, что Бранхиды, так же как и баркийцы, были депортированы в Бактрию — Согдиану. Если Бранхиды были в Согдиане, то нет причин сомневаться в том, что они подверглись избиению. Достойно внимания сообщение Курция (VII. 5. 30—31) о том, что царь старался еще больше, чем его армия, уничтожить Бранхидов. Избиением Бранхидов Александр подтвердил панэллинскую

³³ Ibid. P. 2—4; Rawlinson. Op. cit. P. 32.

³⁴ Narain. Op. cit. P. 4—6.

³⁵ Parke. The Massacre... P. 68.

³⁶ Ibid.

³⁷ Holt F. L. Alexander the Great and Bactria // Supplements to Mnemosyne. № 104. Leiden, 1988. P. 52, 55 ff.

³⁸ Ibid. P. 74 f.

³⁹ Ibid.

природу своего похода, кроме того, этим актом он декларировал ту абсолютную власть над своими азиатскими подданными, которые поступали к нему на службу как преемнику Дария. Холт вслед за Парком считает необходимым вписать это избиение в «картину трагических эпизодов» (казнь Филота, убийство Пармениона, заговор пажей). Однако справедливо, по-видимому, и то, что ни греки, ни азиаты совершенно не были довольны позицией Александра по отношению к Бранхидам. Холт, как и Парк, считает важным учитывать общественное мнение жителей Малой Азии, где новое жречество в древнем храме не желало возвращения «варваризованных» Бранхидов. Таким образом, исследователь трактует историю Бранхидов в традиционном русле доверия к источникам, единогласно сообщающим об избиении Бранхидов в Бактрии — Согдиане.

Чрезвычайно интересна также работа П. Бернара, в которой он отметил заслуги исследования Тарна, указав на уязвимые места его аргументации⁴⁰. Доводы Бернара, опровергающего критику Тарна, достаточно убедительны. Во-первых, сообщение о грабеже 494 г. прямо не засвидетельствовано Геродотом, лишь указывающим на предсказание об установлении власти персов над Милетом. Во-вторых, не исключена возможность того, что сокровища Дидимейона были расхищены дважды: сначала Дарием — основные ценности, затем Ксерксом — все остальное. В-третьих, не все перипетии Дидимейона в нужной степени освещены историческими источниками. В-четвертых, вотивная гиря, отлитая в форме астрагала из бронзы с начертанной на ней посвянительной надписью Аполлону Дидимейскому, вовсе не обязательно была взята при грабеже 494 г. (если таковой имел место); она вполне (и даже скорее всего) могла быть взята при повторном изъятии сокровищ и вотивов⁴¹.

Благодаря исследованию Бернара можно предположительно реконструировать историю похищения сокровищ Дидимейона следующим образом. Не исключено, что Дарий в 494 г. отправил переселенцев и награбленные сокровища в Месопотамию, а Ксеркс в 479 г. переселил Бранхидов в Среднюю Азию. Как поступил Ксеркс с храмовыми сокровищами Бранхидов, неясно. Возможно, что основная их часть была конфискована в царскую казну и осталась в Сузах или Экбатанах, о чем имеются свидетельства Страбона и Павсания. Напомним, что Селевк вернул в Дидимы (в благодарность за предсказание об его успехах в Азии) статую работы Канаха, увезенную Ксерксом (Paus. I. 16. 2; VIII. 46. 3). Не исключено, однако, что предметы, необходимые для жертвоприношений, были оставлены наследственному роду жрецов — Бранхидам, утвердившим на новой родине в Согдиане культ Аполлона Дидимейского.

Мы не стали бы вместе с Бернаром только привлекать сообщение Ктесия, и тем более с исправлением С. Ройса (Дельфы, разграбленные Ксерксом, по Ктесию, заменены им на Дидимы), для того, чтобы увеличить количество источников, свидетельствующих об ограблении Дидим. Тарн справедливо отвергал эту произвольную трактовку текста Ктесия, сообщение которого о приказе Ксеркса разграбить именно храм Аполлона в Дельфах кажется правдоподобным. Оно подтверждается и прямым указанием Павсания (на которое Ройс и Бернар не обратили внимание) о том, что «храм (в Дельфах. — И. П.) был ограблен частью войска Ксеркса» (X. 7. 1). Ктесий, если уж его привлекать, лишь подтверждает, что Ксеркс проводил враждебную по отношению к греческим храмам политику после

⁴⁰ Bernard. Op. cit. P. 123.

⁴¹ Ibid. P. 124.

своего поражения в Греко-персидской войне. Бернар привел другой отрывок Павсания (VIII. 46. 3) в подтверждение того, что Ксеркс, мстя милетянам за поражение, увез статую Канаха, которая была культовым изображением Аполлона. У Павсания есть еще и третье свидетельство: «Селевк возвратил Бранхидам медного Аполлона, увезенного Ксерксом в мидийские Экбатаны» (I. 16. 2). Бернар, в противоположность Тарну, приходит к выводу, что добровольный отъезд Бранхидов в обозе персов, отнесенный к 479 г., не представляется невероятным. К этому он добавляет, ссылаясь на Геродота (IV. 200—204; VI. 19), что Центральная Азия при Ахеменидах была страной для высылки переселенцев, которая практиковалась Дарием, поэтому существует достаточно причин, чтобы считать возможным переселение Бранхидов в Согдиану. Однако Бернар, не убежденный в реальности избиения Александром Бранхидов в Согдиане, пишет: «Если они там были, то эти свидетельства в равной степени можно принять или отвергнуть»⁴².

С большой осторожностью Бернар отнесся не столько к прочтению имени Бранхидов В. А. Лившицем, сколько к сохранению рода Бранхидов на протяжении столь длительного времени: «Мы плохо представляем себе, — пишет он, — как потомки Бранхидов, предполагая, что избиение Александром не имело места, могли выжить более шести веков, сохранив свои преимущества, если бы они не находились под его (Александра) покровительством. Точно так же надо предположить, что они (Бранхиды) перешли с правого на левый берег Окса»⁴³.

Нам представляется возможным отнестись с большим доверием к письменной традиции и к дипинти с именем Бранхидов (даже в несколько искаженном виде). Вспоминая еще раз историю рода Бранхидов, следует обратить внимание на утверждения, что они были основателями и жрецами культа Аполлона по крайней мере с самого начала функционирования святилища. Этот древний род оказался не менее жизнеспособен, чем другие династии жрецов в Греции или магов в Иране. Нет ничего невероятного в том, что если они просуществовали до Александра, то род их был столько же известен и после него (об этом есть свидетельства Луккиана и Юлиана Отступника). Их город стоял недалеко от берега Окса, рядом с крепостью Окса (Strabo. XI. 11. 4). Если святилище Бранхидов действительно существовало в Бактрии или Согдиане, то это был не городской, а общebakтрийский храм. В таком случае имена Бранхидов могли получить такое же распространение, как и производные от Окса имена, известные достаточно длительное время и широко распространенные⁴⁴.

Наиболее наглядным примером может послужить археологическая параллель длительности культовой традиции, прослеженная нами в храме Окса в Тахти-Сангине (Северная Бактрия), построенном в конце IV, самое позднее в III в. до н.э., который продолжал функционировать несмотря на нашествия кочевников и в кушанский период. Не было бы удивительным, если бы среди многочисленных посвящений кушанского времени было найдено аналогичное греческому посвящение Оксу, сделанное кушанами⁴⁵. Во всяком случае, кушане шестьсот лет спустя после осно-

⁴² Ibid. P. 125.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Оксебоак, Оксюбадз, Оксюдат, Оксиарт (Оксатр, Оксюатр). См.: Rapin C. Les inscriptions éconómiques de la trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum (Afghanistan) // BCH. 1983. CVII. 1. P. 326, 341. Fig. 22; Grenet F. L'onomastique iranienne à Ai Khanoum // Ibid. P. 374 ff., 380 f.

⁴⁵ Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичихян И. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84—110.

вания храма Окса жертвовали в храм Окса клады монет с именами царей (Канишки и Хувишки), датированные приблизительно тем же временем, что и амфоры с именами Бранхидов в Дильберджине. Впрочем, есть еще более удивительная параллель длительности существования культов в Центральной Азии — гемма кушано-сасанидской эпохи IV в. н.э., находящаяся теперь в Британском музее. Хотя предложенные ранее чтения считаются ныне ошибочными: вместо «Вахш — единственный бог» читают «Повелитель Вахша, сын Лога», тем не менее А. Бивар и Ф. Грене относят первое имя все же к известной многочисленной серии теофорных имен, образованных от имени бога Окса ⁴⁶.

Завершая рассмотрение античной традиции о Бранхидах, следует заметить, что каждое из событий их истории разные авторы освещают не только по-своему, но и акцентируя различные мотивы, пользуясь при этом разными терминами. Остается фактом, что не только история храма Аполлона в Дидимах, но и вообще история рода потомственных жрецов Бранхидов была одной из самых распространенных тем в античной историографии. Как бы ни трактовались уникальные дипинти на кушанских амфоровидных сосудах, они содержат имена Бранхидов или производные от них, появившиеся в Бактрии вместе с переселенцами — Бранхидами и просуществовавшие несколько столетий, — иных производных в греческом языке нет ⁴⁷. С другой стороны, изложенная история Бранхидов показывает: в какой бы форме ни высказывалось доверие или скепсис к многоголосой письменной античной традиции — рассмотрение ее с разных точек зрения оказывается продуктивным.

И. Р. Пичикян

⁴⁶ Grenet. Op. cit. P. 381 (см. библиографию по этому вопросу и указание на то, что гемма хранится в Британском музее, а не в Калькуттском). Опубликованный Р. Гиршманом оттиск геммы переиздан: Bivar A. D. H. // Corpus Inscriptionum Iranicarum. T. III. V. VI. P., 1968. Taf. II, 2.

⁴⁷ Недавно я ознакомился с аналогичным мнением Парка: имя Бранхос почти уникально в греческой ономастике и мифологии. В классический период им не нарекались отдельные частные лица. Кроме того Парк, основываясь, по-видимому, на прямом указании Квинтилиана (Inst. Orat. II. 3), считает, что βράχως было формой произнесения (вешания) пророчеств, используемых предсказателями, а потому сделалось титулом самих предсказателей (Parke. The Massacre... P. 59 f. Not. 5). То же самое см. у Вайцзеке-ра: «Der Name Branchos deutet seine Thätigkeit als Prophet» (Op. cit. S. 817).

THE CITY OF THE BRANCHIDS

I. R. Pichikyan

The author examines in great detail the millennial history of the Branchids, a hereditary clan of priest tending the famous temple of Apollo in Didymi, near Miletus. The history of this clan is essential to an understanding the political and religious life, not only of Ionia but of Bactria too. Close analysis of the sources helps to put right a series of contradictions and misunderstandings that were the result of a selective approach to classical tradition, which shed ample light on the four periods of the Branchids' history.

The Branchids, who had been exiled to Bactria by Xerxes, were slaughtered by Alexander the Great near the river crossing on the right bank of the Oxus. Modern scholars disagree with the excessive criticism of W. Tarn, who considered the meeting between the Branchids and Alexander to be an invention of Kallisthenes; Strabo borrowed the episode from Kallisthenes, and Cleitarchus — from Curtius Rufus. However, according to the text, Strabo had other sources besides Kallisthenes. Another important fact is that

the story of the Branchids' slaughter was not only reported by Strabo (XI. 11.4) and Curtius Rufus (VII. 5. 28—35), but also by Plutarch (Mor., 557B), Diodorus Siculus (res. XVII) and Soudas (s. v. Βραγχίδαι). Obviously, classical authors drew their respective versions of the event from various sources and, not only do they each interpret it in their own way, they also attribute Alexander's cruelty to different motives, furnishing us with various details, terms and epithets. This is evidence enough that there was an abundance of primary sources.

The author does not see any contradictions in the incredible, by modern standards, vitality of the Branchids. The temple of Apollo near Miletus was plundered twice, once by Darius and once by Xerxes. But the practice of soothsaying was resumed despite the priests being exiled to Bactria, and the Branchids in Didymi continued soothsaying under Alexander and Seleucus, and even during the reign of Lucian and Julian the Apostate. The eastern branch of the Branchids was no less active.

The altars to Didymean Apollo were built on both the Northern and Southern borders of Sogdiana (Plin. NH. VI. 18). I. T. Kruglikova found some dipinti on Kushan amphorae, carrying the name of the Branchids, in Dilbergin (Northern Afghanistan). These were of a votive character. The reading of the dipinti put forward by V. A. Livshits is that they are a rarity from the point of view of the classical Greek language because they can have no other possible interpretation and b) that these inscriptions could not have appeared in Bactria had the Branchids not been in the region. Therefore, these dipinti can be regarded as additional, this time «archaeological» proof of the reliability of classical tradition in matters concerning the Branchids in Bactria. The episode with the Branchids in Bactria is not an invention of classical authors, which, according to W. Tarn, should be forever excluded from the annals of history. It is not impossible that the excavations on the banks of the river Oxus will provide us with additional information on the Branchid presence in Bactria. The longevity of the cult of Apollo in Trasoxiana is comparable to that of Oxus—Vahsh on the banks of the Amudary.

© 1991 г.

«ЕВПАТОРОВ ЗАКОН О НАСЛЕДОВАНИИ» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ ПОНТИЙСКОГО ЦАРСТВА

В 1965 г. Т. В. Блаватская опубликовала найденные в Горгишпии (совр. г. Анапа) два рескрипта боспорского царя Аспурга от 16 г. н.э., направленных этому городу¹. В первом из них (письмо А) говорится о том, что во время поездки царя в Рим к императору для получения царского титула Горгишпия оставалась на стороне Аспурга, в то время как другие боспорские полисы, судя по контексту письма, перешли на сторону его политических противников. В благодарность за это Аспург определил «сообразно данным распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них (горгишпийцев.— С. С.) неизменяемыми согласно наследственному закону Евпатора» (κατὰ τὰς ὑπ' ἐμοῦ δεδομένας ἐντολάς δοκιμάζω [εἰς τὸ λοιπὸν τὰς κ[λ]ηρονομία[ς] μένειν αὐτοῖς βεβαίως κατὰ τὸν Εὐπάτορος ἀνχι[στ]ευτικὸν νόμον). Во втором рескрипте

¹ Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197—200.

(письмо В), вырезанном на той же плите, упоминается об освобождении граждан Горгиипии от уплаты подати в царскую казну с вина, пшеницы, ячменя и проса. Последний документ внешне как будто не связан с предыдущим, однако ниже мы постараемся показать, что внутренняя генетическая связь между ними все же существует.

Издатель надписей не раскрыла сути и значения закона Евпатора о наследовании, ограничившись лишь указанием, что речь в нем должна идти о наследовании по праву близкого родства, как это было установлено Митридатом VI Евпатором, унифицировавшим городское право (т. е. жители Горгиипии получили при Митридате VI законы о наследовании, подобные законам, введенным им в греческих полисах Понтийского царства, расширившим круг родичей-наследников²). Насколько мне известно, никто более не пытался раскрыть смысл и содержание означенного закона³, хотя правильное о нем представление имело бы огромное значение для понимания политики понтийского царя в подвластных ему полисах Малой Азии и Причерноморья. Как нам представляется, сравнительный материал из сопредельных Понту стран, таких, как греко-римский Египет, селевкидская Месопотамия, Балканская Греция, позволяет обратиться к более серьезному анализу «Евпаторова закона о наследовании»: дать развернутую характеристику этого закона, показав его значение для свободных эллинских полисов, попавших под власть понтийского царя, и политики самого Митридата Евпатора, что и станет целью настоящей статьи. Хотя в ряде работ мы пытались раскрыть смысл «Евпаторова закона» применительно к особенностям полисной земельной собственности⁴, специального исследования данного явления эллинистической юрисдикции сделано до сих пор не было.

Прежде чем говорить о характере и значении «закона Евпатора о наследовании», следует остановиться на том, что, казалось бы, не должно вызывать сомнений: к какому царю относится означенный закон (?!). По названию автором закона следует считать Митридата VI Евпатора, но ни в одной надписи мы не найдем упоминания царя только по его прозвищу. Данное обстоятельство породило сомнения в признании Митридата VI инициатором закона о наследовании⁵. Между тем установлено, что на одной тетрадрахме Митридата VI, чеканенной в Понте, помещена легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ ΕΣ = 205 г. п.э. (93/2 г. до н.э.). Такую же надпись мы находим и на золотом статере царя, выпущенном после 88 г. до н.э.⁶ Поскольку на других монетах имя царя писалось полностью, следует полагать, что и в официальных документах этого властителя могли называть как по имени и прозвищу, так и по прозвищу без имени. Следовательно, закон о наследовании, о котором говорится в одном из горгиипийских рескриптов, действительно отно-

² Она же. Аспург и Боспор // СА. 1965. № 3. С. 30, 31.

³ Кратко его значения я коснулся в одной из своих статей — Сапрыкин С. Ю. Аспургване // СА. 1985. № 2. С. 68 сл.

⁴ Там же. С. 68—70; Сапрыкин С. Ю. Царское и полисное землевладение в Понтийском царстве Митридатидов // Acta centri historiae «Terra Antiqua Balcanica I». Sofia—Trinovo, 1986. P. 113—120; он же. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // Die Antike und Europa. Zentrum und Peripherie in der antiken Welt. Resümee. B., 1986. S. 182 f.

⁵ Это сомнение высказал в устной беседе П. О. Карышковский, который считал, что закон был принят при некоем Евпаторе — царе, ближе неизвестном и жившем на рубеже н. э.

⁶ Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. V. I. Fasc. 1. P., 1925. Ed. 2. P. 13. № 10, 11; SNG Deutschlands. Sammlung v. Auflock. B., 1957. Ht 1. Taf. 1. № 5, 6.

сится к царю Митридату VI Евпатору, прадеду Аспурга, автора рескриптов.

Для правильного представления о характере «наследственного закона Евпатора» необходимо, на наш взгляд, привлечь материалы из тех областей античного мира, где имеются аналогичные или близкие свидетельства о наследовании имущества, главным образом земельных участков, как по завещанию, так и без такового. Это прежде всего греко-римский Египет, откуда происходят папирусные документы с установлениями прав наследования на землях клерухов и полисов, затем селевкийская Месопотамия, где в 1922 г. был обнаружен папирус с текстом наследственного закона г. Дура-Европос, и, наконец, Балканская Греция, прежде всего Афины и Гортина, законы которых о наследовании *ab intestato* сохранились до наших дней благодаря надписям и показаниям античных авторов.

Наиболее ярко принцип наследования земельных участков-клеров проявился в птолемеевском Египте на так называемой *γῆ κληρουχική*. Военный поселенец-клерух владел царской землей на правах держанин, обязуясь нести военные повинности в пользу царя. Первоначально царь как верховный собственник земли самолично следил за ее распределением, поэтому какое-либо отчуждение участка запрещалось законом. В одном из папирусных документов (Pap. Rev. Laws 36. 12—14 — 259 г. до н.э.) говорится о виноградниках и садах, взятых клерухами во владение от царя. При этом царская администрация не признавала по крайней мере в середине III в. до н.э. частнособственнических прав клерухов на полученные ими во владение земельные участки. Об этом же наглядно свидетельствуют другие папирусы, например, P. Hibeh. 81.5 — 238 г. до н.э.; P. Petrie. II. 36; P. Lille. 14: в случае смерти или отказа от военной службы или неуплаты экфория (налога) земля клеруха переходила обратно к царю как верховному собственнику земли⁷.

Однако положение стало меняться к концу III в. до н.э. С этого времени и до конца эллинистической эпохи имущество клеруха могло быть передано по наследству по прямой линии к сыновьям⁸. В петиции катэков и постановлениях на этот счет царя Птолемея VIII Еввергета II Фискона указывается, что клеры, полученные клерухами, остаются за ними и их потомками по мужской линии в неоспоримом владении (P. Tebt. 124 — ок. 118 г. до н.э.). Таким образом, клер с ведома царской власти мог переходить от отца к сыну, который считался законным наследником⁹.

Примерно такая же картина предстает перед нами и в прошении катэков Птолемею VIII Еввергету II и Клеопатре. Там говорится, что они, получив землю, вскоре лишились ее и получили взамен участки худшего качества. В документе содержится просьба царю разрешить катэкам оставить за собой их прежние участки с таким расчетом, чтобы и дети могли бы их наследовать (P. Meuser. 1 — 144 г. до н.э.). Это показывает, как

⁷ О преобладании царской земельной собственности в птолемеевском Египте см. *Rostouzew M. I. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*. В. — Lpz, 1910. S. 5—6; *idem*. *A Large Estate in Egypt in the Third Century B. C.* Madison, 1922. P. 10; ср. также *Cohen G. The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization*. Wiesbaden, 1978. P. 64 f.

⁸ *Зельин К. К.* Исследования по истории земельных отношений в Египте во II—I вв. до н.э. М., 1970. С. 206; *Préaux Cl. L'économie royale des Lagides*. Bruxelles, 1939. P. 468—471.

⁹ Со II в. до н.э. клерухи-владельцы садовой земли получают право завещать участки. См. *Струве В. В.* Право владения землями нахотной и виноградной в птолемеевском Египте // *ЖМНП*. 1915. 1. С. 58.

постепенно ослаблялась юрисдикция царской канцелярии на некоторые категории земель. Соответственно за катэками закреплялись их частнособственнические права. Устанавливая наследственность держания, царская власть в некотором роде ограничивала собственные права на эту землю¹⁰.

С развитием института наследования за клерухами закреплялось право передавать имущество детям и без завещания (Pар. Grent. I. 17.5; Lond. 400.1.8), при этом наследовать можно было также и от матери. Основными наследниками во всех случаях были сыновья умершего (P. Lille. 4), однако, согласно юридическим нормам греко-римского Египта, из всех детей-наследников только старший сын мог быть главным преемником, ибо он получал двойную долю наследства. Все остальное переходило младшим сыновьям и дочерям умершего. При отсутствии у умерших детей и внуков в наследование вступали их жены. Царская власть оставляла за собой право наследовать или присваивать имущество умерших, но только в том случае, если все означенные категории родственников отсутствовали¹¹. Правда, есть свидетельства, что царь мог отказаться от наделов военных колонистов, которые умерли без завещания (BGU IV.1185 = C. Ord. Pt. 71 — ок. 60 г. до н.э.), но это скорее подтверждает верховную собственность царя на землю, нежели предоставление клерухам прав полной частной собственности на участки. Вот почему К. Прео справедливо отмечала, что передача земли по наследству ab intestato создала лишь трещину в общем каноне прав собственности царя на землю в эллинистическом Египте¹².

Круг родственников, которые могли претендовать на имущество кагойка или клеруха после его смерти, очерчивается в Египте только приблизительно. В BGU IV. 1185 (I в. до н.э.) говорится: «Если же кто-либо из них умрет, не сделав распоряжения о завещании, пусть их клеры перейдут к ближайшим потомкам так, как и у Арсиноитов». Очевидно, речь здесь идет о ближайших потомках, т. е. детях по отцовской линии. В папирусе Ent. 19₂ (218 г. до н.э.) упоминается опекун, который мог претендовать по закону на наследство опекаемого им человека, очевидно, потому, что у того не было прямых наследников. Это подтверждает и Pар. Tebt. III. 743 (II в. до н. э.): дети Харпаэсиса подали жалобу на некоего Петесуха, который завладел поместьем их отца, очевидно, как опекун и в обход закона, по которому при наличии прямых наследников те должны были вступить в наследство. Отсюда следует, что в эллинистическую эпоху основным наследником считался старший сын, затем, вероятно, другие дети и внуки. Как полагает Р. Таубеншлаг, в наследство могли вступать родственники, включая брата умершего и его детей, которые имели преимущество перед сестрой умершего и ее детьми¹³.

Что касается полисного права, то в Александрии, например, дочери

¹⁰ *Preaux*. Op. cit. P. 471 suiv.; *Зельин*. Ук. соч. С. 207. О собственности клерухов на землю см.: *Lesquier J.* Les institutions militaires de l'Egypte sous les Lagides. P., 1914.

¹¹ Это право имелось у царя, потому что за клер, полученный в качестве компенсации за военную службу, взимался налог — экфорий и царь был заинтересован в новых держателях (см. *Preaux*. Op. cit. P. 470; *Uebel F.* Die Kleruchen Agyptens unter der ersten sechs Ptolemäern. В., 1968).

¹² *Preaux*. Op. cit. P. 470—472; *Зельин*. Ук. соч. С. 207 сл. П. Бриан вообще считает, что организация клерухий Лагидами способствовала более прочному господству царской власти над различными районами страны (*Briant P.* Rois, tributs et paysans. P., 1982. P. 75).

¹³ *Taubenschlag R.* The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri. Warszawa, 1955. P. 182—186.

александрийских патронов исключались из наследования имущества отцовских вольноотпущенников. В Александрии разрешалось принимать наследство от бабушки, а дети, рожденные от брака с ἀστή или ксеном, не имели права наследовать матери¹⁴. Во всех случаях, когда родственники, которые имели права на наследство, отсутствовали, имущество всегда переходило к фиску¹⁵.

Таким образом, египетские законы о наследовании, хотя и весьма далекие от бытовавших в Понте при Митридатидях, предусматривали, учитывая значительную роль царской земельной собственности, контроль со стороны царя за наследованием недвижимости. При этом разрешение передавать клер по наследству способствовало росту частной собственности и увеличивало долю частного землевладения в системе земельных отношений.

Для понимания митридатовского закона о наследовании значительно больше, чем египетские папирусы, дает документ из Дура-Европос (P. Dura. 5), в котором сохранился текст регулирования прав наследования ab intestato. Он относится, как и интересующий нас «Евпаторов закон», к полисному праву, и в нем подробнее, чем в папирусах из греко-римского Египта, оговорен круг родственников, которые имели право претендовать на наследство в случае смерти наследователя. Несмотря на то, что папирус с текстом закона датируется III в. н. э., сам закон восходит к первоначальной конституции Дура-Европос, которая была выработана еще в первой половине III в. до н. э. при Селевке I Никаторе¹⁶. Поэтому им можно пользоваться для характеристики полисного права эллинистической эпохи. Закон гласит: «Имущество умерших отдается ближайшим родичам. Эти родичи следующие: если покойный не оставил детей или не усыновил кого-либо в соответствии с законами, то ему наследуют отец или мать, не живущая в супружестве с другим женщиной; если же нет никого (из перечисленных родственников), то наследуют отец или мать отца или кузен по отцовской линии. Если же не окажется и этих родственников, то имущество передается в царскую казну. В соответствии с этим пусть устанавливаются права наследования»¹⁷.

Уже первый издатель документа Б. Оссулье отмечал близость этого закона с законодательствами о наследовании классических греческих полисов¹⁸. Означенный законодательный акт предусматривает наследование имущества, прежде всего недвижимого, в случае, если умерший гражданин не оставил завещания о наследстве. Первоочередными наследниками являются дети — старший сын покойного, затем, вероятно, младшие дети. При отсутствии детей в наследство должны были вступить отец или мать умершего. В случае их смерти до того, как умер сам владелец имущества, наследниками становились его дед или бабушка по отцовской линии, либо двоюродный брат по линии отца. Таким образом, закон предписывает строгое наследование в первую очередь по мужской линии (отца или стар-

¹⁴ Ibid. P. 186. О египетском праве вообще см. *Reveillout E. Précis du droit égyptien*. V. 1—II. P. 1903.

¹⁵ Об этом *Taubenschlag*. Op. cit. P. 188.

¹⁶ *Rostovtzeff M. I. The Foundation of Dura-Europos on the Euphrates // Annales de l'Institut Kondakov*. 1938. V. 10; *Cohen*. Op. cit. P. 66—68; *Кошелев Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке*. М., 1979. С. 228—230.

¹⁷ P. Dura. 5 = *Cumont F. Fouilles de Dura-Europos*. P., 1926. P. 309—314.

¹⁸ *Haussoullier B. Une loi grecque inédite sur les successions ab intestat // Revue historique de droit français et étranger*. 1923. V. 47. P. 529. Ср. также *Cumont*. Op. cit. P. 309; *Кошелев*. Ук. соч. С. 229.

шего сына)¹⁹, что и сближает его с наследственными актами классических Афин (см. ниже).

Однако по сравнению с законами свободных греческих полисов в папире из Дура-Европос есть одно очень важное отличие: в нем говорится, что в случае отсутствия озгаченных категорий родственников имущество должно быть передано в царскую казну (βασιλικῆ ἢ οὐσία ἔστω). Этот пункт закона напоминает юридические нормы наследования имущества (клера) военными поселенцами в птолемеевском Египте, когда царь как верховный собственник земли имел право на возвращение себе переданного клеруху участка при отсутствии наследников у умершего. Упомянутая в законе оговорка показывает, что, хотя граждане Дура-Европос и имели в коллективном владении прилегающую к городу сельскохозяйственную территорию²⁰, личная собственность граждан на земельные участки была в конечном итоге опосредована верховной собственностью царя на землю²¹. Это, естественно, должно было несколько ограничивать полисную самостоятельность, поскольку над полисным коллективом стояла власть царской администрации²². Эллинистические законы о наследовании в полисах принимали контроль полисных коллективов за земельной собственностью отдельных его членов, ибо верховным собственником земли в государстве во всех случаях оставался царь.

Последнее особенно отчетливо заметно на примере двух эпиграфических документов из Македонии. Согласно первому — декрету, изданному царем Кассандром, некий Пердикка, сын Койна, получил землю (τὸν ἀγρὸν) в Синае и близ Трапезунта. Эти земли ранее имел его дед (ἐκλήροῦρησεν Πολεμοκράτης ὁ πατὴρ αὐτοῦ), впоследствии один из участков находился у его отца при Филиппе, одном из царей Македонии IV в. до н. э., может быть Филиппе II, отце Александра Македонского. Поскольку уже Филипп дал эту землю его семье в наследственное пользование (ἐμκατρίχοις), то и Кассандр, согласно декрету, предоставляет такое же право. Далее декрет подтверждает, что купленная Пердиккой у Птолемея земля в Спартоле также закрепляется за ним и его потомками в наследственном владении с правом обменивать и передавать в аренду, поскольку ранее царь Александр предоставил это право отцу Птолемея Птолемею, первому владельцу участка²³.

С этим декретом соотносится декрет 285 г. до н. э. из Кассандрии, в котором идет речь о передаче царем Лисимахом в наследственное владение некоему Лимнею, сыну Гарпала, земельных участков (τοὺς ἀγρούς)

¹⁹ Taubenschlag R. Papyri and Parchments from the Eastern Provinces of the Roman Empire outside Egypt // The Journal of Juristic Papyrology. 1949. V. III. P. 56.

²⁰ Rostovtzeff M. J. Dura-Europos and It's Art. Oxf., 1938. P. 15; Kreissig H. Wirtschaft und Gesellschaft in Seleukidenreich. B., 1978. S. 50.

²¹ Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 96 f. X. Крайссиг (Op. cit. S. 47) видит доказательство принадлежности земель клерухов к царской земле в том, что в случае отсутствия старшего сына, могущего стать наследником, земля клеруха переходила к царю. Этот вывод был сделан на основании предположения, что Дура-Европос была основана как военная колония, которая развивалась затем в полис, но данное заключение справедливо и для полисного землевладения, поскольку закон о наследовании из Дура-Европос действовал и в то время, когда этот центр уже выступал как эллинистический полис.

²² Кошелевко. Ук. соч. С. 231 сл. Зависимость полисов от царской администрации проявлялась в назначении эпислатов или эпимелетов, следивших за исполнением царских указов гражданами полисов (см. Bickermann E. Notes et discussions: la cité grecque dans les monarchies hellénistiques // Revue de philologie. 1939. Ser. III. V. 65).

²³ Syl³ 332; Dareste R., Haussoullier B., Reinach R. Recueil des inscriptions juridiques grecques. V. II. P., 1898. P. 136, 137; Hatzopoulos M. B. Une donation du roi Lysimaque // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ. 1988. V. 5. P. 23, 24.

на территории Сермилий, Олинфа близ Трапезунта и Стрепсий. В декрете оговорено, что получатель земли и его потомки имеют полное право собственности на участки, что выражается в возможности продавать, обменивать и передавать их тем, кому они сочтут нужным²⁴. Обе надписи свидетельствуют о том, что земля первоначально давалась царями в пользование на условиях несения военной службы, как в случае с дедом Пердикки. Затем статус индивидуальной собственности укрепился, и земля уже могла быть передана по наследству сыну или другим лицам по усмотрению владельца. При этом каждый из последующих царей подтверждал наследственные права владельца в том виде, в каком они были закреплены за ним в первый раз. При Лисимахе же полная собственность на недвижимость на условиях патримониального родства закрепились окончательно²⁵. Ранее царь, видимо, мог своей властью отобрать назад участок, переданный за военную службу человеку, даже имевшему законных наследников, однако впоследствии было разрешено передавать участки по наследству, что закрепило частновладельческие права. Однако тот факт, что царь каждый раз выносил вердикт на приобретение земельных участков в том или ином месте, даже на территории греческих городов, а также подтверждал наследственные права на них, показывает, что он оставался верховным собственником земли в государстве. А это открывало возможность отменить данное им право передавать участки по наследству на условиях патримониального родства и вернуть их обратно царскому фиску²⁶. Отсюда следует, что за царем всегда оставалось право вводить или отменять законы о наследовании недвижимости.

Таким образом, эллинистические правовые нормы наследования до некоторой степени ограничивали экономическую и политическую самостоятельность полисов, военных поселенцев и индивидуальных земельных собственников как подчинявшихся царской власти в соответствии с теми условиями, которые сложились в эллинистических монархиях. Причиной подобного положения являлся объект дарения — клер, который изначально предоставлялся на условиях несения военной службы²⁷.

В этом отношении наследственные законы в свободных эллинских полисах показывают большую самостоятельность гражданских общин в выборе юридических и политических установлений. Наиболее показательным наследственным правом Афин, где преимущество имели наследники по мужской линии: первым поколением преемников являлись родственники со стороны отца, затем деда, а только потом матери. Для греческого права характерно преимущество старшего сына перед остальными детьми (Dem. XXXVI.34; XXXIX.29). Права на наследство могли предъявлять родственники до четвертого поколения кровных родных (Is. VIII.34), но границей *ἀγχιστεία* обычно выступали дети старших двоюродных братьев и сестер. Если у покойного отсутствовали прямые наследники, то в наследство могли вступать его братья от того же отца и их потомки, либо сестры и их потомки (Dem. XLIII.51; XLIV.12; Is. VII.20; XI.17; V.27). Любопытно, что в случае отсутствия означенных категорий род-

²⁴ *Hatzopoulos*. Op. cit. P. 17, 18.

²⁵ Согласно мнению Ж. и Л. Роберов, выражения *εἰς τὸ πατρικόν* и *εἰς πατρικά*, а также близкое им *ἐν πατρικοῖς* в декретах из Македонии свидетельствуют о том, что земля находилась в личной собственности (см. *Robert J. et L. // Bull. ép.* 1967. P. 651; *Hatzopoulos*. Op. cit. P. 33—35).

²⁶ На это указал уже М. И. Ростовцев (Studien... S. 252).

²⁷ *Welles C. B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. A Study in Greek Epigraphy. New Haven, 1934. P. 208; *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. V. II. P., 1949. P. 682—685; *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambr., 1976. P. 33.

ственников полисные власти сами должны были следить за имуществом, которое осталось без наследника (Dem. XLIII.57, 75). Таким образом, полис мог распоряжаться имуществом граждан, если они умирали *ab intestato* и у них отсутствовали родственники, которые могли входить в круг потенциальных наследников²⁸. Данное обстоятельство в корне отличает аттические законы V—IV вв. до н. э. от вышеописанного законодательства эллинистического полиса Дура-Европос, где имущество в таких ситуациях передавалось царю.

В речи Андокида «Против Алкивиада» (IV.15) излагается ситуация, когда Алкивиад после женитьбы на Гиппарете, дочери Гиппоника и сестре Каллия, пытался добиться в дополнение к приданому еще 10 талантов после смерти Гиппоника. При этом в адрес Алкивиада устами Андокида было брошено обвинение, что он желал смерти брата своей жены, поскольку в этом случае его имущество должно было перейти к Гиппарете, и Алкивиад, таким образом, получал бы реальную возможность им распоряжаться. Ведь согласно аттическим законам о наследовании в случае смерти Каллия, который не имел детей, его имущество должно было отойти либо к родителям, которых к 422 г. до н. э. уже не было в живых либо братьям или сестрам²⁹, из коих на свете оставалась одна Гиппарета. Чтобы расстроить планы последнего, Каллий решил передать свою собственность государству как временному наследнику до тех пор, пока у него не родится собственный сын, имевший права на наследство³⁰. В данном случае мы видим, как народ (полис) выступал гарантом частной собственности граждан, закрепляя за семьей-оikosом право владения и собственности, делая эту семью самостоятельной в хозяйственном отношении³¹.

В одной из надписей начала III в. н. э. из Фисбы (Syll.³ 884), представляющей собой эдикт проконсула о культивировании земельного участка, говорится, что в том случае, если гражданин не засадит его в течение пяти лет, городские власти должны изъять участок и передать его другому лицу. Далее в надписи сказано, что «если кто-либо умрет, не оставив завещания и не имея законных наследников, то наследником участка как казенного имущества является город». Не вызывает сомнения, что этот римский эдикт опирается на древние полисные юридические установления особенно в той части, где речь идет о контроле полисных властей за собственностью граждан.

Изложенные выше юридические нормы наследования были свойственны не только Афинам, но и другим греческим полисам: в Гортине в середине V в. до н. э. законы предусматривали передачу имущества умер-

²⁸ В одной из речей Исея (VII. 30) на этот счет говорится, что город, как правило, передавал имущество другому лицу, чтобы оно не выходило из собственности полисного коллектива. См. *Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks.* Oxf., 1956. P. 194 f.; *Gernet L. Droit et institutions en Grèce antique.* P., 1968. P. 265—275.

²⁹ *Fine J. V. A. Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens.* Baltimore, 1951. P. 193 f. Л. Жернэ отмечает, что использование брака с целью получения наследства является архаизмом в юридических установлениях (Op. cit. P. 240).

³⁰ *Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athen 500—200.* В. С. New Brunswick—New Jersey, 1952. P. 71. Наиболее подробно система наследования движимого и недвижимого имущества в Афинах изложена в работах: *Никитский А. В. Речи Исея и Демосфена.* М., 1903. С. 40—46; *MacDowell D. M. The Law in Classical Athens.* Ithaca, 1978.

³¹ *Fine.* Op. cit. P. 185—187; *Lewis N. Solon's Agrarian Legislation // AJPh.* 1941. V. 62. P. 144—156; *Gernet.* Op. cit. P. 240—242; *Pritchett W. K. The Attic Stelai. Pt II // Hesperia.* 1956. V. 25. № 3. P. 270—274.

шего сыновьям³². В одном из законов Эфеса, принятых в годы первой Митридатовой войны, говорится, что все судебные процессы по обвинению в государственных и религиозных преступлениях должны быть отменены и признаны как не имеющие законных оснований, за исключением тех процессов, которые связаны с перераспределением земли или спорами о наследстве (Syll.³ 742. 42—43 = IJG I.IV.P.25). Это показывает, что дела о наследовании имущества имели для полиса первостепенное значение даже в условиях надвигающейся войны с понтийским царем. Очевидно, выделяя особо этот пункт законодательства, полисные власти учитывали, что решения судов о наследствах, равно как и о переделе земельных участков, выгодны прежде всего коллективам граждан полиса. А это может означать также и то, что и в Эфесе споры о наследовании могли заканчиваться решениями дел в пользу полиса.

Считается, что аттические законы о наследовании без завещания и *per testamentum* в основе своей восходят к древним Солоновым установлениям, согласно которым разрешалась свобода завещаний, укреплялась собственность семьи на участки (Plut. Sol. 21.2) и тем самым наносился удар по аристократическим устоям Афин³³. А между тем закон Солона о свободе завещаний позволил аристократам получать землю в полную собственность, поскольку он закреплял за семьями частное владение землей³⁴. Свобода отчуждения земли, продажа, заклад и передача ее другим лицам стали возможны в Аттике только в начальные годы Пелопоннесской войны, когда участки-клеры окончательно перешли в частную собственность³⁵.

Таким образом, нам представляется, что дарование горгиппийцам прав наследования по «закону Евпатора» было актом некоторого ослабления царской собственности за счет усиления частного землевладения в рамках полиса. Это вело к повышению полисного самоуправления и автономии, иначе Аспургу незачем было отмечать Горгиппию за благорасположение к нему в то время, когда многие другие полисы выступили противниками царя и его политики³⁶. В связи с тем, что царь оставался верховным собственником земли в государстве, Аспургу пришлось в новой ситуации несколько изменить размер поземельных налогов и податей, уплачиваемых Горгиппией в царскую казну. В результате последовал второй рескрипт царя, по которому полис освобождался от уплаты с вина, пшеницы и ячменя — 1/10³⁷, а проса — 1/20. Освобождение Горгиппии от поземельной подати стоит, таким образом, в тесной зависимости от расширения прав полисного самоуправления согласно «закону

³² Jones. Op. cit. P. 210.

³³ Glotz G. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P., 1904. P. 342—346; Lewis. Op. cit. P. 155; Gernet L. La création du Testament. Observations sur une loi de Solon // REG. 1920. V. 33. P. 123—168.

³⁴ Fine. Op. cit. P. 185. Это подтверждается тем, что в Аттике цена земельной собственности определялась при заключении соглашения о приданом между будущим тестем и зятем, поскольку отец невесты требовал от жениха одинаковой с ним гарантии (Jones. Op. cit. P. 192; Pritchett. Op. cit. P. 273).

³⁵ Об отчуждаемости земли и росте частной собственности на земельные участки красноречиво свидетельствует предоставление в IV в. до н. э. права владеть землей и домом (энктесис) с переходом его по наследству (Pečirka J. The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Praha, 1966. P. 149).

³⁶ Блаватская. Аспург... С. 36 сл.

³⁷ В начале стк. 4 письма В. Т. В. Блаватская читала ἐὺδακτύς, что было исправлено Ж. До в ἐὺδακτύς. Ю. Г. Виноградов предлагает (устно) более удачное, на мой взгляд, дополнение: [μ]ὲν βεκάτης, κένυτρον δὲ[εἰκοσῆς?], что лучше соответствует греческой фискальной практике определять размер налогов в целых десятичных долях.

Евпатора о наследовании»³⁸. Граждане города получали отныне больше прав контролировать собственную хору и доходы с нее, чем это было до сих пор. Очевидно, подобное же положение существовало и при Митридате VI, но в последующее время автономные привилегии горгиппийцев были, вероятно, отменены, и только Аспург вновь вернул им то, что они имели при Евпаторе³⁹. Так что освобождение горгиппийской общины от поземельного налога, зафиксированное во втором рескрипте, показывает тесную генетическую связь обоих рескриптов как дарующих гражданам довольно значительные полисные привилегии.

Ввиду того, что «закон Евпатора о наследовании» давал привилегии городской общине, есть основание сопоставить его с законами о наследовании таких греческих полисов, как Афины, Гортина и Фисба с обозначенными в них родственниками, имевшими право наследовать имущество как по завещанию, так и без такового. По всей видимости, «закон Евпатора» гарантировал: 1) наследственное право за детьми в случае смерти владельца участка-клера, при том, что наследование осуществлялось по мужской линии и старший сын имел преимущество в наследовании перед другими детьми; 2) в случае отсутствия родственников, которые имели права на наследство, клер переходил в собственность всего полисного коллектива и оставался у граждан неотчуждаемым; 3) посредством означенного закона царь Понта признавал коллективное право граждан полисов на землю в рамках царства, давая им автономию в пользовании доходами с полисной земли в ущерб некоторым интересам царской земельной собственности. Мы не знаем, совпадал ли круг родственников, могущих наследовать имущество покойного по «закону Евпатора», полностью с тем, который находим в Афинах или Дура-Европос (здесь возможны различные варианты), но обозначенные выше особенности поименованного закона, несомненно, имели место, ибо отвечали политике Митридата VI Евпатора, которую он проводил в отношении эллинских полисов царства. Главное же, ради чего этот закон был введен в действие — это закрепить собственность семьи на земельный участок и позволить землевладельцам упрочить позиции в полисе. Возможно, означенный закон отвечал интересам средних и мелких землевладельцев, которые еще во времена Спартокидов на Боспоре уступили позиции крупным земельным собственникам⁴⁰. Поэтому принятие этого закона могло на какое-то время смягчить острый земельный кризис в эллинских государствах Причерноморья, вошедших в состав державы Митридата VI. В последние годы третьей Митридатовой войны, когда флот римлян блокировал Черное море, а сам Митридат столкнулся с оппозицией в ряде греческих городов

---

³⁸ Военные колонисты в Пергаме уплачивали подать в царскую казну за право пользования царской землей: 1/20 с винограда и 1/10 с пшеницы и других плодов (*Welles. Royal Correspondence...* P. 51; *Свенцицкая И. С.* Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963. С. 43) при том, что клер оставался у семьи и возвращался царю только в случае отсутствия прямого наследника. Близость этой надписи рескрипту из Горгиппии (письмо 8) свидетельствует о том, что полисная земельная собственность на Боспоре была опосредована царской собственностью на землю и повинности в пользу царя за пользование клером могли нести как каждый землевладелец в отдельности, так и весь гражданский коллектив полиса в целом. Ср. также надпись из Селевкии Траллийской (*Welles. Royal Correspondence...* P. 41). Регламентация системы налогообложения в Горгиппии при Аспурге должна была касаться ответственности перед царем полиса в целом, что уменьшало долю повинностей каждой семьи в отдельности и это, естественно, было выгодно гражданам.

³⁹ *Блаватская.* Аспург... С. 32—34; *Сапрыкин.* Аспургяне. С. 68 сл.

⁴⁰ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 160.

Северного Причерноморья, зажиточные слои полисов все более выражали недовольство политикой царя, а средние и малоимущие граждане не выступили против него⁴¹. Возможно, что они помнили еще о тех привилегиях, которые давал им царский закон о наследовании.

Следует, однако, полагать, что первоначально закон был введен в подвластных понтийским царям греческих городах Понта и Пафлагонии. Конечно это подтверждается надписью на бронзовой пластине I в. до н. э. из г. Аниса в Каппадокии. В ней говорится о праве граждан на наследование клера умершего жителя города, не оставившего наследников. Граждане просят царя Архелая как верховного собственника всей земли в государстве предоставить им право распоряжаться этим клером⁴² (т. е. именно у царя было право оставить или нет за коллективом граждан собственность одного из его членов). Если учесть, что социально-экономические отношения, политическое и административное устройство Понтийского и Каппадокийского царств были близкими, то можно сделать вывод, что и в Понте царская власть оставляла за собой право распоряжаться всей земельной собственностью. Царь мог разрешить греческим городам владеть хорой (*γῆ πολιτικῆ*) или, наоборот, лишить их этой возможности⁴³.

Аналогичным образом обстояло дело и с политической автономией и самоуправлением полисов в рамках царства. Есть основание думать, что Митридат VI Евпатор официально подтвердил крупнейшим городам царства право распоряжаться земельной собственностью своих граждан, поскольку за городами были оставлены некоторые права автономии и политики. Небольшая милетская колония Абонутейхос в Пафлагонии во II в. до н. э. при Митридате V Еввергете не имела собственной сельскохозяйственной округи и подчинялась стратегу — наместнику царской области. Однако при Митридате VI Евпаторе городок начал чеканить монеты со своим названием и магистратской монограммой, что свидетельствует в пользу предположения о расширении его политических привилегий в рамках царства⁴⁴. Согласно Страбону, Плутарху и другим античным писателям, города Понта и Пафлагонии Амасия, Комана, Амис, Амастрия, Синопа, Фарнакия, бывшие при Митридате VI медные монеты единого типа, но со своим названием, имели право владеть земельной собственностью, правда, в ограниченном масштабе⁴⁵. Города Кабира,

⁴¹ *Каллистов Д. П.* Этюды по истории Боспора в римский период // ВДИ. 1938. № 2(3). С. 276—286; *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М., 1956. С. 283; *Молев Е. А.* Создание Черноморской державы Митридата Евпатора // Античный мир и археология. М., 1977. Вып. 3. С. 20 сл.; *Шелов Д. Б.* Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 42.

⁴² *Curtius E.* Über ein Decret der Anisener zu Ehren des Apollonios // Monatsbericht der Preuss. Akad. d. Wiss. zu Berlin. 1880. Juli. Sitzung der Philosoph.-hist. Kl. S. 646—651; *Michel Ch.* Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900. № 546; *Cumont F.* A propos d'un décret d'Anisa en Cappadoce // REA. 1932. V. 34. № 2. P. 135—138; *Robert L.* Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. P., 1963. P. 458 suiv.

⁴³ *Букерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 151.

⁴⁴ *Ленер Р. X.* Греческая надпись из Инеболи // ИРАИК. 1902. Т. VIII. Вып. 1—2. С. 153—162; *Максимова.* Ук. соч. С. 198; *Reinach T.* A stele from Abonuteichos // NC. 1905. V. 5. 4th Ser. P. 116—119 = REG. 1904. V. 18. P. 252.

⁴⁵ О хоре греческих городов Понта и Пафлагонии: Амасия (*Strabo*. XII. 3.39); Синопы (*Strabo*. XII. 3.11—12. 38); Амасия (*Plut.* Luc. XIX; *Strabo*. XII. 3.13—16); Команы Понтийской (*Strabo*. XII. 3. 34—35). Подробнее об этом см. *Weimert H.* Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen: die Antike Landschaft Pontos. Eine Fallstudie. Frankfurt am Main, 1984. S. 51, 52, 117.

Зела, Керасунт не имели полисного статуса и соответственно собственной хоры, поскольку им дано было это право только после реформ Гнея Помпея⁴⁶. В то же время бывшие царские укрепления (τά φρούρια) — Гадзиура, Хабакта, Пимолиса, Талаура получили при Евпаторе статус полисов и право чекана монеты со своим названием⁴⁷. Ввиду того, что ранее они были центрами военно-административных округов и служили опорными пунктами на царской земле, вполне вероятно, что они могли получить вместе с новым статусом и право владения прилегающей к городу аграрной территории.

Что касается монетной чеканки перечисленных выше центров Понтийской Каппадокии и Пафлагонии, то многие считают ее квазиавтономной, т. е. находившейся в действительности в руках царских магистратов⁴⁸. В некотором роде это действительно так, ибо подтверждается одинаковыми монограммами царских чиновников на монетах различных городов. В то же время там встречаются монограммы, которые присущи монетам только каждого конкретного полиса. Они не могут быть не чем иным, кроме как монограммами полисных магистратов, следивших за выпуском монет в городе, что служит доказательством сохранения за полисами некоторой доли автономии в области монетной политики, так же как и в административно-политической сфере. Все эти обстоятельства наводят на мысль, что эллинистические города Понта при Митридате VI сохранили или получили заново привилегии в политической области. А это означает, что и в законодательном отношении также могло произойти расширение прав их гражданских коллективов, в частности, в том, что касается наследования *ab intertato et per testamentum*.

После того как в конце II в. до н. э. Митридат VI укрепился в Северном Причерноморье, он начал активно проводить в жизнь филэллинистическую политику. Отражением этого явилось разрешение крупнейшим городам Боспора — Пантикапею, Фанагории и Горгии — чеканить собственную автономную серебряную и медную монету. Этим царь Понта хотел продемонстрировать, что он готов считаться с автономными правами эллинистических городов Боспора⁴⁹. Он понимал, что удержать греков в рамках созданной им панпонтийской державы можно было только соблюдая их полисные права и привилегии. Право выпускать собственную монету было дано также Херсонесу⁵⁰, Ольвии⁵¹, Тире⁵², городам левопонтий-

⁴⁶ Jones A. H. M. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxf., 1937. P. 157—159; Seager R. *Pompey; A Political Biography*. Oxf., 1979. P. 53; Dreizehnter A. *Pompeius als Stadtgründer* // *Chiron*. 1975. Bd 5. S. 236.

⁴⁷ Waddington, *Babelon, Reinach*. Op. cit. P. 104 suiv. Pl. XI, 21—23; P. 146. Pl. XV, 8—10; P. 112 suiv. Pl. XII, 13—14. Ср. мнение Ваймерта (Op. cit. S. 37) о том, что чекан псевдоавтономной монеты не служит доказательством полисного статуса означенных крепостей. Однако надпись из цитадели Гадзиуры (SP III. 278) времени Митридата VI перечисляет ксенов, ойкетов и свободных, что косвенно может быть подтверждением полисных привилегий у населения этой царской крепости. Ср. Jones. *The Cities...* P. 157.

⁴⁸ Ibid.; Klein U. *Zum Aegis-Nike Typ der pontisch-paphlagonischen Bronzeprägung aus der Zeit des Mithridates Eupator* // *Schweizer Münzblätter*. 1969. Jg. 19. Ht 74. S. 28—32; Weimert. Op. cit. S. 27 f.

⁴⁹ Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. 62 сл.; он же. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 46 сл.

⁵⁰ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 56—60.

⁵¹ Карышковский П. О. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма // МАСП. 1962. Вып. 4. С. 99—103.

⁵² Шелов Д. Б. Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. 1962. № 2. С. 95—102.

ского побережья, Диоскурии⁵³ и, вероятно, Вани⁵⁴. При этом, как показал Д. Б. Шелов, прекращение в ряде центров Причерноморья чекана собственной монеты на рубеже 80—70-х годов I в. до н. э. должно означать изменение политики Митридата Евпатора в сторону отхода от традиционных филэллинских принципов, проводившихся в жизнь в первые годы его господства на Евксинском Понте⁵⁵. Соответственно это имело своим результатом некоторое сокращение автономных привилегий греческих полисов как в монетной политике, так и в политико-административной области⁵⁶. Так, на Боспоре в 80 г. до н. э. наместником был посажен Махар, сын понтийского царя; то же самое произошло в Колхиде, где в 83 г. до н. э. у власти был поставлен другой сын царя — Митридат Филопатор (Младший), а после его казни в 80 г. — Махар.

На Боспоре после присоединения его к Митридату VI Пантикапеем выпускалась медная монета (халки) и мелкое серебро с изображением треножника и восьмилучевой звезды, а на рубеже II—I вв. до н. э. начинается эмиссия более крупных номиналов меди (тетрахалки, оболы), которую осуществляли Пантикапей и Фанагория. Из серебряных монет это драхмы с головой Диониса и скачущим оленем и тирсом, выпускавшиеся Пантикапеем и Горгиппией. В 90—80-х годах I в. до н. э. Пантикапей, Фанагория и Горгиппия чеканили серебро трех номиналов и два номинала меди: а) дидрахмы типа: Дионис — плющевый венчик; б) драхмы: Артемида — пасущийся олень; в) триболы: Дионис — тирс; г) оболы: голова Мена — Дионис с пантерой; д) тетрахалки: Аполлон или Дионис — треножник и тирс⁵⁷. На рубеже 80—70-х годов до н. э. автономная чеканка на Боспоре прекращается и заменяется так называемыми боспорскими анонимными оболами, выпуск которых продолжался до середины 60-х годов до н. э. и осуществлялся, очевидно, боспорским наместником Махаром⁵⁸.

В Херсонесе Таврическом в период владычества понтийского царя было выпущено несколько серий монет. Это драхмы типа: Дева в повязке — Дева, поражающая лань, и именем магистрата Деметрия⁵⁹, драхмы и медные тетрахалки типа: голова Девы — пасущаяся лань, а также гемидрахмы типа Геракл — палица. Эти три выпуска монет являлись заключительными сериями херсонесской автономной чеканки⁶⁰, хотя

⁵³ Голенко К. В. К датировке монет Диоскурнады // Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977. С. 57 сл.

⁵⁴ Существует, правда, предположение, что анонимные медные монеты чеканил в Вани Митридат Младший, бывший в Колхиде в 83—80 гг. до н. э. вассальным царем (Дундуа Г. Ф., Лордкипанидзе Г. А. Денежное обращение Центральной Колхиды. Тбилиси, 1983. С. 33).

⁵⁵ Шелов. Махар... С. 65; он же. Города... С. 53; ср. Голенко К. В. О характере чекана боспорских анонимных оболов // НИС. 1965. № 2. С. 47—49.

⁵⁶ Shelov D. B. Le royaume pontique de Mithridate Eupator // Journ. Sav. 1982. Juillet — Décembre. P. 262 suiv.

⁵⁷ Зограф А. И. Античные монеты. М.—Л., 1951. С. 186 сл.; Голенко К. В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следами перечеканки // НЭ. 1968. VII. С. 40—42; он же. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. // НЭ. 1960. II. С. 28—35; Шелов. Города... С. 45.

⁵⁸ Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. // НИС. 1963. Вып. 1. С. 7; Голенко. О характере чекана... С. 47 сл.; Шелов. Махар... С. 65; он же. Города... С. 52 сл.

⁵⁹ Голенко К. В. Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия // СГМИИ. 1964. II. С. 45—52; Анохин. Ук. соч. С. 57; Шелов. Города... С. 48 сл.

⁶⁰ Бертье-Делагард А. Б. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. 1906. XXVI. С. 252. Табл. I, 9, 10; II, 12—17; Анохин. Ук. соч. С. 33. Табл. XII, 179—186.

А. Н. Зограф относил их к первым выпускам монеты в Херсонесе периода его зависимости от Митридата ⁶¹. Монеты с именем магистрата Деметрия и соответствующая им медь с изображением головы Девы на аверсе и пасущейся ланью на реверсе (90—80 гг. до н. э.), по мнению К. В. Голенко и Д. Б. Шелова, завершают полисную чеканку при Митридате VI ⁶². Существует предположение, что драхмы с именем Деметрия принадлежат чеканке уполномоченного понтийского царя в Херсонесе ⁶³, однако странно, что понтийский наместник выпускал монету от своего имени с сугубо херсонесскими полисными типами. Из всех известных наместников Митридата Евпатора в Причерноморье никто не чеканил монету со своим именем, тем более в греческом полисе. Поэтому пока нельзя с уверенностью относить драхмы Деметрия к наместнической чеканке Митридата VI ⁶⁴. Не случайно, что по В. А. Анохину драхмы Деметрия и соответствующая им серия меди с пасущейся ланью являются промежуточными, поскольку вслед за ними должны быть поставлены полисные медные монеты типа: череп лани в фас — лук в горите (80—75 гг. до н. э.); Дева с луком и колчаном — орел на молнии (75—63 гг. до н. э.) ⁶⁵. Впрочем, датировка этих монет временем подчинения Херсонеса Митридату Евпатору спорна ⁶⁶. Следует отметить, что херсонесские монеты этого времени сохранили полисные типы в значительно большей степени, чем города Боспора, — это свидетельствует о том, что какого-либо серьезного ущемления полисных привилегий Херсонеса при понтийском господстве не было. Более того, как считает К. В. Голенко, эпизодический медный чекан после прекращения выпусков серебряных монет в 80 г. до н. э. может указывать на восстановление полисных прав и свобод ⁶⁷. И тем не менее, поскольку в 80 г. до н. э. в Херсонесе и на Боспоре одновременно резко сокращается выпуск полисной монеты, исследователи справедливо ставят это в зависимость от ущемления царскими властями прав автономии и политики полисов в рамках державы Митридата ⁶⁸.

В Ольвии и Тире монетная чеканка времени подчинения Митридату укладывается в последнее десятилетие II в. до н. э. — 70-е годы I в. до н. э., после чего эти центры, вероятно, вышли из-под власти понтийского царя, подобно греческим городам западнопонтийского побережья. Здесь владычество Митридата в 70 г. до н. э. сменяется римским влиянием после успешных походов М. Варрона Лукулла ⁶⁹.

Что касается медных монет Диоскуриады, то они выпускались в самом конце II в. до н. э. (105—100 гг. до н. э.) и совпадают по времени с чеканом автономной монеты в ряде центров Северного Причерноморья при Митридате Евпаторе. Если учесть, что в 105—85 гг. до н. э. Колхидой

⁶¹ Зограф. Ук. соч. С. 151.

⁶² Голенко. Херсонесские драхмы... С. 45. сл.; Шелов. Города... С. 48 сл.

⁶³ Гилевич А. М. Херсонес и Понтийская держава Митридата VI по нумизматическим данным // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 613 сл.

⁶⁴ Сапрыкин С. Ю. Дискуссия // Там же. С. 628 сл.

⁶⁵ Анохин. Ук. соч. С. 57 сл.

⁶⁶ Там же. С. 58 сл.; ср. Голенко К. В. К датировке некоторых монет Херсонеса // НЭ. 1962. Т. III. С. 49—54; он же. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 57—61; Шелов. Города... С. 49.

⁶⁷ Голенко. Состав денежного обращения... С. 60; Анохин. Ук. соч. С. 57; Шелов. Города... С. 49 сл.

⁶⁸ Шелов. Махар... С. 65; он же. Города... С. 52 сл.; *idem*. Le royaume pontique... P. 262—264; ср. более категоричное мнение К. В. Голенко (О характере чекана... С. 47—49) и Д. П. Каллистова (Ук. соч. С. 281 сл.).

⁶⁹ Шелов. Города... С. 55; ср. Дечев Д. Принос к историята на западнопонтийските градове // ИАН. 1950. Т. XVII. С. 59 сл.; Pippidi D. Les premiers rapports de Rome et des cités de L'Euxin // Scythica Minora. București — Amsterdam, 1975. P. 164—166.

управлял царский наместник (гиппарх или двоикет), то предоставление права выпуска собственной монеты греческому городу в это время должно было отвечать той филэллинской политике, которую проводил тогда понтийский царь.

Из всего вышеизложенного напрашивается следующий вывод. «Евпаторов закон о наследовании», расширявший права греческих полисов в рамках царства, мог быть введен в эллинских центрах Причерноморья тотчас после их вхождения в состав державы Митридата VI в конце II в. до н. э. Этот закон эффективно действовал до начала 70-х годов до н. э., т. е. в то время, когда Митридат VI поощрял привилегии полисов Причерноморья. Любопытно, что тогда же Горгиппия, которой мы обязаны сведениями о законе, единственный раз в своей многовековой истории выпустила монету со своим названием и к тому же из благородного металла. Это может косвенно подтверждать предположение, что «закон Евпатора о наследовании» использовался понтийским царем в политических целях именно в этот период. Вводя означенный закон, Митридат VI Евпатор пытался сделать свою власть среди греков более прочной, способствовать их объединению в рамках одного государства, противопоставить свою филэллинскую политику восточной политике римлян, ущемлявшей интересы греков деятельностью ростовщиков и публиканов.

Однако после неудач Митридата VI в первой войне с Римом эллинские центры Причерноморья начали выказывать недовольство политикой царя. Это явилось причиной перемены отношения Митридата к греческим городам, ужесточения и урезывания тех относительных политических свобод, которыми они пользовались в первые два с половиной десятилетия союза с Евпатором. Была приостановлена квазиавтономная чеканка городов, в Северном Причерноморье и Колхиде были посажены новые наместники, а царь в своей политике пытался теперь больше внимания уделять местным племенам, нежели эллинским городам⁷⁰. В противовес тенденции городов проявлять самостоятельность царь и его наместники стали создавать укрепленные поселения на царской земле, привлекая для этого ряд туземных племен⁷¹, главным образом сарматских. И несмотря на то, что в целом города сохраняли верность Митридату Евпатору до самой его гибели в 63 г. до н. э.⁷², они все более начинали тяготиться властью царя Понта, пытаясь при малейшей возможности отложиться от него. Так случилось в начале 60-х годов до н. э., когда некоторые города Северного Причерноморья перешли на сторону Махара (App. Mithr. 107—108), так произошло и в 63 г. до н. э., когда против Митридата выступил другой его сын, Фарнак (*ibid.* 101—108)⁷³.

В этой связи мы полагаем, что «Евпаторов закон о наследовании» в некоторых городах Северного Причерноморья мог быть отменен в 80-х — начале 70-х годов до н. э. и это явилось одной из причин роста антимиридатовских настроений. В этот последний период своей деятельности

⁷⁰ *Каллистов*. Ук. соч. С. 281—283; *он же*. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 150; *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin — Amsterdam, 1971. S. 320.

⁷¹ *Сапрыкин*. Аспургиняне. С. 75; ср. *Сокольский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VI° Conference internationale des études classique des pays socialistes. Sofia, 1963. P. 22—24; *он же*. Новые памятники свидской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 10. С. 89.

⁷² *Шелов*. Махар... С. 69—72; *он же*. Города... С. 54; *idem.* Le royaume pontique... P. 263—265.

⁷³ *Сапрыкин С. Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже нашей эры // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 70—80.

Митридат VI открыто перешел от поддержки зажиточных кругов в греческих городах к более жесткой политике, пытаясь противопоставить им недовольство малоимущих и обездоленных слоев⁷⁴. В последующий период преемники Митридата на боспорском престоле из политических соображений, вероятно, либо подтверждали городам право пользоваться означенным законом, когда считали нужным, либо отменяли его действие, проводя, как и Митридат Евпатор, более жесткую политику в отношении греческих полисов.

Так, придя к власти в 63 г. до н. э., Фарнак II мог вновь ввести этот закон в действие, поскольку вплоть до 50/49 гг. до н. э. он пытался играть с греками, готовя тыл для борьбы за малоазийские владения отца. С этой целью он даже на короткое время разрешил столице Боспора и Херсонесу выпускать собственную монету⁷⁵. Затем, правда, он решил ограничить свободу и автономию полисов, отменив их самостоятельный чекан, так что в это время действие «Евпаторова закона» могло быть снова приостановлено. При Асандре, который в 42 г. до н. э. разрешил Пантикапею и Фанагории вновь чеканить свою монету, создалась благоприятная ситуация для восстановления наследственного закона Евпатора в ряде городов Боспора. Однако после смерти Асандра претенденты на боспорский престол опять могли отменить означенный закон. Это могло стать одной из причин недовольства греков Скрибнием и Полемоном I, хотя с уверенностью ввиду отсутствия данных говорить об этом нельзя. И только Аспург, согласно упомянутому выше рескрипту, пытаясь добиться расположения эллинов, опять ввел в 16 г. н. э. «Евпаторов закон о наследовании» в Горгиппии, а может быть, и в других крупных городах Боспора.

Таким образом, «закон Евпатора о наследовании» расширял права греческих полисов в юридической сфере, давая гражданским коллективам право наследовать имущество умерших граждан при отсутствии прямых наследников. Он являлся одним из важных инструментов филэллинской политики Митридата VI Евпатора и позволял ему и его преемникам привлекать греческие города на свою сторону.

С. Ю. Сапрыкин

⁷⁴ Gaggero E. S. La propaganda antiromana di Mithridate VI Eupatore in Asia Minore e in Grecia // Contributi di storia antica in onore di Albino Garzetti. Genova, 1976. P. 117.

⁷⁵ Голенко. Из истории... С. 36—40; Анохин. Ук. соч. С. 60.

«EUPATOR'S LAW ON INHERITANCE» AND ITS ROLE IN THE HISTORY OF THE PONTIC KINGDOM

S. Yu. Saprykin

The present article compares «Eupator's law on inheritance», (SA, 1965, 2, p. 200), mentioned in the Bosphoran king, Aspurgos' rescript from Gorgippia, with data collected from Papyri from Graeco-Roman Egypt on the inheritance of land by the Kleruchoi and the Katoikoi, who occupied the ruler's lands, and with data collected from papyri from Dura-Europos on the inheritance law and with the inheritance laws from Athens, Gortyne and Thysbe in cases where there was no will. On the basis of such a comparison, the author concludes that «Eupator's law on inheritance» reduced, to a certain extent, the ruler's ownership of the land and consolidated private land ownership within the polis. Mithridates VI Eupator used this law to implement his philhellenic policy, as it developed the poleis'

autonomy and self-government. «Eupator's law on inheritance» in the Hellenic cities of Pontus and Paphlagonia and also in other cities of the Black Sea's littoral dependent on Mithridates VI, was closely connected to the laws of inheritance laws of the Greek poleis, according to which, the polis could purchase the property and real estate of its deceased citizens who had left no legal heir. (This meant patrilineal relatives, i.e. the eldest son or younger children or parents or grandparents of the deceased if he had no children or cousins on the deceased's father's side). In the Hellenistic states, the land of the deceased, in absence of legal heirs, passed to the ruler. Mithridates Eupator gave the Hellenic cities in his kingdom the right to inherit land. The law was in force in the last decade of the II century and the first quarter of the I century B.C., when the king gave more political rights and freedom to the poleis of the Northern and Eastern Black Sea littoral. This fact can be confirmed by numismatic evidence. In the cities of the Pontic kingdom «Eupator's law on inheritance» was probably in force over a longer time-span and coincided with the period when the polis states of the kingdom were quasi-autonomously minting their own copper coins.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1991 г.

ТРАУРНАЯ СЦЕНА В НАСТЕННОЙ РОСПИСИ ИЗ ХОРЕЗМА

При раскопках загородного дворца близ городища Топрак-кала (Элликкалякский р-н, Каракалпакская АССР)¹ в 1979 г. была обнаружена, а в 1980 г. извлечена из завала живописная композиция, реставрация которой близка к завершению². Настало время ввести в научный оборот это замечательное произведение древнего искусства Средней Азии.

Здание I, где найдена роспись, имело площадь 8 тыс. м², и это лишь одно из 12 сооружений дворцово-храмового комплекса, построенного во II в. н. э.³ вне городских укреплений. Рассматриваемая композиция находилась в небольшой (16,5 м²) комнате, соединявшейся с обширным (170 м²) парадным внутренним двором, где, очевидно, собирались участники дворцовых церемоний, в том числе и церемоний религиозных. В этом убеждает содержание росписи — плач по умершему, а также расположение и планировка комнаты, позволяющие считать ее своего рода целлой в ансамбле парадного двора (рис. 1).

Помещение, получившее при раскопках номер 38, имело дверной проем у края восточной стены и три ниши, из которых главной в композиционном отношении была западная. Ее ширина равнялась 2,2 м, глубина — 0,5 м. Напротив находился пристенный очаг-алтарь. Такое взаиморасположение двух важнейших элементов внутренней планировки на Топрак-кале встречено неоднократно, причем некоторые ниши сохранились полностью. Они всегда имели арочное перекрытие со строго определенным начертанием кривой. Таким образом, мы с полной уверенностью можем реконструировать эллипсоидные очертания и двухметровую высоту западной ниши помещения № 38. Это очень важно для суждения об интересующей нас траурной композиции, которая была написана на задней плоскости ниши и утратила края при обрушении. Очевидно, удержавшиеся на стене участки штукатурки постепенно были размыты вместе с кладкой.

От очага-алтаря сохранились невысокая кирпичная выкладка размером 1,3 × 0,6 м и прокаленная обмазка на восточной стене помещения. Подобные устройства, хорошо сохранившиеся в Высоком дворе Топрак-калы, позволяют представить очаг-

¹ О Топрак-кале см.: *Голстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, С. 164—190; *Городище Топрак-кала /* Ред.: Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. М., 1981 (ТХАЭЭ. Т. XII); *Топрак-кала. Дворец /* Ред. Ю. А. Рапопорт, Е. Е. Неразик. М., 1984 (ТХАЭЭ. Т. XIV).

² *Лозовиц В. А., Рапопорт Ю. А.* Раскопки на Топрак-кале // *Археологические открытия 1979 г.* М., 1980. С. 451; *Ковалева Н. А.* Консервация фрагментов настенной живописи из Топрак-калы // *Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей.* Вып. 4. М., 1982.

³ В зданиях I, III и V найдены монеты Вимы Кадфиза и Кавишки. О датировке Топрак-калы по «хорезмийской эре» см.: *Топрак-кала. Дворец.* С. 16, 17.

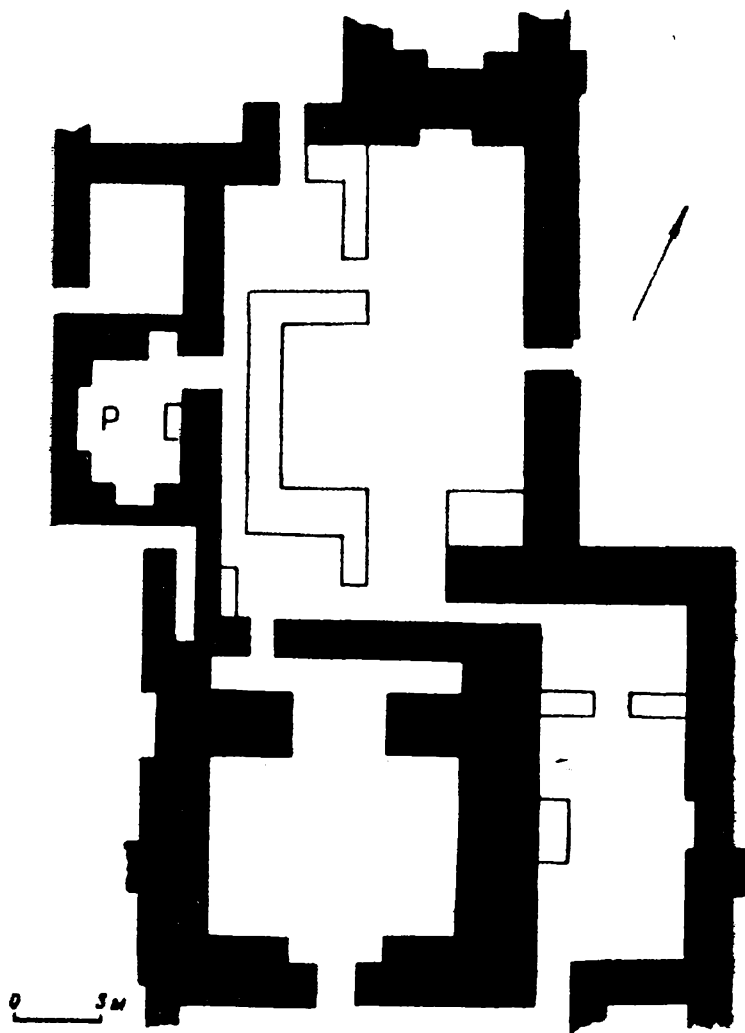

Рис. 1. Топрак-кала. Загородный дворцово-храмовый комплекс.
Здание 1. Фрагмент плана

алтарь рассматриваемой капеллы. Над вымосткой, служившей для установки амestia лица огня, поднимался, примыкая к стене, глиняный расписной портал. Он обрамлял немного углубленный в стену экран, обмазка которого от нагрева приобретала структуру керамики. При обычном для Топрак-калы соотношении размеров вымостки и портала последний в помещении № 38 должен был достигать высоты 1,8—2 м. Сходные пристенные устройства достаточно известны в среднеазиатской археологии, и советские исследователи уверенно определяют их как очаги-алтари. Они при этом исходят из оформления самих устройств, их места в планировке здания или помещения, характера противоположных росписей и т. д.⁴ В то же время французские археологи,

⁴ Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента (Результаты раскопок 1954—1959 гг.) // МИА. 1964. № 124. С. 71; Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия. М., 1977. С. 196—198; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Дальверзия-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент. 1979. С. 29; Распопова В. И. Помещения с очагом-алтарем в древнем Пенджикенте // Культурные взаимодействия народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981.

раскопавшие на городище Ай-Ханум в Афганистане отопительные очаги-канины, настаивают на безусловно бытовой трактовке всех среднеазиатских пристенных очагов ⁶.

Может быть, топраккалинская траурная сцена, уместная лишь в культовом помещении, и будет тем четким археологическим доказательством, которое для решения вопроса потребовал в 1980 г. Поль Бернар. Следует при этом заметить, что в топраккалинских дворцах пристенные алтари были и в многочисленных двух- или трехкомнатных стандартных блоках, которые, видимо, следует признать жилищами отдельных семей, составляющих царскую фамилию. Здесь на возвышении перед порталом, очевидно, устанавливали вместилище постоянного, почитаемого и тщательно оберегаемого от осквернения огня семья ⁶. Такой культ был известен с глубокой древности до недавнего времени ⁷. Подчеркнем, однако, что основным объектом поклонения в рассматриваемых помещениях был, очевидно, не огонь, а роспись в арке, расположенной напротив алтаря. Это предположение основывается, в частности, на том, что музыканты, изображенные на стенах одного сравнительно хорошо сохранившегося помещения, были обращены к арке, а не к алтарю ⁸. Иначе говоря, огонь горел в честь персонажей центральной росписи ⁹.

Прежде чем перейти к рассмотрению композиции, находившейся в арке помещения № 38, следует сказать об условиях ее залегания, способе извлечения и реставрации, а также о некоторых технологических особенностях живописи.

Роспись лежала на полу перед нишей лицевой стороной вниз. Очевидно, в какой-то момент вода стала протекать по стыку арки и кладки стены (такой процесс неоднократно фиксировался при раскопках) и отделила слой штукатурки, который и рухнул жеобычно большим пластом. Максимальные размеры извлеченного участка росписи, близкого по очертаниям прямоугольнику, — 151 см по вертикали и 138 см по горизонтали. Исходя из надежно устанавливаемых размеров арочной ниши, можно утверждать, что первоначально роспись была на полметра выше и на 80 см шире в нижней трети, чем сейчас. Общая толщина штукатурки, нанесенной под роспись, превышала 8 см. Она разделялась на три слоя: нижний толщиной 5 см, средний — около 3 см и верхний — около 1 см. На последний был положен тонкий слой (менее 1 мм) белого грунта, представляющего собой смесь двуводного гипса с кальцитом и частицами песка (ганч). Штукатурный раствор, одинаковый во всех трех слоях, был известково-гли-

С. 132; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985. С. 82—84; Рапопорт Ю. А. Святилище во дворце на городище Калалы-гыр I // Пршное Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 140 сл.

⁶ Fussman G. Chronique des études Kouchanes (1975—1977) // JA. 1978. P. 422; Bernard P. Une nouvelle contribution sovietique à l'histoire des Kouchans — la fouille de Dal' verzin-tépe (Uzbekistan) // Bulletin de l'École française d' Extrême Orient. 1980. T. 68. P. 324—330; Grenet F. Palais ou palais-temple? Remarques sur la publication du monument Toprak-Kala // Studia Iranica. 1986. T. 15. Fasc. 1. P. 130.

⁷ Как показали раскопки, непосредственно на поверхности откосы, оштукатуренной и окрашенной, огонь не разводили, обмазки «экрана» прокалились не пламенем, а жаром. Настаивая на сакральном значении рассматриваемых устройств, мы не исключаем, что в холода огонь в металлическом или керамическом вместилище усиливали.

⁸ См., например: Gonda J. Vedic ritual. The non-solemn rites. Leiden — Köln, 1980. P. 163 f.; The Zend-Avesta. Pt I. The Vendidad. Oxf., 1880 (SBE. V. IV). P. 193—195; Пугаченкова Г. А., Режель Л. И. Самаркандские очажки // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972. С. 228—234; Boyce M. Persian Stronghold of Zoroastrianism. Oxf., 1977. P. 29; Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С. 248.

⁹ Топрак-кала. Дворец. С. 160—165.

¹⁰ Исследователи Пейджикента предположили, что в капелле одного из богатых домов напротив пристенного алтаря были изображены умершие родители хозяина. См. Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев в искусстве Пейджикента // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 84.

нистым с небольшой примесью гипса ¹⁰. В штукатурке много пор, оставшихся от истлевших частиц соломы.

В момент извлечения росписи, находившейся на небольшой глубине, оказалось, что пол помещения, прослойка лесса между ним и красочным слоем, а местами и штукатурка обильно проросла кристаллами солей гипса. Это сильно затрудняло работу. По мере вскрытия участков тыльной стороны росписи они постепенно обрабатывались укрепляющими растворами (БМК-5 в различных композициях растворителей). После полного раскрытия фрагмента было решено ради безопасности при извлечении и транспортировке разделить его на семь частей, причем разрезы были проведены там, где глянцевый грунт не сохранился или был почти утрачен. Все части были закреплены и благополучно перевернуты. Глина, налипшая на живописную поверхность, была вначале частично сохранена, чтобы обезопасить роспись при перевозке.

Длительная камеральная обработка, проводившаяся во Всесоюзном научно-исследовательском Институте реставрации, для каждого фрагмента включала ряд стандартных операций, прежде всего расчистку красочного слоя и укрепление его раствором БМК-5 в малотоксичной смеси растворителей. Затем была изготовлена неопластовая основа для совмещения составляющих роспись частей в единое целое и проведены монтаж композиции с помощью доделочной массы, а также мастиковка трещин, утрат и стыковочных швов. Завершающие реставрационные операции позволили объединить сохранившиеся участки красочного слоя в единое композиционное целое, выявить как линейный рисунок, так и колористические особенности живописи. Палитра ее оказалась не столь бедной, как показалось вначале. Художник использовал красную, оравжевую, оранжево-розовую, зеленую и черную краски ¹¹. При изучении поверхности было отмечено, что подготовительный рисунок был выполнен темно-розовой краской, а завершающий — либо красной, либо черной. Контуры человеческих изображений обозначены более тонкими линиями, чем очертания предметов.

Приступим к описанию росписи (рис. 2 и 3). Мы видим на ней трех женщин, позы которых передают глубокую скорбь. Сохранились незначительные следы изображений еще двух персонажей, видимо, сходных. Фигуры выполнены в натуральную величину ¹². Они располагаются подле объекта оплакивания, укрытого большим покрывалом. Внизу изображена платформа-катафалк высотой около 40 см. Боковая грань этого возвышения оформлена чередующимися квадратами темно-красного и белого цветов. На последних оранжевой краской нанесен тонкий орнамент из небольших дужек, стоящих друг на друге. Снизу и сверху квадраты ограничены полосами, которые соединяются между собой вертикальными стойками. По всей видимости, передана столярная конструкция с белой боковой рамой, ячейки которой заполнены раскрашенными филенками. Перед катафалком на красном полу — два белых, первоначально восьмилепестковых цветка. Скорее всего это розы. На нескольких участках росписи, свободных от других изображений, без определенной системы нанесены белые каплевидные или округлые мазки, ооконтуренные черной линией. Очевидно, так переданы лепестки роз, разбрасываемые вместе с цветами во время церемонии.

Покрывало, которое приподняли или опускают женщины, было зеленым. Оно усыпано желтыми кружочками, возможно, передающими золотые нашивные бляшки. По

¹⁰ Лёссовых частиц — 70%, извести — 15—20%, гипса — 10%. Петрографические исследования образцов выполнены И. В. Кулешовой (Спецпроектреставрация).

¹¹ Исследование материалов, применявшихся в росписях топраккалиниских загородных дворцов, показало, что красные краски изготовлялись из железистых окислов охры или киновари, оравжевые — смесь красных и желтых охр; в основе зеленой — малахит, черной — уголь. Для связующего пока установлено лишь его органическое происхождение. См. Ярош В. Н., Федотова Л. Г. Исследование материалов живописи Северного комплекса городища Топрак-кала // Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. Вып. 4. М., 1982. С. 12—17.

¹² У сидящей женщины расстояние от локтя до кончика указательного пальца — 38 см.

Рис. 2. Топрак-кала. Здание 1. Роспись, найденная в помещении № 38

лизу ткань собрана в рюши, которые частично закрывают катафалк. При этом линии верхнего бруса достаточно четко проступают под сохранившимся слоем зеленой краски. Это может быть объяснено желанием передать тонкую ткань, но скорее всего дело в лучшей сохранности жесткого предварительного рисунка. Справа сверху ткань собрана в пучок расходящихся складок, несомненно сжимаемой рукой одной из женщин. Ближе к центру покров приподнят (очевидно, женщиной, которая была у левого края композиции) примерно на 60 см выше поверхности катафалка. Общая ширина изображенного покрывала была бы не менее полутора метров. До правого края росписи ткань не доходит, оставляя открытой деталь, значение которой можно установить лишь предположительно. Это горизонтальная белая полоса шириной в 15 см, покрытая тщательно прописанным орнаментом. Она проходит над сидящей женщиной, голова которой

Рис. 3. Прорисовка сохранившейся живописи .

показана на темно-красном фоне. Сверху и снизу полосу ограничивают двойные черные линии. Над нижней из них красным нанесен орнамент, в античной археологии называемый «бегущая волна». Еще выше мотив лиственной гирлянды, составленный из дужек скругленными вправо. Вся орнаментированная полоса скорее всего передает крышку гроба, стоящего на катафалке. Заметим, однако, что в одном месте покрывало провисает немного ниже верхней линии «крышки». Это обстоятельство объяснимо, если предположить, что последняя прикрывала отверстие, имевшееся лишь в головной части саркофага. У гробов подобного типа крышки нередко несколько возвышаются над корпусом ¹³. Возможно и другое объяснение: полоса передает роспись на стене по-

¹³ *Ettinghausen R. Parthian and Sasanian Pottery // A Survey of Persian Art. V. I. L. — N. Y., 1938. P. 652—654. Pl. 180.*

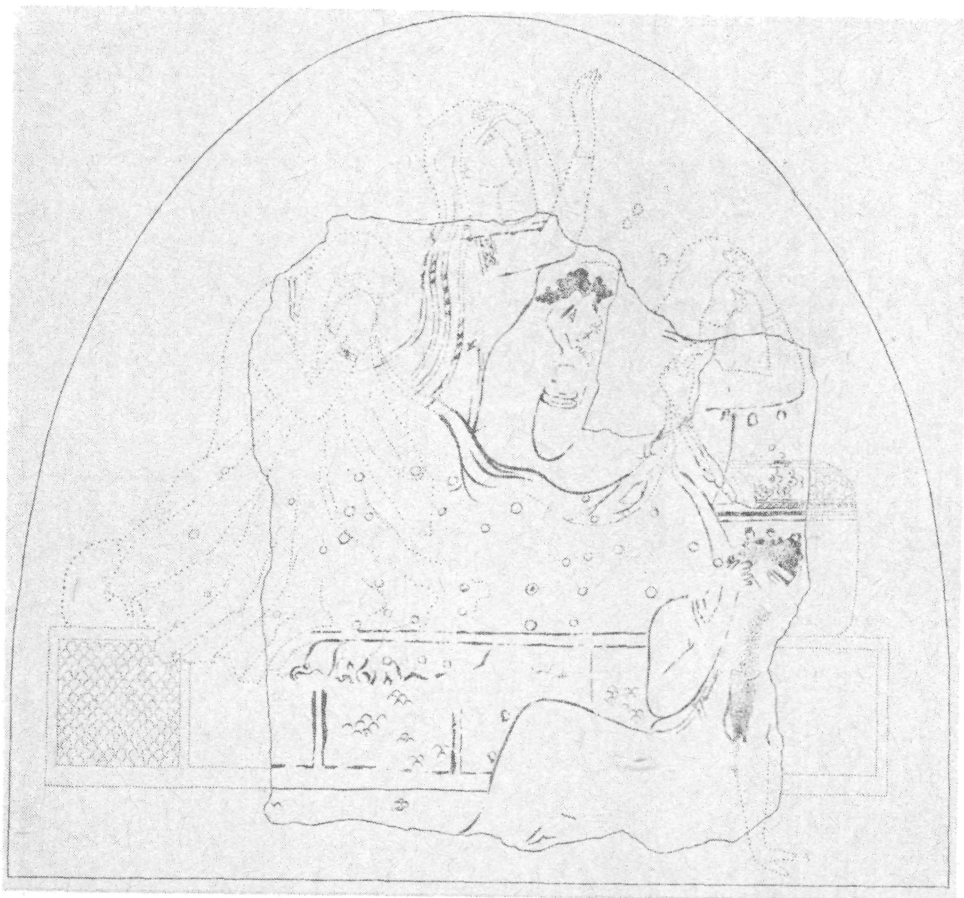

Рис. 4. Траурная сцена в нише. Вариант реконструкции. Восстанавливаемые детали композиции обозначены точками

мещения, где происходит оплакивание. Однако столь скрупулезно орнаменты на Топрак-кале не прописывались, скорее так могла быть изображена отделка какого-то изделия.

На первом плане справа мы видим женщину, в изнеможении опустившуюся на-земь. Склоненная голова показана в профиль вправо. Сидящая опирается на левую руку, раскрытая правая кисть поднесена к виску. По щеке от ногтя безымянного пальца тянется красная полоса, обозначающая только что нанесенную царапину. Ноги, согнутые в коленях, отведены в правую сторону (левую ногу, может быть, впрочем, женщина подогнула под себя). Черные волосы распущены и свисают ниже тонкой талии. Женщина одета в длинное белое платье, плотно облегающее корпус и руку. По вороту — орнаментальная полоса.

Вторая фигура изображена позади катафалка, выше и левее сидящей женщины. Темя приходится на 1,2 м выше основания платформы, и это позволяет предположить, что персонаж стоит на коленях. Голова передана в профиль, влево. Она склонена, щека лежит на ладони правой руки. Как и у первой фигуры, глаз показан в виде удлиненного треугольника, широкой темной линией обозначена бровь. Черные волосы сильно выступают за линию лба и от виска уходят вниз.левой рукой (от нее сохранил-

ся лишь участок близ локтевого сгиба) женщина должна была удерживать край покрывала. Правое предплечье охватывали три-четыре браслета или, скорее, соответствующее число витков большого змеевидного браслета. Такой браслет и серьги (они были и у рассматриваемого персонажа) лучше различимы на фрагменте росписи, который был найден в Высоком дворце и безусловно передал тот же образ ¹⁴.

Третья женская фигура располагалась по оси композиции и была изображена стоящей, ее высота должна была достигать 1,7 м от основания катафалка. Замок арки приходился немногим выше головы (рис. 4). Женщина показана в профиль вправо, корпус слегка наклонен вперед. Правое плечо расположено почти горизонтально, предплечье отведено вперед и вверх. Левая рука также была поднята, о чем свидетельствует сохранившаяся линия предварительного рисунка. Платье белое, облегающее торс и руку. У основания плеча показана красная орнаментальная полоса: кружочки между двойных линий. Хорошо заметны черные, перевитые белым, косы. Четыре (может быть пять) из них разметались по спине, концы заходит на покрывало. Виден отрезок еще одной косы, видимо, заброшенной с левой стороны при резком движении корпуса.

От изображения четвертого, крайнего справа, персонажа уцелела лишь часть руки около локтя, от пятого (левого) — лишь следы белой краски и неопределенные линии красного рисунка. Все фигуры второго плана были даны на оранжево-красном фоне.

В процессе раскопок найдены фрагменты росписи, лежавшие вблизи, но изолированно от основной композиции. Очевидно, частью ее было тонкое изображение волнистых распущенных волос. На другом фрагменте хорошо различима богатая красная орнаментация рукава белого платья: пять параллельных полос, на которых чередуются цепочки овалов и ромбов. Если женщина в разукрашенной одежде входила в композицию с плакальщицами, она была бы среди них главной. Встречены также фрагменты с изображением красных сердечек-лепестков.

Рассмотренная композиция является наиболее ранним изображением оплакивания в искусстве Средней Азии. Не ранее VI в. можно датировать знаменитую сцену оплакивания из пенджикентского храма ¹⁵. К VIII в. относятся изображения погребальных ритуалов на оссуариях из некрополя Ток-калы в Северном Хорезме ¹⁶. В тот же хронологический диапазон, очевидно, попадают ваза-оссуарий из Мерва ¹⁷ и хорезмийское костехранилище из Миздахкана ¹⁸, роспись которых передает несколько иные, чем в помещении 38 Топрак-калы, эпизоды траурных обрядов. Мы не станем касаться изображений плакальщиков в среднеазиатской коропластике, которые, подтверждая широкое распространение соответствующих ритуалов, мало что дают для понимания рассматриваемой росписи.

Топраккалинская траурная сцена не столь богата разнообразными персонажами и символами, как пенджикентская, и не столь закончена и доступна для понимания, как токкалинские рисунки. Поэтому попытаемся получить дополнительную информацию, рассмотрев сохранившиеся детали росписи в свете разного рода исторических и этнографических источников. Привлечение последних представляется возможным в силу общепризнанной устойчивости траурных обычаев.

Уцелевший участок росписи не дает изображения покойного, и лишь предположительно можно видеть на нем крышку саркофага. Без гроба показаны умершие на пенджикентской, мервской и токкалинских росписях. На протяжении 12 веков в Хорезме

¹⁴ Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. Рис. 51 в.

¹⁵ Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. Табл. XIX, XX.

¹⁶ Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964. Рис. 27—29.

¹⁷ Кошелевко Г. А. Уникальная ваза из Мерва // ВДИ. 1966. № 1. С. 92 сл.

¹⁸ Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. Табл. перед с. 113; С. 80, 82, 138.

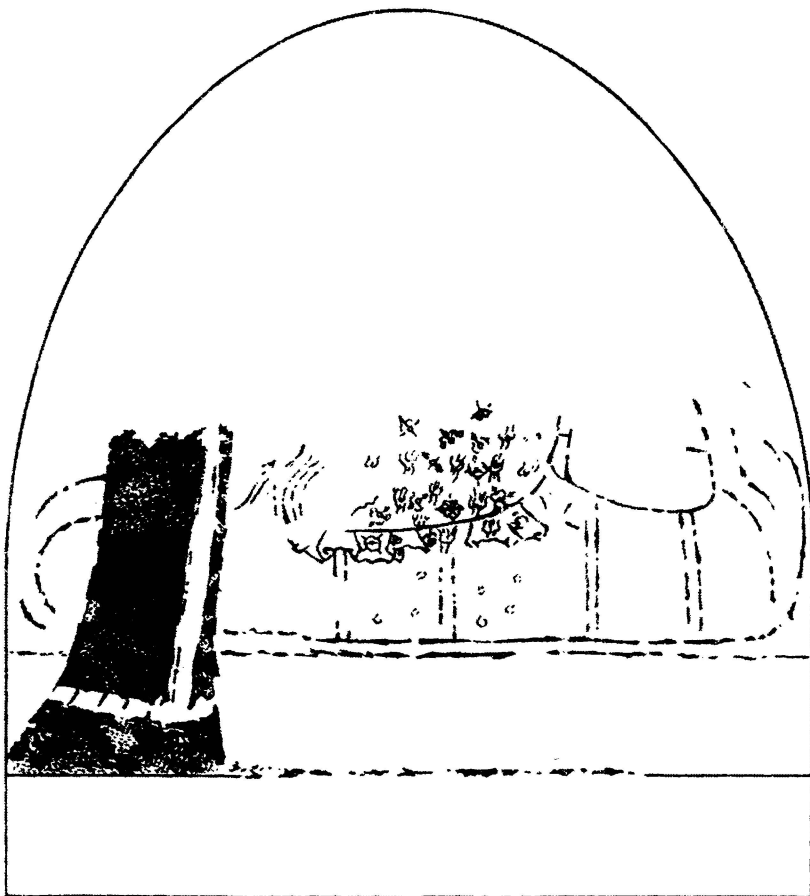

Рис. 5. Топрак-кала. Высокий дворец. Помещение № 85. Женщина в черном платье подле саркофага. Роспись в нише восточной стены

господствовало захоронение очищенных костей в оссуариях: сосудах, пустотельх, керамических статуях, керамических, каменных и алебастровых ящичках различной формы¹⁹. Погребение в гробу отнюдь не характерно для современных среднеазиатских обрядов. Поэтому достаточно вероятно, что зеленый покров на росписи скрывает тело, лежащее непосредственно на тахте-катафалке. В то же время форма многих хорезмийских оссуариев определенно воспроизводит саркофаги, следующие очертаниям человеческого тела. Керамический гроб III в. н. э. найден в некрополе Миздахкана²⁰. Наконец, и это для нас особенно важно, изображение саркофага среди топраккалийских росписей уже известно (рис. 5).

Оно найдено на стене арочной ниши в помещении № 85 Высокого дворца. На оранжевом возвышении покоится белый саркофаг, длина которого достигает 1,8 м. Сверху справа обозначен контур крышки, закрывающей отверстие в головной части гроба²¹.

¹⁹ Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1971.

²⁰ Ягодин, Ходжайов. Ук. соч. С. 57—59, 117—122. Рис. 24.

²¹ Топрак-кала. Дворец. С. 167, 169. Табл. IV. Рис. 76

Изображен саркофаг, очевидно раскрашенный керамический, близкий по форме так называемым туфлеобразным парфянским гробам, находимым в Двуречье²². В левой стороне композиции, заслоняя здесь катафалк и гроб, была изображена женщина в черном платье. Между этой фигурой и крышкой на саркофаге лежит орнаментированная ткань, как и покрывало на обсуждаемой композиции, обшитая рюшами²³. Этот небольшой покров явно сдвинут женщиной с головной части гроба. О цели этого действия можно лишь догадываться. Этнографами зафиксирован удивительный, осуждаемый, но, видимо, неискоренимый обычай, согласно которому тоскующая вдова, чтобы «остудить сердца», могла вскрыть могилу и, отодвинув саван, посмотреть на лицо умершего²⁴. Если роспись отражает эпизод мифа, не исключено, что женщина должна обнаружить чудесное исчезновение тела покойного. Как бы то ни было, ясно, что две сопоставляемые росписи передают разные моменты обряда или легенды. В то же время одинаковое расположение этих траурных сцен в арочной нише перед алтарем свидетельствует об их большой значимости и взаимосвязанности.

Значительное место в рассматриваемой композиции занимает зеленый покров с желтыми кружочками, изображающими, как мы предположили, золотые бляшки. Наиболее органичное сопоставление для него — погребальные покрывала гробов рапекшанских царей и цариц из Тиллятепе²⁵. Попутно заметим, что высота гробов здесь соответствует предполагаемой на росписи, а один из них был покрыт толстой алебастровой обмазкой. Оставаясь в пределах североиранского мифа позднеэллинистической эпохи, отметим находку в Керчи деревянного гроба с покрывалом, украшенным бляшками²⁶. Очевидно, существовало общее правило, согласно которому гроб почитаемого человека должен быть укрыт тканью. Об этом, в частности, можно судить по рассказу Курция Руфа (I в. н. э.) о посещении Александром гробницы Кира — она показалась неподобающе бедной, и царь набросил на гроб свой любимый плащ²⁷.

Если обратиться к многочисленным этнографическим работам, посвященным погребальным обрядам народов Средней Азии, то можно отметить самое широкое применение разного рода покровов на всех стадиях похорон, а затем и в культе у почитаемых могил. Так, могильными покрывалами (*кабрпушами*) тщательно укутаны, как правило, надгробия в мазарах-мавзолеях. Полагая, что росписи достаточно реалистически отражают погребальную практику древних хорезмийцев, нельзя, разумеется, упускать из виду большое значение покровов в таинствах различных религий. Рас-

²² Подробное рассмотрение соответствующих материалов и исчерпывающую библиографию см. *Литвинский Б. А.* Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии // *Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности.* М., 1983. С. 81—123.

²³ Видимо, эта деталь изображения смутила Ф. Грене, который счел ткань за низ платья женщины, якобы сидевшей на «большой подушке» (Op. cit. P. 131). Хотя антропоморфность саркофага, подушкам никак не свойственная, прекрасно передана древним художником, во избежание дальнейших недоразумений резюмируем еще одну подробность: лепестки-сердечки на белой стенке гроба. Керамические оссуарии нередко бываю покрыты алебастровым раствором, по которому наносится роспись. Цветочный орнамент часто украшает гробы, в частности в буддийском искусстве (*Grünwedel A.* *Buddhist Art in India.* L., 1901. P. 115. Fig. 58; *Ingholt H.* *Gandharan Art in Pakistan.* N. Y., 1957. P. 94. Fig. 144). Красные полосы, подчеркивающие своим изгибом характерную форму саркофага, очевидно, передают окрешенные рельефные тяги.

²⁴ *Писарчик А. К.* Смерть. Похороны // *Таджики Каратегина и Дарваза.* Вып. 3. Душанбе, 1976. С. 160 сл. Прим. 185 на с. 193 сл.

²⁵ *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. С. 47, 54, 67, 84, 111, 116.

²⁶ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 48, 49, 514.

²⁷ *Curt. X.1.32.* В основе эпизода, носящего дидактический характер, свидетельство Аристубула, наводившего по распоряжению Александра порядок в разграбленной гробнице, где оставались лишь золотые ложе и гроб, из которого труп (мумифицированный?) был выброшен (*Arr. Anab. VI. 29*).

крытие и демонстрация мистических изображений и символов были кульминацией многих обрядов²⁸. В этой связи стоит обратить внимание на зеленый цвет покрывала, крайне редкий в хорезмийской стенописи, но характерный для божеств умирающей и воскресающей растительности.

При описании траурной композиции мы обратили внимание на белые цветы и лепестки. Попытаемся показать, что в данном случае это не элементы заполнения фона, а изображение реальных, свойственных обряду. Раннесредневековые китайские хроники свидетельствуют, что во время ежегодного поминовения отца и матери среднеазиатского владетеля участники церемонии обходили вокруг престола с установленной на нем урной, «рассылая пахучие цветы и разные плоды»²⁹. Из эпического повествования Фирдоуси мы узнаем, что розы были принесены в гробницу Ростема, а лепестки были рассыпаны с рыданиями перед гробом героя, который стоял на троне³⁰. У таджиков зафиксирован обычай убирать покойного цветами, в том числе и розами³¹. Розы клали в савац, его осыпали лепестками роз³². Белому цвету, в народных верованиях в общем благоприятному, приписывается также связь со смертью. В ферганском погребальном обряде фигурирует веточка айвы, и ее предпочитали именно потому, что у этого растения белые цветы³³.

Перейдем к действующим лицам композиции. Есть основания полагать, что в ней запечатлен плач женщин, сравнительно недавно узнавших о смерти центрального персонажа. Скорбящие явно изображены в обычной, а не траурной одежде. Такую одежду, очевидно, в Средней Азии знали, и была она, как и в Средиземноморье, черной. Вэй-цзе — посол китайского императора Ян-ди (605—617 гг.) — оставил яркое описание траурной мистерии в Самарканде. Ее участники, сотни мужчин и женщины, одевались «в черные одежды со складками»³⁴. В черном изображены на токкалинских оссуариях VIII в. ближайшие к покойному женщины. Единственное на Топрак-кале изображение женщины в черном платье известно по умирающей выше композиции с саркофагом. В арабском халифате IX—X вв. траурным цветом был синий³⁵. В начале XX в. в Самарканде родные умершего надевали синие и черные платья³⁶. У таджиков, проживавших близ Намангана, как отмечал М. С. Андреев, вдова одевалась во все черное, другие родственники — в синее³⁷. Этнографические примеры можно продолжить. Следует сказать, однако, что в день похорон приходили наряженными, а траур надевали на третий день после погребения. В то же время сразу же, узнав о смерти, снимали украшения³⁸. Это правило, твердо фиксируемое в древности (в частности у греков и римлян), должно было соблюдаться и хорезмийцами. Видимо, худож-

²⁸ См., например: Nilsson M. P. The Dionysiac Mysteries of the Hellenistic and Roman Age. Lund, 1957. P. 67—76, 123—129.

²⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950. С. 272 сл., 282.

³⁰ Фирдоуси. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. Т. IV. М., 1969. С. 325, 326.

³¹ Кармышева Б. Х. Арханская символика в поминально-погребальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 141.

³² Там же. С. 145.

³³ Там же. С. 150, 176. Прим. 37.

³⁴ Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes. St.-Pbg., 1903. P. 132. Not. 5.

³⁵ Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966. С. 233.

³⁶ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. М., 1982. С. 37.

³⁷ Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. в Касанский р-н (Север Ферганы) // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. I. 1928. С. 115.

³⁸ Сухарева. История... С. 36, 37; Писарчик. Смерть, похороны. С. 161; Кармышева. Арханская символика... С. 148. Отсутствие украшений — самое стойкое внешнее проявление траура, фактически единственное сейчас среди молодых людей в Узбекистане. См. Рухиева М. Посмертная и траурная одежда узбеков г. Ташкента // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 173.

янк, изобразивший браслеты и серьги у одной из женщин, хотел показать, что она появилась позже других и не успела снять украшения.

При описании того же персонажа мы обратили внимание, что ее волосы сильно нависают надо лбом. Это вообще характерно для женских изображений Топрак-калы. Наиболее сохранившееся из них передает здесь подобие большого черного банта³⁹. Думается, что хорезмийские живописцы передавали бант из волос (die Haarschleife у немецких антиковедов). Такая прическа была известна в эллинистическое и римское время. Вопрос о восприятии «узла Аполлона» гандхарским искусством достаточно разработан и известен. Сходный процесс отмечен и для женских причесок⁴⁰. Очевидно, хорезмийские дамы завязывали спереди в узел несколько своих кос, подобных тем, которые мы видели у женщины с воздетыми руками. Видимо, она уже успела развязать узел, но еще не расплела косы, как это уже сделала сидящая дама. В знак траура распускали свои прически греческие, персидские и римские женщины. Тот же обычай был в раннесредневековой Средней Азии, о чем свидетельствуют некоторые тексты и иконографические материалы. Таджички расплетали косы немедленно после смерти любимого человека⁴¹. Волосы оставались распущенными до момента похорон, а затем их заплетали в две косы⁴². Попутно следует подчеркнуть, что среднеазиатский обычай заплетать несколько косичек, который на основании пенджикентских росписей возводили к раннему средневековью⁴³, как мы видим, уходит много глубже.

Итак, рассмотренная сцена кажется вполне реалистической, здесь нет ни сверхъестественных существ, ни мистических атрибутов. При всем том, конечно же, это не образец исторической живописи, запечатлевший, скажем, похороны какого-то конкретного правителя Хорезма (что могло быть уместно в гробнице). В дворцовом святилище сцена оплакивания скорее должна быть связана с ритуалом, направленным на получение помощи хтонических сил в переломные дни вегетативного цикла, с мифом об умирающем и воскресающем божестве. Довольно многочисленные источники, относящиеся к этому кругу верований в Средней Азии, достаточно известны и комментированы⁴⁴. Поэтому в статье, основная цель которой — публикация произведения древнего искусства, мы сможем ограничиться кратким рассмотрением нескольких жестов, прямо говорящих об оплакивании.

На рубеже X и XI вв. Абурейхан Бируни, хорезмиец по происхождению, писал, что в конце последнего месяца года «...жители Согда плачут по своим древним покойникам. Они оплакивают их, царапают себе лица и ставят для умерших кушанья и напитки...»⁴⁵. Упомянув о тех же днях в Хорезме, Бируни отмечает лишь жертвоприношения⁴⁶. Однако, поскольку обряды хорезмийцев были похожи на согдийские⁴⁷,

³⁹ Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.) // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952. Рис. 28а. В. А. Мешкерис предположила, что так передали головной убор из свернутого в игут тонкого шарфа (Мешкерис В. А. Жезские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках // Костюм народов Средней Азии. С. 14).

⁴⁰ Shlumberger D. Coiffures féminines similaires à Rome et à l'Inde // Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à André Piganiol. P., 1966. P. 587—595.

⁴¹ Писарчик. Смерть, похороны. С. 123.

⁴² Сухарева. История... С. 95.

⁴³ Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи // Костюм народов Средней Азии. С. 43.

⁴⁴ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 203—205, 318—320; Дьяконов М. М. Образ Сильвуша в среднеазиатской мифологии // КСИИМК. 1951. Вып. XL. С. 34—44; Ставицкий Б. Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда // Сообщ. Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР. Вып. 1. Сталинабад, 1952. С. 40—43; Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 76—82; Рапопорт. Из истории религии... С. 81—88, 114—118, 121 сл.

⁴⁵ Бируни А. Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957. С. 255.

⁴⁶ Там же. С. 258.

⁴⁷ Там же. С. 257.

можно полагать, что свою скорбь демонстрировали и они. Совершенно очевидно, что отмеченные поминальные обряды «магов Мавераннахра» уходят корнями в глубокую древность: именно в последнюю декаду года, согласно Авесте, духи умерших (*фраваши*) приходили в родные селения, вопрошая: «Кто восславит нас? Кто совершит нам жертву? Кто помянет нас? ...Кто встретит нас... мольбой, достойный вознаграждения?»⁴⁸. Примечательно, что даже в раннем средневековье хорезмийцы отождествляли своих умерших с *фравашами*: на оссуариях засвидетельствовано название склепов, в которых они хранились, — *фравартик*, т. е. «принадлежащий фраваши»⁴⁹.

Вне всякого сомнения, обряды в честь «древних умерших» (как правило, они совершались в канун весеннего равноденствия) были у земледельцев Средней Азии очень важными и массовыми. Есть основания полагать, что, начинаясь горестными призываниями предков, выставлением для них привлекательных кушаний, эти обряды заканчивались поклонением тем или иным олицетворениям скончавшихся покровителей, трапезой в их присутствии⁵⁰. Таким олицетворением бывали оссуарии⁵¹. Весьма вероятно, что существовали и почитаемые живописные изображения предков, которые, скорее всего, передавали бы, как и хорезмийские оссуарии-статуи, статичные фигуры на тронах⁵².

Публикуемая нами многофигурная динамичная сцена также могла служить объектом поклонения в траурные дни, если она изображала прощение с божеством, смерть которого служила залогом возрождения каждого. Отождествление умерших людей с богами круга Осириса — Адониса — Аттиса было особенно характерно для эллинистического Средиземноморья.

Рассмотрим свидетельства, на которых основывается мнение, что подобные божества почитались и в Средней Азии.

Приведем полностью упомянутое выше сообщение Вэй-цзе: «Они имеют обычай поклоняться небесному богу и в высшей степени его почитают. Они говорят, что божественное дитя умерло в седьмом месяце и что кости его потеряны; люди, исправляющие культ бога, каждый раз, когда приходит этот месяц, одеваются в черные одежды со складками; они идут босиком, ударяя себя в грудь и плача, слезы и мокроты, смешиваясь, текут; мужчины и женщины числом от 300 до 500 расходятся по полям, чтобы искать тело божественного ребенка. На седьмой день обряд приходит к концу»⁵³.

О новогоднем поминовении злосчастного героя иранского эпоса Сиявуша в Бухаре X в. рассказал Мухаммед Наршахи; свое сообщение он завершает так: «А у людей Бухары есть плачи об убийстве Сиявуша, которые известны во всех областях. Певцы создали к ним мелодию и поют, а сказатели называют их „Плач магов“»⁵⁴. Следы былого траурного действия отчетливо проступают в рассказе Махмуда Кашгарского (XI в.) о том, что каждый год «огнепоклонники» шли к одному месту близ Бухары, где, как полагали, был убит Сиявуш. Здесь они кричали, совершали жертвоприношения и лили кровь на могилу⁵⁵.

⁴⁸ Ут. XIII. 49—52.

⁴⁹ Гудкова А. В., Лившиц В. А. Новые надписи из некрополя Ток-калы и проблема «хорезмийской эры» // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1967. № 1 (27). С. 14.

⁵⁰ Рапопорт. Из истории религии... С. 114—118.

⁵¹ Он же. Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г. // СА. 1962. № 2.

⁵² Близкий образ фраваши рисует Авеста. Это сидящие в молчании существа женского пола, статные, высокоподпоясанные (Ут. XIII. 29).

⁵³ Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux. P. 132. Not. 5.

⁵⁴ Приводим уточненный перевод М. М. Дьяконова: см. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. С. 33.

⁵⁵ Приводим по книге: The History of Bikhara, translated from a persian abridgement of the aralic original by Narshahi / Ed. R. N. Frye. Camb. Mass., 1954. P. 122. Not. 110.

Принято связывать вышеприведенные свидетельства между собой, полагая, что в самаркандский траурный цикл был посвящен Сиявшу. С. П. Толстов предположил, что Сиявш некогда был умирающим и воскресающим богом растительности, среднеазиатским двойником Озириса, Аттиса и Адониса⁵⁶. Известный иранист В. Б. Хеннинг был убежден, что китайский посол фактически наблюдал в Самарканде траурную мистерию Адониса-Таммуза. Он считал, однако, полезным рассмотреть вопрос об имеющем среднеазиатского эквивалента соответствующего божества⁵⁷. Смерть этого бога, как предположил Хеннинг, была причиной бурного оплакивания, которое описано в одном манихейском тексте, им опубликованном: «...и там происходит пролитие крови, убийство лошадей, терзание лиц и... ушей. И Госпожа Нана, сопровождаемая своими женщинами, идет к мосту; они бьют сосуды, громко вопят, они рыдают, рвут (одежды), вырывают (свои волосы), бросаются наземь»⁵⁸.

Все вышеприведенные источники в разное время были привлечены для истолкования знаменитой сцены оплакивания, открытой в 1948 г. в одном из храмов Пенджикента. Уже первые исследователи памятника высказали предположение (оно господствует и сейчас), что центральный персонаж сцены — Сиявш⁵⁹. Удачно были сопоставлены скорбящие божества манихейского текста и пенджикентской росписи⁶⁰.

Поскольку хорезмийскую и согдийскую траурные сцены, несмотря на значительную временную дистанцию, вполне может объединять общая мифологическая основа, позволим себе высказать следующие соображения. Видимо, нет оснований для идеентификации героя мистерии, описанной Вэй-цзе, с Сиявшем, ибо последний не был сыном божьим⁶¹. Ряд исследователей уже высказали свое сомнение в том, что в центре пенджикентской композиции Сиявш. К их доводам добавим также. Имя Сиявш (во всяком случае, к моменту фиксации в Шахнаме) понималось как «чернокудрый»⁶². Между тем у почившего персонажа длинные рыжеватые локоны. Убийца тащил Сиявшу за бороду⁶³. На росписи безбородое существо. В эпосе многократно повторено, что злодеи отрубили Сиявшу голову, и это обстоятельство художник не мог бы игнорировать, если даже существовал вариант легенды с похоронами мученика.

В то же самое время многое заставляет предположить, что на катафалке изображена женщина⁶⁴. В пользу этого свидетельствуют черты лица, прическа, обнаженные руки с браслетами, длинное нераспашное платье, спитое, очевидно, из красного шелка. Шлемообразный головной убор и необычное нагрудное украшение могут восходить к иконографии Иштар-Аллат-Афины⁶⁵.

Существует один источник, указывающий, что в Средней Азии некогда почиталась богиня, смерть которой могла быть запечатлена в Пенджикенте, а ранее, соответственно, на Топрак-кале. Это часть раздела о «днях и месяцах жителей Хорезма» в знаменитом сочинении Бируни. Для месяца *рамадан* там отмечено: «Пятнадцатый день этого месяца называется Нимхаб; говорят, что он первоначально назывался Минадж-Ахиб,

⁵⁶ Толстов. Древний Хорезм. С. 204.

⁵⁷ Henning W. B. A Sogdian God // BSOAS. 1965. V. XXVIII. Pt 2. P. 252. Not. 67.

⁵⁸ Idem. The murder of the magi // JRAS. 1944. P. 144.

⁵⁹ Якубовский А. Ю. Живопись древнего Пенджикента // Сообщ. Таджикского филиала АН СССР. 1949. Вып. 20. С. 15; Дьяконов. Образ Сиявшу... С. 36, 44; Беленицкий. Вопросы идеологии... С. 81.

⁶⁰ Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // СА. 1967. № 1. С. 76, 82 сл.

⁶¹ Примечательно, что поздние комментаторы связывали согдийский культ небесного отрока с культом Иисуса (см. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 180).

⁶² Фирдоуси. Шахнаме. Т. II. М., 1960. Прим. на с. 574.

⁶³ Там же. Прим. на с. 593.

⁶⁴ Ср. рец.: Семенов А. А. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. // Труды АН ТаджССР. 1956. Т. 42. С. 243 сл.; Толстов С. П., Ляшниц В. А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях // СЭ. 1964. № 2. С. 51.

⁶⁵ Ср.: Топрак-кала. Дворец. С. 127, 154.

но затем это название, часто употреблявшееся, для упрощения в просторечии было заменено и что оно значит „ночь Мины“. Некоторые утверждают, что Мина была одной из царьц Хорезма или женщиной из знатного сословия; однажды, опьяневшая, она вышла из своего дворца в шелковом одеянии, ибо время было весеннее; она упала за пределами дворца, ее порочное состояние ее одолело, и она заснула; ее застиг ночной холод, и она умерла. Люди удивились тому, что в такое время весны холод мог убить человека, и превратили это событие в своего рода символ удивительной вещи, выходящей за пределы обычного порядка, случающейся в несвойственное ей время. Память об этом дне дожила до наших дней, и народ считает его серединой зимы»⁶⁶.

Один из авторов предлагаемой статьи, рассматривая так называемый Зал танцующих масок в топраккалийском дворце, попытался показать, что вышеприведенная легенда является отзвуком мифа и ритуала дionисийского круга⁶⁷. Образ хорезмийской «царицы», покинувшей родной дворец, уснувшей и убитой вином и холодом ночи, оказался очень близким тому, который рисуют мифы об Ариадне. Мифографы иногда различали старшую Ариадну — счастливую супругу Дionиса, и Ариадну младшую — брошенную слящей и умершую любовницу Тезея⁶⁸. Исследователи полагают, что это лишь попытка объяснить противоречивость обрядов, траурных и радостных, совершавшихся в честь одной богини умирающей и воскресающей природы. Крупнейший знаток религий Средиземноморья Мартин Нильссон считал Ариадну уникальным женским божеством такого рода и лишь ее ставил в один ряд с умирающими богами восточных религий⁶⁹. Сходство образов Ариадны и Мины (независимо от того, чем его объяснить) позволяет думать, что в Хорезме оплакивали почившую богиню и праздновали весной ее возрождение. Весьма вероятно, что эпизоды соответствующих мистерий и представлений были запечатлены в монументальном искусстве Топрак-калы.

Г. П. Снесарев удачно сооставил легенду о Мине с широко распространенными во времена и пространстве представлениями о «днях старухи», предшествующих победе весны и якобы отличающихся необычайными холодами⁷⁰. Довольно большое место этой теме уделил Бируни. Среди прочих объяснений странному явлению и названию соответствующих дней он приводит и такое: «Некоторые утверждают, будто название „дни старухи“ произошло от того, что одна старуха решила, что стало жарко, сбросила с себя теплую одежду и умерла от холода в эти дни»⁷¹.

Соответствие между двумя полузабытыми легендами, как мы видим, весьма значительно, и этому могут быть разные объяснения: «царица Мина» — сравнительно поздняя трансформация глубоко архаичного и устойчивого образа «старухи», «старуха» — низведенная до уровня персонажа низшей мифологии прежняя богиня; оба образа независимы друг от друга, но отражают сходные представления о природном цикле. Как бы то ни было, во времена Бируни о «днях старухи» знали в Бухаре и сравни-

⁶⁶ Привожу по статье: Шмидт А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Уч. зап. востоковедения АН СССР. 1958. Т. XVI. С. 494 сл.

⁶⁷ Рапопорт Ю. А. К вопросу о дionисийском культе в священном дворце Топрак-калы // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978. М. 275—284.

⁶⁸ Здесь следует отметить мнение В. А. Лившица, согласно которому хорезмийцы называли героиню своей легенды Менака, и имя это означало «маленькая», «меньшая».

⁶⁹ Nilsson M. P. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. Lund, 1927. P. 455.

⁷⁰ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 183—185.

⁷¹ Бируни. Памятники минувших поколений. С. 280. Рассуждение о «днях старухи» входит в главу о знаменательных днях у румов (т. е. обитателей Византийской империи), большинство объяснений исходит из коранической традиции и арабских этимологий. Выяснение первоисточника поверья в нашу задачу не входило. Для рассматриваемой темы достаточно упоминания Бируни о специальных вычислениях, проведенных в Бухаре для установления истинных сроков «дней старухи» (с. 279) и глубокой архаичности соответствующих материалов, зафиксированных у горных таджиков.

тельно недавно — в Хорезме и горах Таджикистана. Все это позволяет думать, что образ, подобный Мине, был знаком согдийцам в раннем средневековье, когда была написана пенджикентская «Сцена оплакивания».

Не зная пока в искусстве Средней Азии более ранних разработок траурной темы, попытаемся хотя бы определить, на основании каких художественных традиций могла возникнуть топраккалинская сцена. В росписях Топрак-калы отмечены два основных технических приема: раскраска контурного рисунка без попытки передать объем и разработка поверхности штрихами или последовательным наложением мазков с целью показа светотени. Первая, в своей основе древневосточная, техника, очевидно, проникла в Хорезм еще во времена Ахеменидов. Следы росписи были отмечены во дворце персидского сатрапа на городище Калалы-гыр I (рубеж V—IV вв. до н. э.)⁷². Написанные умелой рукой фрагменты настенной живописи IV—III вв. до н. э. найдены в культовом здании Елхараса⁷³. К рубежу I в. до н. э.—I в. н. э. относились росписи на Гяур-кале и Кой-Крылган-кале. Судя по последним, в это время применялась техника раскрашенного рисунка⁷⁴. О высоком уровне художественной культуры Хорезма свидетельствуют барельефы на керамических сосудах IV—III вв. до н. э. Многие из них передают сложные мифологические сюжеты⁷⁵. Таким образом, рассматриваемая траурная схема может иметь глубокие местные корни. Свойственной эллинистической традиции передачи объема на ней не отмечено. В то же время художник смог хорошо передать сложные позы, движение и даже чувства персонажей. В этом воздействие эллинистической школы безусловно сказывается. Это влияние проникло в Хорезм прежде всего из Бактрии, с которой он был связан великой рекой.

При первом взгляде на хорезмийскую траурную сцену неизбежно возникают ассоциации с многочисленными и широкоизвестными композициями, в центре которых почивший Будда или гроб с его телом, приготовленный к сожжению. Соответствующие сопоставления охотно предлагают для пенджикентской росписи⁷⁶. По этому поводу следует заметить, что по одной и той же схеме строятся сцены оплакивания, относящиеся к самым разным эпохам и культурам, — скажем, изображения на этрусских урнах и средневековых раках⁷⁷. Определенное сходство в композиции и изображении чувств никак не может служить доказательством того, что пенджикентская сцена восходит к буддийским росписям Восточного Туркестана. Это предположение в раннее представлялось плохо увязанным с хронологией и культурно-исторической ситуацией. Публикуемая роспись показывает, что уже во II в. в Средней Азии художники разрабатывали извечную тему скорби и что именно к местной художественной традиции может восходить завершающая ее пенджикентская оценка оплакивания. В то же время было отмечено определенное воздействие гандхарского искусства на некоторые росписи Топрак-калы⁷⁸. В рассматриваемой композиции таких стилистических соответствий, однако, почти нет. Во всяком случае, это не буддийская сцена: подле катафалка плачут только женщины.

В заключение отметим несомненные художественные достоинства росписи. Она

⁷² Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I // МХАЭЭ. Вып. 6. М., 1963. С. 141.

⁷³ Левина Л. М. Памятник Елхарас // Древности Южного Хорезма.

⁷⁴ Кой-Крылган-кала. Памятник культуры древнего Хорезма // ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967. С. 214 сл.

⁷⁵ Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 58 сл.

⁷⁶ Ср., например: *Menchen-Helfen O.* Живопись древнего Пенджикента // *Central Asiatic Journal*. V. II. № 4. 1956. P. 306; *Jettmar K., Göbl R.* Zur Beweinungsszene aus Pendzikent. I. Die Verbrennung der Leiche Buddas als Kompositionsvorbild // *Ibid.* V. VI. № 4. 1961. P. 265.

⁷⁷ *Panofsky E.* Tomb Sculpture. Its Changing Aspects from Ancient Egypt to Bernini. L., 1964. Fig. 81, 229.

⁷⁸ Топрак-кала. Дворец. С. 182—187, 194.

была превосходно вписана в полуовал, заданный очертаниями ниши, и имела классически уравновешенное композиционное построение. Стенопись психологически точно и профессионально умело передавала чувство скорби и смело может быть названа картиной⁷⁹. Древнехорезмийская муралья демонстрирует даже градации чувств: всплеск отчаяния, горькую думу, изнеможение. При всем том все плакальщицы прекрасны. Художник, в отличие от своих средневековых среднеазиатских собратьев, не переступил определенной эстетической грани, отказавшись от крови, ключев одежды и т. п. Трудно представить себе первоначальный колорит картины. Несомненно, красный и зеленый тона были насыщенные, а контурные линии резкими. Этого требовало расположение росписи в нише полутемной комнаты, дополнительно освещаемой только пламенем алтаря и светильников. Сейчас мы видим лишь призрачно проступающие линии и тусклые цветовые пятна на жемчужном фоне лёссовой глины. Но и в этом есть своя прелесть, позволяющая почувствовать, из какой глубины времен вернулась к нам картина древнего мастера.

Н. А. Ковалева, Ю. А. Рапопорт

⁷⁹ Ср. определение Ф. Ф. Петрушевского: «Картина — всякое законченное по содержанию произведение художника-живописца».

MOURNING SCENE FROM THE KHORESM MURAL

N. A. Kovaleva, Yu. A. Rapoport

This is the first article published on, perhaps, the most ancient mural found in Central Asia. The painting was discovered during the 22nd season of excavations by the Khoresm archeological and ethnological expedition at Toprak-kala, the ruins of the dynastic centre of the Khoresm rulers, dating from the II—III centuries AD. One of the parts of this archeological complex is a country palace; on the floor of a small sanctuary adjacent to the ceremonial inner yard, lay the mural. Originally, the mural had a half oval outline and was about 2 metres high and 2 metres wide. The part of the mural that has survived to our days is the central one, measuring 138 × 158 cms. Five life-size young women are depicted in postures of deep grief around the «object» of mourning that is lying on a catafalque, covered with a green coverlet. The women are not in mourning clothes and some of them have not had time to remove their ornaments. The artist has depicted the beginning of a mourning ceremony soon after the moment of death. It is, however, very unlikely, that the scene is describing the funeral of a real-life ruler.

A series of written sources from the IV—XI centuries AD, that are partially examined in the article, describe mourning ceremonies in honour of dead ancestors, mythical heroes and deities that, periodically, took place in Central Asia. Mourning scenes are not unusual on some types of early medieval ossuaries. The mourning scene found in 1948 in the Sogdian temple of ancient Penjikent, is a well known one.

The present mural is much older than the Penjikent one, but both seem to be connected with the cult of some deity that dies and is resurrected. The central figure of the Penjikent scene is generally believed to be Siyavush, the ill-fated hero of the Iranian epos. The authors propose a new interpretation of the scene: the mourners are weeping over a goddess akin to Ishtar-Allat-Athene. In all probability, she is a dying goddess of the vegetative, «Dionysian» circle, close to the young Ariadne, who falls asleep, dies and is mourned on certain days.

The traditions of monumental mural paintings were brought to Khoresm, while it was still part of the Achaemenid empire. We know of many Khoresmian paintings depicting complicated mythological subjects. Therefore, it is very probable, that the composition examined is based on local artistic tradition, which was acquainted with the works of art of the Hellenic school and, in all probability, the Bactrian one, as well.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1991 г.

ИЗ ИСТОРИИ АНТИКОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ЗАПИСКА В. В. ЛАТЫШЕВА ОБ УЧЕНЫХ ТРУДАХ М. И. РОСТОВЦЕВА

Записка В. В. Латышева об ученых трудах М. И. Ростовцева была составлена в связи с баллотированием последнего в действительные члены Российской Академии наук. Такие записки представлялись сначала в Отделение истории и филологии АН при предварительном обсуждении кандидатур, а затем — в общее собрание Академии, на котором принималось решение о допущении кандидатур к баллотировке. Неопубликованная доселе записка В. В. Латышева об ученых трудах М. И. Ростовцева представляет собой интересную страницу истории русского антиковедения, имеет определенное историографическое значение, поскольку содержит оценку научной деятельности последнего, давшую его маститым коллегой.

Указанная записка была приложена в качестве официального документа к протоколам заседаний Отделения истории и филологии, а также к протоколам Общих собраний АН. Эти протоколы и приложения к ним набирались в типографии Академии и печатались в нескольких экземплярах для служебного пользования; на них ставился гриф: «Печатано как рукопись»¹. Поскольку эти протоколы заседаний каждого отдельного года (и приложения к ним) брошюровались по отдельным случаям, для них соблюдалась сквозная пагинация, раздельно для общих собраний Академии, заседаний Отделения истории и филологии, а также Отделения физико-математических наук. В библиотеке Археологической комиссии (теперь — ИО Института археологии АН СССР) хранилась подшивка сброшюрованных протоколов Общих собраний АН и заседаний Отделения истории и филологии (далее — Протоколы ОС и Протоколы ОИФ)². В подшивке за 1917 г. и содержится указанная записка В. В. Латышева. Она отсутствует в публикациях протоколов и приложений к ним в «Известиях Российской АН».

На заседании ОИФ 25 января 1917 г. были представлены к избранию на вакансию ординарных академиков по классической филологии и археологии кандидатуры членов-корреспондентов Академии наук А. В. Никитского и М. И. Ростовцева³. Записки о научных трудах названных ученых, подписанные академиками В. В. Латышевым, М. А. Дьяконовым, П. К. Коковцовым, Н. Я. Марром, П. Г. Виноградовым, зачитал В. В. Латышев, перу которого и принадлежат обе записки⁴. Эти документы были от-

¹ Протоколы заседаний печатались (но не в полном виде) в «Известиях Российской АН», а из приложений к протоколам заседаний публиковались там же лишь отдельные документы.

² Библиотека ИО Института археологии АН СССР, шифр ПО 115. Сейчас эти материалы переданы в Библиотеку АН СССР (Ленинград).

³ Протоколы ОИФ за 1917 г., с. 28—29, § 86, 87.

⁴ При составлении записок подобного рода, подписывавшихся несколькими академиками, фамилия академика — автора записки — ставилась на первом месте. Ука-

печатаны во II и III приложениях к протоколу этого заседания ⁵. Заседание Выборной комиссии ОИФ было назначено на 8 февраля 1917 г., и на этом заседании ОИФ в присутствии временно исполнявшего обязанности вице-президента Академии наук А. П. Карпинского, постоянного секретаря С. Ф. Ольденбурга и членов Отделения академиков В. В. Радлова, В. В. Латышева, А. С. Лаппо-Данилевского, Ф. И. Успенского, М. А. Дьяконова, Н. Я. Марра, В. В. Бартольда, П. Г. Виноградова (отсутствовал только П. К. Кокцов) состоялись выборы. А. В. Никитский и М. И. Ростовцев были единогласно представлены голосованием в качестве кандидатов в обычные академики.

На III общем собрании Академии 4 марта 1917 г. С. Ф. Ольденбург доложил о результатах баллотировки в заседании Выборной комиссии. В. В. Латышев зачитал *curricula vitae* и списки ученых работ обоих кандидатов ⁶. Баллотировка кандидатов была назначена на 15 апреля, а во II и III приложениях к данному заседанию были вновь напечатаны записки об ученых трудах А. В. Никитского и М. И. Ростовцева ⁷. На состоявшемся в указанный срок VI общем собрании присутствовали 26 членов АН. По произведенной баллотировке за обоих кандидатов было подано по 21 голосу (в обоих случаях было признано «неизбирательными» по 5 голосов) ⁸. В публикуемой ниже записке В. В. Латышева творческий путь М. И. Ростовцева прослежен до 1916 г., т. е. в ней отражен лишь начальный этап творческого пути ученого, прожившего еще долгие годы, в течение которых он создал ряд капитальных трудов ⁹.

Записка В. В. Латышева о М. И. Ростовцеве печатается целиком по тексту указанного экземпляра протоколов ОС и заседаний ОИФ Академии, хранившегося в библиотеке ЛО Института археологии АН СССР. Постраничная нумерация списков заменена достаточной, сокращения частью сохранены, частью раскрыты мною в квадратных скобках.

В. П. Яйленко

В. В. Латышев. Записка об ученой деятельности М. И. Ростовцева

Наша Академия уже очень давно не имела в своей среде по разряду классической филологии и археологии специалиста по латинскому языку и словесности. Покойный Л. Э. Стефани был археолог и историк искусства, А. К. Наук, Н. В. Никитин и В. К. Ериштедт были эллинисты с ярко выраженными (особенно у двух последних) интересами к обширной области византиковедения. Такое господство эллинизма и византиноведения в Академии естественно объясняется и вполне оправдывается тем, что наша культура является прямой преемницей Греции через Византию; но тем не менее отсутствие в академической среде латинистов нередко давало и дает себя чувствовать, особенно в области международных академических предприятий, в вопросах с присуждением премий за сочинения по латинской словесности и пр., и пр. Поэтому представляется весьма желательным, чтобы в числе академиков по классической филологии и археологии был и представитель латинской словесности. Из среды русских ученых, работающих в этой области, особенно горячо может быть рекомендован для за-

заяния на публикуемую здесь записку отсутствуют в списках трудов В. В. Латышева, напечатанных в «Вестнике древней истории» (1946. № 4. С. 168—169) и «Советской археологии» (1958. XXVIII. С. 49).

⁵ Протоколы ОИФ за 1917 г., с. 34—38 (записка об А. В. Никитском), с. 38—40 (список его трудов), с. 41—46 (записка о М. И. Ростовцеве).

⁶ Протоколы ОС за 1917 г., с. 72, § 89, 90.

⁷ Протоколы ОС за 1917 г., с. 77—89.

⁸ Там же, с. 122—123, § 144, 145.

⁹ О дальнейшем жизненном и творческом пути М. И. Ростовцева см.: *Momigliano A. D. Studies in Historiography*. L., 1969. P. 91—104; *Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff*. Darmstadt, 1972. S. 334—349; 373; *Bowersock G. W. The Social and Economic History of the Roman Empire by Michael Ivanovitch Rostovtzeff // Daedalus*. 1974 (Winter). P. 15—23.

иятия свободной кафедры ординарный профессор Петроградского университета Михаил Иванович Ростовцев.

Михаил Иванович родился в 1870 г. в Киеве, в семье известного педагога и филолога, впоследствии долгое время бывшего попечителем Оренбургского учебного округа. Еще на гимназической скамье в Киевской 1-й гимназии Михаил Иванович ярко выразил свои симпатии и интересы к древнему миру самостоятельной работой «Управление провинциями в последний век республики», за которую был награжден Пироговской премией. Высшее образование он начал на историко-филологическом факультете университета св. Владимира и окончил в 1892 г. в С.-Петербургском с золотой медалью за сочинение на тему из той же области, которой он заинтересовался уже ранее: «Исправить и дополнить городскую помпейскую хроника Ниссена по новейшим исследованиям и раскопкам». По окончании университетского курса Михаил Иванович два года (1893—1895) посвятил педагогической практике в должности преподавателя Царскосельской Николаевской гимназии, а затем получил заграничную командировку, в которой провел три года (1895—1898), причем работал как в Западной Европе (Вене, Лондоне и Париже), так и на местах развития древней цивилизации (в Риме, Афинах, Константинополе) и путешествовал по Испании, Северной Африке и Малой Азии. Вернувшись из командировки, Михаил Иванович поступил в 1898 г. в число приват-доцентов С.-Петербургского университета, в следующем году защитил магистерскую диссертацию и в 1903 г. докторскую, после чего получил профессию в том же университете, где в ноябре 1908 г. был утвержден ординарным профессором. Кроме университета, Михаил Иванович состоит профессором Высших Женских Курсов и в 1901—1907 годах читал, в звании преподавателя, римские древности в Императорском Историко-филологическом Институте. С 29 декабря 1908 г. он избран в число членов-корреспондентов нашей Академии, был членом-корреспондентом Берлинской Академии наук и член многих русских и иностранных ученых обществ и учреждений.

Научные интересы Михаила Ивановича необычайно широки и разнообразны, его учено-литературная деятельность изумительна по своей интенсивности. Было бы чрезвычайно трудно представить полный список его больших и малых печатных работ на русском и иностранных языках, тем более что они в большинстве (кроме ряда трудов, вышедших отдельными изданиями) разбросаны в множестве русских и заграничных периодических изданий, в энциклопедических словарях и пр., и пр. Поэтому приходится ограничиваться указанием тех научных областей, в которых преимущественно сосредоточивались научные интересы почтенного ученого, и главнейших работ в каждой области.

В начальную пору своей ученой деятельности Михаил Иванович занимался главным образом исследованием эпохи эллинизма и Римской империи, преимущественно в области истории экономической, социальной и культурной. По экономической истории древности, кроме ряда отдельных статей, его перу принадлежат две большие работы:

1. Магистерская диссертация «История государственного откупа в Римской империи». СПб., 1899 (издана и по-немецки в журнале *Philologue*, Suppl. bd. 1904).

2. *Studien zur Geschichte des romischen Kolonats* (*Archiv für Papyrusforschung*, Suppl. bd. Leipzig, 1910).

В связи с разработкой экономических и социальных вопросов стоят работы Михаила Ивановича по изучению римских и греческих свинцовых тессер (марок), имевших широкое применение в общественной и частной жизни древних. Сюда относятся:

1. *Etude sur les plombs antiques* (*Revue numismatique*) 1898—1899).

2. Обработанный вместе с французским ученым М. Prou каталог древних, средневековых и новых тессер Парижской Национальной Библиотеки: *Catalogue des plombs de l'antiquité, du moyen âge et des temps modernes, conservés au Département des médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale*. Paris, 1900 (работа увенчана премией от Парижской Académie des Inscriptions et Belles-Lettres).

3. Свинцовые тессеры (статья в ЖМНП, июнь 1904).

4. Докторская диссертация «Римские свинцовые тессеры». СПб., 1903.

5. Tesserarum urbis Romae et suburbi plumbearum sylloge. Petrop[oli] 1903, Supplementum I, Petrop[oli], 1905.

6. Römische Bleitesserae (Klio, Suppl. bd. Leipzig, 1905).

К этой же области следует присоединить два исследования, посвященные костяным тессерам:

1. Древние костяные шашки с юга России (Известия Имп. Археологической Комиссии), вып. 10, 1904 г.).

2. Interprétation des tesseres en os avec figures, chiffres et legendes (Revue Archéologique).

Вторую область, неоднократно и надолго привлекавшую к себе внимание исследователя, были Помпеи с их разнообразнейшими бытовыми памятниками и в частности — помпейская декоративная живопись. Михаил Иванович посвятил немало времени и труда на специальную разработку вопроса об эллинистическо-римском архитектурном пейзаже. Результаты этой разработки, кроме мелких статей, изложены им на родном языке в исследовании «Эллинистическо-римской архитектурный пейзаж» (СПб., 1908) и по-немецки в «Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft» (Römische Mittheilungen, 1911).

Для расширения и углубления своих исследований над помпейской живописью Михаил Иванович признал необходимым заняться и ближайшим изучением родственных областей искусства Египта и Ближнего Востока вообще, для чего совершил в 1909 г. путешествие в Египет и Палестину. Результатом этих изучений явились, между прочим, статьи:

1. Фрагмент римского легионного знамени (ЖМНП, 1908, апрель).

2. Русская археология в Палестине (Христианский Восток, том I, 1912).

3. Три заметки в «Памятниках Музея имени Императора Александра III в Москве»: а) Эллинистическая расписная стела, б) Александрийская расписная ваза и в) Римское знамя.

Одновременно и параллельно с этими исследованиями Михаил Иванович не переставал работать как в области специально римской эпиграфики, папирологии и источниковедения, так и над изучением отдельных вопросов из истории республиканского и императорского Рима. Назовем здесь его статьи из числа многих:

1. Две метрические надписи из Филиппополя (ЖМНП, май 1896).

2. Eine neue Inschrift aus Halicarnass (Arch[aeologische] epigr[aphische] Mittheilungen]. T. 19).

3. Надписи из Македонии (Известия Русского Археологического Института в Константинополе, том IV, 1899).

4. Die Domäne von Pogla (Jahresheften d(es) Oesterr[eichischen] Inst[itutes], IV, 1901).

5. Мученики греческой культуры в I—II вв. до Р. Хр. (Мир Божий, май 1904).

6. Inscriptions des antes du Σεβαστεῖον d'Ancyre (Mélanges Boissier, 1903).

7. Отрывки новой эпитафы Ливия (ЖМНП, февраль 1905 г.).

8. Ein Speculator auf der Reise (Röm[ische] Mittheilungen] и по-сербски в журнале «Старина»).

9. Заглавие и литературный характер Monumentum Ancyranum (актовая речь. Отчет Имп. СПб. ун[ив]ерситета] за 1913 г.).

10. Эллинизм (Энциклопедический Словарь Брокгауза-Эфрона).

11. Юлий Цезарь (там же).

12. Август (Новый Энциклопедический Словарь Брокгауза-Эфрона).

Обращаемся теперь к той области, которую Михаил Иванович интересовался уже в начале своей научной деятельности, которая в последние годы с особенной силой привлекала к себе его любознательность. Это — древняя политическая и культурная

история нашего юга. Уже в настоящее время вклад, сделанный в изучение этой истории: Михайлом Ивановичем, является в высшей степени ценным, а в будущем обещает стать еще большим. Сделанное уже раньше собрание и приведение в порядок литературных и эпиграфических источников истории Южной России составило собой прочный фундамент для дальнейшего ее исследования, которым Михаил Иванович и занялся с тем большим успехом, что к указанным источникам он широко привлек и данные археологические. Главный по настоящее время его труд в этой области — «Античная декоративная живопись на юге России» (большой том in-folio) с атласом из 113 таблиц. СПб., 1914, издание Императорской Археологической Комиссии) представляет собою капитальное исследование всех остатков декоративной живописи, сохранившихся в разных местностях Южной России (главным образом в Херсонесе и Пантикапее), преимущественно в погребальных склепах, изученных им на местах. Другие работы его в этой области посвящены частью изданию новых надписей, преимущественно латинских, или изъяснению изданных другими учеными, частью вопросам общенсторическим или историко-религиозным, частью, наконец, имеют специально-археологическое содержание. Все эти работы обнаруживают необыкновенно широкое знакомство с предметом, отличаются увлекательностью изложения, логичностью выводов и остроумием комбинаций. Сюда относятся:

1. Заметки о росписях Керченских катакомб (Зап[иски] класс[ического] отд[еления] Имп. Русск[ого] Арх[еологического] Общ[ества], том IX, 1897).
2. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове (ЖМНП, март 1900).
3. Керченская декоративная живопись и ближайшая задача археологического исследования Керчи (там же, май 1906).
4. Новые латинские надписи из Херсонеса (Изв[естия] Имп. Арх[еологической] Ком[иссии], вып. 23, 1907).
5. Мифрадат Понтийский и Ольвия (там же).
6. Новые латинские надписи с юга России (2 статьи там же, вып. 27 и 33).
7. Эпиграмма из Эль-Тегеня (вместе с В. В. Шкорпиллом. Там же, вып. 37).
8. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре (там же, вып. 10).
9. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре (там же, вып. 19).
10. Апаранская греческая надпись царя Тирidata (Азийская серия, СПб., 1911).
11. Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. (Сборник в честь графа А. А. Бобринского, СПб., 1911).
12. Пиксида расписного склепа кургана Васюринской горы (Зап[иски] Имп. Одесск[ого] Общ[ества] ист[ории] и древн[остей], том 30, 1912).
13. Боспорское царство и южно-русские курганы (Труды I Всероссийского съезда преподавателей древних языков, СПб., 1912 и отдельное издание).
14. Бюст Боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа (Древности. Труды Имп. Моск[овского] Арх[еологического] Общ[ества], том 25, 1914).
15. Iranism and Ionism in South-Russia, 1913.
16. Fische als Pferdeschmuck (Opuscula archaeologica. O. Montelio oblata).
17. Научное значение истории Боспорского царства (Сборник в честь Н. И. Кареева, 1914).
18. Страбон, как источник для истории Боспора (Сборник в честь В. П. Бузескула, 1914).
19. Амага и Тиргатао (Зап[иски] Имп. Одесск[ого] Общ[ества] ист[ории] и древн[остей], том 32, 1915).
20. Сиряск, историк Херсонеса Таврического (ЖМНП, апрель 1915).
21. Новая греческая надпись из Эчмиадзина (Христианский Восток, том 3, 1915).
22. Стекланные расписные вазы позднеэллинического времени и история декоративной живописи (Изв[естия] Имп. Арх[еологической] Ком[иссии], вып. 54).

23. Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе (там же, вып. 60).

24. Цезарь и Херсонес (там же, вып. 63).

25. Эллино-скифский головной убор (вместе с П. К. Степановым, там же).

26. Рецензия книги Minns'a «Scythians and Greeks» (ЖМНП, ноябрь 1913).

Следует заметить еще, что в законченном ныне 2-м издании I тома Inscriptionum orae septentrionalis Ponti Euxini В. В. Латышева Михаил Иванович дал, по просьбе издателя, научный комментарий (на латинском языке) к довольно большому числу латинских надписей из Южной России, преимущественно тех, которые раньше были заданы им же.

В заключение упомянем, что в самое последнее время Михаил Иванович дал прекрасную характеристику научной деятельности академика П. В. Никитина (в Записках) Имп. Русского Археологического Общества и в журнале «Гермес».

Таковы в самом кратком и беглом очерке существеннейшие проявления научной деятельности Михаила Ивановича, поскольку они выразились в печати по настоящее время. Теперь он находится в полном расцвете сил. Его глубокая преданность науке, необычайно широкие научные интересы, кипучая энергия, инициативы, способность к чрезвычайно интенсивной работе дают полное ручательство в том, что со вступлением его в среду академиков польется новая струя в деятельность разряда классической филологии и археологии и что в особенности в изучении прошлого нашей южной окраины, составляющей прямую и естественную обязанность русской науки, наступит время широкого прогресса. Поэтому нижеподписавшиеся, с согласия г. Временной и. о. Вице-Президента, имеют честь предложить Михаила Ивановича Ростовцева к избранию на вакантную кафедру академика по классической филологии и археологии.

*В. Латышев, П. Марр, Н. Коковцов,
М. Дьяконов, И. Виноградов*

© 1991 г.

МИХАИЛ РОСТОВЦЕВ: ИЛЛЮСТРАТИВНОСТЬ И ОБНОВЛЕНИЕ

В этой небольшой статье я хотел бы обратиться к двум вопросам, один из которых непосредственно связан с историческими трудами Ростовцева, а второй скорее с техникой издательского дела, о которой мне как издателю и переводчику трудов Ростовцева приходилось в прошлом задумываться. Впрочем, его значение шире и распространяется на подход к изданию классических научных трудов в любой области.

Итак, сначала об иллюстративности. Пожалуй, одной из наиболее заметных черт важнейших исторических трудов Ростовцева (отвлекаясь от их интеллектуального потенциала), созданных им после отъезда из России — двухтомника «Древний мир», I — Восток и Греция, II — Рим (Оксфорд, 1926); «Социальная и экономическая история Римской империи» (Оксфорд, 1926); «Социальная и экономическая история эллинистического мира» (Оксфорд, 1941), — является сопровождающий их богатый иллюстративный материал. Он становится настолько неотъемлемой и значительной частью этих сочинений, что полезно задуматься, как зарождалось и развивалось его использование и каково его значение в трудах Ростовцева. Мне кажется, что этот факт не вызвал еще должного интереса и адекватного понимания, которого он заслуживает.

В предисловии к первой книге (Восток и Греция) своей великой трилогии, если позволительно так назвать «Историю древнего мира», Ростовцев писал: «В этом случае (т. е. применительно к пластическому искусству) возможно дать подборку репродукций благороднейших произведений древнего искусства и поместить их в той же самой

книге, в которой этот материал используется историком. Кроме того, каждый из этих памятников не только приоткрывает для нас различные стороны мировосприятия в древности, но и благодаря замечательным портретам позволяет взглянуть на великих деятелей того времени или отдельные сценки из жизни, как их запечатлела фантазия скульпторов и художников. Все это объясняет то значительное место, которое отведено в моей книге изображениям памятников древнего искусства». В действительности в каждом из своих трудов, выпущенных Кларендон Пресс, Ростовцев добивался гораздо большего, чем простого пояснения своих положений. Он приводел изображения памятников и самых разнообразных предметов для дополнения и развития своих мыслей, и по мере того как тематика его трудов расширялась и развивалась, он использовал все больше и больше иллюстраций, так что сейчас издание книг Ростовцева (в полном или сокращенном виде) без них стало бы неполноценным. Я еще вернусь к этому моменту, а пока рассмотрим использование иллюстраций в период его творчества, начиная с «Истории древнего мира» (1926) до «Социальной и экономической истории эллинистического мира» (1941) — исключительно продуктивного времени в научной жизни Ростовцева.

Первый том «Истории древнего мира» содержит 89 таблиц, в большей части которых помещено по три-четыре отдельных иллюстрации, второй том, соответственно, 96. В переизданиях количество иллюстраций не увеличивалось, хотя объем текста и возрастал. «Социальная и экономическая история Римской империи» была снабжена 60 таблицами в первом издании 1926 г., однако германское издание 1929 г. имело уже 64 таблицы, а итальянское 1933 г. — 80. Столько же их было и во втором английском издании 1953 г., которое было переводом с итальянского, где количество иллюстраций возросло за счет публикаций находок итальянских археологов в Киренаике. Многие из них сопровождалась описаниями по целой странице мелкого шрифта. Специальное внимание было уделено мозаикам как источнику сведений о сельском хозяйстве провинций (главным образом североафриканских земель). Каждый памятник здесь не только подробно описывается, но и включается в более общий контекст, позволяющий сделать те или иные выводы. (В германском издании все описания помещены в конце книги, что нанесло ей большой ущерб.)

Публикация в 1941 г. «Социальной и экономической истории эллинистического мира» еще раз засвидетельствовала умение Ростовцева живо и уместно использовать археологические источники, приводя в систему самый разнообразный материал, и его горячее желание подчеркнуть органическую связь между археологией и социально-экономической историей эллинистического и римского периодов. Это монументальное исследование, столь же необходимое сегодня, как и 50 лет назад, содержит 112 таблиц, иллюстрирующих все стороны жизни эллинистического мира. Многие из сопровождающих их описаний содержат одни из лучших интерпретаций Ростовцевым археологических источников и заслуживают пристального внимания. Особый интерес был проявлен здесь Ростовцевым, с одной стороны, к портретам эллинистических правителей и правительниц, сохранившимся в скульптуре и на монетах, с другой — к предметам ювелирного искусства, металлообработке и керамике. В несколько меньшей степени его занимали дающие много сведений терракоты, хотя и они проиллюстрированы и описаны весьма подробно, особенно применительно к птоломеевскому Египту. В каждом случае описание сопровождается обширной библиографией. Значение, которое Ростовцев придавал опоре на археологию в исторических исследованиях, ясно выражено в некоторых содержащихся в Предисловии замечаниях, которые уместно привести: «Иллюстрации не призваны только развлечь читателя и возместить ему сухость текста и ссылок. Они являются важной формирующей частью моей работы. Непросто было отобрать самые типичные и поучительные памятники из тысяч хранящихся в музеях предметов и сотен сохранившихся развалин древних городов и построек. Я попытался сохранить равновесие между двумя группами памятников: скульптурами, живописью, мозаиками и остатками древних поселений, отражающими картину жизни

древности, и теми, которые свидетельствуют об экономике эллинистического мира и, прежде всего, его ремесле».

Подход к историческому исследованию, который с такой ясностью здесь обозначен, принадлежит к величайшим из многочисленных достижений Ростовцева. В том, что его трилогия и прежде всего два труда по социальной и экономической истории остаются эпохальными, не последняя заслуга принадлежит универсальности его подхода к исследованию древности от раннего Шумера до Диоклетиана (в этой связи отметим предупреждение Ростовцева в предисловии к «Социальной и экономической истории Римской империи» о необходимости досконального знания письменных источников). В иллюстрациях к этим трудам история и археология впервые предстали взаимообогащающими областями знания, и мы, как ученики Ростовцева, возвращаемся к иллюстрациям в его книгах, чтобы постигнуть значение взаимосвязи всех сторон жизни античности. Однако это было сделано не только в первый, но и единственный раз. Ни одна последующая работа в тех областях, которым были посвящены исследования Ростовцева, не смогла существенно обогатить его подход к древним памятникам, сейчас, как и тогда, когда он впервые проявился, поражающий своей новизной.

Все это подводит меня ко второй теме, вытекающей из моей оценки трудов Ростовцева как эпохальных. Когда более 30 лет назад появилось второе издание «Социальной и экономической истории Римской империи», потребовавшее много работы по переводу шестиста страниц итальянского издания, согласования иллюстраций с текстом и введения новых ссылок в подробные примечания, меня часто спрашивали, почему я не использовал возможность «привести работу в соответствие с современным уровнем», иначе говоря, обновить ее. Еще прежде, чем этот вопрос был поставлен, я ответил на него на странице VII «Социальной и экономической истории Римской империи», однако, возможно, стоит подробнее объяснить, почему я считал совершенно неприемлемым хоть что-то менять в тексте Ростовцева (даже если бы у меня хватало наивности считать, что один человек в состоянии привести его «в соответствие с современным уровнем»). Причина весьма проста и заключается в том, что труды Ростовцева — не учебники, а классика, не имеющая никакой цены для историка, студента или простого читателя, если их текст отмечен прикосновением чужой мысли и чужого пера. Даже самые лучшие учебники очень легко «привести в соответствие с современным уровнем» и именно поэтому их весьма охотно принимают издатели. В области древней истории и археологии существует много значительных и по сути эпохальных трудов, к которым подобный подход неприменим и во всяком случае редко бывает успешным¹. Можно вспомнить, к примеру, достойную похвалы работу издателей начиная с Дина Милмана и до Ж. В. Бери над книгой «Упадок и падение Римской империи». И все же, что прожилось дольше — полезные примечания Бери или подлинный текст Гиббона? Кому придет в голову «подновить» «Римскую историю» Моммзена или «Римскую революцию» Сайма, а также любое из того избранного круга произведений, где существо неотделимо от взгляда и искусства их создателей. Именно к этой категории «необновляемых» трудов принадлежат крупнейшие иллюстрированные исследования Ростовцева.

П. М. Фрэйзер

---

¹ Достойной сожаления ошибкой стало издание Оксфорд Юниверсити Пресс около 1960 г. (хотя оно и могло увенчаться коммерческим успехом) двух томов в мягкой обложке под названиями «Греция» и «Рим», в основе которых лежали два тома «Древнего мира», причем в первой книге было всего одна-две иллюстрации, а во второй двадцать три.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1991 г.

И. В. ШТАЛЬ. Эпические предания Древней Греции: Гераномахия. Опыт типологической и жанровой реконструкции. М.: Наука, 1989. 299 с.

Работа И. В. Шталь по своему замыслу очень интересна, можно сказать — революционна. В ней два основных тезиса, оба очень новые. Во-первых, автор считает, что сказка о борьбе пигмеев с журавлями была сложена как миф самими пигмеями, и этот варварский миф был освоен греческой культурой вообще и греческим эпосом в частности. Во-вторых, автор считает, что поэма «Гераномахия», которая приписывается Гомеру очень поздними источниками наряду с «Батрахомиомахией» и от которой не сохранилось ни одного слова, была вполне серьезно-героической, древней и принадлежала если не самому Гомеру, то его кругу.

Обе эти гипотезы очень смелые и поэтому требуют серьезного обоснования. Иными словами, мало доказать, что существующие источники поддерживают эти гипотезы, — нужно еще доказать, что они не поддерживают или хуже поддерживают другие, более или менее традиционные гипотезы, что в новом представлении меньше натяжек, чем в старых. Этого, к сожалению, в работе не сделано. Автор прямо пишет на с. 6: «За изначальную посылку исследования принимаем положение, согласно которому миф о пигмеях и журавлях принадлежит реальным племенам, заселявшим в древности значительную территорию в пределах античной ойкумены и, видимо, вне ее...». Иными словами, то, что должно было быть выводом, оказывается предпосылкой.

Чтобы обслужить такое изначальное предположение, автору приходится доказывать, что пигмеи — народ не сказочный, а вполне реальный. Это трудно, потому что все до одного античные источники представляют пигмеев как народ, о котором все слышали, но которого никто не видел, а иногда и прямо выражают сомнения в их существовании (Страбон, II, 1, 9, р. 70; XVII, 2, 1, р. 821). И. В. Шталь дает хорошую сводку упоминаний о пигмеях у античных авторов (в основном тексте монографии — переводы, в приложении — греческие и латинские оригиналы) и еще более интересный обзор изображений пигмеев в вазовой живописи. Из этой сводки видно, что античные авторы располагали пигмеев — как естественно для сказочного народа — рядом с псоглавцами, скиноподами и пр., «на краю света», все равно на каком — в Африке, Индии, Скифии и даже крайней Фуле. И. В. Шталь принимает эти сведения буквально и создает картину, в которой пигмеи действительно жили и в Африке, и в Индии, и в Скифии, и оттуда влияли на мифологию и эпос греков. Здесь вопрос этот перестает быть филологическим и становится этнографическим и археологическим: знаем ли мы по раскопкам, что в этих местах когда-то жило малорослое племя, вытесненное потом более высокорослым? Насколько мне известно, археология этого не подтверждает, и в работе самой И. В. Шталь никаких ссылок на археологические подтверждения нет. Между тем здесь речь идет даже не об очень глубокой древности: фракийские пигмеи, по ее предположению, выселились из Фракии в VII в. до н. э., а карийские, по-видимому, вообще нигде не выселялись. Получается досадный конфликт между историческими данными и филологическими домыслами.

При такой установке на рационализацию мифа (вроде исторической школы изу-

чения былин) в работе возникают некоторые внутренние противоречия. С одной стороны, И. В. Шталь считает, что реальные «исторические» пигмеи не были такими карикатурными уродцами, как на большинстве изображений, а были людьми нормального сложения и лишь небольшого роста. С другой стороны, она, насколько можно понять, считает, что они действительно боролись с журавлями и были выгнаны журавлями из их причерноморских мест, — а это уже типичная сказка, плохо вяжущаяся с реалистическим обликом пигмеев. Здесь хотелось бы более тщательно свести концы с концами. Вообще в том, что касается журавлей, в работе есть явные преувеличения: например, автор считает, будто античность упоминает о журавлях только в комплексе представлений о пигмеях, а это, конечно, не так. в античной зоологии О. Келлера перечисляется много изображений журавлей без всяких пигмеев и даже в виде домашних прирученных птиц, а совсем не посланниками анда, на чем настаивает И. В. Шталь.

Что касается второго вопроса — о героической поэме «Гераномахия», принадлежащей гомеровскому времени, то здесь гипотеза И. В. Шталь представляется еще менее правдоподобной. Упоминается эта поэма в поздних источниках один-два раза наряду с «Батрахомомахией»; поэтому, если такое сочинение, приписывавшееся Гомеру, и существовало, то его следует и по времени написания сближать с «Войной мышей и лягушек» или новооткрытой «Войной мышей и ласок», т. е. относить к зрелому и позднему эллинизму. (И. В. Шталь предпочитает по старинке датировать «Войну мышей и лягушек» не ранее V в. до н. э. — с. 230, но до Гомера отсюда не ближе.) В картину эллинистической литературы она вошла бы. В картине же литературы архаической Греции она не имеет никаких аналогов: и «Илиада», и «Одиссея», и киклические поэмы, как известно, чуждаются мотивов чудесных и сказочных и упоминают их лишь попутно, как бы на периферии основного сюжета: уж на что богата сказочными мотивами «Одиссея», но и там они стиснуты в рассказ Одиссея, 4 книги из 24.

Таким образом, И. В. Шталь предлагает картину интересную и сложную, но требующую сильных натяжек. Требуется, во-первых, чтобы мы априори поверили в существование пигмейского народа, не сказочного, а реального, не только на краю света, но в рядом с Грецией во Фригии и Карии, не только в домикенские времена, но и в VII в. до н. э. — и в то, что этот народ, которого из исторических греков никто не видел, имел свои мифы и эпосы, дошедшие до исторических греков и ими усвоенные. И во-вторых, требуется поверить, чтобы мы вообразили существование в эпоху Гомера и Гесиода не только героических и дидактических (а затем философских) поэм, но и сказочных поэм с метаморфозой в центре, — всякий легко представляет себе такую «Гераномахию» под пером Овидия или даже Каллимаха, но под пером Гомера или кикликов — вряд ли. По сравнению с этими натяжками традиционный, изложенный во всех учебниках взгляд представляется гораздо более приемлемым: пигмеи были сказочным народом, их вражда с журавлями — сказочным мотивом, все античные упоминания о пигмеях выходят только из гомеровского сравнения, постепенно украшаясь нововыдуманными подробностями (в частности, такой типично-мифографической выдумкой, как этимологизация праматери Гераны-журавлихи), а поэма «Гераномахия» если и существовала, то была создана в эпоху эллинизма и была героикомической вроде «Войны мышей и лягушек» или «Войны мышей и ласок». Если И. В. Шталь настаивает на своей гипотезе, то следует указать, в чем несовершенства этого традиционного понимания, чего оно не может объяснить, а гипотеза И. В. Шталь объясняет. Только тогда право работы И. В. Шталь на существование будет несомненно.

Книга И. В. Шталь издана под грифом Института мировой литературы АН СССР. Рукопись ее обсуждалась на заседаниях сектора античной литературы (под председательством С. С. Аверинцева) и отдела всемирной литературы (под председательством Ю. Б. Виппера). Все, что здесь написано, почти дословно повторяет те пожелания, которые были высказаны на этих заседаниях. Ни одно из них не было принято к све-

дению. Это право автора; но хочется со всей вероятностью сказать, что коллеги автора по институту за такое обращение с азбукой научности никоим образом ответственности не несут.

М. Л. Гаспаров

© 1991 г.

Н. А. ЧИСТЯКОВА. Эллинистическая поэзия. Литература, традиции и фольклор. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 176 с.

Эта нужная и своевременная книга заполняет существенную брешь в отечественной науке об античности, в которой, к сожалению, отсутствуют работы, рассматривающие поэзию эллинизма в контексте не только эллинистической, но и, шире, античной культуры. Именно такую оценку эллинистической поэзии дает новая книга Н. А. Чистяковой, исходя из уровня современной науки и с учетом новейших публикаций и изданий текстов¹.

По методике построения и изложения книга соответствует лекционному курсу, читанному автором на классическом отделении ЛГУ и в Московском университете, и этим объясняется некоторая академичность в распределении материала, последовательный анализ творчества отдельных авторов или жанров, ими представляемых, а также принцип монографической характеристики, т. е. стремление к возможно полному охвату творчества каждого из поэтов (Каллимах, Феокрит, Аполлоний Родосский). Исключение сделано, пожалуй, только для эпиграмматической поэзии, глава о которой очень удачна: она посвящена жанру эпиграммы и охватывает все этапы ее развития.

Не фокусируя в процессе изложения материала внимание читателя на ключевых проблемах, выдвинутых в книге, т. е. идя не дедуктивным методом — от постановки проблемы к ее доказательству, а скорее, индуктивным, дающим при помощи анализа материал для заключительных выводов, автор книги уверенно подводит к пониманию своеобразия и исторического места эллинистической поэзии, что очень важно, во-первых, потому, что дает представление о самоценности эллинистической литературы, а это стало далеко не бесспорно в современной отечественной науке; во-вторых, намеченный Н. А. Чистяковой аспект открывает возможности для дальнейших исследований, предметом которых должна стать литература римская.

Начиная с повторных постановок трагедии (386 г. до н. э.)², утверждается в рецензируемой работе, драма из фольклорного ритуала с магическими функциями превращается в вид художественной литературы (с. 20), т. е. обретает новое качество. «Развенчивалась былая функция художественного творчества, угасала вера в нее и метафоризировались все порожденные этой верой образы. Прежние представления исключались из мира мысли и становились фигурами речи, утрачивая первоначальный смысл, пополняли состав метафор» (с. 27). Этот перелом в духовной жизни античного мира начался уже на исходе классической Греции, в творчестве Еврипида, деятельности Сократа, у Платона. Существовавший в сознании людей архаической и классической Греции универсум создал стойкие мифологические структуры, включающие в себя, организующие и разъясняющие все многообразие жизни и запечатленные в художественном творчестве древних. В эпоху эллинизма эта целостная структура разрушалась, возникали новые представления, связанные с культурным и религиозным плюрализмом. Раньше мифология являла собой основные жизненные категории и

¹ Особенно ценно введение в научный обиход новых текстов, собранных в *Supplementum Hellenisticum* / Ed. H. L. Jones and P. Parsons. B.— N. Y., 1983.

² На с. 20 книги явная опечатка — 368 г. до н. э.

антропоморфность богов возвышала людей, теперь в богах увидели людей, их страсти снизили до уровня человеческих забот и повседневности.

Эти теоретические утверждения Н. А. Чистякова подкрепляет, показывая на конкретном материале, что только в эллинистическую эпоху эмоциональный мир личности в полной мере становится объектом художественного изображения, а поэт подходит к свободной интерпретации мифа, ощущает свое право на личное его осмысление; аргументируется мысль, что миф теряет свою содержательную наполненность и из священной истории становится литературой. Действительно, многоязычие эллинистического мира, его пестрота и калейдоскопичность разбивали целостное мифологическое сознание на множество слоев. Многомерность мира входит в сознание людей, а восприятие его сложности, его временных и пространственных горизонтов способствует тому гигантскому скачку, который совершает художественное сознание — скачку из мира эллинистической классики в систему эллинистической культуры.

Поскольку «рефлектирующий традиционализм» (термин С. С. Аверинцева³) основан на интерпретации мифологического материала и сохраняется в русле мифологических традиций, связанную с этими традициями систему культуры можно назвать также мифориторической. В этом определении подчеркивается не только мифологический, т. е. традиционный характер этой культуры, но вводится новый аспект: она как бы воспроизводится через слово и благодаря словесному творчеству поэта, который, обретя четкое самосознание, способен осмыслить свое творчество⁴. Так возникает автор, уже не мудрец, открытый голосу истины, провозгласитель божественной мудрости, но постигающая мир единица, носитель индивидуального сознания. Глазами поэта видит мир Каллимах, он воссоздает через поэзию многомерность мира, по своему заполняя героический план увиденной его глазами действительностью. Удачной представляется глава о Каллимахе, из которой видно, во-первых, что именно вносит поэт в каждый из разрабатываемых им жанров, а во-вторых, она помогает проследить связи с Каллимахом не только римских поэтов неостериков, но и Горация. Самосознание поэта ведет, далее, к разработке поэтики, литературной критики, риторики; пусть поэт еще не подозревает о своей личной исключительности, но теперь это человек, а не рупор великого слова богов, скрывающий свое собственное лицо.

Новый тип художественного сознания, возникший в эпоху эллинизма, порождает, таким образом, новый метод художественного творчества, и поэты, даже идущие разными путями, как показывает Н. А. Чистякова, тесно связаны с традицией. Человек увидел себя, но сила традиционного мышления такова, что о себе он может сказать не непосредственно, но в рамках мифологических сюжетов. Поэт Антимах в сборнике, который он озаглавил «Лида» по имени возлюбленной, желая рассказать о *своем* горе, описывает силу потрясения, испытываемого мифологическими персонажами, находящимися в аналогичной или сходной ситуации (с. 32). После этого героям можно было сообщить бытовые черты, вывести их в обстановке повседневной жизни, а также, спустив с котурнов мифа, назвать немифологическими именами, т. е. перевести в план условных персонажей Новой комедии, мима, буколика и т. п., но при этом ни один из поэтов эллинистической эпохи не смог преодолеть заданную мифологическим сознанием традиционность.

Феокрит, пытаясь выразить как можно полнее свое мироощущение, остается в рамках традиции, обращаясь к фольклору; это обращение вторично, хотя и очень продуктивно, так как иллюзия достоверности создается благодаря убедительным реалиям. Глава о Феокрите значительно расширяет наше представление об этом поэте: он выступает не только как создатель нового жанра — буколика, но и как поэт любви; при этом Феокрит — поэт-новатор, устремленный в будущее, хотя и тесно связанный с

³ Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 3—11.

⁴ Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII—XIX вв. // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 312.

прошлым (с. 100). Пастухи Феокрита — жители Сицилии (сказывается приверженность поэта к географической реальности), однако время в пространстве у него неопределенны, расплывчаты. Это те условно-бытовые персонажи, которые перешли сюда из низовых жанров и в значительной степени определили характер эллинистической поэзии.

В «низких» жанрах (комедии, буколке, миме) утверждаются бытовые персонажи и условно-бытовая тематика. В «высоких» жанрах (эпос, эпиллий) миф остается сюжетной основой поэзии, структурно ее организует. В книге Н. А. Чистяковой на конкретном материале показано, как поэты варьируют мифологические сюжеты, как в меру своего таланта трансформируют то, что продиктовано традицией, контаминируют, создавая новые повороты сюжета и усиливая его занимательность, но не будучи в силах оторваться от традиции, приближаются то к достаточно, впрочем, условному, быту, то к фольклору. Рассматривая поэму Аполлония Родосского, автор книги говорит об отсутствии объективизации мифологического эпоса, о том, что эническая поэма превращается у Аполлония Родосского в сказочно-этиологическую (с. 116).

Эпиграмма, первоначально надпись на камне или сосуде, тоже формируется в новый жанр, дает начало одному из видов лирической поэзии, обусловленному определенной метрикой и объемом. И здесь, и в поэзии, ведущей свое начало из застольных песен симпосия, комоса и мелической поэзии, эти изменения связаны с выделением личности автора. И опять-таки традиции, уводящие в глубь происхождения жанра, накладывают на него свою печать: в псевдоэпитафии «эти персонажи — комедийные маски; в прошлом — объекты ритуальной инвективы» (с. 145). Подхватываются здесь и мотивы, близкие современникам поэта: так мотив бедности, некогда широко распространенный в древней ямбографии и элегии (Архилох, Гиппионакт, Феогнид), переходит к Леониду. «Вся поэтическая деятельность Леонида ориентирована на поиски новых путей будущей поэзии, на преодоление уже тесных для него былых эпиграмматических форм... Далее предстояло ввести в нее современника уже без личины и маскарадного костюма» (с. 147).

Но эллинистические поэты, сосредоточив свое внимание на личности, индивидуальном начале, не сделали следующего шага и в рамках усвоенных ими традиций не только не расширили масштабы времени и пространства, но не выразили достаточно полно «я» отдельного человека. К этому хотелось бы добавить, что стремление к упорядоченности, каталогизации, ученость, интерес к географическим и этнографическим подробностям, а также новые масштабы, применяемые к мифологическим персонажам, не только приводили поэта к метафоризации, перифразам в рамках мифа, но и открывали уже в эллинистической литературе широкий путь к риторике.

Оставаясь в кругу традиций, произведение как бы обновляется, но не вырывается из замкнувшегося круга. «Ни авторское „я“, ни личный мир и эмоции автора не завоевали права на художественное изображение на протяжении существования всей эллинистической литературы» (с. 157). Н. А. Чистякова намекает на «загадку личностного начала» в римской литературе и отмечает важность вопроса о соотношении в ней авторской мысли и художественного образа. Решение этой задачи лежит за пределами ее исследования. Не претендуя на полное раскрытие этой проблемы, автор рецензии чувствует себя как бы спровоцированным к рассуждениям на эту тему и рискует высказаться по поводу некоторых аспектов римской литературы, долженствующих приблизить к ее пониманию.

Уже с первых шагов развития Рима его характеризует восприятие себя как личности не космоса физического, а некоего социального универсума. Рим имел тенденцию к государственной монолитности, осознавал себя центром мира и был убежден в своей исключительности, организующей и подчиняющей все вокруг силе. А. Ф. Лосев назвал эту черту «великодержавным универсализмом», который реализовался в грандиозности римской архитектуры, в торжественной парадности эрелиц, в характере военных трагумфов, во всем комплексе понятий, представляющих Рим как мировую державу⁵.

⁵ Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика. М., 1979. С. 84 сл.

Эти представления укреплялись тем, что для римлян огромное значение имела *своя история*. Исторические легенды и предания значили для менталитета римлян больше, чем существующая как бы вне времени мифология греков. Римляне абстрагируют персонажи мифологии (как, например, *alma Venus* у Лукреция) или превращают их в героев своей истории (как Эней в поэме Вергилия). Тесная связь с историческим прошлым, традиции предков — все это способствует становлению временных категорий (чего так не хватало эллинистическим поэтам), осознанию себя в историческом и социальном пространстве и требует соответствующей фиксации. Поэтому, тогда как Аполлоновый Родосский не пошел дальше описания частного случая, Вергилий в «Энеиде» сделал всемирно-историческое обобщение и заговорил о судьбах Рима и мира, преломленных через судьбу отдельного человека. У римлян, таким образом, история остается историей, но поднимается на пьедестал мифа.

Очень рано, уже в римском портрете, традиции которого восходят к маскам умерших, проявляется у римлян тенденция к индивидуализированному психологизму, а это открывало путь к тому, что универсальное, заложенное в их мирозерцании, могло, с одной стороны, переживаться в плане личном, интимном (такова внутренняя эволюция Энея от мятущегося троянца к герою, осознавшему свою историческую миссию), а с другой — обрести историческую конкретность: Вергилиевы пастухи — это римляне и современники поэта, хотя и выступают под маской аркадских пастухов, со всеми прищущими этой маске атрибутами.

Так же и Гораций сообщает социальный аспект, а значит, и новое качество различным жанрам, разрабатываемым его греческими предшественниками. Все его творчество — раскрытие меры собственной самостоятельности человека и поэта-творца в рамках августовского тоталитарного режима.

Третий (кроме универсализма и психологизма) аспект, заложенный в римском социальном сознании, связан с выработанной у римлян веками склонностью к логическому мышлению и последовательному рационализму. Огромная тренировка памяти не приученных к записям римлян уже в ранний период развития римской культуры способствовала логической упорядоченности мышления, подготовила расцвет римского красноречия на новой рационалистической основе. Так намечались пути для риторического аспекта в развитии римской литературы. Именно у римлян окончательно вырабатываются категории, поддающиеся исчислению, несущие упорядоченность в существующий мир эллинистического культурного хаоса, возникшего вместо природного космоса. Но если космос был организован благодаря мифу и ритуалу, то теперь для этого понадобились новые средства. Такой организующей силой становится *слово*, но осязаемое по-новому, упорядоченное.

Благодаря словесному искусству оформляется и организуется новый тип мышления, который намечался уже в эллинистических странах. Теперь благодаря чисто римской специфике он дает в Риме набор риторических вариантов, общих мест, топосов и т. п. «Общее место, — пишет С. С. Аверинцев, — инструмент абстрагирования, средство упорядочить, систематизировать нестроту явлений действительности, сделать эту не строту легко обозримой для рассудка»⁶. Именно этот *риторический рационализм* и обусловил специфику римской литературы. Сведение мифологических представлений к топосу, к общему месту, последовательно прослеживается, например, в элегии, лирический герой которой уже отделен от мифологического персонажа, но использует миф как знак, за которым стоит глубина столь значительного личного переживания, что достаточно назвать лишь имя мифологического персонажа, чтобы у читателя возник весь круг ассоциаций, с этим мифом связанных (см. Проперций. I.3.1—8; II.41.1—10). Другой пример — риторические обработки Овидием тем Катутла, элегики и даже своих эллинистических предшественников, например, Мелеагра.

⁶ Аверинцев С. С. Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 16.

Римский великодержавный универсализм, индивидуализированный психологизм и риторический рационализм стали, следовательно, теми факторами, которые подняли римскую литературу на новую, сравнительно с литературой эллинистической, ступень. Таким может быть ответ на риторический вопрос, которым заканчивается глубокая и содержательная книга Н. А. Чистяковой.

К. П. Полонская

© 1991 г.

M. GUARDUCCI. *L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero*. Istituto poligrafico e zecca dello stato, Libreria dello stato. Roma, 1987. 561 p. XII Tav. in col. 2 Alleg.

На исходе XX столетия, вторая половина которого протекает под знаком мощного извержения лавины информации, в гуманитарных науках стала особенно заметно ощущаться потребность в различного рода справочной литературе. В науке о классических древностях, в частности, дефицит вспомогательных информативных знаний наиболее остро сказался на таких дисциплинах, как нумизматика, папирология и эпиграфика, в которых приток как самого материала, так и его публикаций и републикаций нарастает в геометрической прогрессии. Ориентироваться в безбрежном море греческих эпиграфических документов надежно помогают два фундаментальных международных издания: во-первых, воскрешенный в 1979 г. после 18-летнего молчания *Supplementum epigraphicum Graecum*¹, in toto охватывающий публикации с интервалом в три года после выхода, снабженный — в отличие от прежней серии — прекрасными надксами², и, во-вторых, почти не претерпевший нежелательной цезуры благодаря энергии его новых издателей (прежде всего Ф. Готье) построберовский *Bulletin épigraphique* — в силу традиций и своей специфики более оперативный и критический³.

Однако оба издания, вкупе с очень полезной и достаточно полной французской библиографией⁴, не снимают, но, напротив, лишь актуализируют вопрос о необходимости иметь на руках и компас иного рода: систематическое руководство, классификационно и парадигматически ориентирующее специалистов — в особенности начинающих, но и уже умудренных опытом — в этой области исторического знания на самом современном научном уровне. До середины 60-х годов это desideratum так и оставалось благим пожеланием: известное *Handbuch* В. Ляpfельда⁵ давно устарело и в силу своего неудачного концепта и структуры, равно как и сугубо компилятивного характера в настоящий момент не может быть рекомендовано даже новичкам. Заполнить эту досадную лакуну взяла на себя труд известный итальянский Altmeister эпиграфики Маргерита Гвардуччи, выпустившая в 1967 г. том фундаментального руководства «*Epigrafia greca*» (EG). Все издание, составившее четыре увесистых тома по 600 и более страниц

¹ SEG XXV вышел в 1961 г., XXVI/XXVII (за 1976/77 гг.) — в 1979 г.; к моменту написания рецензии, в 1989 г. выпущен т. XXXVI (за 1986 г.).

² В 1989 г. появился отдельный Index to SEG XXVI—XXXV.

³ Смерть Луи Робера прервала издание на 1984 г.; в 1990 г. появился четвертый выпуск новой серии, включивший и обзор эпиграфики Северного Причерноморья (1989 — L. Dubois, 1990 — Ju. Vinogradov).

⁴ Guide de l'épigraphiste. Bibliographie choisie des épigraphies antique et médiévale. P., 1985 (2me éd. — 1989).

⁵ Larfeld W. *Handbuch der griechischen Epigraphik*. Bd I: Die nichtattischen Inschriften. Lpz, 1907; Bd II: Die attischen Inschriften. Lpz, 1898—1902 (Nachdruck, 1971); *idem*. *Griechische Epigraphik*. 3. Aufl. München, 1914.

каждый, было завершено ею, притом *propriis auxiliis*, в поразительно короткие сроки, всего за 10 лет — подлинный научный подвиг! ⁶

Однако выход монументального труда М. Гвардуччи — при всех его бесспорных достоинствах — не снял, а напротив, лишь возбудил потребность и подготовил почву для создания руководства иного плана: «облегченного», более концентрированного, рассчитанного преимущественно не только на эпиграфистов, но и на специалистов по *Altertumswissenschaft* самого разного профиля. Полезные и отличающиеся тонкими, свежими идеями Введения в эпиграфику Г. Клаффенбаха и Л. Робера ⁷ подобную задачу выполнить не могли, да перед собой и не ставили, а компендиум А. Кальдерини ⁸, объединивший в себе греческую и латинскую эпиграфику, оказался для такого предназначения слишком сжатым и несовершенным.

И вот, через 10 лет после выхода IV тома «Греческой эпиграфики» М. Гвардуччи мы получаем из рук неутомимой исследовательницы очередной том: «Греческая эпиграфика от ее возникновения до поздней империи». Как она сама отмечает в Предисловии, данная книга — не просто компендиум предыдущих томов. Она задумана и построена как новый труд, отличающийся от предшествующего в разных аспектах. Диктат объема заставил сократить число приводимых в качестве образцов надписей, а раздел о монетных легендах и вовсе опустить. Неизменными остались, однако, принципы изложения материала, один из которых — тематическая структура издания.

Как и четырехтомник, рецензируемое руководство строится по следующим основным разделам. За кратким изложением предмета эпиграфики (с. 1—4) следуют необходимые сведения о линейре В, финикийском алфавите и проблемах возникновения алфавита греческого (с. 5—33), куда добавлена перепечатанная фототипическим способом из основополагающей книги А. Кирххофа карта распространения «цветных» локальных алфавитов (Таб. I). Затем, следуя современным принципам, на наиболее репрезентативных парадигмах дается характеристика архаического и классического алфавита по местностям (с. 34—80). Целый ряд примеров из EG I, естественно, опущен, зато есть и добавления: с. 43, № 2 — аттическое граффито раннего VII в. с именем «Гелифрон»; с. 49, № 1 — имя (?), нанесенное краской на сосуд первой половины VII в. с Наксоса; с. 61, № 1 — полное восстановление (благодаря присоединению нового фрагмента) документа первой половины VI в. о строительных работах в святилище Афины Афана на Эгине. Завершают раздел сведения о развитии лапидарного шрифта начиная с V в. до н. э., а также об архивах и публикации документов в древней Греции (с. 81—90).

II тому EG соответствуют разделы «Международная жизнь» (договоры, арбитражи, официальные письма, с. 91—110) и «Общественная жизнь» (декреты, законы, эдикты, почетные посвящения, счета и инвентари, каталоги, *instrumentum publicum*, с. 111—243), также обновленные парадигмами, к примеру, афинским декретом IG I³. 80 в честь Астия из Алеи (с. 123, № 1). Замечу, что хотя бы в дидактических целях в гл. «*Dedicatio onogarie*» имело смысл провести водораздел между документами о постановке и (далеко не всегда!) посвящения статуи и почетных надписей (*tituli honorarii*) выдающимся личностям и посвящениями (*tituli dedicatorii*) таких памятников за здоровье, благополучие, победу и т. п. этих лиц, поскольку те и другие составлялись по разным формулам: первые по типу *nom. subj. + acc. obj. + (verbum erigendi)*, вторые — *gen. + gen. obj. + dat. dei + nom. subj. + (verbum dedicandi)*. Незнание того, что оба формульных типа никогда не контаминировались, приводит порой к конфузным

⁶ *Guarducci M. Epigrafia greca. V. I: Carattere e storia della disciplina. La scrittura greca dalle origini all'età imperiale; V. II: Iscrizioni di carattere pubblico; V. III: Iscrizioni di carattere privato; V. IV: Epigrafi sacre pagane e cristiane. Roma, 1967—1978.*

⁷ *Klaffenbach G. Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957 (2. Aufl.—1966); Robert L. Epigraphie // Encyclopédie de la Pléiade. L'histoire et ses méthodes. P., 1961 (немецк. пер.: Die Epigraphik der klassischen Welt. Bonn, 1970).*

⁸ *Calderini A. Epigrafia. Torino, 1974.*

конструкциям⁹. К репрезентативной и в общем полной библиографии раздела необходимо добавить содержательную работу об остракизме Ю. Вандерпула¹⁰, а также вышедшие вслед за рецензируемой книгой материалы интересного коллоквиума о счетах и инвентарях¹¹.

Далее структура издания по сравнению с четырехтомником модифицирована: сначала поставлен раздел «религиозная жизнь» (сакральные законы, votивные посвящения, поклонения и родственные им тексты, оракулы, исцеления, каталоги жрецов и их помощников, заклатья, «орфические» золотые пластинки, с. 244—325), соответствующий целиком EG IV и в известной степени EG III. В качестве парадигм здесь добавлены золотая чаша Кицелидов (с. 258, № 1)¹² и надпись на бронзовом наконечнике копья из Олимпии (с. 262, № 3). Затем следует раздел о надписях частного характера: межевые камни, фонды, манумиссии, надписи на домашних и личных предметах, надгробия, надписи художников (с. 326—417). Число парадигматических текстов пополнено здесь: межевым столбом из Афин (с. 328), пограничным камнем участка царя Персея с Коса (с. 330), граффито, найденным вблизи Посидонии, в исправном чтении М. И. Лацаряни (с. 364 сл.), граффито из сицилийского Наксоса с интересным эпихорическим именем «Титтабо» (с. 368), надписью на замечательной терракотовой модели дома VII в. с Феры с именем владелицы «Архедика» и мастера — «Андриас» (с. 392—394, № 1), граффито на бронзовой урне позднего VII в. из Сиракуз — «Меланиппа» (с. 394, № 2), стихотворной эпитафией (теперь = Hansen, SEG II 662a) из Камарины (с. 404, № 11), надгробным алтарем II в. н. э. из Карии (с. 407, № 14), надписью раннего VI в. из Сиракуз о строительстве храма Аполлона (с. 420).

Разбирая тексты этого раздела, не хотелось бы упустить случай развять, наконец, одно эпиграфическое заблуждение, вот уже более трех четвертей века кочующее из публикации в публикацию. Речь идет о найденном в яме на Березани в 1909 г. Э. Р. фон Штерпом и вскоре им же опубликованном фрагментированном светлоглиняном светильнике примерно середины VI в. до н. э., на боковой стенке которого по кругу глубоко вырезано граффито (текст на с. 369). Надпись многократно издавалась, но практически всегда с одним и тем же чтением¹³:

ὄς : λύχνον εἰς καὶ φαῖνο θ[εοῖς]ιν κἀνθρώποιςιν

«поскольку я светильник, то и свечу богам и людям»

⁹ Ср. например, *Яйленко В. П.* Новые данные о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 617. сл. При восстановлении почетной надписи (которую он почему-то многократно именуется почетным декретом!) на базе статуи автор беспрецедентно контаминирует несочетаемые формулы: [Βα]σιλέα βασιλέ[ων...Εὐπά]τορα Διόνυσον τὸν[...εὐ]εργέτην, κρατήσαν[τα (сплошь асс.)...], ὅπερ τῶν αὐτοῦ] πραγμάτων καὶ ὅπ[ῃ]ρ (недопустимый плеоназм) εὐνοίας]. Смутьивший публикатора gen. πραγμάτων относится в этом тексте на самом деле к обороту κρατεῖν πραγμάτων — «становиться хозяином положения». Повод для постановки статуи в tituli honorarii всегда передается либо через gen. + ἐνεκεν/χάριν, либо через διά + асс.; см., например, текст на с. 160 рец. книги ἀρετῆς ἐνεκεν καὶ εὐνοίας]. Последние буквы Митридатовой надписи следует дополнять не в ὅπ[ῃ]ρ, а в ὅ[τα]ζαντα] (ср. BKH 39, 40).

¹⁰ *Vanderpool E.* Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970.

¹¹ *Comptes et inventaires dans la cité grecque. Actes du colloque de Neuchâtel.* Genève, 1988.

¹² Не стоило ли здесь сослаться на посвященные ей строки: *Woodhead A. G.* Epigraphik und Geschichte // Das Studium der griechischen Epigraphik. Darmstadt, 1977. S. 86 f.?

¹³ *Штерп Э. фон* // ЗООИД. 1910. 28. Протоколы. С. 88; *он же* // ОАК за 1909—10 гг. С. 108; *idem.* // Philologus. 1913. 72. S. 546. f.; *Pharmakovsky B.* // AA. 1910. S. 227, Abb. 26; *Minns E.* Scythians and Greeks. Camb., 1913. P. 361; *Waldhauer O.* Die antiken Tonlampen. St. Petersburg, 1913. S. 67. № 536. Taf. LI, B; *Kocsealaw A.* Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum Graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini. Eus Suppl. 12. Leopoli, 1935. P. 123; *Friedländer P., Hoffleit H. B.* Epigrammata. Berkeley, 1948. P. 162 f. № 177 k; *Guarducci M.* EG III (1974). P. 346; *Яйленко В. П.* //

Граффито на светильнике с о. Березань

Предполагалась гексаметрическая ритмика текста с изъятиями. При вышеприведенном чтении издатели наталкивались на две синтаксические сгустки: с трудом допускаются 1) $\omega\varsigma$ вместо $\delta\tau\iota$ в значении «поскольку», 2) $\kappa\alpha\iota$ в *apodosis* в значении *etiam*; союз здесь выглядит вовсе излишним. Никто, однако, не обратил внимание еще на одну странность: при общепринятом варианте чтения двухточечная интерпункция бессмысленно отделяет стоящий якобы в начале текста союз $\omega\varsigma$ от остальной фразы! Осмотр оригинала в Эрмитаже (см. рис. по собственной копии) позволил выявить после «концевой» *ню* граффито отчетливый след срыва резца, выведившего следующую за ней букву на носике светильника. Это может означать только одно: интерпункция маркирует старт текста, начинавшегося словом $\lambda\upsilon\chi\nu\nu\nu$ (нов. эквивалент формы $\lambda\upsilon\chi\nu\nu\varsigma$), а заканчивавшегося, по всей видимости, кратким наречием¹⁴. *Exempli causa* дополняю текст:

$\lambda\upsilon\chi\nu\nu\nu$ $\epsilon\iota\mu\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\varphi\alpha\iota\nu\omega$ $\theta[\epsilon\omega\iota\varsigma]$ $\tau\upsilon$ $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\epsilon\omega\tau\iota\sigma\iota\nu$ $\tau\epsilon[\rho\eta\acute{\epsilon}]$ $\omega\varsigma$ (?)

«я светильник и свечу богам и людям нежным светом (?)»

Ср. *Hom. hymn. VIII. 10: πρὸ σέλας*. В таком понимании текст непротиворечив синтаксически и приобретает более изящества. Фраза составлена не гексаметром, а неумело версифицирована по схеме трохейского тетраметра: обилие иррациональных спондеев (к тому же слишком часто в нечетных стопах) делает стих тяжеловесным. Выражение «свечу богам и людям» указывает на двойную функцию лампочки: освещать как жилище, так и, вероятно, домашнее святилище. Во всяком случае, нет никаких оснований делать отсюда вывод ни о наличии на Борисфене/Березани святилища нескольким сохранным богам (Ййленко), ни о том, что вещь сопровождала своего хозяина в могилу (Штерн, Гвардуччи)¹⁵.

Завершает рецензируемую книгу одна новинка: глава с краткими сведениями о греческой хронологии (обозначение дней по декадам, лунный год и интеркаляция, название аттических и египетских месяцев, летосчисление, эры, с. 443—449). Другое жемчужество — в книге появилась дюжина прекрасно выполненных цветных таблиц. Завершает монографию, как и прежде, систематизированная, слегка расширенная основная библиография, *index graecitatis*, указатель имен и предметов, а также две таблицы архаических локальных алфавитов. Издание выполнено на самом высоком полиграфическом уровне.

Подводя итог, можно смело надеяться, что новому руководству по эпиграфике Маргериты Гвардуччи уготована долгая жизнь. Как и фундаментальный четырехтомник «*Epigrafia greca*», и в дидактическом, и в справочном плане оно безусловно сослужит добрую службу не одному поколению антиковедов.

Ю. Г. Виноградов

КСИА. 1979. 159. С. 57 сл. № 11. Рис. 2; Hansen, SEG I 463; Guarducci. L'epigrafia greca... P. 369; Губочкин В. Б. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. I. Тезисы докл. конф. Запорожье, 1989. С. 36—38.

¹⁴ Подошедший вплотную к близкому решению Губочкин (Ук. соч. С. 37) предложил, однако, дополнить в начале надписи имя [Προμῆθῆ]ωσ, не способное уместиться в лагуну.

¹⁵ Как известно, копавший поселение фон Штерн зачастую ошибочно принимал средневековые захоронения и даже обыкновенные хозяйственные ямы за архаические погребения.

EISEMAN C. J., RIDGWAY B. S. *The Porticello Shipwreck. A Mediterranean Merchant Vessel of 415—385 B. C.* College Station: Texas A & M University Press, 1987 (The Nautical Archaeology Series, № 2). 126 p.

Рецензируемая монография представляет собой первую полную публикацию находок (амфор, слитков металла, обломков статуй), обнаруженных среди остатков древнего корабля в Мессенском проливе у деревни Портичелло в 1969—1971 гг. По существу книга является переработанной докторской диссертацией К. Дж. Эйзмен, дополненной исследованием о скульптуре известного специалиста в этой области проф. Б. С. Риджвей.

Книга состоит из шести глав, библиографии и индекса. I глава посвящена истории находки. В 1969 г. местный рыбак обнаружил на дне пролива около сотни амфор, фрагменты керамики и обломки бронзовой скульптуры. Затем он с помощью водолазов поднял их. Находки были конфискованы полицией и в том же году переданы в Национальный музей Реджю. На с. 4—8 описываются методы и результаты подводных работ экспедиции Музея Университета Пенсильвании под руководством Д. Оуэна.

II глава содержит каталог фрагментов деревянных деталей корабля, медных гвоздей, свинцовых пластин обшивки корабельного корпуса, якорей и их обломков. На основании обстоятельного анализа указанных находок К. Дж. Эйзмен приходит к следующим выводам. Корабль имел в длину ок. 16,6 м (с. 13). Для сравнения заметим, что реконструкция корабля из Кирены предполагает, что его длина составляла ок. 14 м¹. Корпус корабля был целиком покрыт свинцовой обшивкой, как практиковалось в раннеимператорскую эпоху в Риме, — таким образом, это древнейший образец подобного рода технологии (с. 16). Уникальна находка крюйсов (крепившиеся выше уровня палубы, они, как правило, не сохранялись). Находки из Портичелло показывают, что это приспособление не было новшеством в V—IV вв. до н. э.² Из поднятых на берег разнообразных деталей якорей, в основном свинцовых заполнений штоков, лишь деревянные штоки со свинцовым заполнением и бронзовые лопасти принадлежали данному затонувшему кораблю. К этому выводу автор приходит, анализируя различные гипотезы об эволюции типов античных якорей — от каменных к цельносвинцовым. Штоки последнего типа засвидетельствованы для III—II вв. до н. э., однако высказывались мнения о том, что этот переход произошел в IV в. до н. э. Находки из Портичелло являются древнейшими образцами деревянных штоков со свинцовым якорем, позволяющими предположить, что этот переход произошел более или менее полно к середине IV в. до н. э.

Радиоуглеродный анализ образцов дерева из Портичелло дал следующие датировки: 470—440 ± 52 и 420 ± 43 гг. до н. э., указывающие на время вырубки леса для строительства судна (с. 24—25).

Следующая глава посвящена публикации «обиходной» керамики с корабля (названной автором так в отличие от посуды, которая являлась грузом), принадлежавшей, вероятно, команде корабля. Это чернолаковые килки со штампованными пальметтами 420—380 гг. до н. э., скифос того же времени, светильники открытого типа ок. 400 г. до н. э. — все аттического производства. Датировки керамики обоснованы главным образом аналогиями из закрытых комплексов афинской агоры. Отмечается, что фрагменты мортариев, ойнохоя и другая простая керамика были изготовлены вне Аттики (с. 26—33). Здесь же публикуются свинцовые разновески и гврьки, принадлежавшие команде корабля (с. 33—36). Анализ керамического материала позволил К. Дж. Эйс-

¹ Steffy J. R. *The Kyrenia Ship: An Interim Report on its Hull Construction* // *AJA*. 1985. V. 89. P. 100.

² О технике строительства античных кораблей см. *Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton, 1986.

мен прийти к выводу, что кораблекрушение у Портичелло произошло ок. 400 г. до н. э. Существуют и другие точки зрения, поскольку керамика из Портичелло может датироваться и несколько более ранним временем. Передатировки чернолаковых аттических киликов типа *болсал* и определение *terminus ante quem* их производства — 426 г. до н. э. — позволили Д. Джиллу относить дату кораблекрушения к 430–425 гг. до н. э., тем более что форма светильников, появившихся в третьей четверти V в. до н. э., не претерпела существенных изменений с течением времени и поэтому не может служить хронологическим репером³.

В IV главе изданы находки, принадлежавшие грузу корабля. К ним относятся остроносовые амфоры четырех типов: 1) амфоры Менды, 13 экземпляров, датированные концом V — началом IV в. до н. э.; 2) пунийские амфоры, 15 экземпляров; 3) западногреческие амфоры, 3 экземпляра, изготовленные скорее всего на юге Италии или в Сицилии; 4) амфоры типа Солоха-II, 2 экземпляра. Предполагается, что в греческих амфорах могло перевозиться вино, тогда как в пунийских — соленая рыба. Рассматриваются отдельные вопросы, связанные с типологией, датировками и центрами производства амфорной тары.

Амфоры Менды определены на основании статьи И. Б. Брашинского 1976 г.⁴ Между тем автору остались неизвестными другие его работы, впрочем, как и публикации аналогичных амфор из Ольвии⁵. Используя данные И. Б. Брашинского, К. Дж. Эйзен приводит составленный в хронологическом порядке список комплексов с находками амфор Менды в Причерноморье и Средиземноморье (с. 40). Особое внимание уделено измерению объемов амфор — результаты измерений сведены в таблицу (с. 52). Остается сожалеть, что в качестве сравнительного материала не были использованы данные измерений амфор Менды из Северного Причерноморья. Так, объемы амфор Менды из Портичелло равны 19 255–23 930 см³ (средняя емкость девяти измеренных сосудов — 20 977 см³), тогда как измерения емкостей аналогичных амфор из Северного Причерноморья дали результаты от 18 700 до 22 200 см³ при средней емкости 14 измеренных сосудов в 20 050 см³⁶.

В этой же главе публикуются свинцовые слитки весом ок. 25,7 кг (археологи подыкали на берег лишь два слитка, однако известно, что свыше 20 слитков были найдены рыбаками и проданы на металлолом). Как справедливо отмечает автор, в отличие от находок эпохи бронзы и первых веков н. э. металлические слитки практически неизвестны в кораблекрушениях классической эпохи. К. Дж. Эйзен указывает, что близкий по форме слиток был найден в Лаврионе в XIX в. и в настоящее время хранится в местном музее. Схожи по форме и отличны от римских находки, сделанные у южного побережья Франции у Сен-Тропеза и Агды⁷. Впрочем, информация о находках металлических слитков в кораблекрушениях архаической, классической и эллинистической эпох может быть расширена. Среди остатков кораблекрушения этрусского корабля ок. 600 г. до н. э. у о-ва Джилло в заливе Кампезе наряду с амфорами восточногреческого, финикийского и этрусского производства, коринфской, ионийской, лаконской тонкостенной и расписной керамикой, буккеры, светильниками, грузилами, наконечниками стрел также были обнаружены медные и свинцовые слитки. На одном из свин-

³ Gill D. W. The Date of the Porticello Shipwreck: Some Observations on the Attic Bolsals // IJNA. 1987. V. 16. P. 31–33; Boardman J. Rec. ad.: Eisman C. J., Ridgway B. S. The Porticello Shipwreck... // Antiquity. 1988. V. 62. № 235. P. 388.

⁴ Брашинский И. Б. Амфоры Менды // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.

⁵ Он же. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 20–21. № 38–46; он же. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 34–40 (о находке из Портичелло и ее атрибуции см. с. 36); Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981. С. 35–36. Табл. 20–21.

⁶ Брашинский. Методы... С. 106.

⁷ О находках слитков металлов предшествующего времени см. Трейстер М. Ю. Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации // ВДИ. 1988. № 1.

цовых слитков, как и на слитке из Портичелло (см. ниже), имеются греческие буквенные обозначения⁸. Известны находки слитков олова V—III вв. до н. э., сделанные в море у побережья Израэля, в том числе слитка со знаками иберийского письма в рельефном изображении головы Аретузы, сопоставимым с эмблемами на монетах Сиракуз 470-х годов до н. э.⁹ Особое внимание привлекают находки слитков среди остатков кораблей, состав груза которых близок грузу корабля из Портичелло. Речь идет о находке у побережья Мегадима (Израиль) родосской амфоры (относящейся к грузу корабля, затонувшего в конце II в. до н. э.), содержащей ок. 100 кг различных бронзовых предметов, в том числе монет, гвоздей, весовых гирек, орудий труда: ювелира, компаса, наконечников стрел. Отдельно в море были обнаружены части статуй (некоторые из них принадлежали скульптурам вдвое больше человеческого роста), части мебели и т. п.¹⁰ Неменьший интерес представляет не привлекшая в свое время достаточного внимания находка свинцовых слитков среди остатков корабля, затонувшего у Махдия, по мнению исследователей, примерно в пределах середины II — середины I в. до н. э.¹¹ Свинцовые слитки из Махдия также имели греческие буквенные обозначения¹². Напомним, что в составе этих находок были мраморные колонны, фрагменты аттических надписей, посвященные рельефы IV в. до н. э., неаполитанские мраморные вазы (взяты, вероятно, из святилища в Пирее и, возможно, использовавшиеся в качестве балласта), бронзовые статуэтки, детали ложа с рельефными бюстами в жаровни¹³.

Далее авторами рецензируемой монографии делается попытка расшифровать буквенные изображения, вырезанные на одном из слитков. Если бы они обозначали вес — 101 статар, то слиток должен был бы весить 92,475 кг, что намного превышает его реальный вес. Не решая вопрос об интерпретации букв на слитке (высказано предположение, что они могли обозначать название рудника или мастерской, где был отлит слиток), автор полагает, что вес слитка свинца равен таланту (такие единицы измерения веса свинца упоминаются в надписях Эрехтейона) или *κρᾶτῆτις* (см. надпись из Гефестейона — IG.I². 370/371). В таблице 9 на с. 56 приводятся результаты анализов на изотопы свинца, позволяющие утверждать с большой долей вероятности, что металл происходит из месторождений Лавриона в Аттике, которые, по сообщениям древних авторов, на рубеже V—IV вв. до н. э. были практически истощены¹⁴. Исследователи справедливо отмечают, что находка свинцовых слитков в Портичелло ставит множество вопросов — в частности, почему слитки лаврионского свинца вывозились на запад в эпоху, когда сами месторождения Лавриона истощались. Означает ли это, что свинцово-серебряные рудники Испании не разрабатывались в эту эпоху или, как полагает К. Дж. Эйзмен, находились под контролем финикийцев и поэтому металл из Испании мог стоить дороже? Так или иначе, автор прав, отмечая, что находки в Портичелло позволяют не столько решить проблему, сколько поставить ее. Впро-

⁸ Bound M. Una nave mercantile di età arcaica all'isola del Giglio // Il commercio etrusco arcaico / Ed. M. Cristofani et al. Roma, 1985 (Quaderni del Centro di studio per l'archeologia etrusco-italica, 9). P. 65—70; Rasmussen T. C. B. Archaeology in Etruria, 1980—85 // Archaeological Reports for 1985—1986. L., 1986. P. 114.

⁹ Artzy M. Arethusa of the Tin Ingot // BASOR. 1983. № 250. P. 51—55; Galili E. Metal from the Depth of the Sea // IAMS Newsletter. № 9. Dec. 1986. P. 6.

¹⁰ Misch-Brandt O., Galili E. Finds from the Hellenistic Period // From the Depth of the Sea: Cargoes of Ancient Wrecks from the Carmel Coast. Jerusalem, 1985. P. 12—16.

¹¹ Barr-Sharrar B. The Hellenistic and Early Imperial Decorative Bust. Mainz, 1987. P. 23.

¹² Lamb W. Greek and Roman Bronzes. L., 1929 (repr.: Chicago, 1969). P. 207. X. У. фон Шёнебек определял слитки как аттические (см. Barr-Sharrar. Op. cit. P. 23. Not. 46).

¹³ Fuchs W. Der Schiffsfund von Mahdia. Tübingen, 1963; Barr-Sharrar. Op. cit. P. 23—26; Rolley C. Greek Bronzes. Fribourg, 1986. P. 194.

¹⁴ См. в этой связи: Strauss B. S. Philip II of Macedon, Athens and Silver Mines // Hermes. 1984. Bd 112. Ht 4. S. 419—427.

чем, если прав Д. Джилл, предлагающий несколько более раннюю датировку комплекса из Портичелло, то противоречие с хронологией разработки Лаврионских рудников снимается. Напомним, что они интенсивно разрабатывались до 413 г. до н. э. Надо полагать, что во время Декелийской войны до постройки укреплений рудного района афинянами в период 413—409 гг. до н. э. значительное количество рабов, занятых здесь, сбежало, и добыча металлов, если и не прекратилась совсем, то была значительно сокращена¹⁵.

В заключительном разделе IV главы публикуются находки сферических глиняных сосудов, предназначавшихся для перевозки чернил.

V глава посвящена изданию фрагментов бронзовой скульптуры и представляет собой развернутую публикацию доклада Б. С. Риджвей на Международном коллоквиуме по архаической и классической пластике в Афинах¹⁶. Обломки принадлежали выполненной в человеческий рост задрапированной статуе бородатого мужчины («философа») и двум обнаженным мужским скульптурам. Автор специально исследует технологию изготовления скульптуры «философа», отлитой из отдельных частей. Примечательно, что при этом, по мнению Б. С. Риджвей, были использованы две различные техники отливки. Рассматриваются гипотезы, объясняющие отливку статуй по частям разными способами, в связи с чем привлекаются данные технологических исследований некоторых бронзовых статуй из музеев Измира и Малибу. Выводы Б. С. Риджвей о технике изготовления статуй из Портичелло в деталях отличаются от официального отчета итальянских реставраторов, основанного на специальном изучении фрагментов скульптур¹⁷.

Заслуживает внимания тот факт, что голова «философа» была отлита двумя частями. Это довольно редкая техника, которой, кстати, Б. С. Риджвей уделяет в книге меньше внимания, чем в докладе на Афинском коллоквиуме¹⁸. Заметим, что отдельными частями были отлиты голова женской скульптуры; найденной в море у Измира (так называемая the Lady from the Sea), эллинистическая голова женщины из музея Окленда в Чейпел-хил, а также головы Юпитера из Венского художественно-исторического музея, ГМИИ им. А. С. Пушкина и ряд других¹⁹.

Специально анализируется гипотеза о том, перевозились ли статуи целиком или в качестве металлического лома. Последнее предположение отвергается, поскольку одна из скульптур была укреплена на каменном постаменте, а следов намеренного разуба статуй не было обнаружено.

Не имея возможности ознакомиться с фрагментами статуй из Портичелло, мы тем не менее позволим себе высказать ряд соображений. Вряд ли можно решать поставленный вопрос на основании наличия следов свинца на одной из ступней статуй.

¹⁵ *Thuc.* VII. 27.5; *Hopper R. J.* The Laurion Mines: A Reconsideration // BSA. 1968. V. 63. P. 304; *Lauffer S.* Die Bergwerksklaven von Laureion². Wiesbaden, 1979. S. 160—162; *Kalcyk H.* Untersuchungen zum attischen Silberbergbau. Gebietsstruktur, Geschichte und Technik. Frankfurt — Bern, 1982 (Europäische Hochschulschriften. Reihe III. Bd 160). S. 108 ff.; *Alessandri S.* Il significato storico della legge di Nicofonte sul Dokimastes monetario // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. Ser. III. V. XIV, 2. Pisa, 1984. P. 381—385; *Strauss B. S.* Athens after the Peloponnesian War. London — Sydney, 1986. P. 46.

¹⁶ *Ridgway B. S.* The Bronzes from the Porticello Wreck // Archaische und klassische griechische Plastik // Akten des Internationalen Kolloquiums vom 22—25 April 1985 in Athen. Mainz. Bd II. 1986. S. 59 ff. См. также: *Mattusch C. C.* Greek Bronze Statuary. Ithaca — London, 1988. P. 198—200.

¹⁷ *Paribeni E.* Le statue bronzee di Porticello // Bd A. 1984. Ser. 6. T. 24. P. 1—14; *Fiorentino P., Marabelli M., Micheli M.* Indagini e intervento di conservazione sui reperti bronzei di Porticello // Ibid. P. 15—24.

¹⁸ *Ridgway.* Op. cit. P. 63—64.

¹⁹ См. *Васильева А. В., Трейстер М. Ю.* Исследование головы Юпитера из ГМИИ неразрушающими методами (о технологии литья античной бронзовой скульптуры) // Тез докл. науч. сессии, посв. итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1987 г. М., 1988. С. 15—18.

В том, что бронзовые статуи крепились к постаментам с углублениями для ступней при помощи свинца, сомнений нет²⁰. Однако это вовсе не говорит о том, что, во-первых, скульптура обязательно перевозилась вместе с каменным постаментом, а во-вторых, о том, что скульптура перевозилась целиком. Логичнее было бы предположить, как это кстати делает Б. С. Риджвей в другой своей работе, посвященной копированию римлянами греческих статуй, что скульптуры обычно вывозились из Греции без каменных постаментов для того, чтобы облегчить вес груза, поэтому вывезенные из Греции бронзовые статуи снабжались в Италии новыми постаментами, на которых иногда вырезалась новая надпись с именем римского дедиканта, иногда же копировалась старая²¹. В любом случае постаменты статуй в Портичелло не были найдены. Этот, казалось бы, незначительный вопрос имеет первостепенное значение для решения некоторых проблем античного ремесла. Большинство исследователей признает, что греческие бронзолитейщики, отливавшие скульптуру, были чрезвычайно мобильны и в поисках заказов переезжали из одного центра в другой, а литейные ямы для статуй устраивались поблизости от места, для которого предназначалась скульптура. Об этом свидетельствуют сообщения древних авторов, анализ имен на постаментах бронзовых статуй и исследования производственных остатков²². Предположение о том, что скульптуры, найденные у Портичелло, разбились в результате кораблекрушения, кажется нам малообоснованным. Ведь хорошо известны находки на дне моря целых статуй у Риаце, у мысов Антикифера и Артемисион, у Фано, Махдии и др.

Казалось бы, приведенные примеры должны свидетельствовать в пользу предположения Б. С. Риджвей о том, что скульптуры, обломки которых были найдены в Мессенском проливе у Портичелло, также перевозились целиком. Указанные выше находки бронзовых статуй затонули вместе с кораблями, вывозившими произведения греческого искусства в Рим в конце II в. до н. э. — I в. н. э. Об этом свидетельствует и подготовленный к отправке во времена Суллы груз скульптуры, найденный в Пирее в 1959 г. Примерно к этому же времени относятся кораблекрушения у Махдии и Антикиферы²³. Таким образом, целые греческие бронзовые статуи, найденные на морском дне, происходят из значительно более поздних, чем Портичелло, комплексов. С другой стороны, помимо целой бронзовой скульптуры атлета в комплексе из Антикиферы были найдены целые бронзовые статуэтки высотой 25 и 53 см, а также сильно фрагментированные бронзовые скульптуры (включая голову «философа» и торс статуи пеплофоры), целая и фрагментированная мраморная скульптура и детали клине из бронзы²⁴. Вряд ли следует, как это делалось ранее, определять характер грузов из

²⁰ См. *Raubitschek A.* Zur Technik und Form der Altattischen Statuenbasen // ИБАИ. 1938. Т. XII. С. 132 ff.; *Jakob-Felsch M.* Die entwicklung griechischer Statuenbasen und die Aufstellung der Statuen. Waldassen, 1969. S. 57 ff.; *Treister M. Ju.* Bronze Statuary in the Antique Towns of North Pontic Area // Griechische und römische Statuetten und Grossbronzen. Akten der 9. Tagung über antike Bronzen in Wien. Wien, 1988. S. 153—154 (см. хроника — ВДИ. 1987. № 2. С. 228). Достаточно подробно исследует этот вопрос и сама Б. С. Риджвей (Op. cit. P. 99. Not. 32).

²¹ *Ridgway B. S.* Roman Copies of Greek Sculpture: The Problem of the Originals. Ann Arbor, 1984. P. 22.

²² *Burford A.* Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca, 1974. P. 66; *Zimmer G.* Schriftquellen zum antiken Bronzeguss // Archäologische Bronzen, antike Kunst, moderne Technik. В., 1985. S. 47—48; *Treister.* Op. cit. P. 155; *Трепичнев М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора IV в. до н. э. // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 8—9.

²³ *Paraskevaidis M.* Ein wiederentdeckter Kunstraub der Antike? Piräusfunde 1959 // Lebendiges Altertum. 1966. Bd. 17; *Gianfrotta P.-A., Pomey P.* Archeologia subacquea. Roma, 1984; *Frel J.* The Getty Bronze. Malibu, 1982. P. 4—5; *Houser C.* Greek Monumental Bronze Sculpture. New York — Paris, 1983. P. 51, 91; *Rolley.* Op. cit. P. 44, 46; *Ridgway.* Roman Copies... P. 9; *Bol P. C.* Die Skulpturen des Schiffsfundes von Antikythera. В., 1972 (AM 2. Beiheft); *Fuchs.* Der Schiffsfund...

²⁴ *Bol.* Op. cit.

Антикиферы и Махдии как чисто «грабительский». Находки больше свидетельствуют в пользу «торгового» характера грузов²⁵.

На наш взгляд, ближе к истине были те, кто предполагал, что скульптуры из Портичелло перевозились в качестве металлического лома. О том, что практика вторичного использования лома статуй имела место в античности, свидетельствуют многочисленные примеры²⁶. Видимо, не случайно на борту корабля находились грузы свинцовых слитков (ср. с комплексами из Махдии и Мегадима) — и слитки, и фрагменты бронзовых статуй представляли собой ценное сырье для металлообработки.

Рассматривая вопросы стиля и хронологии скульптур из Портичелло, автор датирует их примерно 440—430 гг. до н. э. (с. 103). Заметим, что по этому поводу существуют различные точки зрения²⁷. Б. С. Риджвей не исключает, что статуи представляли собой скульптурную группу, изображающую Хирона и юного Ахилла с Пелеем (с. 106).

В заключение отмечается, что ок. 400 г. до н. э. в Мессенском проливе затонул корабль со смешанным грузом вина из Византии и Менды, соленой рыбы из какого-то финикийского центра, свинцовых слитков из Лавриона, бронзовой скульптуры (по нашему мнению, металлического лома) и глиняных чернильниц из неизвестного центра. Анализируется маршрут корабля. Наиболее вероятным представляется, что корабль наваривался в Италию или далее на запад в Галлию или Иберию. Анализ размеров затонувших античных кораблей и их грузов показывает, что корабль, затонувший у Портичелло, был типичным торговым кораблем классической эпохи, скромных размеров, однако способным преодолевать значительные расстояния. Авторы отмечают поистине международный характер морской торговли в Средиземноморье в классическое время.

Средиземноморская морская торговля классической эпохи была предметом многих исследований²⁸. Между тем вопросы торговли металлами в этот период поднимались редко. На наш взгляд, весьма показателен для характеристики торговли металлами эпизод, описанный Аристотелем в «Политике», и хронологически я. заметим, территориально близкий рассматриваемому нами: «Так, в Сицилии некто скупил на отданные ему в рост деньги все железо из железодельных мастерских, а затем, когда прибыли торговцы из гаваней (разрядка наша. — М. Т.), стал продавать железо как монополист с небольшой надбавкой на его обычную цену» (1259a; пер. С. А. Жебелева). Этот пример показывает, насколько многообразными могли быть причины морских перевозок металлов, в том числе и относительная дешевизна того или иного металла, и временный дефицит и т. д.

Рецензируемая монография, несмотря на отдельные недостатки и дискуссионные моменты, представляет собой хороший пример введения в научный оборот чрезвычайно сложного материала, ставящего перед исследователями новые проблемы.

М. Ю. Трейстер

²⁵ Fuchs W. Die Vorbilder neattischen Reliefs. B., 1959 (JdI-EH, 20); *Vol. Op. cit.* S. 118—119; Barr-Sharrar. *Op. cit.* P. 25—26.

²⁶ Пирцгалава М. С., Купиани Г. Г. Исследование западной части центральной террасы Ванского городища // Вани. Т. VIII. Тбилиси, 1986. С. 61—63. Табл. 43—46; Sarnowski T. Bronzefunde aus dem Statsgebäude in Novae und Altmetalldepots in den römischen Kastellen und Legionslagern // Germania. 1985. Jg. 63. Teil 2. S. 521 ff.

²⁷ См., например, выступления в дискуссии по докладу Б. С. Риджвей в Афинах: Archaische und klassische griechische Plastik... S. 68—69, а также: Rolley. *Op. cit.* P. 48 (ок. 460 г. до н. э.); Boardman J. Greek Sculpture: The Classical Period. L., 1985. P. 63 (ок. 450 г. до н. э.).

²⁸ Брошинский. *Методы ...*; Hopper R. J. Trade and Industry in Classical Greece. L., 1979; Vélissaropoulos J. Les nauklères grecs. Genève — Paris, 1980; Casson L. Ancient Trade and Society. Detroit, 1984.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

(По материалам фокейской колонизации Испании)

Изучение древнейшей и древней истории Средиземноморья все чаще приводит исследователей к выводу о том, что при определенном сходстве экологических условий региона можно говорить о единстве исторических судеб его народов на отдельных этапах развития, т. е. о существовании здесь своего рода культурно-исторического комплекса¹. Пиренейский полуостров — западная граница этого комплекса — на протяжении многих столетий являлся своеобразным котлом, где смешались местные народы, выходцы из Центральной Европы и Северной Африки, финикийцы, греки, римляне. В сложном взаимодействии выкристаллизовалась здесь богатейшая и оригинальная иберийская культура². Среди множества этносов, соприкоснувшихся с местными народами полуострова, следует выделить фокейских греков, которые обрели в западном регионе Средиземноморья новую родину (Herod. I. 165). Их контакты с племенами восточного побережья Иберии были наиболее длительными и глубокими и не могли не повлиять на формирующуюся цивилизацию иберов. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть характер контактов местного населения с фокейскими колонистами, определить конкретный вклад фокейских греков в формирование иберийской культуры.

Фокейцы проявили на Пиренейский полуостров на рубеже VII—VI вв. до н. э. и основали ряд колоний на территории «субстрата исторических иберов», сумев противостоять мощной конкуренции финикийцев и карфагенян. Одним из наиболее крупных поселений фокейских греков стал город Эмпорион. Колония располагалась на северо-восточном побережье Пиренейского полуострова и была центром мощного фокейского влияния в данном регионе. Археологическое изучение собственно Эмпориона и окружающих его иберийских поселений дало обильный материал, который в сопоставлении с письменной традицией позволяет рассмотреть многие аспекты намеченной проблемы³.

Окружавшие Эмпорион племена северо-восточного побережья определялись древними авторами как иберийские (Av. Oga pag. 522—525) и назывались ими «индикеты». Археологически индикеты прослеживаются как этнос, для которого характерен обряд кремации. Останки поминали, как правило, в урну грубой ручной лепки. Сопроводительный инвентарь крайне беден, металлы почти отсутствуют. Авием описывается индикетов как суровое и жестокое племя, лишенное признаков цивилизованности. Харак-

¹ Плодотворной представляется мысль Ю. К. Поплинского о неоднократном перемещении центра и периферии внутри комплекса, которое способствовало сохранению и обогащению общего средиземноморского культурного фонда (Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. М., 1978. С. 22). Поиски наиболее рациональных форм партнерства, интенсивность контактов восточно-средиземноморских центров с периферийной зоной Западного Средиземноморья оказали огромное влияние на уровень развития их собственной политической организации, культуры, экономики.

² При всем разнообразии школ и, соответственно, концепций, объясняющих генезис иберийской культуры, существует общее мнение о ее синтетическом характере, о способности впитывать экономические и культурные достижения народов Средиземноморья (см. Козловская В. И. Генезис иберийской культуры в современной зарубежной историографии // ВДИ. 1985. № 1. С. 197—209; Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976).

³ Сведения об археологических раскопках в Эмпорионе см.: *Almagro M. Ampurias. Historia de la ciudad y guía de las excavaciones*. Barcelona, 1951. Результаты текущих археологических исследований в регионе публикуются в журнале «*Ampurias*» (Barcelona).

верно, что практически все местные племена Иберии Авиен называет «грубыми, дикими». Это относится к иберам восточного побережья (Av. Oga pag. 550—555) и к племенам, обитавшим на территории первого на полуострове государства Тартесс (*ibid.* 455—460). Эта характеристика скорее отражает негативное отношение части античных авторов к неизвестным «варварским» народам, их нежелание понять непривычные для греков и римлян формы социальной и культурной жизни, нежели реальное положение вещей. Ведь к середине железного века (VIII—VII вв. до н. э.) иберийские племена переживали процесс формирования раннеклассового общества, в основе которого лежит стабильный рост производительности труда и прибавочного продукта. Среди множества признаков, фиксируемых археологами в качестве доказательств этого процесса, обязательно отмечается факт увеличения числа и размеров населенных пунктов, т. е. усиленный процесс концентрации населения, отражающий изменения в экономике⁴. На Пиренейском полуострове для указанного периода отчетливо выделяются три региона урбанизации, отличающихся местоположением поселений, приемами строительства, архитектурой: юго-восток полуострова, горные районы Месеты и северо-запада, северо-восточное побережье и долина р. Эбро (испанский Левант). Типичные поселения в интересующем нас третьем регионе — Фраго, Педрера, Сант-Форматге, Ла Серрета де Алкой, Могенте, Пуиг Кастелляр. Они располагались на возвышенных местах, дополнялись искусственными укреплениями. Архитектурный облик поселений позволяет квалифицировать их как протогорода. Налицо выраженная регулярная застройка (дома, расположенные вдоль улиц, образовывали сетку жилых кварталов); незначительное расстояние между домами практически исключало существование земельных участков, что отличает их от сельских поселений; о зачатках городского благоустройства свидетельствует вымостка улиц. Иногда центральная улица имела овальную площадь значительных размеров. Поселения обнесены оборонительной стеной. В небольших городках в этой функции выступали задние стены жилищ, которые усиливались на некоторых участках дополнительными укреплениями (Фраго).

Следует отметить и достаточно высокий уровень бытового комфорта иберийских жилищ. В районе Леванта дома возводились на каменном фундаменте из прямоугольных глиняных блоков правильной формы. Широкое распространение получили двухэтажные дома. Нижний этаж, как правило из двух комнат, имел выход на террасу, опоясывавшую жилище. Обычно в одной из комнат был очаг, ориентированный по оси помещения и окруженный низкой защитной глиняной стенкой, рядом с которой располагалась емкость для воды. Вдоль левой стены тянулась глиняная скамья, где хранилась бытовая утварь. Частые находки пряслиц, заготовок керамики во втором помещении нижнего этажа, возможно, свидетельствуют о его использовании в качестве домашней мастерской. Стены жилищ обмазывались глиной и украшались красными линиями, геометрическими фигурами. Встречаются дома значительных размеров: полезная площадь нижнего этажа дома в поселении Бастида де Могенте составляла 28 кв. м, а дома в поселении Пуиг Кастелляр — 40 кв. м⁵.

Эпоха классового образования совпала на полуострове с появлением фокейских колонистов. В VI в. до н. э. на востоке Каталонии зафиксировано несколько фокейских поселений и среди них Эмпорион, располагавшийся по соседству с иберийским поселением Индика. Фокейская колонизация ускорила начавшуюся социальную дифферен-

⁴ О методике использования археологических материалов в качестве критериев процесса классового образования см. *Массон В. М.* Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций // *Древний Восток и античный мир.* М., 1980. С. 11—41; *Андреев Ю. В.* Ранние формы урбанизации // *ВДИ.* 1987. № 1. С. 3—18.

⁵ *Maluquer de Motes J.* La Prehistoria // *Historia economica y social de la España.* Madrid, 1978. T. I; *Pyrenae: Cronica arqueologica.* Barcelona, 1979—1980; *El poblado iberico del Puntal del Llopes.* Valencia, 1981; *Aranegui O. G.* Excavaciones en el Grau Vell (Valencia). Barcelona, 1982.

циацию иберов, что ярко демонстрируют последовательно используемые некрополи индикетов Паралии и Ла Муралья (недалеко от фокейского Эмпориона). Некрополь Паралии, предшествовавший основанию Эмпориона, датируется рубежом VII—VI вв. до н. э.⁶ На фоне общего скудного инвентаря 27 вскрытых индивидуальных захоронений выделяются три погребения (№ 2, 7, 8). Могила № 2 занимает площадь 4 м², на метровой глубине обнаружены сильно обожженная земля и галька, выложенная в виде параллелограмма (2 × 1 м); слой обожженной земли равен 50 см. В погребении в № 7 на глубине 150 см сделана вымостка из камней (1 × 0,6 м), как и в предыдущем захоронении. В могиле найдены широкие чаши, черный шлифованный базальтовый камень, раковины, бронзовое кольцо из соединенных звеньев. Абсолютно сходно по инвентарю и погребальному обряду погребение № 8. Однако интересно, что вокруг него располагались три чрезвычайно бедных захоронения (№ 9—11). В них вообще отсутствуют погребальные урны, пепел положен на плоский камень, нет сопроводительного инвентаря. В могиле № 11 обнаружена любопытная ваза: три колоколообразных сосуда объединены одной ножкой. Аналогичный сосуд известен по раскопкам в поселении Роквясал дель Рулло (Тироль)⁷. Можно предположить, что данное погребение — не индикетское. Археологическая картина позволяет предполагать, что погребения № 2, 7, 8 сопровождалась особым ритуальным трупосожжением. Могила № 8, имевшая три сопроводительных погребения, указывает на особую роль покойного в жизни общины.

Более поздний могильник Ла Муралья датируется концом VI—IV вв. до н. э., т. е. периодом активной деятельности фокейцев на полуострове. По характеру погребального обряда и инвентарю этот могильник, несомненно, туземный⁸. Его материалы свидетельствуют о существенном повышении жизненного уровня индикетов: в могилах много металла, изящной и ценной греческой керамики, украшений. На общем фоне явно выделяется погребение № 11, расположенное в центре кладбища, где обнаружены железный кинжал (длина 180 мм), треугольный в сечении, со следами костяной обкладки на рукояти, бронзовые щипцы, великолепная иберийская бронзовая застежка, отделанная в технике зерни, финикийская инталья с изображением сфинкса в египетской короне и стоящего перед ним человека. По фибуле погребение датируется VI в. до н. э.⁹ Еще более богатым (хотя уже разграбленным к моменту раскопок) было захоронение № 17, в котором найдены чернофигурный аттический килик, остатки бронзового шлема, железный, треугольный в сечении кинжал с кривым вогнутым лезвием и обкладной рукоятью. Необычайно богато греческой керамикой погребение № 4, в котором найден коринфский аррибал середины VI в. до н. э., чернолощенный аттический килик и чернофигурный лекиф последней четверти VI в. до н. э., этрусский канфар без декора, с элегантными ручками от корпуса, на невысокой ножке, также предположительно относящийся к последней четверти VI в. до н. э.¹⁰ В данном погребении представлены едва ли не самые ранние образцы аттической и коринфской керамики, обнаруженные в Эмпорионе.

Таким образом, могильники индикетов позволяют проследить выделение из общей массы населения слоя племенной аристократии. Значительное различие материалов могильника Паралии (догреческого периода) и Ла Муралья (совпадающего по времени с периодом активной колонизационной деятельности фокейцев) свидетельствует о том, что колонизация фокейцев явилась своеобразным ускорителем процесса социального расслоения у индикетов-иберов. Восстановить иерархическую структуру индикетского общества чрезвычайно сложно. Можно предполагать наличие здесь слоя военной аристократии. Археологически установлено, что погребения с вооружением (шлемы,

⁶ *Almagro M.* Las necropolis de Ampurias. T. II. Barcelona, 1952. P. 341.

⁷ *Ibid.* P. 326, 331, 346 sq., 349 sq., 351 sq.

⁸ *Ibid.* P. 361.

⁹ *Ibid.* P. 355 sq., 389 sq.

¹⁰ *Ibid.* P. 348, 362 sq., 382, 384 sq., 395, 397 sq.

щиты, кивжалы) характерны для военачальников¹¹. Заслуживают внимания многочисленные фигурки всадников, обнаруженные в разных местах побережья. Две из них хранятся в музее Валенсии, фонды которого комплектовались из находок северо-восточного региона полуострова¹². Обращают на себя внимание богатое убранство коней и вооружение всадников. Вкусам военной аристократии служили особое искусство, связанное с культом воинской доблести, и героический эпос. Большое количество иберийских надписей, обнаруженных на полуострове, пока не дешифрированы. Но, вероятно, многочисленные сюжеты керамики Арчены, Эльче, Лирии, рельефы Осуны, изображающие пеших и конных воинов, сцены охоты, битв, состязаний являются иллюстрацией героического эпоса иберов¹³. Подобное обособление системы ценностей, присущих аристократии, наблюдается у греков архаической поры, скифов, кельтов, т. е. у народов, вступивших в эпоху классового образования. Значительную роль в индикетском обществе играли старейшины, родовая знать. Это их упоминают римские авторы как «лучших людей», членов советов старейшин (App. Iber. 94; Liv. XXI. 14). Можно думать, что захоронения с предметами, символизирующими власть (кольцами, фибулами, скарабейми, ср. упомянутое кольцо со сфинксом), принадлежали этому слою аристократии. Особую группу индикетского общества составляло жречество. Исследования иберийских святилищ выявили множество votивных статуэток жриц-дарительниц, вылепленных из глины или бронзовых, высотой 20—25 см¹⁴. Их отличает особый головной убор в форме остроконечного колпака. Фигурки жриц закутаны в ритуальные покрывала с изображением священных животных, чаще змей¹⁵.

Греческие колонисты, значительно ускорив процесс социально-политического развития иберийских племен северо-востока Пиренейского полуострова, сами были вынуждены в значительной степени изменять привычные формы социальной и культурной жизни. Поселение греков среди варварских народов не было чем-то необычным, исключительным. Даже Аристотель помещает свой идеальный полис на варварской территории, но при этом не предусматривает включение негреческого этноса в гражданскую общину. Варварское население должно было быть или рабами, или перизками (Pol. VII. 8.5. 1329 a 24)¹⁶. Специфика фокейского Эмпориона заключалась в том, что город был едва ли не единственным опорным пунктом фокейских греков среди безбрежного моря варварских народов полуострова. Это не могло не отразиться на структуре его политических институтов. Чрезвычайно важно замечание Страбона, что Эмпорион представлял собой διπολις τείχει διωρισμένη, что со временем иберы и греки образовали одну политическую общину на основе варварских и эллинских законоположений (τῷ χρώμῳ δὲ τὸ πολίτευμα συνήλθον μίκτόν τι ἐκ τε βαρβάρων καὶ ἑλληνικῶν νομῶν ὅπερ καὶ ἐπ' ἄλλων πολλῶν συνέβη: III. 4.8). Включению негреческого

¹¹ Caro Baroja J. «Realeza» y los reyes de la España antigua // Estudios sobre la España antigua. Madrid, 1971. P. 136; ср.: Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1 — 4. М., 1964; Кузьмина Е. Е. Навершие со всадником из Дагестана // СА. 1973. № 2.

¹² Датировка этих бронзовых фигурок весьма неопределенна (VI—II вв. до н. э.). Они выполнены в архаической манере, высота 20—23 см, диаметр 15—20; см. Garcia y Bellido A. El arte ibérico // Ars Hispaniae. T. I. Madrid, 1947. P. 220 sq., 237 sq.

¹³ Bosch-Gimpera P. Todavía el problema de la cerámica ibérica. Mexico, 1958. F. XVIII—XIX.

¹⁴ Garcia y Bellido. Op. cit. T. I. P. 223, 230, 246, 248 sq., 259 sq.

¹⁵ Как и в любом раннеклассовом обществе, роль жрецов у древних иберов была значительна. В сходном по уровню развития кельтском обществе жрецы-друиды не только ведали священными обрядами, но и рассматривали частные и общественные споры, улаживали военные конфликты племен; только они могли выносить смертные приговоры, что позволяло влиять на старейшин и военачальников (Strabo. IV.4.4—5). Роль жречества продолжала оставаться значительной и после римского завоевания; см. Широкова Н. С. Императорский культ и собрания галльских провинций // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 178—182.

¹⁶ Доватур А. И. Политика и политик Аристотеля. М.—Л., 1965. С. 73.

населения в политическую структуру Эмпориона способствовало социальное взаимодействие туземцев и греков. Туземная аристократия соседней Эмпориону Индики, как это было характерно и для других регионов колонизации, стремилась к слиянию с верхушкой греческих колонистов¹⁷. Можно думать, что социальная стратификация индикетов и греков, их последующий социальный симбиоз сопровождалась сложными этническими процессами, которые можно квалифицировать как межэтническую интеграцию, т. е. взаимодействие этносов, существенно различающихся по культурно-языковым параметрам¹⁸. Доказательство этого, на наш взгляд, — появление смешанных греко-иберийских некрополей, изменение и унификация погребального обряда иберов и греков. Ранний некрополь Эмпориона Эль Портиколь, бывший чисто греческим, демонстрирует только ингумацию. В греческих некрополях Эмпориона VI—V вв. до н. э. отмечается четкое единообразие погребального обряда: захоронение совершается на глубине 1,5—2 м, костяк ориентирован на восток. Столь же отчетливо прослеживается кремация как характерный погребальный обряд в иберийских некрополях. Однако более поздние греческие некрополи Марти и особенно Лас Кортс демонстрируют смешанный погребальный обряд. В Марти на 140 труположений приходится 32 случая кремации. Последние, судя по грубым лепным урнам, принадлежат местному населению. Сопроводительный инвентарь (аттический керамика, украшения, фибулы) свидетельствует о принадлежности умерших к верхушке индикетского общества. Иберийских аристократов не только погребали в греческих некрополях, но даже изменяли погребальным обычаям предков, о чем красноречиво свидетельствуют ингумированные погребения, которые появляются и в иберийских некрополях. Так, в некрополе Ла Муралья зарегистрировано 16 случаев кремации и 4 — ингумации. Ориентация костяков (один — на юг, три — на север), а также погребальный инвентарь подтверждают их принадлежность иберам¹⁹. Постепенно кремация, характерная только для иберийского населения региона, проникает в греческую среду, став основным погребальным обрядом эмпоритов²⁰. Интересно отметить, что на северо-востоке Пиренейского полуострова имело место не просто смешение погребальных обрядов, но их постепенная унификация. Этот процесс, несомненно, сопровождался изменениями в идеологических представлениях народов северо-востока полуострова.

Идеологические представления иберов уходят корнями в религиозные верования эпохи неолита. Примером тому служат хтонические и астральные культы, связанные с тотемистическими представлениями иберов и сохранившиеся у них вплоть до римского времени. Таковым был культ быка, распространенный в долине Эбро, Каталонии, на юге Франции. Диодор (VI.18.3) сообщает, что бык у иберов издавна считался священным животным. В этом отношении представляет интерес рисунок на вазе из Нуманции, где изображения двух быков сопровождаются крестами, солнечными дисками. На керамике Лирии часты сцены укрощения быков, игр с быками. Столь же почитаемым животным была лошадь — символ вечности, бессмертия, соединивший хтонический и астральный культы. У бронзовой фигурки лошади из Каласейте спина и брюхо образуют священный столб, увенчанный диском с пятью лучами. Погребальные стелы с изображением лошадей, их терракотовые фигурки из некрополей Лас Коготас,

¹⁷ *Adamesteanu D. Nuovi aspetti dei rapporti fra greci e indigeni in Magna Grecia // Assimilation et résistance à la culture gréco-romaine dans le monde ancien. P., 1976. P. 53—61; Almagro M. Resistencia y asimilacion de elementos culturales del Mediterraneo oriental en la Iberia Prerromana // Ibid. P. 117—130.*

¹⁸ *Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы» // СЭ. 1969. № 5. С. 64.*

¹⁹ *Almagro. Las necropolis... Т. I. P. 38; Т. II. P. 341, 361.*

²⁰ Указанные процессы находят аналогию в греческих колониях Италии, Корсики. Раскопки некрополя Гарагусо (на юге Италии) выявили его смешанный, туземно-греческий характер; сморщенные погребения местного населения зафиксированы в греческом некрополе Адалии. См. *Jehasse J. Les dernières leçons d'Aleria // Assimilation et résistance... P. 55—58.*

Озера, Эмпориона подтверждают связь этого животного с представлениями о загробной жизни²¹. Иберийский пантеон включал и земледельческие культы, среди которых выделяется культ Богини-Матери. В эпоху бронзы на восточном побережье полуострова были распространены идола, изображающие женское божество²². Культ Богини-Матери сопровождался ритуальными танцами под луной, был связан с лунными циклами (Av. Oga pag. 368; Strabo. III. 4.16). Иберийская керамика на Эльче сохранила изображение Богини-Матери в виде крылатого женского божества в окружении змей, голубей, кроликов, на фоне ритуальных плясок в ее честь.

Переселившиеся в Испанию фокейцы принесли сюда свои религиозные культы. Античные авторы сообщают о почитании фокейцами богини Артемиды (Herod. I. 163—165; Strabo. III. 4.8). В Массалии, западной метрополии фокейцев, существовало древнее святилище Артемиды Эфесской, культ которой был связан с земледелием, лунной символикой; изображение луны украшало корону богини²³. Многие земледельческие народы, соприкоснувшись с греками, восприняли культ Артемиды. Страбон (III. 4.8; IV. 1.4 V.1.5) сообщает, что ее почитали и иберы, общавшиеся с фокейцами. О широкой популярности культа Артемиды у иберов и греков Эмпориона свидетельствует наличие в городе древнего и почитаемого храма Артемиды, остатки которого были обнаружены в Палеаполисе²⁴. Однако иберы не просто переняли культ Артемиды, но соединили его с местным культом Богини-Матери. Иберийская богиня на керамике из Эльче представляет Артемиду как божество жизни, защитницу животных и человека. Удивительно сходство иконографии иберийской богини с Артемидой из святилища в Спарте: в обоих случаях это крылатое женское божество с аналогичными вариациями сопровождающих ее животных²⁵. Но иберо-фокейский культ Артемиды имел и некоторые специфические черты. Крупнейший специалист по истории иберийской религии Х. Бласкес считает, что иберийские святилища связаны с культом Артемиды *πότνια ἰππῶν*. Он указывает на массовые находки вотивных фигурок лошадей в иберийских святилищах Сигаральехо, Кастеляр де Сантистебан. В первом их насчитывается более 200, по керамике они датируются V—IV вв. до н. э. Подобные особенности почитания Артемиды нашли отражение и в культе эмпоритов, так как в некрополе Лас Корте встречены вотивные фигурки лошадей, выполненные из желтой глины²⁶. Вероятно, почитание Артемиды *πότνια ἰππῶν* отвечало представлениям иберо-греческой аристократии о культе воинской доблести и силы. Известно, что существовали соревнования атлетов в честь Артемиды. Иногда на плитах победителей изображался широкий серпообразный нож (стригиль?) (как, например, на стеле Кинолиса их Херсонеса — это позволяет предположить, что здесь погребен жрец Артемиды или победитель на посвященных ей агонах²⁷). Интересно, что подобные ножи обнаружены в могилах Эмпориона, причем не только греческих, но и туземных²⁸. При раскопках святилища Артемиды близ Массалии найдено множество граффити на керамике с посвященными надписями Артемиде. Иногда вместо полного имени богини поставлена аббревиатура АА. В иберо-фокейском Эмпорионе также обнаружена надпись на камне с буквами АА. Исследования выявили, что здесь почиталась Артемиды, а также Аполлон и Аскле-

²¹ Garcia y Bellido. Op. cit. T. I. P. 338 sq., 413; Almagro. Las necropolis... T. I. P. 270, 332 sq.

²² Pericot L. La Prehistoria de la Peninsula Iberica. Barcelona, 1923. P. 396—422.

²³ Farnell L. Cults of the Greek states. L., 1907. P. 456—460.

²⁴ Almagro M. Excavaciones en la Paleapolis de Ampurias. Madrid, 1962. P. 32.

²⁵ Garcia y Bellido. Op. cit. T. I. F. 573; Bosch-Gimpera. Op. cit. F. XV, a, b; XVIII, a; Nilsson M. Geschichte der griechischen Religion. T. I. München, 1951. S. 286.

²⁶ Blazques J. Aportaciones al estudio de las religiones primitivas de España // АЕА. 1957. V. 30. P. 66—69; Almagro. Las necropolis... T. I. P. 232 sq., 270.

²⁷ Соломонок Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 143; она же. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3.

²⁸ Almagro. Las necropolis... T. I. P. 162. F. 132.

ний²⁹. У иберов был широко распространен культ Асклепия, что подтверждается многочисленными находками в иберийских святилищах терракотовых изображений частей тела (рук, ног, ушей). Такой культ существовал и в Эмпорионе, где вскрыты остатки грандиозного храма Асклепия, датируемого III в. до н. э. Этот храм был не только греческим, но и иберийским местом почитания Асклепия. При его раскопках в алтаре обнаружена иберийская надпись на свинцовой табличке с посвящением Асклепию³⁰. Учреждение данного культа подтверждает стремление греков найти общие точки соприкосновения с традиционными религиозными представлениями иберов, чей пантеон в свою очередь демонстрирует глубокие связи с греческим.

Вопрос о роли греков в формировании иберийского искусства заслуживает специального исследования. Остановимся лишь на некоторых аспектах проблемы. В распоряжении историков — чрезвычайно обильный и разнообразный керамический материал Эмпориона и его округи: аттическая, коринфская, этруская керамика, местная серая ампуригская, грубая лепная и выполненная на гончарном круге расписная иберийская керамика. Наиболее ранние образцы иберийской вазопиσης представлены в этом регионе так называемой керамикой цветных линий. Это, несомненно, имитация серой фокейской керамики, основные декоративные элементы которой — различные вариации горизонтальных полос. Иберийские мастера создали своеобразный колер этой керамики: добавляя окись железа и марганца, они получили красновато-зеленый фон сосуда. Сопутствующие образцы греческой керамики позволяют датировать иберийскую VI в. до н. э.³¹ Предположение о зависимости ее появления от фокейской серой керамики подтверждается и зоной распространения — на северо-востоке полуострова, в регионе фокейской колонизации. Хитерланд Эмпориона был одним из центров появления сюжетной вазовой живописи. Яркое доказательство этого — находка (случайная, что затрудняет датировку) знаменитой вазы Казурро. Сюжет типично иберийский: два охотника с легкими копьями преследуют самку оленя. Иберийский художник в отличие от греческих мастеров не стремится к точной передаче человеческой фигуры; его интересует динамика композиции: поднятые копыта, наклоненные вперед тела прекрасно передают ритм бега. Следы несомненного влияния греческих мастеров несет пейзаж с его обилием свободного пространства. Именно эти черты отличают живопись северо-востока полуострова от керамических серий юга, где распространен ориентализирующий стиль, в основе которого лежит стремление заполнить все свободное пространство растительным или геометрическим орнаментом. Однако пейзаж — не мертвый фон, на котором ведет повествование иберийский художник, он органически вплетается в сюжет, составляя с ним единое целое: преследуемая лань, охотники задела дерево, и оно наклонено им вслед, на пути их кошки, кустарник, что позволяет художнику показать человека в прыжке, летящим, распластанным по вазе. Динамизм иберийской живописи весьма отличает ее от аттических и коринфских образцов, представленных в Эмпорионе. Столь же независимы иберийские художники в выборе сюжета. Их привлекают сцены охоты, бег животных, позволяющие подчеркнуть красоту движения, пластику тела человека и зверя. На вазе из поселения Ильдуро представлены бегущие олени, чьи темные силуэты четко прорисовываются на светло-желтом фоне; на керамике из Фигуэрас изображены группы движущихся животных и птиц³². Как видим, иберийские мастера совершенно самостоятельны в иконографии и композиции, поражают динамизмом живописи, но само появление иберийской вазопиσης несомненно связано с греческими мастерами-керамистами. Своеобразный стиль

²⁹ *Werniche K. Artemis // RE. 1895. II; Coupry J. Apports d'Olbia de Provence à l'épigraphie grecque d'Occident // Acta of the fifth international Congress of Greek and Latin Epigraphy. Oxf., 1971. P. 143.*

³⁰ *Dizon P. The Iberians of Spain and their relations with the Aegean world. L., 1940. P. 10; Almagro. Ampurias ... P. 93—94; idem. Las inscripciones ampuritanas griegas, ibericas y latinas. Barcelona, 1952. P. 72. Not. 9.*

³¹ *Bosch-Gimpera. Op. cit. P. 63—64.*

³² *Ibid. P. 51, 63. F. XXI b.*

вазописи иберийского Леванта сложился, вероятно, в результате взаимодействия художественного мировоззрения иберов и достижений греческих мастеров в области техники вазописи.

Взаимодействие иберов и греков наглядно проявилось и в создании иберийской письменности, вернее в ее систематизации. Еще до греков иберы имели собственное слоговое письмо. Появление буквенного письма на северо-востоке полуострова относится к V в. до н. э. Влияние греческой культурной традиции на появление иберийской буквенной письменности сказалось в сходстве буквенных начертаний и в направлении письма: иберы северо-востока Испании писали слева направо, как и греки, а население южных регионов — справа налево. Судя по всему, иберийская письменность является результатом синтеза слогового письма иберов и греческой буквенной письменности; она была должным образом приспособлена к особенностям иберийского языка, который, к сожалению, до сих пор не дешифрован³².

Западный регион Средиземноморья на протяжении всей истории контактировал с различными народами ойкумены. Рассмотренное здесь этнокультурное взаимодействие иберов и греков в I тыс. до н. э. протекало в русле основных закономерностей мировых культурных контактов, хотя имело и определенные локальные особенности, связанные с чрезвычайной удаленностью фокейских колоний от метрополии, плотностью и пестротой туземного населения, вступившего уже в период формирования классового общества и государственности. Эти контакты заставили фокейских греков на новой родине во многом изменить привычные им нормы социальной и культурной жизни, но, в свою очередь, привели к формированию на северо-востоке Испании своеобразного греческого ареала иберийской культуры, отличной от других регионов полуострова.

Л. М. Коротких

---

³² *Maluquer de Motes J. Epigrafia prelatina de la Peninsula Iberica. Barcelona, 1968. P. 17, 53.*

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

© 1991 г.

ОДЕССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ АН УССР

Одесский археологический музей АН УССР, основанный в 1825 г., является, одним из старейших музеев Советского Союза. Его организации предшествовал значительный подготовительный период. После присоединения причерноморских степей к России в 1791 г. земли между Южным Бугом и Днестром были осмотрены екатеринославским губернатором В. В. Каховским, отметившим развалины древних городов в низовьях Днестра. В это же время по северному побережью Понта совершают путешествия академик П. Паллас, М. Гютри, Л. Ваксель, П. И. Сумароков и другие. Просвещенные чиновники местной администрации способствовали изучению древностей Новороссийского края (К. И. Габлиц, Ф. К. Маршал фон Биберштейн). Князь Г. А. Потемкин издал несколько приказов по сохранению и собиранию различных памятников Причерноморья. В 1798 г. группа одесских любителей древностей, группировавшаяся вокруг А. Ф. Панагиодора-Никовула, обратилась к В. В. Каховскому с просьбой разрешить «разрытия земли и вынудия из нее различной монеты и других вещей». В 1805 г. было издано высочайшее «Повеление об ограждении от разрушения памятников старины», на основании которого градоначальник Одессы герцог Э. де Ришелье запретил иностранцам собирать и вывозить за границу древности.

В это же время в среде высокообразованных чиновников и офицеров зарождаются первые ростки научного подхода к изучению археологических предметов. И. А. Стемповский, член-корреспондент Парижской Академии наук, написал несколько статей, а также докладную записку «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае». На основании этой записки генерал-губернатор М. С. Воронцов представил в 1825 г. царю Александру I доклад, где просил санкционировать соответствующие мероприятия. Разрешение было получено, и 9 (22) августа 1825 г. в Одессе был открыт музей, который первоначально размещался в ротонде собственного дома известного ученого И. П. Бларамберга. Основой музея стала его коллекция, а он сам был назначен директором. Продолжением идей И. А. Стемповского и И. П. Бларамберга стало образование в 1839 г. Одесского общества истории и древностей. У его истоков стояли Д. И. Княжевич, Н. Н. Мурзакевич, М. М. Кирьяков, Н. И. Надеждин, А. Я. Фабр, А. С. Струдза, А. И. Левшин. Общество вело раскопки по всему югу Новороссии, а полученные материалы концентрировались в специально созданном в 1843 г. музее. В 1858 г. городской музей и музей общества соединились. Для нового музея в 1893 г. было построено специальное здание, в котором он размещается и поныне.

Коллекции музея формировались различными способами. Сотрудники музея и члены общества вели значительные археологические разыскания. В 1841 г. Н. Н. Мурзакевич совершил посадку на остров Левку (Змеиный), где находилось святилище Ахилла; в 1845 г. он вел раскопки в Ольвии. Большую помощь музею оказывали В. И. Ястребов, В. И. Голшкевич и В. Н. Юргевич, ведший раскопки в Ольвии, Аккермане, Керчи, Феодосии. На о-ве Березани вели исследования Р. Прецдель и Э. Р. Штерн, бывший главным хранителем музея в 1896—1911 годах. Он же проводил раскопки Тирь.

Другим источником поступлений в музей с самого момента его основания стали подарки и покупки у торговцев древностями. Так были сформированы коллекции античных бронз и италийских ваз, подаренных М. С. и Е. К. Воронцовыми, кипрской скульптуры, переданные Т. П. Юзefовичем. За счет различных поступлений образовалась коллекция памятников древнего Египта. Особо следует отметить А. Л. Бертье-Делагарда, постоянно пополнявшего фонды музея и в особенности его нумизматическую часть.

Таким же образом составлялась библиотека музея. Сюда поступали многочисленные книги от членов Одесского общества истории и древностей. Формировалась она и собственными изданиями общества, выпускавшего «Записки», которых с 1844 по 1919 год вышло 33 тома; издан труд А. Ашика «Боспорское царство», каталоги terracott, монет, путеводители по музею. Богатые коллекции музея постоянно привлекали многих известных ученых, публиковавших свои исследования в изданиях общества: Ф. К. Бруна, Н. И. Ковдакова, П. В. Беккера, В. В. Латышева, А. А. Тураева, Б. Ф. Фармаковского, А. В. Добровольского и других.

После революции коллекции музея стали пополняться в основном за счет археологических раскопок в Северном Причерноморье. Велись исследования античных памятников на побережье Черного моря и на о-ве Березань. В послевоенные годы при планировании полевых исследований учитывалась необходимость раскопок разновременных памятников для всестороннего изучения древней истории края. В связи с этим велись раскопки палеолитических и мезолитических стоянок, поселений трипольской и усатовской культур, курганов эпохи бронзы, античных памятников на берегах Днестра. Широкое развитие археологических исследований позволило в 1959 г. объединить ученых, специалистов, любителей-краеведов в Одесское археологическое общество, созданное и функционирующее на базе музея. Его председателями были М. С. Сяницын и П. О. Карышковский.

Благодаря всей этой деятельности коллекции музея насчитывают в настоящее время около 170 000 экспонатов, в том числе свыше 50 000 монет и медалей. Они представлены памятниками от каменного века до эпохи средневековья. В музее хранится одно из лучших в СССР собраний античных древностей и не только из городов Северного Причерноморья: Тирь, Ольвии, Березани, Херсонеса, Пантикапея, Неаполя Скифского, Илурата, но и из собственно Греции и Рима. Собрание насчитывает около 200 экземпляров скульптур, рельефов, стел, надписей, архитектурных деталей, охватывающих период от VI в. до н. э. до первых веков н. э. Музей имеет самую крупную в стране коллекцию скульптуры Кипра, есть два надгробия из Пальмиры, в коллекции античных сосудов — около 800 ваз и расписных обломков, среди которых выделяются подписные произведения таких известных мастеров, как Никосфен и Эпиктет, Ольтос, Псиакс и Гилян и др. В коллекции terracott содержится около 800 фигурок и их фрагментов. Имеется собрание греческих, римских, этрусских бронз, несколько сот стеклянных изделий. Выставлена третья по величине в СССР коллекция памятников древнего Египта. Среди средневековых древностей выделяются материалы из Белгорода, генуэзских колоний — Судака, Кафы-Феодосия, плита с руническими знаками с о-ва Березань. Среди изделий из драгоценных металлов и монет демонстрируются уникальные ювелирные украшения, наиболее ранние из которых относятся к середине II тыс. до н. э. Представлены предметы скифского искусства, украшения, изготовленные античными мастерами, торевтика средневековых кочевников. Нумизматическая часть состоит из монет различных городов древней Греции, где выделяется второй по величине в СССР клад кизикинов (71 экз.), монеты эллинистических правителей, эмиссия Рима времен республики и империи. Обширна коллекция монет Византии, восточных государств (Турции, Персии, Китая). Среди русских денег, выпущенных с X по XX в., хранится златник князя Владимира, представлена чеканка всех русских царей, мемориальные медали.

Однако деятельность музея не замыкается только на хранении и показе экспона-

тов. Включенный в 1971 г. в систему Академии наук Украины, музей проводит широкие полевые исследования. Наиболее ранними из раскопанных музеем памятников являются поселения и могильники энеолита, среди которых выделяются уникальные материалы из с. Маяки (раскопки В. Г. Петренко). Одно из интереснейших поселений эпохи бронзы исследовано у с. Вороновка. Здесь на площади 5 тыс. м² раскрыт целый комплекс каменных сооружений — домов, вымосток, которые в совокупности с другими материалами делают этот памятник важнейшим для решения многих вопросов культурно-исторического развития палеоэкономики степей Причерноморья в XIII—XII вв. до н. э. (раскопки В. П. Ванчугова).

Традиционно основными объектами научного изучения являются для музея памятники античной культуры, расположенные в низовьях р. Днестр. Здесь начиная еще с 1900 г. Э. Р. Штерном, а затем и И. Б. Клейманом, А. А. Кравченко, сотрудниками музея, ведутся (с перерывами) раскопки античного города Тир и средневекового Белгорода. В восточной части города завершено изучение двух последовательных по времени линий оборонительных стен IV—III вв. до н. э., открыта система благоустройства улиц (водостоки, коллекторы). Установлено

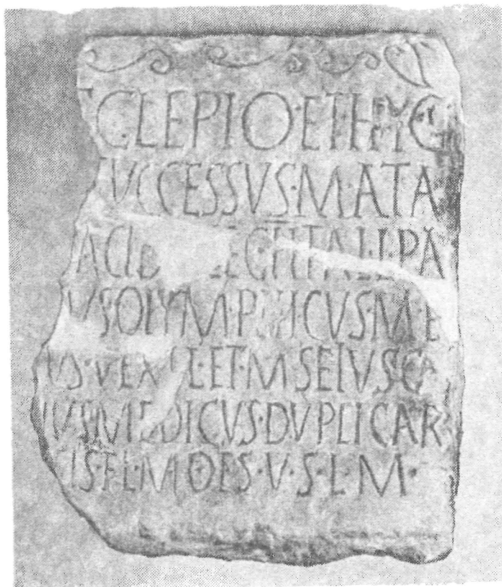

Рис. 1. Латинское посвящение Асклепию и Гигиее, поставленное врачами гарнизона Тир. II в. н. э.

наличие ордерных построек. Наход-

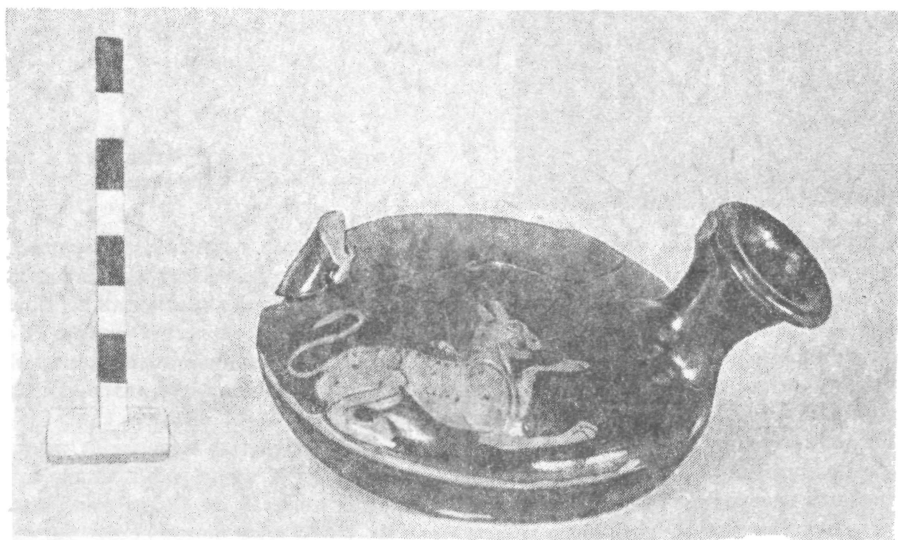

Рис. 2. Краснофигурный аск IV в. до н. э. (Никоний, находка 1966 г.)

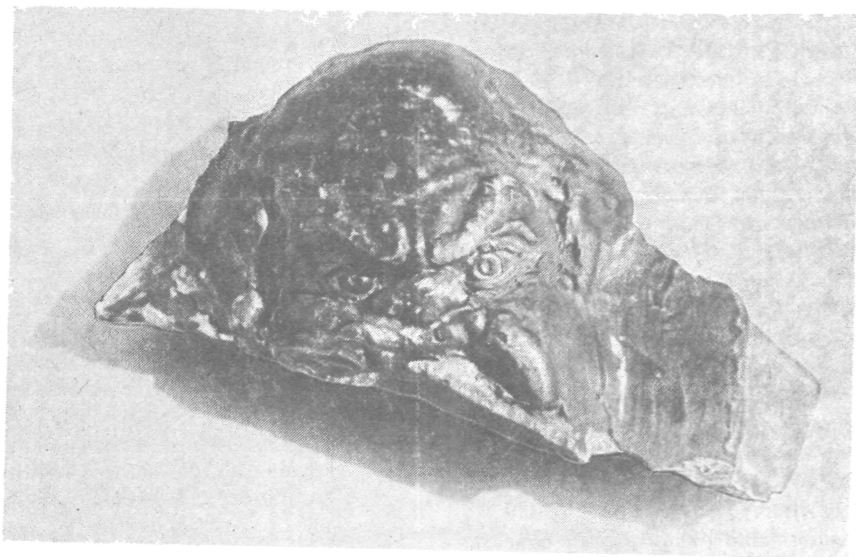

Рис. 3. Рельеф на сосуде с изображением Силена (Левка)

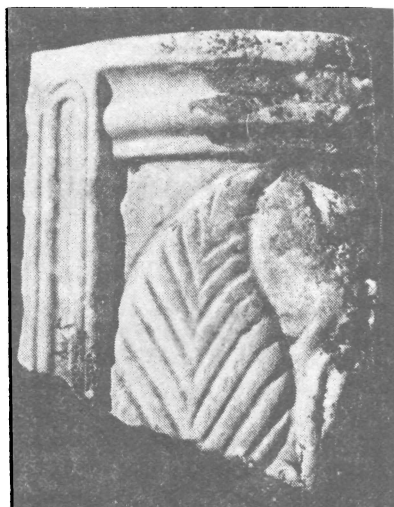

Рис. 4. Фрагмент облицовки с о-ва Левки (Зменный)

ки контрольной гири и мерного сосуда III в. до н. э. подтверждают существование в Тире коллегии агораномов. В окрестностях Тира найден каменный склеп, раскопан могильник III—IV вв. н. э., поселение римского времени (раскопки А. Е. Мажукевича). Наиболее выдающейся находкой последних лет является декрет Тира в честь Автокла на базе статуи начала III в. до н. э. с упоминанием посольства в Истрию для оказания помощи жителям Никония. Важные сведения о стоявшем в Тире римском гарнизоне сообщают латинские надписи (рис. 1).

Раскопки самого Никония (руководитель Н. М. Секерская) позволили открыть часть оборонительной стены, вероятно, первой половины V в. до н. э., жилье и хозяйственные постройки V—III вв. до н. э. и первых веков н. э. Среди материалов, характерных для любого античного города (рис. 2), особо выделяется серия уникальных литых монет различных номиналов с именем скифского царя Скила, упомянутого Геродотом (IV.78).

Исследования сельских поселений IV—V вв. до н. э. дали значительный и разно-

образный материал по истории греческой колонизации, позволили уточнить ее время (конец VI в. до н. э.), разработать модель освоения древними греками низовьев Тираса, определить характер их взаимоотношений со скифами и фракийцами (раскопки С. Б. Охотникова). Экспедицией под руководством Э. И. Даманта и Э. А. Левинной ведутся также раскопки большого поселения Кошары на берегу Черного моря в устье Тилигульского лимана, которое с большой долей вероятности можно отождествить с упоминаемым древними авторами Одессом. Здесь открыты остатки наземных каменных сооружений жилого и хозяйственного назначения, кварталы улиц. Из находок выделяются краснофигурный кратер с изображением амазономахи, монеты Ольвии «борисфены», форма для литья с изображением головы вепря. На могильнике исследованы погребения в склепах с различным инвентарем, среди которого два мраморных надгробия (одно с надписью), веретено из слоновой кости.

После долгого перерыва возобновлены исследования святилища Ахилла на о-ве Левке (Змеиный) (раскопки С. Б. Охотникова). Несмотря на сильное разрушение памятника найдены мраморные детали храма, архитектурная терракота, граффити с посвящением Ахиллу, керамика (рис. 3). Подводные работы в акватории острова позволили обнаружить скопления керамики, свинцовые и каменные якоря от античных кораблей, мраморные плиты (рис. 4).

Результаты полевых исследований находят отражение в выпускаемых ежегодно музеем сборниках статей и монографиях. Музей поддерживает научные и выставочные контакты с коллегами из Болгарии, Великобритании, Италии, Румынии, США, Франции, ФРГ, других стран. Его коллекции становятся известными все большему кругу специалистов.

С. Б. Охотников

© 1991 г.

СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ «КОЛХИДА И АНТИЧНЫЙ МИР»

(Лондон — Оксфорд, 30 апреля — 7 мая 1990 г.)

Колхида была самой восточной страной античного Средиземноморья. В отличие от других районов античного мира, долгое время успешно и интенсивно изучаемых археологами и историками, подлинная история Колхиды стала известна лишь благодаря широкомасштабным исследованиям грузинских археологов начиная с 50-х годов нашего столетия. Привлечению внимания широких кругов мировой научной общественности к Восточному Понту во многом способствовали международные симпозиумы по проблемам древней истории Причерноморья, проводимые в Цхалтубо и Вани с 1977 г. под руководством проф. О. Д. Лордкипанидзе.

Большой интерес к истории Колхиды проявляют и зарубежные антиковеды. С 30 апреля по 7 мая 1990 г. в Лондоне и Оксфорде под руководством английского грузиноведа д-ра Д. С. Браунда Британской Академией и Институтом археологии Лондонского университета был проведен советско-английский симпозиум «Колхида и античный мир». В работе симпозиума приняли участие шесть советских ученых, выступивших с докладами. Английские антиковеды принимали участие только в их обсуждении.

Первое заседание состоялось в Институте археологии Лондонского университета. Участников симпозиума приветствовал директор института проф. Д. Харрис. Во вступительном слове д-р Д. С. Браунд говорил о большом интересе английских антиковедов к истории Колхиды и отметил, что на симпозиуме присутствуют известные специалисты из всех научных центров Великобритании.

В докладе «Златообильная Колхида (Миф и археология)» О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси) остановился на вопросе о происхождении колхов и времени соотнесения с их страной античной «Аргонавтики», говорил о самобытной культуре колхов и первых контактах греческого мира с Колхидой. Подробно были проанализированы также сведения древних авторов о колхидском золоте и сопоставлены с многочисленными находками золотых украшений на памятниках Восточного Причерноморья.

Т. К. Микаладзе (Тбилиси) в докладе «К истории древнего царства Колхиды» на основе анализа ассирийских и урартских письменных источников рассмотрел историю первых колхидских государственных объединений Дианухи и Кулха. Социальная структура Колхидского царства была проанализирована на основе изучения сведений о Колхиде, сохранившихся в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. Кроме того, опираясь на археологические данные, докладчик показал высокий уровень развития колхидских племен до появления греков в Восточном Причерноморье.

В докладе «Колхида и Боспор: две модели колонизаций?» Г. А. Кошеленко и В. Д. Кузнецов (Москва), проанализировав сведения древних авторов о Колхиде и Боспоре, пришли к выводу, что греческая колонизация Колхиды происходила по обычной схеме, не отличавшейся от боспорской. Однако вскоре выявилось различие судеб греческих полисов рассматриваемых регионов. Города Восточного Причерноморья не играли большой роли в истории греческого мира, их экономическим базисом являлась только торговля, а на Боспоре развилась многоотраслевая экономика. Полисы Колхиды скоро пришли в упадок, на Боспоре же наблюдается противоположная картина. Кроме того, Боспор вел активную внутреннюю колонизацию, неизвестную в Колхиде.

Г. Т. Коирквелии (Тбилиси) в докладе «Синопа, Колхида, Боспор (Проблема взаимоотношений)» высказал мнение, что экономические отношения между Колхидой и Боспором осуществлялись через посредническую торговлю Синопы.

В докладе Д. Д. Качарава (Тбилиси) «Греческий импорт в Колхиде архаического и классического времени» делается вывод, что наиболее ранний импорт в Колхиде

датируется концом VII — первой половиной VI в. до н. э. В архаическое время доминирующими являются керамические изделия восточногреческих центров, а в последней трети VI в. до н. э. появляется аттическая продукция, которая в классическое время становится ведущей. Помимо керамических изделий импорт представлен памятниками глиптики, торевтики и стеклоделия. В архаическое время импорт был распространен в основном в приморской полосе, а в классическое его ареал расширяется и включает внутренние районы Колхиды.

Доклад *Г. Р. Цецхладзе* (Москва) «Колхида в системе античной экономики: греческое влияние (VI—II вв. до н. э.)» был посвящен инновациям в экономике Колхиды, происшедшим в результате включения этого региона Понта в античную торговлю. Греческое влияние прослеживается в денежном обращении, весовой системе, гончарном ремесле, организации керамического производства и т. д. Автор пришел к заключению, что в Колхиде с появлением греков происходили те же самые процессы, что и в других частях античного мира.

В обсуждении докладов приняли участие Р. Кук, Ю. Шэфтон, М. Уэст, С. Уэст, Дж. Рейнолдс, С. Бэрни, А. Кэмерон, Дж. Хайнд, Д. Харви, Б. Спаркс, Дж. Кейзи.

Второе заседание состоялось в Оксфордском университете, где с докладами выступили: *Г. А. Кошеленко* (Москва), рассказавший о раскопках в Горгипсии, и *О. Д. Лорджипанидзе* (Тбилиси) — о раскопках в Колхиде. В прениях по докладом участвовали Дж. Боурдман, Ф. Миллар, А. Эндриос, Дж. Де Сент Круа, П. Фрэзер, Р. Осборн, М. Дэйли, Э. Райс, Дж. Мэттьюз, Дж. Гриффит.

4 мая в Институте востоковедения и африканистики Лондонского университета состоялся «День Грузии». *О. Д. Лорджипанидзе* (Тбилиси) сделал здесь доклад о колхидской культуре. Были организованы экскурсии и встречи с коллегами в Британской Академии, Британском музее и Музее Ашмола в Оксфорде.

Д. С. Браунд, Г. Р. Цецхладзе

© 1991 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФРАКОЛОГИИ В БОЛГАРИИ И ПЕРВАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФРАКИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В РОДОПАХ И ВЕРХОВЬЯХ МАРИЦЫ, МЕСТЫ И СТРУМЫ»

Уже достаточно давно в Археологическом институте Болгарской Академии наук существует секция фракийской археологии. Ее главная задача — координация исследований по фракийской материальной культуре на территории Болгарии, однако одновременно она поддерживает тесные связи с родственными научными учреждениями в стране и за рубежом, организует симпозиумы и конференции. В начале 1990 г. внутри секции фракийской археологии было организовано несколько групп по хронологическому и тематическому принципу. Ими руководят члены секции, но участвуют в работе групп и другие археологи со всей страны. Каждая группа разработала собственные планы научной деятельности в Болгарии и за рубежом, большая часть которых уже успешно выполняется. Так, группа истории фракийской археологии провела первую научную сессию, посвященную научному наследию проф. Богдана Филова. Проф. Филлов, крупнейший специалист по фракологии и основоположник фракийской археологии в Болгарии, был во время второй мировой войны премьер-министром Болгарии, а после смерти царя Бориса III в августе 1943 г. — регентом при царе Симеоне. Он был приговорен к смертной казни Народным судом и расстрелян 1 февраля 1945 г. В 12 докладах, прозвучавших на сессии, впервые после установления коммунистической власти в Болгарии в 1944 г. была дана объективная оценка трудов этого «запрещенного» ученого, на которые не разрешалось даже ссылаться. Материалы сессии будут опубликованы; намечено провести еще две сессии, посвященные другим крупным специалистам по фракологии.

Группа по изучению фракийских курганов провела в мае 1990 г. первую национальную сессию. Ее материалы (более 30 докладов) также будут опубликованы. Вторую национальную сессию группа проводит зимой 1991 г. Осенью 1991 г. будет организован международный семинар, на который приглашены около 30 специалистов по

изучению курганов из СССР, Румынии, Греции, Турции и других европейских стран.

Новая программа секции фракийской археологии предусматривает также периодические региональные конференции, посвященные изучению фракийской культуры в четырех основных регионах Болгарии — юго-западном, юго-восточном, северо-западном и северо-восточном. Первая из них — «Фракийская культура в Родопах и верховьях Марицы, Месты и Струмы» была проведена 4—6 октября 1990 г. в родопском городе Смолян. Кроме исследователей из секции и многочисленных музеев региона в ее работе приняли участие София Арчибальд (Лондон), советские исследователи из Киева — С. Б. Крыжицкий, Ю. И. Малеев, А. С. Русяева, В. В. Крапивина — и Москвы — Н. Я. Мерперт, А. И. Иванчик и другие иностранные гости. На конференции прошло пять заседаний, посвященных соответственно эпохе бронзы, ранне- и позднежелезной эпохам, фракийским курганам и истории и культуре бессов. Киевские коллеги сообщили о результатах последних раскопок в Ольвии, а участники конференции из Москвы — об исследованиях на теле Юнаците — эталонном памятнике раннебронзового века во Фракийской долине. Ряд докладов был посвящен последним результатам исследований многих памятников Юго-Западной Болгарии, в том числе фракийских скальных святилищ Родоп. Доклады оживленно обсуждались, причем иногда разгорались острые дискуссии, благодаря которым, согласно общему мнению участников конференции, изучение фракийских древностей региона сделало несколько шагов вперед.

Несколько основных программных статей, посвященных разным аспектам изучения фракийской культуры региона, были опубликованы в специально изданном к конференции сборнике и предложены ее участникам для обсуждения (Тракийская культура в Родопите и горните поречия на Марица, Места и Струма. Смолян, 1990. 152 с.). Кроме статей в сборнике издан полный список неопубликованных фракийских памятников региона, а также полная библиография по фракийской археологии Юго-Западной Болгарии. Сборник является первым самостоятельным изданием секции фракийской археологии.

Во время конференции в Историческом музее Смоляна, принимавшем активное участие в ее организации, была открыта выставка «Бессы — история и культура», посвященная самому известному фракийскому племени, населявшему данный регион в древности. В рамках конференции было организовано обсуждение материалов, происходящих из новых раскопок и экспонированных на выставке.

Один день был специально посвящен ознакомлению с результатами исследования фракийского городища у с. Ветрен и их обсуждению. Раскопки здесь проводятся в течение трех последних сезонов под руководством М. Домарадского. Первоначальные предположения о том, что у с. Ветрен располагался один из древнейших фракийских городских центров, полностью подтвердились. Раскрыты здесь мощные крепостные стены и остатки системы водоснабжения, множество интересных материалов, в том числе древнегреческие и фракийские монеты, импортная греческая керамика и т. д. — все свидетельствует о большом значении изучаемого объекта. Данный памятник — четвертый известный во Фракии городской центр после Севтополиса (в окрестностях Казанлыка), Кабиле (возле Ямбола) и Пульпудевы или Евмолпии (нынешний Пловдив). Возле Ветренского городища обнаружено также множество курганов, в одном из которых еще перед войной была раскрыта великолепная каменная гробница.

Вторая региональная конференция секции фракийской археологии, посвященная фракийской культуре Юго-Восточной Болгарии, состоится осенью 1991 г.

Г. Китов

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1991 г.

ARTEMIDORI DALDIANI

ONEIROCRITICA

АРТЕМИДОР

СОННИК*

Перевод с древнегреческого под общей редакцией

Я. М. Боровского

33. Если один человек говорит во сне другому нечто, не связанное с его занятиями, то это сбудется для него самого, а если связанное — то всегда для другого и никогда для говорящего. Но как при занятии простым ремеслом, так и при любой другой деятельности делать во сне то, что хорошо умеешь, — на благо. То, что врачи говорят о законоведении, гадатели о врачевании, законоведы о гадании, сбывается для самих говорящих. К тому же, что законоведы говорят о законе, врачи о врачевании, а гадатели о гадании относятся как к вещам, высказанным теми, кто хорошо разбирается в своей области. Одному врачу приснилось, что он говорит кому-то: «Раз ты римлянин, не женись на гречанке». Женившись, он испытал из-за жены много бед.

Людам, в которых нуждаешься, нужно оказывать во сне благодеяние и ни в коем случае не вредить, иначе и в жизни они не станут помогать. Гераклиду из Тиаиры³⁴, намеревавшемуся принять участие в трагическом агоне, приснилось, что он закалывает зрителей и судей, и он про-

* Перевод и комментарии И. А. Левинской. Продолжение. Начало см. ВДИ. 1989. № 3.

³⁴ По предположению Ослея, Гераклид из Тиаиры — софист, умерший в 196—197 гг.

играл состязание, потому что убивают не друзей, а врагов. Итак, этим способом сновидение сообщило ему, что зрители и судьи станут его врагами — тем более что не могли они, будучи заколотыми, подавать за него свой голоса.

Философу Александру приснилось, что его осудили на смерть и ему еле удалось умолить, чтобы его не распяли. Он был аскетом, и его не заботил ни брак, ни товарищеское общение, ни богатство, ни все прочее, что знаменуется крестом. На следующий день, посорившись с неким книжником, он получил удар дубинкой по голове — именно о том, что он едва не умрет от дерева, и предупреждала его душа. Этот сон научит тебя искать толкования и за пределами традиционных вариантов.

Жене валяльщика приснилось, что она носила черную одежду, но, будучи приговоренной к смерти³⁵, переменяла ее на белую. Она потеряла сына, но через три дня его нашла. Таким образом, белая одежда лучше черной.

Некоему человеку в Пергаме приснилось, что он испражняется на куски хлеба и целые хлеба. Он был обезглавлен. Ведь у него не стало головы, чтобы жевать хлеб....³⁶

34. Сооружать очаг на чужбине человеку, не имеющему намерения жениться или поселиться в чужих краях, предвещает смерть. Например, вифинский юноша, увидев во сне, что сооружает свой очаг в Риме, умер.

35. Выделив из сложных снов их основные элементы, толкуй каждый из них в отдельности. Например, если кому-нибудь приснится, что он плывет на корабле, а затем, покинув судно, ходит по поверхности моря, то нужно отдельно толковать плавание на корабле и хождение по морю. Плавание на корабле ты найдешь во второй книге, а хождение по поверхности моря в третьей³⁷, там и бери толкования.

36. Все неподвижное, если оно облекает тело, не приносит пользы. Одному человеку в Магнезии приснилось, что он надел медный гиматий, и он, разумеется, умер, потому что облекающая его тело одежда была неподвижна и напоминала ту, что на статуях. А статуи ведь не живые.

37. Одному человеку приснилось, что он играет в комедии роль андрогина. У него началась болезнь половых органов. Другому приснилось, что он видит жрецов Кибелы³⁸. И у него началась болезнь половых органов. В первом случае это произошло из-за названия роли, во втором — из-за того, что случилось с теми, кого видел сновидец. Впрочем, ты же знаешь, что означает играть в комедии и видеть жрецов Кибелы. Помни, что если кому-нибудь приснится, что он играет в комедии или трагедии, и он запомнит роль, то сон сбудется в соответствии с содержанием пьесы.

38. Сходное по цвету имеет одинаковое значение. Человек, которому приснилось, что ему подарили эфиопа, через день получил горшок с углями.

39. Содержание мистерий сбывается в жизни таким же образом, что и в мистериях, причем увиденное свершается в такие же сроки, что и мистерия. Одной женщине приснилось, что она пьяной танцует в честь Диониса. Она убила своего трехлетнего сына, ибо таково предание о Пенфее и Агаве, а торжества в честь бога происходят раз в три года.

40. Следующий сон покажет тебе, что работать имеет то же самое

³⁵ Место непонятно. Герхер предлагает исправление: *μσταγυωσθησα* (перубежненная) или *μσταγυωσα* (передумав). Пэк ставит сгх.

³⁶ В тексте лакуна, отмеченная Пэком.

³⁷ *Артемидор*. III. 16.

³⁸ *Артемидор*. I. 56; II. 69.

значение, что и жить. Одной женщине приснилось, что она закончила ткать ткань. На следующий день она умерла. У нее была окончена работа, а это означает, что была окончена жизнь.

41. Мыть или умащать лицо не к добру. Такой сон говорит о том, что сновидец в чем-то виновен. Юноше с Пафоса приснилось, что он умащает лицо, подобно женщине, и занимает место в театре. Он был уличен в прелюбодеянии и опозорен.

Все благоприятное становится неблагоприятным, если используется не по назначению. Критскому купцу приснилось, что он моет лицо вином, а кто-то из сведущих толкователей сказал ему: «Ты будешь зарабатывать на жизнь с помощью вина и смоешь этим свои долги». Однако вышло не так. Вино у него испортилось, потому что вода, послужившая для мытья, не пригодна ни для питья, ни для чего иного.

42. Далее. Среди увиденного во сне некоторые детали появляются только ради украшения сна, и ими следует пренебречь. Например, если кто-нибудь входит в дом, то он видит колонну, дверной косяк, притолоку, но поскольку он входит в дом не для того, чтобы их увидеть, то и толковать сон следует не через них, но через сам дом. Один человек увидел во сне свою жену, сидящую в блудилище в пурпурных одеждах. В своем толковании этого сна мы исходили не из одежды, не из того факта, что женщина сидела, не из чего-либо другого, но только из блудилища. Сновидец стал мытарем. Это занятие людей бесстыдных, а мы считаем, что жена указывает на ремесло или занятие сновидца. Итак, подобно тому как природа рождает все не одной необходимости ради, но и для красоты, как, например, извивы виноградской лозы, так и душа многое видит ради красоты...³⁹ и часто показывает целое через часть. Например, одному человеку приснилось, что ему принадлежит одежда сестры и он ее надевает. Он унаследовал имущество сестры.

О том, что свет полезнее темноты для людей, не желающих оставаться в тени, ты узнаешь из следующего примера. Панкратиасту Менишпу из Магнезии незадолго до состязаний в Риме приснилось, что во время его выступления наступила ночь. Он не только проиграл состязание в Риме, но и вообще прекратил выступать из-за повреждения руки.

43. О том, что сны не избегают полностью исторических сказаний, ты узнаешь из следующего примера. Одной женщине приснилось, что она совершила подвиг Геракла, и вскоре во время пожара она сгорела живьем. Ведь говорят, что тело Геракла пожрал огонь. Но в каких случаях следует принимать во внимание сказания, а в каких нет, я научу тебя, когда дойду до соответствующего раздела.

44. Далее. Относиться пренебрежительно к отдельному частному лицу, ко многим частным лицам или ко всему народу не к добру так же, как и оказаться в пренебрежении, иными словами, плохо как совершать, так и испытывать оскорбительные действия, [разве только со стороны стоящих у власти]. Некому человеку приснилось, что его жена, задрав одежду, показывает ему срамные части. Она стала для него причиной многих несчастий, потому что она заголилась перед ним словно перед человеком, которого презирает. Другому приснилось, что он на глазах у своих товарищей по сообществу, к которому принадлежал, задрал платье и начал на каждого из них мочиться. Как недостойный он был выгнан из сообщества. Ведь тех, кто ведет себя столь непристойно, справедливо ненавидят и изгоняют из своей среды. Третьему приснилось, что

³⁹ В тексте лагуна, отмеченная Герхером.

он мочится в театре среди сидящих зрителей. Понятно, что он нарушил закон, потому что он во сне отнесся с пренебрежением как к управляющим над нами законам, так и к зрителям. Однако ничто не препятствует людям, стоящим у власти, видеть во сне, что они относятся с пренебрежением к подчиненным.

45. О том, что врачи имеют то же значение, что и все благодетели и защитники, мы уже сказали во второй книге⁴⁰. Ныне же я укреплю тебя в этом мнении на примере сбывшегося сновидения. Человеку, имевшему судебную тяжбу, приснилось, что он болен и не имеет врачей, и его защитники его покинули. В этом сне болезнь означала тяжбу, потому что и о тех, кто находится под судом, и о больных мы говорим, что решается их судьба. Врачи же означали защитников.

46. Далее. Помни, что вещи, увиденные не на своих привычных местах, предвещают противоположное тому, что обычно означают. Например, одному человеку приснилось, что его близкий друг, чью дочь он соблазнил, послал ему коня, а конюх, проведя коня наверх по двум маршам лестницы, ввел его в спальню, где лежал сновидец. Вскоре он потерял возможность встречаться с возлюбленной. Конь означал женщину, однако место, куда был приведен конь, означало, что сновидец и возлюбленная не смогут оставаться вместе, так как коню невозможно оказаться на третьем этаже.

47. Все чудесное и невозможное, вроде гиппокентавра и Скиллы, означает, что надежды обманут, как я написал во второй книге⁴¹. Однако когда надежды не сбываются, то суть происходящего в жизни уподобляется содержанию сновидений. Одному человеку, мечтавшему о детях в имевшему беременную жену, приснилось, что у нее родился кентавр. Она родила ему двойню. Ведь у кентавра два тела. Но ни один из детей не выжил. Ибо невозможно, чтобы родился кентавр. Но если бы кентавр родился, то все равно невозможно его вырастить.

Что же касается сказаний, которые имеют два варианта и рассказываются то так, то иначе, то на каком бы варианте, пусть даже неправильном, ты ни основал свое толкование, поступишь правильно. Но, конечно, лучше знать и использовать оба варианта. Например, одному человеку приснилось, что он рисует птицу Феникс. Египтянин сказал, что сновидец дошел до такой бедности, что был вынужден по причине жестокой нужды поднять на плечи и вынести для погребения тело умершего отца, потому что Феникс хоронит своего отца⁴². Так ли сбылся этот сон, не знаю, но египтянин его так рассказал, и по одной версии сказания такое исполнение сна правдоподобно. Некоторые же говорят, что феникс не хоронит отца и что вообще у него нет ни отца, ни какого-либо предка, но что по велению судьбы он прилетает в Египет — откуда, люди не знают, — и сам по себе соорудив погребальный костер из кассии и мирта, на нем и умирает. Через некоторое время, после того, как костер сгорает, из золы рождается червяк, который вырастает, изменяется, снова становится Фениксом и улетает из Египта туда, откуда прилетел первый феникс⁴³. Так что если кто-нибудь скажет, что сновидец лишится родителей, то в соответствии с этим вариантом сказания он не ошибется. Помни также

⁴⁰ *Артемидор*. II. 29.

⁴¹ *Артемидор*. II. 44.

⁴² О том, что Феникс хоронит своего отца, см.: *Геродот*. II. 73; *Азия Татий*. Левкиппа и Клитофонт. 3. 25; *Тацит*. *Анналы*. VI. 28.5.

⁴³ О том, что у Феникса вообще не бывает отца, см.: *Дионисий*. О птицах. I. 32. *Физиолог*. 7.

о том, что тебе следует обращать внимание только на те сказания, чья истинность подтверждается многочисленными и важными свидетельствами, как, например, в случае Персидской войны, предшествующей ей Троянской и тому подобного. Ведь показывают и места обитания участников этих событий, места построения войск, расположение лагеря, основанного тогда города, возведенные алтари и все прочее. Итак, если кто-нибудь видит во сне что-то в этом роде, то и в жизни у него непременно произойдет нечто аналогичное. Но следует обращать внимание на предания общеизвестные, которым многие верят, например о Прометее, Ниобе и о всех героях трагедий. Ведь даже если они и не правдивы, то из-за того, что большинство их принимает, сновидения сбываются в соответствии с содержанием преданий. Но сказания, совершенно изгладившиеся из человеческой памяти, наполненные вздором и бессмыслицей, например, о гигантамахии, о посеянных людях в Фивах и Колхиде и тому подобных вещах, или совсем не сбудутся, или в соответствии с изложенным ранее обманут ожидания и предвелят тщетные и пустые надежды, разве только что-нибудь из этих баснословий можно объяснить естественным образом. Например, одному человеку приснилось, что он стал Эндимионом и его полюбила Селена и он с ней сожительствовал, согласно же толкователям преданий, Эндимион больше, чем кто-либо из людей, занимался астрологией и, так как он проводил ночи без сна, то о нем и говорили, что он общается с луной ⁴⁴.

48. Видеть нечто похожее, родственное или чему-либо близкое сулит меньшие несчастья, если видеть это одновременно с тем, чему оно родственно или близко. Например, одному человеку, у которого был пифос с вином, приснилось, что из пифоса выросла виноградная лоза. Похожий сон описан и у Феба Антиохийского. Некому человеку, у которого был пифос с вином, приснилось, что из пифоса выросла олива. Феб сообщает, что все, выпившие вино, умерли, так как в вине оказалась мертвая гадюка. У того, кому приснилось, что из пифоса выросла виноградная лоза, также в пифосе оказалась мертвая гадюка и вино также было испорчено, но вина никто не пил и никто не умер, потому что решили сначала его процедить, а увидев, что случилось, его вылили. Поэтому, естественно, эти люди не умерли. Поскольку лоза родственна влаге, находящейся в пифосе, сон имел лучший исход.

49. Любая перемена к лучшему на благо богатым, даже если сновидец становится богом. Однако в этом случае у него не должно быть несовершенств. Например, одному человеку приснилось, что он стал Гелиосом и, испуская одиннадцать солнечных лучей, идет по агоре. Этот человек был избран в своем городе стратегом, в течение одиннадцати месяцев выполнял свои обязанности, а потом умер, так как число лучей было неполным ⁴⁵.

Большое значение для исполнения сновидения имеют также места, где во сне происходит действие. Например, одному человеку приснилось, что его распяли, а сны о распятии означают славу и богатство — славу из-за того, что распятый поднят высоко, а богатство из-за того, что питает собой множество птиц. В Элладе Менаидру приснилось, что его распяли

⁴⁴ Плиний Старший (Естественная история. II.43) утверждает, что Эндимион первым из людей отметил движение, фазы и затмения луны, и приходит к выводу, что астрологические занятия Эндимиона и послужили основой для мифа о его любви к Селене. См. также: *Mnaseas ap. Fulgent. Myth. 2.16; Schol. Apoll. Rhod. 4. 57.*

⁴⁵ Солнце имело двенадцать лучей: *Вергилий. Энеида. XII. 161—164.*

перед храмом Зевса Хранителя города. Он был назначен жрецом этого божества, еще больше прославился и разбогател.

50. Далее. Друзья, общающиеся и водящие компанию с врагами сновидца, становятся ему враждебны. Филину приснилось, что один из его товарищей собирается уехать на чужбину вместе с его врагами. Он стал врагом этого товарища по причине, никак с теми врагами не связанной.

51. Незавершенность действий означает полную бездеятельность и невозможность даже взяться за какое-либо дело. Одному киликийцу, который просил у царя наследство своего брата, приснилось, что он остриг овцу напополам, и, так и не сумев снять остаток шерсти, он проснулся. Он надеялся получить половину наследства, однако не получил ничего.

52. Когда венки, означающие обычно благо, находятся не на голове, а надеты на какую-нибудь другую часть тела, то они не только не предвещают ничего хорошего, но, напротив, сулят дурное. Зоил, который привел своих сыновей на Олимпийские игры с тем, чтобы один участвовал в состязании борцов, а другой — в панкратии, увидел во сне, что на их лодыжки надеты венки из оливы и дикой маслины. Он очень обрадовался, потому что эти венки священны и даются олимпийским победителям. Однако сыновья его умерли до начала состязаний — ведь венки, надетые на лодыжки, находятся недалеко от земли.

53. О том, что означает море и все с ним связанное: гавани, скалы, бухты, берега, корабли, само плавание — ты уже знаешь из второй книги⁴⁶. Тем не менее, я расскажу тебе сейчас об одном сбывшемся сновидении. Некому человеку приснилось, что, упав в море, он опускается на глубину и чувствует, что спускается все ниже. Наконец, в страхе он проснулся. Женившись на гетере, он вместе с ней переехал и большую часть жизни провел на чужбине. О причинах этого излишне говорить.

54. То, что постоянно находится на какой-либо части тела, имеет то же значение, что и вырастающее из нее. Например, одному человеку приснилось, что у него из пальцев выросли деревяшки. А другому приснилось, что у него на груди и спине выросли волосы. Один стал кормчим, а другой заболел чахоткой. Ведь у одного в руках постоянно находится деревянное кормило, а у другого грудь всегда из-за болезни прикрыта шерстью.

55. Далее. Многое сбывается в соответствии с количеством и величиной. Примером количества может послужить лук. Если больному приснится, что он ест много лука, он поправится, но оплачет кого-нибудь другого, а если мало, то умрет. Ведь тот, кто ест лук, плачет, плачут также и умирающие, ибо никто еще не умирал без слез. Но тот, кто умирает, плачет мало, так что иногда близкие этого не замечают из-за того, что только ресницы умирающих смочены слезами, а тот, кто оплакивает, — много, потому что проливает слезы долго.

Примером величины могут послужить коза и козлята. Видеть как белых, так и черных коз не к добру, кроме как козопасу. А любые козлята на благо.

Тебе следует применять ко всем снам то, что сейчас было продемонстрировано на этом примере. Однако некоторые вещи имеют одинаковое значение независимо от большого или малого количества и большой или малой величины. Примером тому могут послужить овцы. Ибо видеть их в большом количестве, в малом или даже по одиночке имеет одинаковое значение.

⁴⁶ Артемидор. II.23.

56. Необходимо также сопоставлять особенности животных и людей и оценивать разум и склонности каждого человека, исходя из сходства с тем или иным животным. Например, животные мужественные, свободолюбивые, грозные вроде льва, тигра, барса, слона, орла, буревестника (буря) указывают на людей такого же типа. А животные жестокие, свирепые, неуживчивые вроде вепря и медведя указывают на таких же людей. Трусливые же, быстроногие и неблагодарные вроде оленя, зайца и собаки — на трусов и беглых рабов. Ленивые, бездеятельные и хитрые вроде гиены означают ленивцев и бездельников, а подчас и отравителей. Из ядовитых животных грозные, сильные и могучие вроде дракона, Василиска, дриины указывают на могущественных людей. Те же, у которых много яда, например, аспид, гадюка, сепс — на богатых мужчин и женщин. Те, которые, на вид опаснее, чем на самом деле, например, парей, фисал, тифлин⁴⁷, означают хвастунов и людей неосновательных. Мелкие животные, например, фаланги, гидры и ящерицы, означают людей незначительных и презираемых, но способных, однако, доставить неприятности. Животные, хищничающие открыто, как то ястреб и волк, означают разбойников и грабителей. Те же, кто ворует потихоньку, как то коршун и лисица, — людей коварных. Животные красивые и миловидные вроде попугая, куропатки и павлина означают ценителей красоты. Певчие и сладкоголосые птицы, как то ласточка, соловей, королек и тому подобные, — ученых, музыкантов и певцов. Животные, умеющие подражать вроде обезьяны, черного дрозда и сойки означают обманщиков и хитрецов. Пестрые и пятнистые, например барс, — людей отнюдь не прямодушных, а зачастую также татуированных. Трудолюбивые и терпеливые животные, например ослы и подъяремные волы, — люд рабочий и подневольный. А животные трудолюбивые, но не подъяремные, как то быки, пасущиеся в стаде волы и кони, онагры, — людей мятежных и надменных. Птицы, живущие стаями, например, аисты, журавли, скворцы, галки, голуби, означают людей общительных и живущих совместно, поэтому они на благо для участников сообществ. Некоторые из таких птиц, а именно: галки и скворцы — предвещают бури, другие, например журавли и аисты, — разбойников и врагов. Птицы, которые высматривают падаль, а не охотятся, например коршуны, означают людей вялых и ленивых, обряжателей умерших, гробовщиков, кожевников или изгнанных из города. Птицы же, днем бездеятельные, но активные ночью, например, сова, ушастая сова, сипуха и тому подобные, означают предлюбодеев, воров или тех, кто работает по ночам; птицы, умеющие кричать на разные голоса, как то ворон, ворона, сойка и тому подобные, — толмачей, а также людей хорошо образованных. Те, кто любит жить на одном месте, например ласточка и лагос⁴⁸, означают людей, живущих неподалеку и ближайших соседей. Они предвещают также, что беглые рабы, которые родились свободными, вернутся на родину.

Запомни, что всех животных, которых можно толковать различно, так и следует толковать. Например, барс из-за своего нрава означает человека могущественного, а из-за своей окраски — изменчивого. Точно

⁴⁷ Тифлинами (τιφλίνας) называли слепых змей (возможно, *Pseudopus pallasi*) и слепых египетских рыб. В данном месте тифлин ошибочно толкуется как рыба.

⁴⁸ Птица «заяц» упоминается у Горация (Сатиры. II.2.22): *peregrina lagois*. Возможно, эта та самая «зайцепогая птица» (*lagopus*), которую описывает Плиний Старший (X.133). См. также *Isidor. Orig.* 12.7.53.

так же куропатка означает и красавца, и хитреца. Итак, имея перед собой образцы, ты можешь разобраться и с приведенными случаями, и с теми, что не вошли сюда или же в первые книги.

Далее. Все животные, посвященные богам, означают этих самых богов. В общем, всех домашних и прирученных животных соотноси с родственниками, диких — с врагами, болезнями или неприятными обстоятельствами и неудачами в делах. Ведь подобно диким зверям враги, болезни и неудачи наносят ущерб. А вот иметь домашних животных, видеть их здоровыми и под своей властью, а не под властью врагов — к добру. Если дикие животные умирают и не подчиняются нам, находятся под властью домашних и прирученных нами животных — это к добру, если же они находятся под властью врагов, оказываются сильнее домашних животных или совершают что-либо дурное, то это сулит всяческие несчастья.

57. О деревьях и растениях в соответствии с их разновидностями обстоятельно рассказано во второй книге в разделе о земледелии ⁴⁹.

Запомни, что деревья имеют то же значение, что их плоды, а также божества, которым каждое из них посвящено. В целом, плодоносные деревья лучше дичков, а среди плодоносных благоприятнее те, что сбрасывают листву, за исключением оливы и лавра. Ведь замечено, что не только сама олива, но и ее плоды и листья ⁵⁰ смертоносны для больных сновидцев, лавр же спасителен. В самом деле, ветви оливы несут в похоронных процессиях, а ветви лавра никогда.

Неплодоносные деревья менее благоприятны, за исключением тех случаев, когда занятие сновидца прямо или косвенно с ними связано. Долговечные деревья означают продление срока, если он был заранее назначен, а при болезнях — выздоровление. Однако в других случаях они оттягивают исполнение сновидения. То же относится к медленно рождающимся и медленно растущим деревьям. Деревья с противоположными качествами имеют противоположное значение.

Колючки и шипы, терн и ежевика благоприятны для нуждающихся в безопасности, потому что служат оградой и защитой местности, а вот для бегства они не особенно благоприятны, потому что цепки. Колючие растения благоприятнее всего для мытарей, трактирщиков, разбойников, тех, кто обвешивает и обсчитывает покупателей из-за того, что насильно вырывают чужое против воли владельцев.

58. Утварь и орудия труда следует относить не только к ремеслам и полученным от них доходам, но и к самим ремесленникам или к тем, кто пользуется утварью. Например, одному человеку приснилось, что с коня соскользнула уздечка. Умер его конюх. А другому подобным образом приснилось, что неожиданно разбилась кружка. Умер его виночерпий. Такой же метод толкования тебе следует применять к любого рода утвари и орудиям труда.

Далее. Если во сне погибнет то, что никогда и ни при каких обстоятельствах погибнуть не может, то это означает для сновидца смерть или повреждение глаз. Например, одному человеку приснилось, что погибло небо, и он умер. Ведь подобно тому как невозможно пользоваться уже несуществующими вещами, так и те вещи, которыми человек не пользуется, как бы для него не существуют.

59. Прежде всего разузнай о нраве сновидцев, а для этого тщательно их расспроси. А если расспрашивать их покажется тебе неудобным, то,

⁴⁹ *Артемидор*. II.25.

⁵⁰ Тела умерших укладывали на подстилку из листьев оливы.

отложив это, разузнай о них от других людей, чтобы не ошибиться в толковании. Например, одному человеку приснилось, что он соединяется со своей женой неудобосказуемым образом. А другому человеку, в свою очередь, приснилось, что его жена соединяется с ним неудобосказуемым образом. В течение долгого времени знаменуемое таким сновидением ни с кем из них не происходило, как это бывает обычно с другими людьми. Так как причина этого не была мне ясна, я удивлялся, и мне казалось необъяснимым, почему их сновидения не сбываются. Позднее я узнал, что у обоих было в обычае заниматься подобными вещами и не держать свой рот в чистоте. Поэтому-то, разумеется, сон и не сбылся — ведь они видели во сне то, к чему стремились наяву. Примером могут послужить те люди, которым снится, что они крадут, убивают и грабят храмы. Ведь они часто именно это и обдумывают. И если кто-нибудь попытается истолковать такие сны иносказательно, то он ошибется и обманется.

Избегай также тех, кто полагает, что люди видят хорошие и плохие сны в зависимости от времени своего рождения⁵¹. Говорят, что благотворные светила всякий раз, когда не могут совершить какое-нибудь доброе дело, радуют людей хотя бы при помощи сновидений, а злотворные, когда не могут совершить что-либо дурное, то, по крайней мере, через сны приводят людей в смятение и устрашают. Если бы дело действительно обстояло таким образом, то сновидения бы не сбывались. А ведь на самом деле, сбываются и хорошие, и плохие сны — каждый в соответствии со своим значением.

Далее. Люди неученые никогда не видят снов литературных, их видят только знатоки литературы и люди образованные. Из этого, пожалуй, можно с очевидностью заключить, что сны являются произведением души, а не посылаются кем-то извне. Произнесенные во сне гекзаметры, ямбы, элегические двустопиши или какие-либо иные речения сбываются в том случае, если обладают законченным смыслом. Например, одному человеку приснилось, что кто-то из заслуживающих доверия людей читает ему стих Гесиода:

Не наживайся на зле, живя злая — безумье⁵².

Этот человек занялся разбоем, был схвачен и казнен.

Те стихи, которые не обладают законченным смыслом, следует толковать, исходя из содержания всего сочинения. Так, например, одной женщине приснилось, что служанка произносит ямбы Еврипида:

Поджарь, сожги ты тело и насыться мной.

Она, вызвав ревность своей госпожи, претерпела бесчисленные беды. Разумеется, все, что с ней произошло, соответствовало выпавшему на долю Андромахе⁵³.

Другой раз одному бедняку приснилось, что он произносит такой ямб:

Нежданное однажды наступило вдруг.

Он нашел сокровище и разбогател.

⁵¹ Речь идет о констелляциях.

⁵² Гесиод. Труды и дни. 352.

⁵³ Процитированного Артемидором стиха в «Андромахе» Еврипида нет. Он, видимо, взят из сатировой драмы «Силев»: Euripidis Perditarum Tragoediarum Fragmenta, fr. 687 (Nauck).

Одной женщине приснилось, что некто говорит ей:

Пал наш Патрокл! и уже загорелася битва за тело.
Он уже наг: совлек все оружие Гектор могучий!⁶⁴

Ее муж умер на чужбине, а так как его имущество было взято в казну, ей пришлось за него бороться и начать судебный процесс. Однако она ничего не добилась и умерла во время процесса. Таким образом, ты видишь, что одни стихи прямо указывают на исполнение сновидения и поэтому нет нужды привлекать содержание всего сочинения, а другие сбываются в соответствии с фабулой сочинения.

60. Далее. Видеть города, дорогие сновидцу, например, родной город или те, в которых он жил счастливо, лучше, чем какие-либо иные. Видеть города чужие или малознакомые менее благоприятно. Вместе с тем, видеть города многолюдные, с хорошим управлением, наполненные богатством и всем тем, что свидетельствует о могуществе и процветании города,— на благо. Видеть же города пустынные и разрушенные, безразлично, свои или чужие, не к добру. Родные города означают родителей. Например, одному человеку приснилось, что его родной город разрушен землетрясением. Его отец был приговорен к смерти и погиб.

61. То, что является непременно следствием увиденного во сне, днем сбывается. Особенно прелюбодеяние предвещает сновидцу вражду с мужем соблазненной женщины. Ведь ненависть мужа соблазненной всегда преследует прелюбодея. А то, что не является непременно следствием увиденного во сне, и наяву не сбывается. Например, одному человеку приснилось, что его хозяин укладывает к нему в постель свою собственную жену, и у него не возникло никакой вражды с хозяином, напротив, хозяин поверил ему управление имуществом, и он стал домоправителем. И это естественно — ведь человек, сам приведший свою жену к другому, не станет ревновать.

62. Далее. Иногда сновидения, в которых фигурируют сосуды, сбываются по-разному. Например, молоко в подойнике означает выгоду, а в лохани — ущерб, потому что теперь никто уже не станет его употреблять в пищу. А противоположным употреблению является неупотребление, что и приводит к ущербу.

63. Относись с пренебрежением к тем, кто приписывает сновидениям излишнюю инсказательность, так как эти люди не понимают сути сновидений или же обвиняют богов в плутовстве и злокозненности, поскольку получается, что боги втягивают сновидцев в праздную болтовню, и сновидцы, вместо того, чтобы узнавать из снов будущее, должны прежде заниматься исследованием вещей, для них несущественных. Знай также, что некоторые сны видеть вообще невозможно. Например, рассказывают нечто в таком роде. Одному человеку, у которого пропал раб, приснилось, что ему кто-то говорит: «Твой слуга среди тех, кто не отбыл воинскую повинность». Слуга был найден в Фивах, поскольку из беотийцев одни фиванцы не сражались под Илионом. Еще рассказывают о том, что некоему человеку во время болезни приснилось, что ему кто-то говорит: «Принеси жертву тому, у кого обута одна нога, и ты излечишься». Он принес жертву Гермесу. Ведь говорят, что этот бог отдал одну сандалию Персею, когда тот был послан отрубить голову Горгоне, и впредь остался только при одной. Распространяют много подобных басен, которые скорее изобли-

⁶⁴ Илиада. XVIII. 20—21 (пер. Н. Гнедича).

чают неопытных рассказчиков необыкновенных историй, нежели толкователей снов. Если хочешь, можешь легко получить все нужные сведения, чтобы без затруднений отвечать подобным людям. Много необыкновенных и редкостных историй рассказано в «Алексаидре» Ликофрона⁵⁵, в «Лесках» Гераклида Понтийского⁵⁶, у Парфения в «Элегиях» и у многих других авторов.

64. Обрацай внимание также на то, могут приснившиеся люди оказывать благоденствие наяву или нет. Например, одному рабу приснилось, что его убил хозяин. Он был освобожден приснившимся, так как смерть именно это и означала. Виновный в его смерти стал виновником его свободы — ведь это было в его силах. Другой раб, увидев во сне, что его убивает товарищ-раб, свободным не стал — ведь раб не мог его освободить, а начал с этим рабом враждовать, потому что убийцы с убитыми быть друзьями не могут.

65. Тем, кто спросит тебя, возможно ли видеть в один и тот же период времени хорошие и плохие сны, и будет выяснять, каким снам нужно верить — хорошим или плохим, а также — опровергаются или, напротив, подтверждаются одни другими — отвечай, что хорошее и дурное можно увидеть не только в один период времени, но даже в одну и ту же ночь и в течение одного сновидения. И приведи в пример сны, знаменующие многое через малое или многое через многое. И нет в этом ничего удивительного, раз таковы и дела, и жизнь человеческая. Часто ведь в один и тот же период люди переживают и хорошее, и дурное.

Верь тому, что некогда сбывшиеся сны будут точно таким же образом сбываться и впредь, однако прими к сведению, что к ним может добавиться и нечто новое. Таким образом получится, что ты не будешь основываться только на прежних результатах, но будешь постоянно стараться сверх того находить аналогии сбывшимся прежде сновидениям. Ибо смешно было бы подобно большинству толкователей ограничиваться только прежде записанным или рассказанным. Именно это произошло некогда со снотолкователем Антипатром⁵⁷. Одному человеку приснилось, что он находится в интимных отношениях с куском железа словно с женщиной. Он был приговорен к рабству и соединился с железом, иными словами, жил с ним. Просвещеннейший же Антипатр, вспомнив об этом случае, сказал другому человеку, которому как-то приснилось, что он находится в интимных отношениях с куском железа, что его приговорят к участию в гладиаторских поединках. Однако сон его сбылся не так — сновидцу отрубили половой член.

66. Еще один случай, который приводится у Феба, многих ввел в заблуждение. Одному человеку приснилось, что он сделался мостом. Он стал перевозчиком и выполнял ту же службу, что и мост. Этот случай излагает Феб. А совсем недавно одному богатому человеку приснилось, что он сделался мостом, и его многие стали презирать и, таким образом, как бы попирали. Если же такой сон увидит женщина или милостивый мальчик, то они, предавшись разврату, будут принимать многих. Находящийся под судом после такого сна одержит верх над врагами и самим судьей.

⁵⁵ Поэма Ликофрона Халкидского (род. в 325 г. до н. э.) сохранилась. В ней речь идет о рабе, приставленном к Кассандре и пересказывающем ее пророчества. Язык поэмы темен и насыщен неологизмами.

⁵⁶ Гераклид Понтийский (390—310 гг. до н. э.) — философ и писатель. Неполный список его трудов приведен у Диогена Лаэртского (5.88).

⁵⁷ Возможно речь идет об Антипатре из Тарса, стояке, жившем во II в. до н. э. Среди его работ было сочинение о гадании.

Ведь река подобна судье из-за того, что беспрепятственно делает, что хочет, а мост находится поверх реки.

67. Для упражнения в рассуждениях об аналогиях, достаточно предложить тебе следующий сон. Беременной женщине приснилось, что она родила змею. Рожденный ею ребенок стал прекрасным и прославленным ритором. Ибо ритор, как и змея, имеет двойной язык (*διλλή γλῶσσαν*). Приятно, эта женщина была богата, а богатство — это средство получения образования. Другая женщина увидела такой же сон, и ее ребенок стал иерофантом. Ибо змея — священное животное и участвует в мистериях. Женщина же, увидевшая сон, была женой жреца. Еще одна женщина увидела такой же сон, и ее ребенок стал превосходным прорицателем. Ибо змея посвящена вещему Аполлону. Эта женщина была дочерью прорицателя. Еще одна женщина увидела такой же сон, и ее ребенок вырос распутником и наглецом и соблазнил многих женщин в городе из-за того, что змея старается скрыться от преследователей, проскальзывая через самые узкие щели, а женщина эта была похотлива и распутна. Другая женщина увидела тот же сон, и ее сын был пойман на грабеже и обезглавлен — ведь и змея, когда ее поймают, умирает от удара по голове, а женщина эта не была благонаправной. Еще одна увидела тот же сон, и ее сын стал беглым рабом: ведь и змея не пользуется прямыми путями, женщина же эта сама была рабыней. Еще одна женщина увидела тот же сон, и ребенка ее разбил паралич — ибо змея, как и паралитик, перемещается при помощи своего тела. А женщина, когда увидела этот сон, была больна. Естественно поэтому, что зачатый и выношенный в болезни ребенок не мог обладать походкой здорового человека.

68. Все, что во сне движется одинаковым образом, имеет одинаковое значение. Например, одному человеку приснилось, что его в ногу ужалила змея. Именно ту ногу, в которую он был ужален во сне, переехало на дороге колесо. А ведь вращающееся колесо движется, как и змея, всей своей поверхностью.

69. О том, что боги имеют то же значение, что и хозяева, я говорил в разделе о богах, однако примеры сбывшихся сновидений покажут тебе это еще яснее. В доказательство я приведу тебе сейчас следующий сон. Рабу приснилось, что он играет в мяч с Зевсом. Он поспорил со своим хозяином и из-за слишком свободной манеры говорить навлек на себя его ненависть. Зевс здесь означал хозяина, игра в мяч — разговор на равных и спор, ведь играющие спорят о первенстве друг с другом и всякий раз, поймав мяч, кидают его обратно. В целом, хозяева, родители, учителя и боги имеют одинаковое значение.

70. С точки зрения исполнения сновидения братья имеют то же значение, что и враги. Ведь подобно врагам они приносят не выгоду, а ущерб, поскольку из-за братьев человеку приходится владеть половиной или третьей частью того, чем он предпочел бы владеть один. Тимократу приснилось, что он хоронит одного из братьев. Вскоре он узнал, что умер один из его врагов. Умершие братья означают не только гибель врагов, но и избавление от грозящей материальной потери. Например, филологу Диоклу, опасавшемуся, что по ложному навету он потерпит денежный ущерб, приснилось, что его брат умер, и он не понес убытка.

71. О том, что ни боги, ни другие достойные доверия персоны не обманывают, а то, что они говорят, является истинным, было подробно рассказано во второй книге. Но поскольку люди из-за того, что некоторые вещания не сбываются, считают, что их обманывают, следует привести для тебя и такое рассуждение: боги и все, кто достойны доверия, всегда говорят

правду, но иногда выражают ее напрямую, а иногда обиняками. Когда они говорят прямо, то это не создает никаких проблем и благодаря недвусмысленности их речи не нуждается в каком-либо обсуждении. Когда же они говорят не прямо, а в иносказательной форме, то их иносказания нуждаются в толковании. В том, что боги говорят иносказательно, нет ничего удивительного — они мудрее нас и не хотят, чтобы мы получали что-либо без рассуждений. Например, одному человеку приснилось, что Пан говорит ему: «Жена даст тебе отраву через такого-то, твоего знакомого и друга». Его жена не дала ему яда, но стала любовницей того самого человека, через которого, как было сказано, должна была дать яд. Действительно, и прелюбодеяние, и отравление происходит тайно, то и другое называется «злоумышлением», кроме того, прелюбодейка, как и отравительница, не любит своего мужа. При этих обстоятельствах он вскоре покинул свою жену — ведь смерть освобождает от всего, а яд имеет то же значение, что и смерть.

72. Далее. Когда боги одеты не в свою обычную одежду, находятся в неподходящем для них месте и ведут себя не так, как им свойственно, то что бы они ни сказали, все будет ложью и обманом. Поэтому следует обращать внимание на все — на того, кто говорит, на то, что сказано, на место, на поведение и на одежду говорящего. Кифаристу Хрисампелу, судящемуся по поводу обращения в рабство некоего молодого человека, приснилось, что он видит Пана, который сидит на рыночной площади, одетый в римскую одежду и обувь. На вопрос относительно процесса Пан ответил: «Ты победишь». Разумеется, как это явствовало из сна, он проиграл — ведь любящий безлюдье, чуждый судам бог, владеющий только оленьей шкурой, пастушьим посохом и свирелью, сидел во сне на рыночной площади в городской одежде.

Точно так же толкования сновидений, данные во сне, если они будут простыми, считай самодостаточными и содержащими в себе свое толкование и не ищи символического смысла в том, что уже истолковано. А если эти толкования не будут простыми, то попытайся их объяснить и разделить на составные части. Например, Плутарху приснилось, что под водительством Гермеса он восходит на небо...⁵⁸ На следующий день во сне некто истолковал ему сон и сказал, что он станет блаженным — таково значение и восхождения на небо и чувства необыкновенного счастья. Плутарх был болен в это время, тяжело страдал из-за болезни и вскоре умер. Это предсказал сон и его истолкование — ведь восхождение на небо для больного предвещает гибель, а большое счастье — знак смерти, ибо счастлив только тот, над кем не властны более жизненные невзгоды. А таким является только умерший.

73. Видеть вместе тех богов, которые считаются врагами, например, Ареса и Гефеста, Посейдона и Афину, Зевса и Крона, олимпийских богов и титанов, предвещает вражду и раздор.

74. Видеть всех тех богов, которые споспешествуют занятиям сновидца, лучше, чем тех, которые чужды его занятиям. Не к добру видеть богов, враждебных занятиям сновидцев, например, для водозовов пагубен Гефест, для медников — Ахелой, а для сводников — Артемиды.

(Продолжение следует)

⁵⁸ Лакуна установлена Герхером. Им же предложено дополнение: «он чувствует себя совершенно счастливым».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
 АНСИ — Античная нумизматика Северного Причерноморья. Киев, 1982
 ТОНИАМ ГЭ — Труды Отдела истории и искусства античного мира Государственного Эрмитажа. Т. I. Л., 1945
 ЖМНП — Журнал Министерства народного образования
 ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
 ИАК — Известия Археологической Комиссии
 ИБАИ — Известия на Българския Археологически институт
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НвС — Нумизматика и сфрагистика
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ПДИСЭП — Проблемы древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986
 ПЮЗГ — Памятники Юго-Западной Грузии
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СГМИИ — Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
 СХМ — Сообщения Херсонесского музея
 СЭ — Советская этнография
 AJA — American Journal of Archaeology
 AJN — American Journal of Numismatic
 AJPh — American Journal of Philology
 AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
 ATL — *B. D. Moritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor. The Athenian Tribute Lists. V. I. Cambridge, Massachusetts, 1939; v. II—IV. Princeton, 1949—1953*
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BdA — Bolletino d'Arte
 BSA — The Annual of the British School at Athens
 CAH — Cambridge Ancient History
 CBM — Catalogue of the British Museum
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 CIPh — Classical Philology
 DGE — *Schwyzler. Dialectorum Graecorum exempla epigraphica potiora. Leipzig, 1923*
 FGrH — *F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1923*
 HZ — Historische Zeitschrift
 IAMS — Institute of Archaeo-Metallurgical Studies
 IDR — Inscriptiones Daciae Romanae. București, 1977
 IG — Inscriptiones Graecae
 IJNA — International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration
 INC — International Numismatic Congress. London, 1936
 IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
 ISM — Inscriptiones Scythiae Minoris. București, 1980
 JdI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
 JHMS — Journal of Historical Metallurgy Society
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JRS — Journal of Roman Studies
 MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan

- MDAI — Mémoires de la Délégation Archéologique en Iran
 ML — A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Cent. B. C.
 Ed. by R. Meiggs and D. Lewis. Oxford, 1969
 NC — Numismatic Chronicle
 Not. Dig. — Notitia Dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi
 provinciarum / Ed. O. Seeck. Berolini, 1876
 ORLR — Der Obergermanisch-Raetische Limes
 Pnyx — V. R. Grace. Stamped Wine Jar Fragments. Pnyx. Hesperia. Suppl. X. 1956.
 RA — Revue archéologique
 HAAO — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale
 RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bear-
 beitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll
 REA — Revue des études anciennes
 Recueil — E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineu-
 re. Paris, 1904
 REG — Revue des études grecques
 REL — Revue des études latines
 SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum
 SIG — W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecorum. V. I—IV. Leipzig, 1915—
 1924
 SNG — Sylloge Nummorum Graecorum
 ZfN — Zeitschrift für Numismatik

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Антонова Е. В.</i> (Москва) — Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии	3
<i>Хоф ван А.</i> (Неймеген) — Женские самоубийства в античном мире: между вымыслом и фактами	18
<i>Черняк А. Б.</i> (Ленинград) — Тацит о венедах (Gerh. 46.2)	44

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Созник В. В.</i> (Севастополь), <i>Цецзладае Г. Р.</i> (Москва) — Колхидские амфоры эллинистического периода в Херсонесе (<i>К вопросу об экономических связях Колхиды и Херсонеса</i>)	61
<i>Ефремов Н. В.</i> (Грайфсвальд) — О некоторых эмблемах в синопских керамических клеймах	68
<i>Зубарь В. М., Антонова И. А.</i> (Киев) — Об интерпретации и датировке клейм с аббревиатурой VEM I из Херсонеса	80

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Цивилизация доколумбовой Мезоамерики: новые открытия и новые интерпретации (Международный «круглый стол»)	89
<i>Гуляев В. И.</i> (Москва) — Второе открытие цивилизации майя	91
<i>Уилли Г. Р.</i> (Гарвард) — Политическая жизнь древних майя	105
<i>Ла Гарса де М.</i> (Мехико) — О религиозном значении пластического искусства майя	117
<i>Дорадо М. Р.</i> (Мадрид) — Общество и идеология: комментарии из Ошкитока	130

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Самозванцева Н. В.</i> (Москва) — Исторические сведения об Индии в записках Фа Сяня и Сюань Цзана	144
<i>Строгосцкий В. М.</i> (Нижний Новгород) — Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза	158
<i>Пичикаян И. Р.</i> (Москва) — Город Бранхидов	168
<i>Сапрыкин С. Ю.</i> (Москва) — «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Повтийского царства	181

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Новалева Н. А., Рапопорт Ю. А.</i> (Москва) — Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма	198
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Яйленко В. П.</i> (Москва) — Из истории антиковедения в Российской Академии наук: записка В. В. Латышева об ученых трудах М. И. Ростовцева	215
<i>Фрегер П. М.</i> (Оксфорд) — Михаил Ростовцев: иллюстративность и обновления	220

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Гаспаров М. Л.</i> (Москва) — И. В. Шта ль. Эпические предания Древней Греции: Гераномахия. Опыт типологической и жанровой реконструкции. М., 1989	223
<i>Полонская К. П.</i> (Москва) — Н. А. Ч истя ко ва. Эллинистическая поэзия. Литература, традиции и фольклор. Л., 1988	225
<i>Виноградов Ю. Г.</i> (Москва) — M. G u a r d u c c i. L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero. Istituto poligrafico e zecca dello stato. Libreria dello stato. Roma, 1987	229
<i>Трейстер М. Ю.</i> (Москва) — E i s e m a n C. J., R i d w a y B. S. The Porticello Shipwreck. A Mediterranean Merchant Vessel of 415—385 B. C. College Station: Texas A & M University Press, 1987	233
<i>Коротких Л. М.</i> (Воронеж) — Этнокультурные контакты Западного и Восточного Средиземноморья (По материалам фокейской колонизации Испании)	239

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Озотников С. Б. (Одесса) — Одесский Археологический музей АН УССР 247

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Браунд Д. С. (Эксетер, Англия), *Цецхладзе Г. Р.* (Москва) — Советско-английский симпозиум «Колхида и античный мир» (Лондон — Оксфорд, 30 апреля — 7 мая 1990 г.) 252

Китов Георги (София) — Перспективы развития фракологии в Болгарии и Первая региональная конференция «Фракийская культура в Родопах и верховьях Марицы, Месты и Струмы» 253

ПРИЛОЖЕНИЕ

Артемидор Далдианский. Сонник. Книга IV. Перевод и комментарии *И. А. Левинской* под общей редакцией *Я. М. Боровского* (продолжение) 255

CONTENTS

E. V. Antonova (Moscow) — Towards an Interpretation of the Anthropomorphic Images that Appear on Iranian and Mesopotamian Seals 3

Anton J. L. van Hooff (Nijmegen) — Female Suicide between Ancient Fiction and Fact 18

A. B. Chernyak (Leningrad) — Tacitus on the Veneds (Germ. 46. 2) 44

PUBLICATIONS

V. V. Soznik (Sevastopol), *G. R. Tsetskhladze* (Moscow) — Colchian Amphorae of the Hellenistic Period in Chersonese (Towards Determining the Economical Relations between Colchis and Chersonese) 61

N. V. Yefremov (Greifswald) — On Some Emblems of the Stamped Ceramics from Sinope 68

V. M. Zubar', I. A. Antonova (Kiev) — Towards Interpreting and Dating the Stamps with the Abbreviation *VEMI* from the Chersonese 80

DISCUSSION

The Civilization of pre-Columbian Mesoamerica: New Discoveries and New Interpretations (International «Round table») 89

V. I. Gulyayev (Moscow) — The Second Discovery of the Maya Civilization 91

G. R. Willy (Harvard) — Political Life of the Ancient Maya 105

M. de La Garsa (Mexico) — On the Religious Meaning of the Plastic Mayan Art 117

M. R. Dorado (Madrid) — Society and Ideology: Commentaries from Oshkintok 130

REPORTS AND COMMUNICATIONS

N. V. Samozvantseva (Moscow) — Historical Information about India in the Memoirs of Fa-Xian and Xuan-Sang 144

V. M. Strogetsky (Nizhniy Novgorod) — The Problem of Callias' Peace and Its Significance for the Evolution of the Delian League 158

I. R. Pichikyan (Moscow) — The City of the Branchids 168

S. Yu. Saprykin (Moscow) — «Eupator's Law on Inheritance» and Its Role in the History of the Pontic Kingdom 181

ANCIENT CIVILIZATION: NEW DISCOVERIES

N. A. Kovaleva, Yu. A. Ropoport (Moscow) — Mourning Scene from the Khoesm Mural 198

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

V. P. Yailenko (Moscow) — From the History of Classical Studies in the Russian Academy of Sciences: Notes by Prof. V. V. Latyshev Concerning Rostovtsev's Works	215
P. M. Fraser (Oxford) — Michael Rostovtzeff: Illustration and Renovation	220

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

M. L. Gasparov (Moscow) — I. V. Shta'l'. Epicheskiye predaniya Drevney Gretsii: Geranomakhiya. Opyt tipologicheskoy i zhanrovoy rekonstruktsii. M., 1989	223
K. P. Polonskaya (Moscow) — N. A. Chistyakova. Ellinisticheskaya poeziya. Literatura, traditsii i folklor. L., 1988	225
Yu. G. Vinogradov (Moscow) — M. Guarducci. L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero. Istituto poligrafico e zecca dello stato. Libreria dello stato. Roma, 1987.	229
M. Yu. Treyster (Moscow) — E. S. Eisman, C. J., R. D. W. A. B. S. The Porticello Shipwreck. A Mediterranean Merchant Vessel of 415—385 B. C. College Station: Texas A & M University Press, 1987	233
L. M. Korotkikh (Voronezh) — Ethno-Cultural Contacts of Western and Eastern Mediterranean Areas (After the Materials of the Ptolemaic Colonization of Spain)	239

IN WORLD MUSEUMS

S. B. Okhotnikov (Odessa) — Odessite Archaeological Museum of the Ukrainian Academy of Sciences	247
---	-----

SCIENTIFIC EVENTS

D. S. Braund (Exeter, England), G. R. Tsetskhladze (Moscow) — Soviet-English Symposium «Kolchide and Classical World» (London — Oxford, April 30 — May 7, 1990)	252
Kitov Georgy (Sofia) — Prospects of the Development of Thracology in Bulgaria and the 1 st Regional Conference «Thracian Culture in the Rhodopes and the Upper Maritsa, Mesta and Struma»	253

SUPPLEMENT

Artemidorus. Oneirocritica. Book IV. Translated by I. A. Levinskaya. Ed. by Ya. M. Burovsky	255
---	-----

Технический редактор Н. П. Торчигина

Сдано в набор 20.02.91	Подписано к печати 09.04.91	Формат 70x100 ^{1/16}
Офсетная печать	Усл. печ. л. 22,1	Усл. кр.-отт. 163,9 тыс.
	Тираж 7335 экз.	Уч.-изд. л. 24,7
	Зак. 1114	Бум. л. 8,5
	Цена 3 р.	

Адрес редакции: 117334 Москва, Ленинский пр-т, 32 А, комн. 1501
 Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 938-19-12
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6